ДАГЕСТАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Эфендиев Исрафил Исмаилович

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации
(нахско-дагестанские языки)

Махачкала 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.. 3
Некоторые теоретические вопросы языковых контактов... 10
Из истории изучения иранизмов в дагестанских языках.... 18
ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИРАНО-НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ............ 31
ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ.. 50
Человек и общество.. 51
Материальная и духовная культура................................ 71
Природа.. 97
Личные имена.. 113
ГЛАВА III. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.............. 126
Персидские заимствования в лексико-семантической системе нахско-дагестанских языков.. 126
Семантическое развитие персидских заимствований......... 140
Синонимия, антонимия и омонимия в заимствованиях..... 161
Фразеологизация персидских заимствований................ 172
Заимствование персидских фразеологических единиц...... 181
ГЛАВА IV. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.. 191
Освоение в области вокализма...................................... 193
Освоение в области консонантизма................................ 218
Метатонические явления в персидских заимствованиях.... 240
ГЛАВА V. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.. 243
Категория грамматических классов.............................. 248
Категория числа персидских заимствований.................. 252
Морфологическая деривация персидских заимствований... 257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.. 275
ЛИТЕРАТУРА.. 284
Сокращенные названия языков.................................... 318
Алфавитный указатель заимствований......................... 319

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Рассмотрение заимствования как одного из самых динамических процессов современных языков, как способа их развития и обогащения является важной общелингвистической проблемой, ставшей актуальной в последние десятилетия в связи с активной разработкой различных аспектов взаимодействия языков.

Давно стало аксиомой положение о том, что всестороннее изучение лексических заимствований в языке имеет как лингвистическое, так и большое культурно-историческое значение. Заимствованные слова являются следствием не только языковых взаимоотношений, но и соприкосновений различных материальных и духовных культур. Автохтонные народности Северо-Восточного Кавказа в далеком прошлом были свидетелями активных исторических передвижений по их территории многочисленных племен и народов, относящихся к разным этническим группам. Установление постоянных контактов с пришлыми народами, часто оседавшими здесь, не могло не отразиться на языках местного населения. Древний пласт лексики восточнокавказских языков свидетельствует о тесных связях вайнахов и дагестанцев с народами, говорящими на языках разных лингвистических семей.

Г.А. Климов отмечал: “Языковая действительность Кавказа предоставляет контактологическим наблюдениям благодатную почву. И хотя на более ранних этапах истории здесь должны были преобладать центробежные тенденции, с постепенной концентрацией общественной жизни возрастал и объем процессов языковой интерференции, получивших самое различное выражение... Элементарным следствием контактов явились здесь многочисленные заимствования и кальки, с которыми приходится считаться на различных уровнях языковой структуры... Особый интерес ареальные исследования на Кавказе вызывают потому, что Кавказ длительное время соприкасался с периферией древнепереднеазиатского культурного круга. Естественно ожидать в этой связи, что они мо-

гут привести к некоторым выводам культурно-исторического порядка” [Климов 1991: 8].

Следовательно, рассмотрение иноязычного влияния на языковую систему нахско-дагестанских языков в сравнительном аспекте, обобщение результатов изучения функциональных особенностей заимствований в языках данной лингвистической семьи могут оказать исключительно важную помощь как в вопросах изучения этих языков, так и в изучении истории народов. Важность и актуальность объекта данного исследования вытекает, прежде всего, из насущных проблем ареального и сравнительно-исторического изучения нахско-дагестанских языков, имеющих как теоретическое, так и большое практическое значение.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является определение на основании письменных лексикографических источников и других исторических данных роли и места персидских лексических элементов в структуре восточнокавказских языков. В работе предпринята попытка систематизировать существующий материал и выразить основные результаты длительных ирано-нахско-дагестанских языковых контактов. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1) определить происхождение, пути и способы проникновения персидских лексических элементов в нахско-дагестанские языки. Дело в том, что пока еще остаются нерешенными многие вопросы, связанные с выявлением и разграничением в нахско-дагестанских языках исконной и восточной по происхождению лексики, вследствие чего в лексикографических работах нередко встречается неточный этимологический анализ (в кавказоведческой литературе неоднократно отмечалось, что отсутствие востоковедческой подготовки неблагоприятно сказывается на разграничении исконной и заимствованной лексики). В свою очередь и заимствованный материал нуждается в подобном анализе, так как в самом персидском языке с его преемственной традицией отложено значительное количество иноязычной по происхождению лексики и даже “самое общее со-

поставление исконно персидских слов и заимствований свидетельствует о значительном превосходстве последних” [Рубинчик 1991: 150];

2) уточнить количественный состав иранских заимствований в нахско-дагестанских языках. Здесь следует обратить внимание на то, что часть среднеперсидской по происхождению лексики, усвоенная арабским языком и через него вошедшая в нахско-дагестанские языки, в лексикографических пособиях часто фиксируется как арабские заимствования. В таких случаях мы включали данные лексемы в число восточнокавказских иранизмов с указанием на арабское посредничество;

3) исследовать способы фонетического освоения персидских заимствований в различных нахско-дагестанских языках, включая и метатонические явления, а также выявляющиеся при этом общие и специфические закономерности;

4) определить процессы, происходящие при морфологическом освоении персидских заимствований в рассматриваемых языках;

5) выявить особенности лексико-семантического освоения персидской лексики, в т.ч. явления синонимии, омонимии и др.;

6) определить функциональный статус персидских заимствований в различных нахско-дагестанских языках;

7) провести лексико-тематическую, морфологическую, а также фразеологическую классификацию персидских заимствований. Предварительный анализ исконного и заимствованного фразеологического материала позволяет выделить следующие типы фразеологических единиц в нахско-дагестанских языках: а) полное заимствование – переход устойчивого сочетания слов в заимствующий язык с соблюдением формальных (структурных) и содержательных (лексико-семантических) характеристик; б) полузаимствование (полукалька) – переход части компонентов иноязычного фразеологического оборота без перевода, а части – с переводом; в) семантическое заимствование (калька) – заимствование оборота речи путем буквального перевода;

8) дать сравнительную характеристику персидских заимствований в нахско-дагестанских языках с фонетической, морфологической и функционально-семантической точек зрения;

9) суммировать результаты отдельных исследований по проблеме иранских заимствований в дагестанских языках.

Научная новизна. Работа представляет собой первый опыт комплексного историко-лингвистического исследования ирано-нахско-дагестанских языковых контактов, в котором впервые проведена классификация персидских заимствований по функционально-семантическим признакам, дающая представление о сферах воздействия персидского языка на лексику восточнокавказских языков, рассмотрены и обобщены проблемы лексико-семантической, фонетической, морфологической адаптации и фразеологизации персидских заимствований.

Вопросы изучения иранизмов в нахско-дагестанских языках до последнего времени не служили предметом систематического изучения и получили лишь разрозненное фрагментарное освещение в специальной литературе. Следовательно, попытка проследить историю ирано-нахско-дагестанских языковых контактов, охарактеризовать их экстралингвистические предпосылки, выявить и системно проанализировать иранский пласт словарного состава нахско-дагестанских языков должна восполнить данный пробел в кавказском языкознании.

Теоретическая и практическая значимость. Изучение ирано-нахско-дагестанских языковых контактов имеет важное научно-теоретическое и практическое значение, так как оно, в конечном итоге, конкретизирует факты процессов функционирования заимствованной лексики в восточнокавказских языках, ареальные связи которых представляют особый научный интерес. Результаты исследования могут пролить свет на отдельные моменты истории восточнокавказских народов и их языков на фоне их контактирования с носителями языков иных лингвистических систем.

Результаты исследования должны содействовать дальнейшим изысканиям и изучению иноязычной лексики в нахско-дагестанских языках. Они могут найти практическое применение, в частности, в достижении объективных результатов в сравнительно-исторических исследованиях. Материалы и положения диссертационной работы могут быть использованы при написании некоторых разделов по лексикологии нахско-дагестанских языков. Несомненную пользу она принесет и при составлении этимологических словарей, создание которых диктуется необходимостью более глубоких этимологических исследований восточнокавказских языков. Исследования автора могут также использоваться в практике вузовского преподавания при изучении студентами лексикологии национальных языков.

Методика исследования. В зависимости от исследуемого материала и конкретных целей исследования применяются различные методы, основными из которых являются сравнительно-исторический, описательный и сопоставительный. Данные методы в совокупности дают возможность подвергнуть анализу вхождение персидских заимствований в систему нахско-дагестанских языков и выделить критерии для их разграничения.

Источники и материалы исследования. Лингвистический материал черпался, как правило, из двуязычных национально-русских и русско-национальных словарей, а также из художественных и фольклорных произведений на нахско-дагестанских языках.

Для анализа и сопоставления семантических изменений в заимствованных словах использованы: толковый словарь персидского языка М. Моина (محمد معین. فرهنگ فارسی. جلد ۱-۶. تهران، ۱۳۴۲), который является, по мнению специалистов, одним из наиболее ярких словарей, отражающих лексику классического персидского языка; из переводных словарей использовался словарь И.Д. Ягелло [1910], словарь М.А. Гаффарова [1914-1928], в котором часть слов удачно паспортизирована иллюстрациями из

классической литературы, а также двухтомный персидско-русский словарь под редакцией Ю.А. Рубинчика [1970], достаточно полно отражающий современное состояние семантической системы персидского языка.

При отсутствии словарей по бесписьменным языкам нами был использован лексический материал, отраженный в различных грамматических очерках по нахско-дагестанским языкам и специальных статьях (см. список литературы). В частности, в работе использованы следующие лексикографические работы:

нахские языки: чеченско-русский словарь А.Г. Мациева [1961] (около 20000 слов); чеченско-ингушско-русский словарь А.Г. Мациева и И.А. Оздоева [1962]; русско-чеченско-ингушский словарь А.Г. Мациева, И.А. Оздоева и З.О. Джамалханова [1966]; сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов И.Ю. Алироева [1975]; русско-чеченский словарь А.Т. Карасаева и А.Г. Мациева [1978]; русско-ингушский словарь И.А. Оздоева [1980], включающий около 40000 слов и др.;

аваро-андо-цезские языки: основные источники – аварско-русский словарь Л.И. Жиркова [1936]; аварско-русский словарь М.-С. Саидова [1967]; русско-аварский словарь М.-С. Саидова и Ш.И. Микаилова [1951], включающий около 37000 слов; русско-аварский словарь И.А. Исакова и М.-Р. Хайбулаева [1992], объединивший более 10000 слов; бежтинско-русский словарь М.Ш. Халилова [1996], содержащий около 7000 слов; цезско-русский словарь М.Ш. Халилова [1999], включающий около 7500 слов; чамалинско-русский словарь П.Т. Магомедовой [1999], содержащий около 8000 слов; гунзибско-русский словарь И.А. Исакова и М.Ш. Халилова [2001], включающий в себя около 7000 слов; каратинско-русский словарь П.Т. Магомедовой и Р.Ш. Халидовой [2001], включающий в себя 8000 слов;

даргинский язык: основные источники – русско-даргинский словарь С.Н. Абдуллаева [1950] и русско-даргинский словарь М.-Ш.А. Исаева [1988] (около 11000 слов);

лакский язык: основные источники – лакско-русский словарь С.М. Хайдакова [1962], включающий в себя около 13000 слов; русско-лакский словарь Г.Б. Муркелинского [1953], объединивший около 34000 слов и русско-лакский словарь Н.С. Джидалаева [1987] (около 10000 слов);

лезгинские языки: основные источники – лезгинско-русский словарь Б.Б. Талибова и М.М. Гаджиева [1966] (около 28000 слов); русско-лезгинский словарь М.М. Гаджиева [1950], включающий около 35000 слов; русско-лезгинский словарь Б.Б. Талибова [1992], объединивший около 12000 слов; табасаранско-русский словарь Б.Г.-К. Ханмагомедова и К.Т. Шалбузова [2001], который содержит около 25000 слов; русско-табасаранский школьный словарь А. Гаджиева [1957] (более 16000 слов); русско-табасаранский словарь В.М. Загирова [1988] (около 10000 слов); будухско-русский словарь У.А. Мейлановой [1984], включающий около 8000 слов и удинско-азербайджанско-русский словарь Г. Ворошила [1974].

Дополнительные сводные источники по нахско-дагестанским языкам, использованные в работе: “Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков” [1971], “Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков” С.М. Хайдакова [1973]; “Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика” А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасова [1990]; “Северокавказский этимологический словарь” С.Л. Николаева и С.А. Старостина [1994]; “Словарь кавказских языков” Г.А. Климова, М.Ш. Халилова, а также рукописные материалы “Сравнительного словаря дагестанских языков” Б.Б. Талибова.

В работе использована также специальная литература по отдельным нахско-дагестанским языкам, содержащая тексты и словники. Иллюстра-

тивный материал по бесписьменным языкам извлечен из соответствующих национально-русских словарей. Паремиологический материал по отдельным языкам предоставили: д.ф.н. М.А. Исаев (дарг. язык), д.ф.н. К.К. Курбанов (таб. язык), д.п.н. К.Э. Джамалов (рут. язык), к.ф.н. Н.Г. Исаев (цах. язык), к.ф.н. Н.Б. Курбайтаева (лак. язык), к.ф.н. М.И. Магомедов (авар. язык), к.ф.н. А.А. Рашидов (лезг. яз).

Апробация исследования. Рукопись диссертации обсуждена на расширенном заседании кафедры русского языка с курсом подготовительного отделения Дагестанской государственной медицинской академии с участием специалистов Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН и Дагестанского госуниверситета. Основные положения работы отражены в монографиях автора: “Персидская лексика в нахско-дагестанских языках” (Махачкала, 2003); “Иранизмы в лезгинском языке” (Махачкала, 2000); “Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке” (Махачкала, 2001 – совместно с С.М. Забитовым); “Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке” (Махачкала, 2002 – совместно с Н.Б. Курбайтаевой); “Словарь ориентализмов в аварском языке” (Махачкала, 2002 – совместно с К.Г. Халиковым). Концептуальные положения исследования докладывались на различных научно-практических конференциях по проблемам иберийско-кавказских языков в Москве, Тбилиси, Махачкале и др. По теме диссертации опубликовано 27 работ.

Объем и структура исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и сокращений, изложенных на 318 страницах, а также алфавитного указателя иранизмов.

Некоторые теоретические вопросы языковых контактов

В функционировании и развитии любого языка важнейшую роль играют языковые контакты, ибо, как известно, в мире не существует языков, развитие которых протекало бы изолированно от внешних языковых факторов. Поэтому вполне объективно одной из первостепенных задач

лингвистической науки считается изучение проблемы межъязыковых контактов. Проблема языкового контакта особенно актуализировалась в последние десятилетия. Это связано, в первую очередь, с активной разработкой различных аспектов взаимодействия языков.

Межъязыковые контакты (ранее в литературе употреблялся термин "языковое смешение", введенный в употребление Г. Шухардтом) в социально-лингвистическом аспекте издавна привлекают внимание лингвистов. Г. Шухардт считал, что "среди тех проблем, которыми в настоящее время занимается языкознание, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смешения. Она должна быть подвергнута тщательному изучению прежде всего там, где имеются наиболее благоприятные условия как для наблюдения самого процесса смешения, так и для научного его изучения" [Шухардт 1950: 175]. Он полагал, что именно языковое смешение является основной причиной происходящих в языке изменений, и выдвинул тезис о том, что несмешанных языков не существует [там же: 177].

Термин "языковые контакты" был впервые предложен А. Мартине, но широкое распространение получил после выхода в свет работы У. Вайнрайха "Языковые контакты" (U. Weinreich. Language in Contact. – N.Y.: 1955). Рассматривая психологическую и социокультурную обстановку языкового контакта, У. Вайнрайх отмечает в числе формирующих ее факторов такие проявления традиционного сознания или поведения, как отношение двуязычного индивида к языкам, размер двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или дифференциация, социальные и политические отношения между этими подгруппами, доминирование двуязычных лиц, престиж, отношение к культуре каждого из сообществ, отношение к двуязычию как таковому [Вайнрайх 1979: 25].

Следствием языковых контактов можно считать как взаимовлияние двух контактирующих языков, так и одностороннее влияние доминирующего языка.

А. Росетти, освещая вопросы языкового смешения, отмечал, что "языков, абсолютно лишенных каких-либо элементов смешения, нет, и это означает, что все языки в той или иной мере смешаны" [Росетти 1972: 117].

Непосредственным результатом взаимовлияния (взаимодействия) языков является заимствование. Под заимствованием принято понимать процесс проникновения элементов из одного языка в другой. Заимствованными элементами могут быть единицы разных уровней, фонемы, морфемы, структуры слов, словосочетаний. А. Мартине, говоря о языковых контактах, обусловленных социально-культурными факторами, подчеркивал, что любое взаимодействие языков никогда не остается без последствий для их систем и вызывает хотя бы незначительные изменения в их лексических, фонетических и грамматических системах [Мартине 1963: 525–526].

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной лингвистике проблемам заимствования посвящено значительное количество работ, в науке не решен основной теоретический вопрос "что такое заимствованное слово?" и в связи с ним вопрос о классификации иноязычных слов.

Анализируя работы по этой проблеме, можно сделать вывод, что термин "заимствование" применяется не только для обозначения процесса вхождения иноязычных единиц в принимающую языковую среду, но и для обозначения самих заимствованных единиц. Появилось противоречие между традиционными схемами объяснения заимствования, сложившимися в основном еще в XIX в., и новыми представлениями о языковых процессах и структуре языка, распространившимися во второй половине XX в. (различные взгляды на важнейшие аспекты заимствования, представленные в отечественной и зарубежной литературе, освещены в работе Т.Г. Линник [1989]).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что термин "заимствование" существует, по крайней мере, в двух значениях – узком и широ-

ком. Под первым значением понимают переход элементов одного языка в другой, "обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов" [Ахманова 1966: 150-151].

Под вторым значением термина "заимствование" понимают приобретение языком-рецептором любого иноязычного элемента – фонетического, семантического, грамматического и др. Данная трактовка представлена во многих трудах отечественных и зарубежных исследователей [Пауль 1960: 461 и след.; Пизани 1956: 56; Климов 1970: 285 и след.; Блумфильд 1968: 487 и след.].

Итак, можно констатировать, что термин "заимствование" в литературе применяется как для обозначения процесса перенесения языковых единиц из одного языка в другой, так и для обозначения результатов данного процесса.

При рассмотрении заимствования как процесса нам представляется необходимым придерживаться наиболее распространенной трактовки данного явления, рассматриваемого Л.П. Крысиным [1965: 108] как процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой, т.е. перемещения единиц различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. При рассмотрении заимствования как результата данного процесса, несмотря на существование различных точек зрения, мы разделяем мнение Л.П. Ефремова, рассматривающего заимствования как "слова, которые как единство определенного значения и определенного звучания восходят к иноязычным прототипам, то есть слова, появление которых в языке обусловлено иноязычным влиянием, а не оригинальным словообразованием" [Ефремов 1959: 5].

Отсутствие общепринятой точки зрения на то, что такое заимствование, определяет и разное понимание термина "заимствованное слово". В последнее время в многочисленных работах, посвященных проблемам

заимствования, приводятся, как правило, две различные точки зрения по этому вопросу.

Первую точку зрения представляет определение О.С. Ахмановой [1966: 151], согласно которому заимствованное слово – это слово, появившееся в данном языке в результате заимствования.

Вторую точку зрения представляет определение Л.П. Крысина [1965: 32-35], по которому к заимствованным словам причисляются только те иноязычные слова, которые полностью освоены системой языка-рецептора и не ощущаются носителями языка как иноязычные.

Мы полагаем, что причины различного толкования термина "заимствованное слово" заключаются в том, что критерии, которые могут послужить определением иноязычных слов, относятся к разным планам: диахроническому и синхронному. При диахроническом подходе иноязычные слова, независимо от степени их освоения, считаются заимствованными. При синхронном подходе заимствованные слова рассматриваются с точки зрения их функционирования и степени освоенности.

Следует отметить, что в науке не существует какой-либо определенной классификации заимствованных слов, так как в основу выделения заимствованного слова кладутся разные принципы.

Немецкие лексикологи начала XX века применяли в своих работах термины "заимствованные слова" (Lehnwörter) и "иностранные слова" (Fremdwörter). В основе их деления лежат два признака – функциональный (характер употребления слова) и формальный (степень фонетического и морфологического освоения). Слова, освоенные и функционально и формально, называются заимствованными, а неосвоенные – иностранными [Пауль: 1960].

Ю.Д. Дешериев, говоря о языковых контактах, отмечает как контактные, так и неконтактные заимствования. "Контактными мы называем заимствования, которые обусловлены повседневным контактом между носителями взаимодействующих языков в быту, в общественной жизни.

Контактными являются заимствования из русского в подавляющем большинстве языков народов СССР. Языковые факты, заимствуемые одним языком из другого, при отсутствии живого контакта между их носителями (народами) в быту, в общественной жизни мы называем неконтактными. Таковыми являются, например, в русском языке заимствования из английского, немецкого, французского, сюда же относятся арабо-персидские заимствования во многих языках народов Кавказа и Средней Азии" [Дешериев 1966: 108].

О.Б. Шахрай [1961: 53], обращаясь к данной проблеме, отмечал, что, несмотря на то, что явлениям лексического заимствования и освоения иноязычной лексики посвящено немало исследований, необходимо дальнейшее изучение проблемы классификации слов иноязычного происхождения в зависимости от изменений, которым они подверглись в процессе заимствования или после него, а также в зависимости от их "статуса" в заимствующем языке сравнительно с исконной лексикой.

Подробно формулирует принципы классификации заимствований Л.П. Крысин [1968], выделяя следующие признаки освоенности слова, необходимые, по мнению исследователя, для того, чтобы считать заимствования вошедшими в лексическую систему языка:

а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка;

б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями;

в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе;

г) для слова литературного языка – употребление не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина – регулярное употребление в определенной терминологической сфере [Крысин 1968: 42-43].

Несмотря на то, что в языкознании существуют различные мнения относительно классификации иноязычных слов [Опельбаум 1971: 248; Шахрай 1961: 54; Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 84-92; Пизани 1956: 60-61], исследователи обычно придерживаются одной из двух классификаций заимствованных слов в разных языках, предложенных Р. А. Будаговым и А.А. Реформатским.

Р.А. Будагов [1965: 129] классифицирует заимствованные слова по следующим показателям:

а) степень связи с заимствованными вещами или понятиями;

б) источник (прямой или косвенный), из которого слово заимствуется;

в) состав (заимствуется само слово или калька);

г) степень проникновения и характер ассимиляции в новой языковой среде;

д) своеобразие смысловых изменений, которым подвергаются заимствования в системе другого языка.

А.А. Реформатский [1955: 115-117] уделяет приоритетное внимание путям проникновения иноязычной лексики и подразделяет их, исходя из следующих обстоятельств:

а) происходит заимствование устным или письменным путем;

б) идет ли оно непосредственно из языка-источника или же через посредников;

в) происходят ли заимствования внутри одного языка;

д) заимствуется само слово или калька.

Одним из важных вопросов в изучении проблем языковых контактов является калькирование языковых единиц. Данный вопрос остается слабо разработанным в современном языкознании, и поэтому не существует общепринятого определения понятия кальки как результата описательного перевода.

Большинство языковедов (Р.А. Будагов, А.А. Реформатский, Ж. Вандриес [1937], Б. Пизани [1955], А. Мартине [Martinet 1967] и др.) причисляют кальки к заимствованиям. То есть к заимствованиям относят не только заимствованные слова, но и их морфологическую структуру и семантическую мотивированность, которые передаются средствами родного языка. В связи с этим в лексикологии кальки часто рассматриваются как один из видов заимствования.

Некоторые лингвисты (Л.П. Ефремов, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг и др.) считают процесс калькирования и процесс заимствования разными способами освоения иноязычного слова, которые необходимо разграничить. При этом Л.П. Ефремов [1960] указывает на то, что возможности калькирования значительно уже возможностей заимствования. И.И. Ревзин и Ю. Розенцвейг [1964: 136], в свою очередь, опровергают данный тезис. Они считают, что "в результате регулярных языковых контактов происходит не только и не столько заимствование, сколько калькирование, изменение структуры значения слова по образцу структуры значения слов данного языка и образование новых слов и словосочетаний, воспроизводящих структуру иноязычных".

В нашей работе мы рассматриваем калькирование как один из способов заимствования, так как и при заимствовании и при калькировании язык усваивает обычно новое понятие. "Разница между калькированием и заимствованием только в том, что новое понятие усваивается разными языковыми средствами: то иноязычное название принимается целиком, в своей материальной форме, то берется только его модель, его структура, а оформляется это название своими языковыми средствами" [Якобсон 1968: 14].

Таким образом, заключая краткий обзор теоретической литературы по вопросам заимствования, можно сделать вывод, что в современном языкознании отсутствует единый взгляд на проблемы определения понятий "заимствование" и "заимствованное слово", не существует и обще-

принятого определения кальки, не решен также однозначно вопрос о классификации иноязычных слов.

Что касается иранских лексических заимствований в нахско-дагестанских языках, то мы полагаем, что основными критериями их освоенности являются полная ассимиляция в фонологической и грамматической системах заимствующего языка, высокая словообразовательная и фразеологическая активность, регулярность употребления в речи разных поколений.

Из истории изучения иранизмов в нахско-дагестанских языках

Разработанность вопросов влияния ориентализмов на исследуемые языки весьма неоднородна. Значительные успехи достигнуты в освещении проблем тюркско-восточнокавказских языковых контактов. Здесь в первую очередь следует отметить монографию Н.С. Джидалаева "К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов" [1972], в которой автор дает характеристику тюркско-дагестанским языковым контактам как социолингвистическому явлению на материале в основном азербайджанско-лакских языковых взаимоотношений. Тому же аспекту посвящена другая работа исследователя "Тюркизмы в дагестанских языках" [1990]. Монография явилась первой попыткой комплексного исследования тюркизмов в нескольких дагестанских языках: аварском, даргинском, лакском, лезгинском и табасаранском. Особое внимание в монографии привлекает корпус булгаризмов как наименее изученный аспект тюркско-дагестанских языковых контактов.

Другой крупной работой, посвященной истории тюркско-дагестанских языковых контактов, явилась монография В.Л. Гукасяна "Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков" [1973], в которой автор дал глубокий историко-лингвистический анализ азербайджанизмов в удинском языке.

Впервые детальный анализ тюркских и других восточных заимствований по источникам происхождения в нахских языках произвел

И.Ю. Алироев в своей работе “Нахские языки и культура” [1978]. В ней автор предложил лексико-тематическую классификацию ориентализмов и охарактеризовал основные языковые процессы, претерпеваемые заимствованиями в результате их усвоения нахскими языками.

Имеется довольно большое количество диссертационных работ, которые полностью или частично посвящены анализу влияния тюркских заимствований на нахско-дагестанские языки: А.М. Асланов [1965; 1982]; Н.С. Джидалаев [1972]; В.Л. Гукасян [1973]; А.Б. Кубатов [1973]; Т.Н. Эфендиев [1973]; Ш.Г. Абукаров [1977]; А.И. Гамидов [1982]; А.Н. Халунов [1998]; и др.

В последние годы проделана весьма существенная работа в плане выявления и анализа функционирования арабизмов в нахско-дагестанских языках. Наиболее значительный вклад в разработку проблемы освоения арабских заимствований внесен С.М. Забитовым. В его монографии “Арабизмы в лексике восточнокавказских языков” [Забитов 2001] впервые в нахско-дагестанском языкознании систематически исследуется проблема арабских заимствований в дагестанских и нахских языках, выявляются общие закономерности фонетического, морфологического и семантического их освоения в языках-рецепторах. Впервые предложен анализ заимствований с точки зрения их использования в паремиологии исследуемых языков. Специальные работы арабским заимствованиям посвятили Х.Г. Азаев [1973]; С.М. Забитов [1983]; Г.А. Климов, М.Ш. Халилов [1983]; Р.И. Гайдаров, Р.Р. Гасанова [1996]; Н.Б. Курбайтаева [1999]; З.Г. Курбанова [1999]; К.Г. Халиков [1999]; И.Г. Абдулжалилов [2002].

Кроме того, ценные сведения о функционировании арабизмов в восточнокавказских языках можно почерпнуть в работах по лексикологии С.М. Хайдакова [1961]; Р.И. Гайдарова [1966]; Х.Г. Азаева [1975]; Д.С. Самедова [1976]; М.-С.М. Мусаева [1978]; В.М. Загирова [1981];

М.Ш. Халилова [1981]; Ф.И. Гусейновой [1988]; М.Е. Алексеева, В.М. Загирова [1991]; Н.К. Шириновой [1997] и др.

Как уже отмечалось выше, проблемы ирано-дагестанских языковых контактов до последнего времени не служили предметом систематического изучения в кавказоведении и получали лишь фрагментарное освещение. Из языков иранской группы в наиболее продолжительных взаимоотношениях с языками восточнокавказской группы (особенно ее нахской подгруппы) находится осетинский язык, ареальные связи с которым оставили определенный отпечаток на исследуемых языках и ограничиваются в основном лексическими заимствованиями.

Проблема изучения следов воздействия осетинского языка на автохтонные восточнокавказские языки, неоднократно обсуждаемая в литературе, впервые широко была поставлена В. И. Абаевым, зарегистрировавшим целый ряд слов, проникших в них из языка потомков аланских племен [Абаев 1949: 333]. Говоря о вайнахских языках, В.И. Абаев отмечал, что, имея непосредственные контакты с аланами, вайнахи заимствовали большое число словарных единиц, а число нахизмов в осетинском языке невелико [Абаев 1959: 89-119].

Довольно значительный список осетинских заимствований в нахских языках приводит З.О. Мацаева, по мнению которой к ним относятся в основном названия из области флоры и фауны: осет. *хал(а)* ‘побег, былинка, нить’, *хатал* ‘побег’ – чеч. *хал* ‘стебель травы, отрезок нитки’; осет. *йау* ‘просо’ – чеч., инг. *йий* ‘пиво’; осет. *магІалда* ‘куколь’ – чеч. *мергІад*, инг. *мергІалди*; осет. *уис* ‘полоса скошенной травы’ – чеч. *кес//оьс* ‘полоса скошенной травы, сложенной вместе’; осет. *йамлыкк* ‘невыезженная лошадь’ – чеч. *эмалка*; осет. *дзанга* ‘овод’ – чеч. *зІуга* ‘оса’; осет. *макъил//микъил* ‘коршун’ – чеч. *маккхал*, инг. *меккхал*; осет. *ардонг* ‘стадо, гурт (свиней)’ – чеч. *ардангa*, инг. *ординг* ‘стая птиц, волков, свора собак’ и др.

К словам, обозначающим названия предметов и понятий материальной культуры, исследователь относит: осет. *алхой, алхойна* ‘брусок’ – чеч. *аьлха*; осет. *бахтар* ‘железная обувь, кошки’ – чеч. *бахтар* ‘подвязка, ремешок чувяка’; осет. *цаг* ‘кольцо, звено’ – инг. *чIега* ‘замок’; осет. *дагIал* ‘ключ’ – чеч. *догIа* ‘замок, ключ’, инг. *доагIа* ‘ключ’; осет. *станхъ//астанкъуа* ‘сафьян’ – чеч. *истанга*, инг. *истинг* ‘кошма’; осет. *караз* ‘навес, вышка’ – чеч. *караз* ‘столб для привязывания лошадей’; осет. *таскъ* ‘большая корзина для ношения на спине’ – чеч. *тускар* ‘корзина’; осет. *маскъ* ‘ступица’ – инг. *моска*; осет. *цыхт* ‘сыр’ – чеч. *чуьхьа*, инг. *чуьхьи* ‘сыр с рассолом’; осет *сир//сера* ‘каша из муки, сыворотки и масла’ – чеч. *шар* ‘пахта молочная’; осет. *кау* ‘плетень’ – чеч. *ков* ‘ворота, двор’; осет. *карт* ‘двор’ – чеч. *керт* ‘плетень, двор’; осет. *уардон//уардан* ‘подвода’ – чеч. *ворда*; осет. *гарз* ‘орудие’ – чеч. *гарз* ‘орудие’ – чеч. *герз* ‘оружие’, инг. *гердз*; осет. *къарит//къареда* ‘старая шубенка’ – чеч. *кетар* ‘шуба’; осет. *хъис//хъес, гъес* ‘волос, щетина’ – чеч. *кхес* ‘грива’ и др. [Мацаева 1999: 87].

В дагестанских языках аланизмы сравнительно малочисленны, однако не менее интересны в плане изучения культурного наследия прошлого. Посвященные им специальные работы содержат ценный фактический материал [см.: И.Х. Абдуллаев 1970; 1972; 1973; 1992; К.Ш. Микаилов 1972; 1973; З.Г. Абдуллаев 1973]. Отдельная глава диссертационного исследования О.И. Виноградовой [1980] посвящена дагестанско-осетинским лексическим параллелям и выявлению дагестанских аланизмов.

Заметный след в исследуемых языках оставил и среднеперсидский язык. Однако проблема определения среднеперсидских заимствований в лексике нахско-дагестанских языков до недавнего времени обсуждалась лишь эпизодически. Можно отметить исследование В.Г. Гукасяна, обратившего внимание на ряд древних заимствований в удинском языке. Исследователь выделяет среднеперсидские заимствования по последующим

основным признакам: слова, сохранившие "непередвижный" аффикс – *ак*, с гласными вариантами, выпавший в новоперсидском языке: *намакк* 'письмо', *дахттакк* 'доска', *памбакк* 'хлопок; вата', *ттаппакк* 'лохань', *ттумппакк* 'курдюк', *бажакк* 'бокал', *шафтталукк* 'персик', *нурдакк* 'почка' и т.д.; и слова, сохранившие среднеперсидский формант "*в*" вместо новоперсидского "*б*": *савук* 'легкий', *тавар* 'секира; топор', *тав* 'сила, мощь', *савах* 'утро' и др. [Гукасян 1973: 193-200].

Среднеперсидские заимствования в лексике цахурского языка анализируются в статье А.М. Асланова "О цахурских иранизмах" [1973: 147-152]. По мнению исследователя, можно условно выделить три диахронических периода вхождения иранизмов в цахурский язык: скифский, пехлевийский и персидский. Следует, однако, заметить, что среди приведенных в работе иранизмов имеется ряд слов, фонетический облик которых не дает возможность относить их непосредственно к среднеперсидскому источнику. Ср.: *джан* 'тело, душа' – ср.-перс. *jan* (ср.: перс. جان jān); *гардан* 'шея' – ср.-перс. *gartan* (ср.: перс. گردن gardan); *пIыз* 'губа' – ср.-перс. *pūz* (ср.: перс. پوز puz); *тахт* 'кушетка' – ср.-перс. *tāxt* (ср.: перс. تخت taxt); *камар* 'пояс' – ср.-перс. *kamar* (ср.: перс. کمر kamar); *хаста* 'больной' – ср.-перс. *xastak* (ср.: перс. خسته xaste); *азар* 'болезнь' – ср.-перс. *āzār* (ср.: перс. آزار āzār); *зиян* 'ущерб' – ср.-перс. *zıyān* (ср.: перс. زیان ziyān) и др.

Среднеперсидские заимствования, как часть лексики лезгинских языков, рассматриваются и в работе В.М. Загирова "Историческая лексикология языков лезгинской группы". Автор справедливо замечает, что в связи с тем, что современный персидский язык по сравнению со среднеперсидским претерпел ряд существенных структурных изменений, некоторые иранизмы в современных лезгинских языках по целому ряду примет могут быть определены как среднеперсидские или новоперсидские заимствования. Помимо тех критериев, которые предложил в своей рабо-

те В.Г. Гукасян (см. выше), исследователь предлагает также обратить внимание на те слова, где в лезгинском языке имеется переход *б* > *пп*: перс. *бар* – лезг. *ппар* 'груз, вьюк'; перс. *бару* – лезг. *ппару* 'забор, ограда'; перс. *бон* – лезг. *ппун* 'корень'; перс. *бил* – лезг. *ппер* 'лопата, заступ'. Более поздние заимствования сохраняют *б*: перс. *барут* – лезг. *барут* 'порох'; перс. *базар* – лезг. *базар* 'базар, рынок'. Это же самое В.М. Загиров относит и к соотношениям *д* > *тт* и *г* > *кк*: перс. *дар* 'балка, брус' – лезг. *ттар* 'дерево'; перс. *дагъ* 'прижигание' – лезг. *ттагъ авун* 'поджаривать'; перс. *гам* – лезг. *ккам* 'шаг'; перс. *джайгагь* – лезг. *чкка* 'место' и др. [Загиров 1987: 107-108].

Что касается вопросов влияния новоперсидского языка на восточнокавказские, то данному аспекту ирано-дагестанских языковых контактов посвящено значительно больше исследований.

В чеченском языке впервые детальный разбор иноязычной, в том числе и персидской, лексики провел И.Ю. Алироев [1978], проанализировавший фонетико-морфологические процессы, происходящие в заимствованиях в процессе их усвоения чеченским языком. Исследователь отмечает, что персидские заимствования "пришли в чеченский язык через арабский и тюркские языки, уже в них претерпев, в основном, фонетические и семантические изменения. Так, перс. *ф* переходит в чеченском языке в *п*, *аь* в *а* и *е*" [Алироев 1978: 209-210].

Из дагестанских языков менее всего подверглись иранскому влиянию языки аваро-андо-цезской группы. Так, в аварском языке мы выявили, не считая результатов словообразования, всего около 160 слов иранского происхождения, заимствованных большей частью из персидского языка.

В трудах авароведов достаточно глубоко разработаны вопросы аварской лексикологии и лексикографии. Однако все еще недостаточным остается внимание исследователей к проблемам контактов аварского языка с восточными и, особенно, с иранскими языками.

Наличие иранизмов в аварском языке отмечалось в нескольких работах. Это, в первую очередь, "Аварско-русский словарь" Л.И. Жиркова [1936], немаловажной особенностью которого является указание непосредственного источника заимствования.

В монографии Г.К. Казиева "Лексика аварского языка" приводятся около 60 иранских заимствований. Тематическую классификацию автор не дает, однако отмечает, что иранизмы аварского языка в основном относятся к названиям предметов быта, растений и плодов [Казиев 1967: 44].

В статье Н. Шейхова "Элементы персидского языка в аварском" внимание уделено исключительно персидскому влиянию на лексику аварского языка. Автор приводит более 140 заимствованных иранизмов, некоторые из них, однако, имеют, на наш взгляд, не персидские, а арабские или тюркские корни (напр.: *дарзи* 'портной', 'знак', *сурпа* 'стол, скатерть', *пилпил* 'перец', *пилта* 'фитиль', *ва* 'союз *и*', *бухча* 'сумочка' и др.) [Шейхов 1974: 98-106].

Вопрос об иранских заимствованиях в аварском языке затрагивается и в работе М.Е. Алексеева и Б.М. Атаева "Аварский язык". В ней мы находим тематически сгруппированный ряд из более чем 50 иранизмов аварского языка:

а) названия домашних и диких животных и связанные с ними понятия: *жанавар* 'зверь', *гамущ* 'буйвол' и др.;

б) названия растений: *хурма* 'хурма', *пастIан* 'дыня, огород', *чинари* 'чинара', *нар* 'гранат' и др.;

в) обозначения лиц: *падишагь//пача//па(р)чахI* 'царь', *шагь* 'шах', *палугьан* 'канатоходец, акробат', *куса* 'безбородый', *тушман* 'неприятель, враг' и др.;

г) названия строений и т. п.: *базар* 'рынок', *шагьар* 'город', *шагьра* 'шоссе' и др.;

д) названия предметов одежды, домашнего обихода, утвари, инструментов и др.: *дарай, хара* 'разновидности шелка', *пама* 'хлопок, вата', *пардав* 'занавеска', *махмар* 'бархат', *чирахъ* 'лампа', *чайдан* 'чайник' и др.;

е) названия продуктов питания, лекарств и др.: *пулав* 'плов', *чакар* 'сахар' и др.;

ж) обозначения абстрактных понятий, в т.ч. мифологических существ: *дард* 'забота, печаль', *чара* 'выход, средство', *багьана* 'предлог, повод'; *аздагьо* 'дракон', *жан* 'душа, сила' и др.;

з) прилагательные: *бизар(аб)* 'скучный', *пашман(аб)* 'грустный', *багьа(яб)* 'дорогой' и др. [Алексеев, Атаев 1997: 121,122].

Отдельные вопросы иранских заимствований в аварском языке освещаются в диссертационном исследовании А. Н. Халунова. Исследователь подразделяет иранизмы в аварском языке на две большие группы: персидские заимствования и скифо-аланизмы. К собственно персидским заимствованиям, по мнению исследователя, относятся те иранизмы, которые проникли в аварский язык из персидского или же через посредство других языков из того же источника [Халунов 1998: 7]. Вопросы аланского влияния на аварский язык и его диалекты освещаются также в специальных статьях К.Ш. Микаилова [1977: 132-141] и И.А. Исакова [1977: 164-171].

М.-С.М. Мусаев в своей монографии "Лексика даргинского языка" отмечает, что "заимствование из персидского языка происходило преимущественно устным путём и в значительной степени через посредство тюркских языков, это и подтверждается характером заимствованных из персидского языка слов.... Фарсизмами, представленными в даргинском языке, являются слова, обозначающие понятия, связанные с бытом, с экономической и культурной жизнью населения" [Мусаев 1978: 26].

Исследователем сделана классификация около 130 персидских заимствований даргинского языка, распределенных по 10 тематическим группам:

а) названия предметов быта: *хаканаз* 'совок для собирания мусора', *дагьра* 'серповидный секач', *чирагь* 'лампа', *тах* 'деревянная кровать', *чар* 'точило' и др.;

б) названия строений и их отдельных частей: *тав* 'камин', *бару* 'крепостная арена', *сангар* 'баррикада' и др.;

в) названия тканей и изделий из них: *шял* 'шаль', *дарай* 'тафта, шелк', *хара* 'шелк', *зарбаб* 'парча', *махмур* 'плюш, бархат', *дастIуман* 'салфетка, тряпка', *чятир* 'шатер, зонтик' и др.;

г) названия понятий, связанных с торговлей: *базар* 'базар', *вачар* 'торговля', *базриган* 'торговец', *гIяббаси* 'монета в 20 копеек', *шагьи* 'пятачок', *тумен* 'десять рублей' и др.;

е) названия растений и плодов: *нар* 'гранат', *биринж* 'рис', *бамма* 'хлопок', *бириз* 'тополь', *чинар* 'чинара', *харбуз* 'арбуз', *багIли* 'вишня' и др.;

ж) названия, связанные с понятием "человек": *пагьливан* 'канатоходец', *шагь* 'шах', *душман* 'враг' и др.;

з) наименования отвлеченных понятий: *умут* 'надежда', *багьана* 'повод', *жан* 'душа', *дард* 'печаль', *жура* 'вид', *ранг* 'цвет' и др.;

и) названия животных: *гамуш* 'буйвол', *жанивар* 'зверь', *бидав* 'конь', *аждагьа* 'дракон' и др.;

к) названия продуктов питания и блюд: *чакар* 'сахар', *хайнига* 'яичница', *пулав* 'плов' и др.;

л) отдельные слова: *авадан* 'обильный, богатый', *манавша* 'фиолетовый', *шагьар* 'город', *тяк* 'нечетный', *жут* 'четный', *караван* 'караван' и др. [там же: 26-30].

Первой попыткой тематического анализа иранских заимствований в лакском языке явилась классификация иранизмов, осуществленная С.М. Хайдаковым в работе “Очерки по лексике лакского языка”.

Исследователь привел около 170 слов иранского происхождения, поделенных на 11 групп:

а) названия животных: *гамуш* ‘буйвол’, *паланг* ‘барс, леопард’, *каргадан* ‘носорог’, *аждагъа* ‘большая змея’, ‘дракон’, *жанавар* ‘зверь’, ‘хищник’ и др.;

б) названия пряностей, деревьев, растений и плодов: *михак* ‘гвоздика’, *дарчин* ‘корица’, *чинар* ‘чинара’, *пялут* ‘дуб’, *калам* ‘капуста’, *бигь* ‘айва’, *бадан* ‘миндаль’, *ч1ик1унт1а* ‘свекла’ и др.;

в) названия растений и связанных с ними понятий: *банавша* ‘фиалка’, *памма* ‘хлопок’, ‘вата’, *гулан* ‘розовая вода’ и др.;

г) названия материй и различных изделий: *шал* ‘шаль’, *дарай* ‘род шелковой материи’, *ххара* ‘шелк’, ‘муар’, *парча* ‘парча’, ‘толстая шелковая материя’, *пардав* ‘занавес’, *чарчав* ‘покрывало’ и др.;

д) названия музыкальных инструментов: *каманча* ‘вид скрипки’, *тар* ‘тар’ (вид восточного инструмента), *чагъана* ‘скрипка’ и др.;

е) названия драгоценных камней и близких к ним предметов: *зумрут* ‘изумруд’, *кагъруба* ‘янтарь’, *бурул* ‘лупа’ и др.;

ж) названия посуды и предметов быта: *кавкир* ‘шумовка’, ‘дуршлаг’, *пияла* ‘чашка’, *ххаканназ* ‘совок для собирания сора’, *дагъра* ‘серповидный секач’, *чирахъ* ‘лампа’, *ранна* ‘рубанок’, *кулунг* ‘кирка’ и др.;

з) названия строений и их отдельных частей: *бару* ‘крепостная стена’, *чапар* ‘ограда’, *дарваза* ‘ворота’, *куча* ‘улица’, *панжара* ‘сетка в окне’, *тахча* ‘широкая полка’ и др.;

и) названия, связанные с понятием “человек”, “деятель”: *душман* ‘враг’, *дус* ‘друг’, *шагь* ‘шах’, ‘царь’, *заргар* ‘ювелир’, *пари* ‘фея’ и др.;

к) названия некоторых реальных предметов: *тах* ‘кровать’, ‘престол’, *тахта* ‘доска’, *парчин* ‘заклепка’, *тараза* ‘балансир акробата’,

чарх ‘колесо’, ‘катушка’, *лула* ‘ствол пушки’, *сангар* ‘окоп’, ‘баррикада’, *занг* ‘колокол’ и др.;

л) прочие названия: *диван* ‘суд’, *жура* ‘вид’, ‘сорт’, *бахшиш* ‘подарок’, *зур* ‘сила’, ‘мощь’, *дард* ‘печаль’, ‘скорбь’, *азар* ‘болезнь’, ‘досада’, *бахт* ‘счастье’, ‘счастливая судьба’, *багьана* ‘предлог’, ‘повод’ и др. [Хайдаков 1961: 69-72].

Утверждение исследователя о том, что “единственным иранским языком, из которого шли заимствования в лакский язык, является персидский язык” [там же: 68] представляется, на наш взгляд, не вполне корректным. Изыскания ряда специалистов (см. выше) по лакскому и другим дагестанским языкам подтверждают точку зрения о том, что у древних лакцев могли существовать языковые контакты с аланами, в результате которых в лакский язык могло перейти определенное количество аланизмов, которые, в свою очередь, впоследствии могли быть утеряны или замещены новыми заимствованиями. Косвенно С.М. Хайдаков не отрицает такой процесс, говоря о замещении персидских заимствований арабскими: “в количественном отношении персидских слов в лакском языке меньше чем, например, арабских и тюркских. Это, видимо, объясняется тем, что впоследствии, благодаря исламу, арабский язык стал господствующим фактором в духовной жизни лаков и, возможно, очень старые заимствования из персидского языка были постепенно вытеснены новыми заимствованиями из арабского языка” [там же: 68].

В лезгинском языке классификации иранизмов по тематическим группам даны в работах Р.И. Гайдарова [1966] “Лексика лезгинского языка”; М.Е. Алексеева, Э.М. Шейхова [1997] “Лезгинский язык”, а также в работе И.И. Эфендиева [2000] “Иранизмы в лезгинском языке”.

В монографии Р.И. Гайдарова приводится около 170 иранизмов, включая и собственные личные имена, распределенные по 6 тематическим группам:

а) наименования конкретных предметов и строений: *абугердан* 'металлический половник'; *байбут* 'финка', 'небольшой кинжал'; *бейгьуш* 'опиум'; *гьевенг* 'металлическая ступа'; *дегьре* 'секач'; *дезгагь* 'украшение'; *дезге* 'станок столяра'; *кепкир* 'шумовка' и др.;

б) наименования отвлеченных понятий: *агьузар* 'стенания'; *барбатI* 'разгром; разруха'; *бахт* 'счастье'; *бедлем* 'клевета; позор'; *бедназар* 'испытать воздействие дурного глаза'; *бенд* 'строфа, куплет'; *гаф* 'слово'; *гиман* 'надежда' и др.;

в) наименования людей по особенностям их жизни, быта и натуры: *бахтавар* 'счастливец; беззаботный человек'; *бенде* 'простой смертный'; *бендуьгуьр* 'скряга'; *гада* 'мальчик, мальчишка'; *заргар* 'золотых дел мастер'; *зулумкар* 'жестокий, угнетатель'; *мугьман* 'гость' и др.;

г) слова, относящиеся к другим лексико-грамматическим группам: имена прилагательные: *абад* 'благодатный; богатый'; *аби* 'голубой'; *азад* 'свободный'; *азгар* 'ясный; ядреный (о погоде)'; *асант* 'легкий, удобный; доступный'; *баябан* 'пустынный'; *бедрягь* 'балованный'; *бейкар* 'безработный' и др.; наречия: *ашкара* 'открыто'; *бахтабахт* 'будь что будет; на риск'; *бейгьал* 'в слабом состоянии; бессильно'; *гагь* 'иногда'; *гзаф* 'много'; *нагагь* 'если; в случае, если...' и др. [Гайдаров 1966: 222-224].

В работе М.Е. Алексеева и Э.М. Шейхова [1997: 114-117] около 120 иранизмов распределены по 12 тематическим группам: названия животных и птиц; названия растений; обозначения лиц; названия частей тела; строительная, сельскохозяйственная и иная терминология; названия предметов одежды, домашнего обихода, утвари, инструментов и др.; названия продуктов питания, лекарств и др.; обозначения абстрактных понятий; обозначения качеств (имена прилагательные); мифологическая лексика; названия предметов и явлений неживой природы; служебные слова.

Более подробно и многопланово особенности функционирования иранизмов исследуются в монографии И.И. Эфендиева "Иранизмы в лез-

гинском языке” [2000]. В ней дана характеристика лексико-семантической, фонетической, морфологической и фразеологической адаптации заимствованных слов. В работе представлена подробная классификация персидских заимствований, состоящая из 24 лексико-тематических групп и включающая более 550 лексем.

Кроме отмеченных выше, обращают на себя внимание специальные публикации кавказоведов по проблемам ирано-нахско-дагестанских языковых контактов, среди которых можно отметить работы М.-С. М. Мусаева [1966]; И.Ю. Алироева [1970]; И.Х. Абдуллаева [1972, 1973]; Микаилова [1972, 1973]; З.Г. Абдуллаева [1973]; А.М. Асланова [1973]; У.А. Мейлановой и Б.Б. Талибова [1973]; Ш.М. Саадиева [1973]; В.Л. Гукасяна [1973]; С.М. Хайдакова [1973]; М.Ш. Рагимова [1977] и др., содержащие ценный фактический материал.

Как видно из проведенного выше обзора, ирано-восточнокавказские языковые контакты были освещены лишь фрагментарно, из чего возникает необходимость проведения исследования проблемы в широком комплексном плане.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИРАНО-НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Одной из главных проблем в исследовании заимствованной иранской лексики в восточнокавказских языках является проблема их хронологизации в дописьменную эпоху. Попытки произвести такую хронологизацию исследователями проводились неоднократно. Так, например, У.А. Мейланова и Б.Б. Талибов [1973: 7] процесс заимствования иранизмов в лезгинском языке, как результат непосредственных языковых контактов, хронологически представляют следующим образом:

а) заимствования периода контактов со скифо-аланскими племенами (VII в. до н.э. – III в. н.э.);

б) среднеперсидские заимствования (III – VII вв.);

в) новоперсидские заимствования (XV – XVIII вв.).

Данной классификации (которую, очевидно, можно отнести к большинству восточнокавказских языков) в той или иной степени придерживаются в своих работах и другие исследователи [см.: Асланов 1973: 147; Гукасян 1973: 194; Загиров 1987: 105; Эфендиев 2000: 11].

В настоящем исследовании предпринята попытка осветить результаты заимствования преимущественно третьего хронологического периода, в течение которого происходил наиболее активный процесс заимствования иранской лексики (по нашим данным, доля усвоенных слов из персидского языка в нахско-дагестанских языках в совокупности составляет не менее 95% от общего количества всей заимствованной иранской лексики).

Ввиду отсутствия каких-либо значительных памятников письменности на восточнокавказских языках, при определении хронологизации иранских заимствований немаловажную роль играют археологические и исторические данные, касающиеся пребывания носителей иранских язы-

ков на территории Северо-Восточного Кавказа. В связи с этим нам представляется необходимым осветить некоторые из них.

В историческом развитии населения Северо-Восточного Кавказа определенную роль сыграли племена ираноязычных кочевников, известные под названием киммерийцев и скифов. Необходимо отметить, что в исторической науке существуют прямо противоположные мнения относительно этнической принадлежности киммерийцев и даже их существования. Так, еще в ассирийских источниках эпохи Саргона II (VII в. до н.э.) киммерийцы отождествлялись со скифами, и некоторые современные историки считают, что древние историографы ошибочно путали их. Так, например, М.Н. Погребова пишет: "Возможно, ассирийцы и путали их" [Погребова 1981: 48]. М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов и А.Р. Шихсаидов [1996: 120] по данному поводу утверждают: "Как бы не решался вопрос об этническом облике киммерийцев, мы вправе говорить об ираноязычных кочевниках предскифского и скифского времени. Контакты древних дагестанцев со степными кочевниками, которых принято относить к ираноязычным племенам, прослеживаются с XIII-XII вв. до н.э.". Исследователи склонны считать, что "основная масса племен, известных как киммерийцы, кочевала в степях Северного Причерноморья, в том числе его восточной части, прилегающей к Северному Кавказу. В 30-х или 20-х годах VIII в. до н.э. значительные их орды вторглись в Переднюю Азию. Предполагается, что они прошли через Дербентский проход, Крестовый и Мамисонский перевалы" [там же: 103].

Большинство исследователей считают, что первые контакты предков современных вайнахов и дагестанцев с кочевниками восточноевропейских степей – скифскими племенами – происходили на рубеже VIII и VII вв. до н.э., когда последние совершали свои походы из Северного Причерноморья по Каспийскому проходу в Малую Азию. Скифы сыграли значительную роль в этногенезе современных народов Северного Кавказа, развитии их культуры. По мнению историков, с VII-VI вв. до н.э. ви-

доизменяется и материальная культура автохтонных племён Северного Кавказа, в которых закономерно появляются "скифские" элементы. Так, например, в Дагестане выявлены различные предметы вооружения, конского убора и украшения, выполненные в характерном скифском "зверином стиле". Эти изменения были обусловлены присутствием скифских племён и возможным участием выходцев из северокавказского населения в походах в Переднюю Азию [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 105].

Согласно источникам, не позднее первой половины VII в. до н.э. на территории Кавказской Албании скифы образовали свое царство, называемое Шигуза-Ашгуз. Это было, вероятно, временем наиболее активных скифо-албанских исторических контактов, которые позволили ученым предположить, что скифы не только повлияли на материальную культуру местных народов, но и активизировали их политическую деятельность. Об этом говорит тот факт, что после походов скифов отдельные племена, проживающие на Восточном Кавказе, стали принимать участие в грекоперсидских войнах [История Дагестана 1967: 103].

Позднее, в конце I тысячелетия до н.э., на равнины приморского Дагестана стали проникать крупнейшие из ираноязычных сарматских племен – сираки и аорсы, составившие этническую основу кавказских алан. Следы их проникновения и освоения новых земель обнаруживаются во многих районах равнинного Дагестана. Об этом свидетельствуют некоторые особенности погребального обряда, в которых исследователи усматривают отчетливые сарматские черты, выраженные в вытянутом положении погребенных, меловой посыпке дна могилы, помещении в могилы разбитых зеркал и др. Все это свидетельствует о наличии тесных связей населения этой части Дагестана с населявшими северокавказские степи сарматскими племенами аорсов вплоть до межплеменного смешения [Очерки истории Дагестана 1957: 24]. В исторических памятниках засвидетельствованы торговые связи аорсов со странами Закавказья, откуда через территорию Дагестана они получали вавилонские и индийские

товары. Благодаря этому усилились связи коренного населения с сарматским миром. Особенно сильно они проявились в Северном Присулакском Дагестане, вследствие чего происходила сарматизация части населения приморских районов [Крупнов 1951: 224; Смирнов 1951: 272]. В южных районах Дагестана влияние их было незначительным, и они вскоре растворились среди коренного албанского населения. Однако некоторые исследователи считают, что хотя ираноязычные племена и ассимилировались в кавказоязычной среде, вместе с тем проходил обратный процесс иранизации части кавказского населения [Кузнецов 1962: 118, 132].

Особый след в истории взаимоотношений коренных народов Северо-Восточного Кавказа с ираноязычными племенами в тот исторический период оставили аланы, которые в 70-х годах I в. н.э. через Дарьяльский ("Аланские ворота") и Дербентский проходы совершали опустошительные набеги вплоть до южных границ Закавказья и далее до отдельных районов Малой Азии. Эти племена образовали впоследствии небольшое княжество и играли активную роль в политической истории кавказских народов, привлекая для своих походов местные северокавказские племена, в том числе дагестанских леков, дидоев и др. [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 127].

Влияние алан на местные северокавказские племена оказалось значительным и вылилось в формирование у последних особой аланской культуры (IV-XIII вв.). На территории аланской культуры впоследствии сложились национальные культуры осетин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев [История Дагестана 1967: 171]. Впоследствии аланы стали переходить к оседлости. Группа ираноязычных кочевников обосновалась в прибрежных районах Дагестана и Азербайджана.

Особенно активные контакты с аланами из автохтонных племен Северо-Восточного Кавказа имели предки современных нахских народов. И.Ю. Алироев отмечает, что "нахско-осетинские лексические параллели, как и политико-экономические и культурные контакты нахов и осетин

уходят своими корнями в глубь древней истории. Еще до н.э. нахские племена постоянно контактировали с ираноязычными соседями, распространившими свое влияние на огромное пространство от Черного до Каспийского моря, Закавказья, а именно – с аланами, скифами и сарматами" [Алироев 1978: 201]. Данные обстоятельства обуславливают закономерность алано-нахских языковых взаимоотношений и подтверждаются языковыми фактами.

Влияние алан на формирование культуры племен, населявших территорию Северо-Восточного Кавказа, отразилось и в ряде археологических памятников, а именно в памятниках катакомбной культуры (катакомбы – типично аланское погребальное сооружение), носителями которой были аланы. Такие памятники, например, обнаружены в Бавтугае, на р. Сулак и близ Аракса (Буйнакский район), а также на плато Паласа-Сырт, близ Дербента, где расположен огромный курганный могильник с катакомбными захоронениями. Данные памятники свидетельствуют о проникновении носителей аланской культуры в Дагестан, в частности в раннесредневековые города, для которых был характерен пестрый этнический состав [История Дагестана 1967: 172].

По свидетельству письменных источников, контакты алан с населением Северо-Восточного Кавказа проходили не только в самых различных военно-политических сферах, но и на уровне династических связей. Так, по Масуди, между аланским царем и царем Серира существовали брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого [Минорский 1963: 70–71].

Как свидетельствует историческая литература, определенные политические и экономические контакты и даже династические связи существовали в V-VI вв. также между аланами и кавказскими албанцами. Интересы Кавказской Албании и аланов сталкивались и по поводу подконтрольного аланам северокавказского торгового пути, проходившего из Закавказья через Клухорский перевал и реку Кубань к Центральному

Кавказу и Каспийскому морю. Это приводило к локальным, но постоянным их контактам. Для Алании это был период расцвета культуры, ремесел (металлургии, гончарного, ювелирного и оружейного дела, обработки камня, кости и дерева), а также политической независимости. Археологические раскопки, датируемые этим периодом, изобилуют предметами украшения из благородных металлов, каких не было ни в прежние, ни в последующие века [Очерки истории СССР 1958: 619].

Длительные контакты аланских племен с предками дагестанских народов не могли не оставить определенные следы в языках последних. Исследователи уже отмечали наличие в дагестанских языках целого ряда слов, имеющих свои прототипы в осетинском языке, например:

осет. *ændon* ‘сталь’ > дарг. *шандан*, лак. *чаннан*, авар. *чаран*, чам. *чара*^{н}, кар. *чиран*, тинд. *чарам*, лезг. *гьулдан*, цах. *гьандан* ‘сталь’, чеч. *онда//ондаииг* ‘крепкий, твердый’;

осет. *ræxys//ræxis* ‘цепь’ > авар., бежт., ботл., гунз. *рахас*, ахв., год., тинд., год. *рахаси̂*, кар. *рах̄ас*, багв. *лахас*, дарг. *рахаж* ‘цепь’.

осет. *kænk//kænkæ* ‘перхоть’ > лезг., крыз. *кан*, лак., буд. *капак* ‘перхоть’;

осет. *ryg//rugæ* ‘пыль’, ‘прах’ > лезг., таб., агул., рут. *руг*, крыз. *риг* ‘пыль, земля’;

осет. *x∘yz//xuz(æ)* ‘вид’, ‘образ’, ‘масть’ > авар., анд., бежт., ботл., гунз., кар., тинд., чам., дарг., лак., лезг., агул., буд., таб., крыз. *куц*, арч. *кус*, ахв. *кучи*, год. *куци*, цез. *кесу//коси*, рут. *курус* ‘облик, форма’;

осет. *dawæg* ‘божество’ > авар., ахв., кар., чам., год., бежт., хвар., гунз., цез. *аварag*, тинд. *аварага*, дарг. *идбаг*, лак. *идавс* ‘пророк’ и др.

Следующим важным периодом в ирано-восточнокавказских языковых отношениях явились контакты восточнокавказских народов с носителями иранского языка эпохи династии Сасанидов – среднеперсидского языка.

Образовавшаяся в 226 г. н.э. на развалинах ослабленного Парфянского царства Сасанидская монархия начала подчинять себе соседние государства. Восточный Кавказ в силу своего стратегического положения входил в область интересов новоперсидского царства. В результате этого, власть Сасанидов при иранском шахе Шапуре I установилась и в южном Дагестане. Об этом свидетельствует надпись на цоколе храма "Кааба Зороастра" в иранской местности Накш-и-Рустам. Данная надпись гласит, что власть Шапура I распространилась "вплоть до гор Кап" (Кавказа) и "Албанских ворот". "И все эти многие царства, (их) владетели и управители (провинций) – все (они) стали (приносящими) нам дань и подчиняющимися" [Луконин 1969: 50-69].

Для того чтобы укрепиться здесь, Сасаниды стали насильно распространять свою религию – зороастризм: "...вверх, до Греции, Армянской страны и Иберии, и ... Баласкана и "Албанских ворот" шли зороастрийские жрецы, силой насаждая в этих областях свою религию" [там же: 87-88].

Лингвистическим свидетельством распространения зороастризма у дагестанских народов в определенной степени можно считать и известную аварско-среднеперсидскую параллель, предложенную Я.Г. Сулеймановым [1979: 151-153]: *яриман* "обозначение отрицательного типа супруга" – *ahrimān* "в зороастризме божественное существо Ахриман, олицетворяющее злой дух".

Важным периодом в ирано-албанских отношениях было время правления сасанидского царя Иездигерда II (первая половина V в.), при котором царская аршакидская династия в Албании была упразднена, а сама Кавказская Албания включена в состав Сасанидского Ирана в качестве отдельного наместничества Арран.

Для охраны своих северных рубежей от вторжения кочевых племен Северного Кавказа в стратегических районах Кавказской Албании – вблизи перевалов, у горных проходов сасанидские правители, принуди-

тельно используя труд многотысячного местного населения, возводили крупные оборонительные укрепления-стены (Дербентская, Гильгичгайская, Бешбармакская и др.). Кроме естественных связей, происходящих в процессе строительства данных сооружений, воины гарнизона вступали в контакты с местным населением для пополнения своих продовольственных запасов. Для усиления обороноспособности важных стратегических районов Кавказской Албании персидские цари размещали здесь ираноязычных переселенцев-колонистов – предков современных татов [История Дагестана 1967: 115], язык которых принадлежит к юго-западной группе иранских языков. Несколько лагерей-поселков иранских поселенцев были расположены вдоль оборонительной линии Дербентского прохода, а также в районах расселения предков лезгинских народностей [Рамазанов, Шихсаидов 1964: 69 и след.].

Переселение ираноязычных народов на территорию Кавказской Албании происходило неоднократно. Так, по сообщению известного исторического источника "Дербент-наме", в Дербент было переселено 3 тысячи семейств из внутренних районов Ирана, служивших опорой иранским властям в самом городе и окрестных селениях [История Дагестана 1967: 148].

В другом письменном памятнике "Ахты-наме" говорится о шестидесяти семействах из жителей Фарса и трехстах воинах, отправленных для постройки крепости на месте, где теперь расположено лезгинское селение Ахты [Бакиханов 1991: 45]. По сведениям же арабского историка ал-Балазури, в определенные периоды число иранцев, присутствовавших в Дагестане (в районе Дербента), достигало 50 тыс. воинов [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 168]. Все это привело в середине VI в. к окончательному закреплению района Дербента в составе Ирана. Впоследствии было построено 360 крепостей и городов по обеим сторонам Дербента, "заселив их многими племенами из разных персидских областей" [Бакиханов 1991: 44].

Исследователи полагают, что между Кавказской Албанией и Сасанидами в течение определенного времени существовали дружеские, союзнические отношения. Благодаря этому Сасанидам удавалось привлекать дагестанских правителей с их вооруженными силами к участию в качестве союзников почти во всех крупных внешнеполитических событиях на Кавказе [Ахмедов 1976: 65].

Огромное влияние, оказываемое Сасанидами на общественно-политическую и культурную жизнь Южного Дагестана, привело к распространению здесь пехлевийской письменности. О наличии таковой свидетельствуют пехлевийские надписи на каменных блоках, имеющихся в дербентской городской стене. Как отмечают исследователи, надписи эти были сделаны с большим искусством, и это говорит о том, что пехлевийская грамота была доступна не только духовным лицам, но и местным мастерам-резчикам [Пахомов 1929: 21].

Все приведенные выше сведения относительно исторических контактов Сасанидов и кавказских албанцев обосновывают возможность проникновения в язык древних восточнокавказских народов среднеперсидских лексем и дальнейшего их усвоения.

Заимствованиями из среднеперсидского языка можно считать, например, следующие слова, употребляемые в настоящее время в нахско-дагестанских языках:

авар., анд., багв., тинд., чам., арч. *бел*, ахв. *бели*, кар. *беле*, бежт. *бари*, лезг. *пер*, рут., агул., цах., таб. *бер*, крыз., буд., хин., чеч., инг. *бел*, бац. *бар* ‘лопата’ < ср.-перс. *bēl*;

авар., кар., цез., бежт. *ханжар*, год., анд. *хханжар*, дарг. *ханжал/къинджал*, лак. *ххаржан*, лезг. *хенжел*, таб., агул. *ханджал*, буд., цах. *хенджел*, хин. *хаьнджаьл*, удин. *ханчал* ‘кинжал’ < ср.-перс. *h̲anjar*;

лезг. *пар*, рут., крыз. *бар* ‘груз, вьюк’, хин. *бар* ‘хурджин’ < ср.-перс. *bār*;

лезг. *панбаг//памбаг*, таб. *бамбаг*, цах. *баьмбаьк*, удин. *памбакк* ‘хлопок; вата’ < ср.-перс. *pambak*;

чеч., инг. *буру* ‘крепость’; лак. *бару* ‘крепостная стена’, лезг. *пару//бару*, буд. *бару*, цах. *баруг* ‘забор’, ‘ограда’, таб., удин. *бару* ‘стена’ < ср.-перс. *bāru*;

чеч. *дум//дума*, инг. *думи*, удин. *тумпак*, хин. *дамба* ‘курдюк’; лезг. *ттум* ‘хвост’ < ср.-перс. *dūm//dūmbak*, ср. также лезг. *дунбукьул* ‘копчик’;

лезг., таб. *занг*, рут. *сын*, цах. *цIом*, хин. *цIум* ‘голень’ < ср.-перс. *zang*;

авар. *вачари*, дарг. *вачар* ‘торговля’ < ср.-перс. *vāčār*;

авар., чам. *апараг*, кар. *апаракI*, тинд. *апараг’и* ‘пришелец, чужой’; бежт., гунз., цез. *апаракI*; лак. *апараг* ‘бродяга’ < ср.-перс. *āparak, āpartan;

авар. *суркIа*, дарг. *сукура*, лезг., буд., крыз. *сукIра* ‘чашка, пиала’ < ср.-перс. *sukkara*;

дарг., лак., лезг., таб., агул., рут., цах., хин., чеч., инг., бац. *тур* ‘меч, сабля’ < ср.-перс. *tur*;

цах., рут. *тандур*, лезг. *тIанур*, таб. *дирин//ттирин*, агул. *тIарун*, буд. *тону*, хин. *тIонур*, крыз. *таьнир*, удин. *тарун*, дарг. *тарин* ‘тендир’ < ср.-перс. *tanūr*;

лак., лезг., таб., агул., цах., удин. *дев*, буд. *див* ‘див’ < ср.-перс. *dēv* и др.

В дальнейшем контакты восточнокавказских народов с Сасанидами значительно ослабли, что было связано в первую очередь с арабскими завоеваниями во второй четверти VII века и распространением здесь ислама. С этого времени начинается процесс постепенного проникновения арабизмов в лексику рассматриваемых языков, который в дальнейшем достиг значительных масштабов [см.: Забитов 2000: 24 и след.]. С завоеванием Ирана арабами в VII в. и уничтожением государства Саса-

нидов поздний зороастризм терял связи со своими корнями. Среднеперсидский язык на фоне официального и литературного арабского языка постепенно сменялся новоперсидским фарси, впоследствии перенявшим арабский алфавит.

Следует отметить, что благодаря арабскому языку нахско-дагестанские языки обогатились не только огромным количеством арабских слов, но и некоторым числом среднеперсидской лексики, ранее заимствованной арабским языком. Отсюда в изучаемые языки вошли, например, следующие слова:

чеч. *ризкъа*, авар., гунз. *ризкъи*, дарг., лезг. *ризкьи*, таб., рут. *ризкь*, агул. *ризикь*, цах. *рицӀкь* ‘пропитание, продовольствие’; чам. *ризикъ* ‘скот’ < араб. رزق rizq < ср.-перс. *rōzīq*;

авар., бежт., гунз., гин., год., хвар., цез. *жавгьар*, кар., тинд., чам., арч., *джавгьар*, дарг. *жавгьардухури*, лак. *жавагьи*, лезг. *жевгьер*, таб. *жавагьир*, буд. *джавагьир* ‘драгоценный камень, драгоценность, жемчуг’ < араб. جوهر jawhar < ср.-перс. *gohar*;

авар., бежт., гунз., тинд., чам., цез., дарг., лак., лезг., таб., цах., буд., чеч. *дин*, кар. *дини* ‘вера, религия’ < араб. دين dīn < ср.-перс. *dēn*;

авар., анд., цез., кар., тинд., чам., ботл., бежт., гунз., гин., арч., лезг., таб., агул., рут., цах., буд., крыз. *заман*, ахв., чеч. *зама,* багв., год., хвар., дарг., лак., агул. *замана* ‘время, эпоха’ < араб. زمان zamān < ср.-перс. *zamanag*;

лак., агул., тинд., цез. *вазир*, дарг. *визир*, лезг. *везир* ‘визирь, министр’ < араб. وزير wazīr < ср.-перс. *wuzurg*;

авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг. *аскар*, лак. *аьскар*, лезг. *аскер*, таб. *эскер* ‘воин, войско’ < араб. عسكر ‘askar < ср.-перс. *laškar* и др.

Возобновление активных ирано-восточнокавказских языковых контактов можно связать с образованием на территории современного Азер-

байджана и Ирана государства Сефевидов, которые были носителями уже новоперсидского языка, и началом ими захватнических войн на территории Дагестана и Ширвана.

Важно отметить, что политикой колонизации Дагестана Сефевиды занимались не менее активно, чем это делали в свое время Сасаниды. Так, согласно источникам, в 1510 г. после взятия Дербента шейх Исмаил в целях укрепления своей власти переселил сюда 500 иранских семейств [История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988: 312].

В дальнейшем Сефевиды решили расширить свою власть и в результате кровопролитных сражений захватили земли Южного Дагестана. Местное население неоднократно объявляло себя независимым и вновь подвергалось нападениям Сефевидов (1517, 1547, 1609, 1620, 1659, 1660 гг.). Не желая находиться под владычеством Ирана, народы Южного Дагестана восставали против Сефевидов также в 1707–1712 и 1720-1721 гг.

Последним периодом непосредственных ирано-нахско-дагестанских контактов можно считать время вторжения правителя Ирана Надира в Ширван и Дагестан и борьбы против него в 1735-1740 и 1741-1745 гг. Это было время заката иранского влияния на местные народы и прекращения прямых взаимоотношений носителей персидского и восточнокавказских языков.

Тесные исторические взаимоотношения Дагестана и Ширвана не могли не способствовать тому, что в Дагестан стал проникать персидский язык, занявший в Иране и Азербайджане в XI-XIV вв. во многих сферах (поэзия, государственная канцелярия и т.д.) ведущие позиции [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: 357].

Прямым следствием воздействия иранской культуры являются персидские эпиграфические памятники, обнаруженные в разных районах Дагестана. Такие памятники представляли собой своего рода микрохрони-

ки, сообщающие о событиях, происходящих в то время у автохтонного населения. Они свидетельствуют, что местные народы хорошо владели персидским языком еще в средние века. Наиболее ранней персидской надписью ученые считают запись о вакфе источника воды с колодцем в пользу почтовой станции, обнаруженную в Дербенте и относящуюся к 1301 году [Лавров 1966: 114]. К первой половине XIV в. относится персидская надпись на тимпане из Кубачи, представляющая собой благопожелательный стих [Иванов 1976: 178]. К ранним персидским памятникам также относятся строительная надпись из Дербента о реставрации мечети в 1368-1369 г. [Лавров 1966: 120] и мемориальная надпись из Хнова (Ахтынский район) 1383 г. в виде четверостишья на персидском языке [Шихсаидов 1984: 211-213].

Важную роль в закреплении в нахско-дагестанских языках иранской лексики могла сыграть и оригинальная персидская литература. Лучшие представители дагестанской культуры активно изучали персидский язык и владели им настолько, что писали на нем свои произведения. Например, перу одного из известных просветителей Дагестана лезгинского ученого Гасана Алкадари принадлежит ряд стихотворений, написанных на персидском языке и опубликованных в его книге "Диван-ал-Мамнун". В свою очередь сам Гасан Алкадари упоминает в своем труде "Асари-Дагестан" целый ряд ученых – жителей Дербента, авторов "бесчисленных литературных произведений", в том числе сборников стихотворений на арабском и персидском языках [Алкадари 1929: 137].

Также в числе авторов из Южного Дагестана, в совершенстве владевших персидским языком и писавших на нем собственные произведения, называются такие ученые-просветители как Рахманкули ал-Ахты, Мирза Али ал-Ахты, Абдурахман ал-Ахты, Мухаммад ал-Алкадари и др. [Гайдаров 1966: 189].

О значении персидского языка, литературы и книжной культуры в Дагестане говорят и рукописные источники, хранящиеся в рукописных

фондах в Дагестанском государственном университете и Дагестанском научном центре РАН, а также описания частных книжных коллекций. Так, например, коллекция персидских рукописей, хранящихся в рукописном фонде Дагестанского научного центра РАН, охватывает хронологические границы с XIV до XX вв. и включает самые разнообразные виды средневековой персидской литературы: художественная проза, поэзия, двуязычные и трехъязычные словари, письмовники, кораническая литература, книги по логике, этике, медицине, математике [Алибекова 1993: 23-24].

Как отмечает А.Г. Гусейнаев, еще в 1685 г. табасаранец Хасан, сын Рабадана сделал подстрочный перевод “Гулистана” Саади на азербайджанский язык. Поэт и переводчик Дибир-кади (1742-1817) из Хунзаха создал первый в Дагестане трехъязычный персидско-арабско-тюркский словарь, содержащий около 5 тысяч слов, в котором в качестве иллюстративного материала использованы пословицы, поговорки и стихи Хафеза, Саади и других классиков [Гусейнаев 1995: 17].

Сын Хасана Гаджи-Магомед также прекрасно владел персидским языком. В одном из его тюркоязычных произведений содержатся записи на арабском и персидском языках отрывков из произведений иранских поэтов. Прекрасное знание персидского языка дало возможность Гаджи-Магомеду познакомиться с произведениями Фирдоуси и Низами, Саади и Хафиза, Ширази. Согласно его рукописи, был он знаком и с медицинскими и философскими трактатами Ибн Сины, астрономическими и математическими работами Омара Хайяма и Улугбека [Гасанов 1994: 156-157].

В более позднее время, во второй половине XIX – начале XX вв., большой вклад в развитие иранского просветительства и распространения образования среди дагестанских народов внес известный иранский писатель-просветитель Абдуррахим Талибов, проживший в Дагестане большую часть своей жизни. Ему принадлежат многочисленные публицистические и художественные сочинения, в том числе и поэтические,

написанные на персидском языке. Хорошо владея арабским и русским языком, он перевел с персидского на русский язык учебники по физике, химии, астрономии [Алибекова 1991: 109-110].

Наконец, территориально ограниченные, но непосредственные языковые контакты некоторые дагестанские народы имели с носителями другого иранского языка – татского. Выше уже отмечалось, что во времена Сасанидского Ирана в район Дербента было переселено большое количество предков современных татов. Сведения о древних татско-дагестанских взаимоотношениях очень скудны, однако известно, что в ранние века большинство из татов жили в предгорных и горных районах Дагестана, занимаясь главным образом земледелием. В недалеком же прошлом таты проживали компактно с дагестанцами в некоторых населенных пунктах на территории Дагестана и в основном занимались мелкой торговлей и посредничеством. В этой связи интересно отметить, что из 760 человек, занимавшихся торговлей в северном и южном Табасаране, 210 торговцев были таты [Гасанов 1994: 227].

В Дагестане существовали также селения и аулы, целиком населенные татами. Переселение татов из аулов в города, в особенности в Дербент, в массовом порядке произошло в основном в период гражданской войны и в годы коллективизации. На севере Азербайджана таты постоянно проживали в районах с преимущественно лезгинским населением вплоть до начала распада СССР.

Все эти обстоятельства способствовали развитию языковых контактов между татами и дагестанским населением и проникновению в языки последних татских слов. Кроме того, благодаря татскому языку происходило заимствование и закрепление в дагестанских языках собственно персидской лексики.

Несмотря на то, что татскую лексику дагестанские языки заимствовали в незначительном количестве, вся она относится к активному сло-

варному запасу и постоянно употребляется в устной и письменной речи. К татским заимствованиям можно отнести следующие слова:

лезг. *жендек*, таб. *жандак*, агул., рут., цах., хин. *джандак*, крыз. *джаъндак*, удин. *джемдакк* 'тело, туша, падаль' < тат. *жендег*;

дарг., лак., лезг., таб., рут. *тав*; крыз., буд. *тов* 'камин, очаг, гостиная' < тат. *тов*;

лезг. *хатрут*, таб. *хартут* 'тутовые ягоды' < тат. *хэртут*;

лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *гаф* 'слово, разговор' < тат. *гоф*;

лезг. *дамбул*, удин. *дамппул* 'сорт слив' < тат. *домбул* 'выпуклый, пухлый';

лезг., таб. *зурба*, буд. *зорба* 'очень большой, огромный' < тат. *зурба* и др.

Как известно, иранизмы проникали в нахско-дагестанские языки как непосредственно, так и через различные языки-посредники. В разных ареалах контактирования такими языками выступали азербайджанский, кумыкский, грузинский, лезгинский и аварский языки.

На важность определения тюркских языков-посредников при усвоении иранизмов в дагестанских языках обращает внимание Н.С. Джидалаев: "Перед исследователем, который интересуется тюркизмами в дагестанских языках, неизбежно возникает проблема квалификации многочисленных арабских, персидских, вообще иранских слов, проникших в лексику дагестанских языков через тюркское (азербайджанское, кумыкское) посредство.... возникает проблема: как выделить среди многочисленных арабских и иранских слов те элементы, которые были заимствованы через посредство тюркских языков. Немало должно быть и иранских элементов, заимствованных также непосредственно" [Джидалаев 1990: 60].

Действительно, значительную роль в проникновении иранских заимствований в нахско-дагестанские языки играли языки-посредники. Для языков северного ареала (нахских и аваро-андо-цезских) в роли посред-

ников выступали грузинский и кумыкский языки. На языки южного ареала значительное влияние оказал азербайджанский язык и, отчасти, лезгинский. Проникновение иранских лексических элементов через посредство данных языков стало возможным благодаря многовековой сопредельности проживания их носителей. Огромную роль сыграло использование данных языков (в первую очередь тюркских) как средства межнационального общения у местных народов.

Нельзя недооценить существенную роль в проникновении иранских (новоперсидских) заимствований в восточнокавказские языки и особенно в языки лезгинской группы, которую играл азербайджанский язык-посредник, с носителями которого народы Дагестана имеют тесные языковые контакты в течение продолжительного исторического периода.

Известно, что еще в средние века проходящие через Азербайджан основные торговые пути, связывающие Европу и Азию, превратили это государство в центр мировой торговли и способствовали его сильному экономическому развитию. Это, в свою очередь, благоприятствовало распространению азербайджанского языка на большой территории Восточного Кавказа и Закавказья. Особенное влияние оказал Азербайджан на общественный и семейный уклад, музыку, танцы и фольклор Южного Дагестана. Лезгинские, табасаранские певцы-импровизаторы слагали песни на сюжеты, заимствованные у ашугов Азербайджана, и пользовались их формой стихосложения [История Дагестана 1967: 279]. Широкое распространение среди лезгин азербайджанского языка, как языка межнационального общения, позволило в свое время некоторым специалистам сделать вывод о поглощении лезгинского языка азербайджанским [Вандриес 1937: 268].

Как уже отмечалось выше, для языков северного ареала большую роль в проникновении иранизмов оказал кумыкский язык. Как известно, контакты горских народов и кумыкского населения в определенный исторический период проходили в условиях военно-политической зависи-

мости от казикумухских и кайтагских феодалов, когда прибрежная полоса, занятая кумыками, оказалась под их управлением. В последующее же время (в XIV-XVI вв.) Казикумухское шамхальство и Кайтагское уцмийство включили кумыков в рамки своих государств [История Дагестана 1967: 184]. Немаловажным фактором является то, что в период Тарковского шамхальства (XVIII в.) его жителями являлись не только кумыки, но и горские евреи, а также часть дагестанского населения [там же: 321]. По мнению Н.С. Джидалаева, "все эти обстоятельства в значительной степени способствовали распространению кумыкского языка среди лакцев, аварцев, даргинцев и др." [Джидалаев 1990: 7].

Что касается основного словарного фонда вайнахских языков, то он также подвергся значительному воздействию со стороны языков тюркоязычных народов. Это обнаруживается практически на всех уровнях их структуры – не только в большом слое тюркской лексики в вайнахских языках, но и в "грамматике и фонетике, отражаясь в той или иной степени в системах их диалектов" [Гусейнов 1989: 19].

Особого внимания заслуживает грузинский язык, длительные ареальные контакты с которым оставили в вайнахских языках многочисленные следы. Как отмечают исследователи, "картвельский слой лексики показывает, что тюркские, арабские и персидские слова пришли в вайнахские языки задолго до языковых контактов вайнахов с восточными языками" [Алироев, Куркиев 1989: 7].

Здесь следует отдельно сказать о бацбийском языке, территориальная обособленность которого отразилась на его лексическом фонде, что выразилось в почти полном отсутствии арабизмов, иранизмов и тюркизмов, за исключением слов, заимствованных через грузинский язык [Алироев 1978: 207].

Грузинский язык имел большое значение и среди народов дидойской группы, так как у грузин было значительно больше хозяйственно-экономических контактов с цезами, бежтинцами, гинухцами и др., а так-

же в некоторой степени с цахурами и удинами, чем с другими народами Дагестана. М.Ш. Халилов, посвятивший грузинско-дагестанским языковым контактам специальное монографическое исследование, отмечает, что "из общей характеристики языковых взаимоотношений в регионе видно, что грузинско-дагестанские контакты, продолжавшиеся около двух тысячелетий, носили в целом довольно активный и непрерывный характер. Результаты этих контактов отразились почти на всех языковых уровнях контактировавших языков" [Халилов 1993: 21].

В свою очередь и среди восточнокавказских языков существовали языки, сами служившие посредниками в заимствовании иранизмов для других горских языков. Так, говоря об аварском посредничестве в проникновении восточной лексики для андийских и цезских языков, З.М. Магомедбекова приводит ряд слов, среди которых вычленяются слова, восходящие к персидскому источнику: *дарман* 'лекарство', *зигар* 'соболезнование', *туснахъ* 'тюрьма', *тушман* 'враг', *тухум* 'род', *пампа* 'вата', *кагъат* 'бумага', *чирахъ* 'лампа', *дару* 'лекарство', *шал* 'платок', *ханжар* 'кинжал' и др. [Магомедбекова 1977: 59].

В меньшей степени, чем аварский язык для андийских и цезских языков, среди лезгиноязычных народов роль межэтнического общения, а, следовательно, в какой-то степени и роль проводника иранских заимствований (по крайней мере, с конца XIX века, когда эти функции перешли к азербайджанскому языку) выполнял лезгинский язык.

ГЛАВА II

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Распределение лексических заимствований по тематическим группам является одной из важных форм систематизации лексики в исследуемых языках, так как невозможно охарактеризовать диапазон воздействия персидского языка на восточнокавказские языки без анализа заимствованной лексики с точки зрения ее функциональности и частотности.

Под тематическими группами мы понимаем слова, объединенные на систематике самих предметов и явлений действительности. Справедливо мнение о том, что распределение заимствований по тематическим группам позволяет определить удельный вес этих групп в словарном составе языка, установить соотношения исконных и заимствованных слов, ответить на целый ряд других лексикологических вопросов. Поэтому большинство исследователей, занимающихся проблемами языковых контактов, считает необходимым разделять заимствования на тематические группы, показывающие наиболее интенсивные сферы их взаимодействия [см.: Хайдаков 1961; Гайдаров 1966; Мусаев 1978; Загиров 1981; Климов, Халилов 1987; Халилов 1993; Халунов 1998; Курбайтаева 1999; Курбанова 1999; Халиков 1999; Забитов 2001 и др.].

Придерживаясь данной точки зрения, считаем классификацию заимствований по тематическим группам одним из значительных и эффективных способов исследования иноязычной лексики, ее функционального статуса, позволяющим также более четко представить содержательную сторону пласта заимствованной лексики. В конечном итоге, такой принцип распределения заимствований позволяет дать ответы на вопросы "о сферах воздействия языка-источника на заимствующий язык, о характере и областях употребления заимствований, об уровне знаний реалий носителей заимствующего языка, о наиболее вероятных источниках заимство-

вания, принадлежащих к одной и той же тематической группе, о количественном соотношении исконных и иноязычных слов, объединенных одной и той же темой” [Опельбаум 1971: 28].

В соответствии с этим нами составлена лексико-тематическая классификация, включающая в себя около 750 лексических единиц, заимствованных из персидского языка. В данном разделе выделяются также около 50 лексем, заимствованных из других иранских языков и прочно вошедших в словарный состав различных языков нахско-дагестанской группы.

Человек и общество

1. Обозначения людей по профессии, роду занятий, социальному положению, термины родства и т.п.:

перс. آشپز āšpaz – лезг., буд. *ашпаз*, таб. *ашбаз*, удин. *ашпаз* ‘повар, кашевар’;

перс. آخوند āxund – лезг., буд., таб. *ахун* ‘ахунд, мулла’;

перс. بنده bande – лезг., таб., цах. *бенде* ‘раб, слуга’;

перс. باغبان bāqbān – лезг. *багъбан* ‘садовник’. Некоторые лезгинские языки заимствовали данное слово через азербайджанское посредство: буд. *багъбанчи*, таб. *багъманчи* ‘садовник’;

перс. بازرگان bāzargān – авар., анд., багв., ботл., кар., тинд., чам., бежт., гунз., ган., цез., хвар., лак. *базарган*, год. *базаргани*, ахв. *базарга*, чеч. *базарниг*, дарг. *базриган*, лезг. *безирган*, рут. *базирген*, буд. *безиргаьн*, хин. *базиргаьн* ‘торговец, купец’. В южнодагестанские языки лексема, возможно, была заимствована опосредованно, ср.: тур. *bezirgân*;

перс. چوپان čupān – лак. *чупан*, лезг., таб. *чубан*, цах. *чобан* ‘пастух, чабан’;

перс. درویش darvīš – авар., дарг. *дарбиш*, лак. *дарвиш*, лезг., таб., цах., буд. *девриш* ‘дервиш’;

перс. گاو بان gāvbān – таб. *габан*, агул. *гаван* ‘пастух’;

перс. کارگر kārgar – лак. *каргар* ‘старший подмастерье’;

перс. کشیش kašiš – кар., тинд., чам., цез. *кашиш*, дарг., лезг., таб., буд. *кешиш* ‘священник’;

перс. میرزا mirzā – авар., таб. *мирза*, лезг., буд. *мирзе* ‘мирза, писарь’;

перс. مهتر mehtar – лак. *михьтар*, лезг. *мегьтер*, таб. *мигьтар* ‘конюх’;

перс. مزدور mozdur – лезг., таб. *муздур* ‘батрак’; цахур. *муздур* ‘чабан’;

перс. استاد ostād – авар. *устар* ‘сапожник’; бежт., год., гунз., кар., тинд., цез., чам., рут. *устар*, дарг., таб., буд. *уста*, лак. *усттар*, лезг. *устад//устIар*, цах. *устта* ‘мастер’;

перс. پهلوان pahlavān – авар., бежт., гунз. *палугьан*, цез. *палгьан*, кар. *палигьан*, тинд. *палухан*, чам. *палагьан*, дарг. *пагьливан*, лак. *пагьламан*, таб. *пягьливан*, цах. *пегьливан*, чеч. *пелхьō*, инг. *пелхьа* ‘канатоходец’; лезг. *пагьливан*, рут. *палуван*, буд. *пегьливан*, удин. *пейлуван* ‘борец, силач’. А.К. Шагиров [1977 II: 11] фиксирует этот иранизм в западнокавказских языках: каб., адыг. *пелыŷан*, абх. *а-пелŷан*, абаз. *пельŷан*, убых. *пэлŷан*; ср. также осет. *pelwan*, груз. *palavani* [Абаев 1973: 240];

перс. پیشکار pišekār – лак. *пишакар*, лезг. *пешекар*, таб. *пишекар*, удин. *пеъшакар* ‘специалист’; рут., цах. *пешекар* ‘чабан’;

перс. سرکار sarkār – лезг. *серкер*, таб., буд. *саркар*, рут., цах. *саьркаьр* ‘старший чабан’;

перс. سوداگر sowdāgar – лак. *савдажар*, лезг., агул., рут. *савдагар*, таб. *севдигар*, буд. *совдагар*, чеч. *совдегар* ‘торговец’. Слово зафиксировано в некоторых абхазско-адыгских языках, см. [Шагиров 1977 II: 63].

В других кавказских языках см. [Абаев 1979: 94; Климов, Халилов 2003: 39];

перс. آواره āvāre – лезг., буд., таб., удин. *авара* ‘бродяга’;

перс. برخوردار barxordār – буд. *бархуда* ‘хозяин; владелец’;

перс. بیکار bikār – агул. *пекаьрф* ‘безработный’, лезг. *бейкар*, буд. *бикаьр*, таб. *бикар* ‘бездельный’;

перс. دستاق dostāq – лезг., таб., агул., буд. *дустагъ* ‘арестант’;

перс. گدا gadā – лезг., агул., рут., буд., крыз., хин. *гада*, таб. *гиди*, цах. *гаде* ‘мальчик’;

перс. جوان javān – лезг., таб. *живан*, буд., хин., цах. *джаван* ‘юноша, молодой’;

перс. کد خدا kadxodā – лезг., буд. *кент-худа* ‘сельский староста’; рут. *катхуда* ‘богатый’;

перс. مهمان mehmān – лезг. *мугьман*, рут., цах. *мигьман*, крыз. *мигьмен*, буд. *мемен* ‘гость’;

перс. پادشاه pādšāh – авар., гунз., цез. *пачахI*, кар., дарг. *пача*, лак. *паччахI*, бежт., лезг., агул., рут. *пачагь*, тинд., чам. *парчахI*, таб. *паччагь*, цах. *падишагь*, удин. *паччагъ*, чеч. *паччахь*, инг. *паччахьа* ‘царь, государь, падишах’. Ср. каб. *пашътыхь*, адыг. *пачъыхь*, абаз. *паштыхь*, убых. *падшахь*, *падшахьа* [Шагиров 1977 II: 8; см. также Абаев 1973: 235; Климов, Халилов 2003: 51-52];

перс. رهبر rahbar – лезг., агул., таб., цах. *регьбер*, рут. *рагьбер*, хин. *лаьгьбаьр* ‘вождь, руководитель’;

перс. رنجبر ranjbar – лезг. *лежбер*, таб. *нежбер*, агул. *неджбаьр*, буд. *реджбер* ‘крестьянин, работник’;

перс. شاه زاده šāhzāde – лезг. *шагьзада* ‘царевич, принц’;

перс. سردار sardar – авар., лак., буд. *сардар*, лезг. *сердер*, чеч. *сардал* ‘наместник’;

перс. شاگرد šāgerd – лак. *чагурт*, лезг. *шакIурт*, таб. *шагурд*, агул. *шагирд* 'подмастерье; ученик';

перс. شاه šāh – авар., бежт., тинд., чам., цез., дарг., лак., лезг., таб., буд. *шагь*, чеч. *шахь* 'шах, царь'. В осетинском *sax* [Абаев 1979: 48];

ср.-перс. **āparak, āpartan* 'грабить' – авар., чам. *апараг*, кар. *апаракI*, тинд. *апараг'и* 'пришелец, чужой'; бежт., гунз., цез. *апаракI*; лак. *апараг* 'бродяга'. Этимология данного слова в кавказских языках окончательно не разъяснена, однако В.И. Абаев [1958: 25] в качестве возможного источника предлагает именно этот среднеперсидский этимон;

перс. امادگی āmādegi – лезг. *амадаг* 'приятель';

перс. آشنا āšnā – дарг. *ашна* 'друг; милашка'; лак., лезг., таб., агул., рут. *ашна* 'приятель (-ница); любовник (-ца)';

перс. گران geran – лезг. *иран: иранбуба* 'тесть (букв. дорогой отец)', *иранвах* 'свояченица', *ирандиде* 'теща', *иранстха* 'шурин';

перс. همباز hambāz – цах. *гьаммаз*, буд. *гьамбаз* 'друг, товарищ';

перс. کس kas – лак., лезг., таб. *кас* 'человек', 'личность';

перс. نوه nave – лезг., цах. *неве*, буд., удин. *наьваь* 'внук, внучка';

перс. نماینده namāyande – цах. *нумасыде* 'представитель';

перс. دشمن došmān – авар., багв., ботл., кар., тинд., чам., бежт., цез. хвар., гин. *тушман*, год. *тушма*, гунз. *тушбан*, ахв. *тошома*, арч., дарг., лак., лезг., таб., агул., цах., рут., крыз., буд. хин. *душман* 'враг, неприятель' уд. *дуьшман*;

перс. دوست dust – лак. *дус*, лезг., таб., буд., крыз., рут. *дуст*, агул. *дустт*, цах. *дост*, удин. *достт*, арч. *дос* 'друг';

ср.-перс. *wuzurg* (через араб. وزير wazīr) – лак., агул., тинд., цез. *вазир*, дарг. *визир*, лезг. *везир* 'визирь', 'министр';

курд. *гäдä-гудä* – лезг. *гада-гьуди* 'мальчишки, несерьезные люди'.

2. Лексика, выражающая духовное и физическое состояние человека, его поведение, склонности:

перс. عملدار amaldār – дарг. *гIямултар*, лезг. *амалдар*, таб. *аьмалдар*, рут. *гьаьмаьлдар* ‘хитрый; хитрец’;

перс. بد زات badzāt – лезг. *бедзат* ‘озорник’;

перс. گنه کار gonahkār – лак. *бунагькар*, лезг., таб. *гунагькар*, удин. *гуьнахкар* ‘грешник, виновник’;

перс. همپا hampā – лезг. *ампа* ‘воротила, заправила’;

перс. حرامزاده harāmzāde – бежт., лезг., буд. *гьарамзада*, лак. *хIарамзада*, таб. *гьярамзада* ‘негодяй, мошенник, мерзавец’;

перс. کلک باز kalakbāz – лезг. *келекбаз*, таб., буд. *келегбаз* ‘шутник’, ‘забавник’;

перс. کفتار kaftār – лезг., таб. *кафтар*, буд. *кафттар* ‘дряхлая старуха’; удин. *кафттар* ‘дряхлый старик’;

перс. مجوسی majusi – авар., лак., лезг. *мажуси* ‘огнепоклонник, язычник’;

перс. نازنین nāzanin – лезг., таб. *назани* ‘красавица’;

перс. بد bad – лезг., таб. *бед*, буд. *бад* ‘плохой; злой’ (ср.: ср.-перс. *vat*);

перс. بد بخت badbaxt – лезг., таб. *бедбахт*, буд. *бадбахт* ‘несчастный’;

перс. بدراه badrāh – лезг., таб. *бедрягь*, буд. *бадраьхI* ‘разнузданный; скверный’;

перс. بی‌آبرو biābru – лак. *баявурсса* ‘безобразный’, удин. ‘бесстыдный’, лезг. *беябурун* ‘позорить’, таб. *беябур (апIуб)* ‘позорить’, буд. *бейабур* ‘позор’;

перс. بیچاره bičāre – лак. *байчара*, лезг., таб. *бейчара*, буд. *бийчаре* ‘бедняга’;

перс. بختور baxtvar – лезг., таб., рут., буд. *бахтавар*, цах. *бахтивар*, удин. *бахттавар* 'счастливый; счастливец';

перс. بیزار bizār – авар., бежт., гунз. *бизараб*, цез. *бизарав*, лак. *бизарсса* 'скучный, докучливый', лезг. *бизар (авун)*, буд. *бизар (сиъи)* 'надоедать', агул. *бизар (акьуб)* 'мучение', удин. *безаьр*, таб. *бизар* 'усталый';

перс. چاغ čāġ – дарг. *чагъси* 'задорный', таб. *чагъ* 'полный, тучный';

перс. چپ čap – лезг., таб. *чап* 'косой';

перс. بابی bābi – лак. *баби* 'скандалист', лезг. *баби* 'богоотступник';

перс. دند dand – лак. *данда* 'олух; остолоп';

перс. بند band – лезг. *бенд* 'влюбленный';

перс. دلبر delbar – лак. *дилбар* 'прекрасная, возлюбленная';

перс. بنده bande – лезг. *буьндуьгуьр*, таб. *бендегюр* 'некультурный';

перс. بیش بتر bišbatar – лак. *башбатар* 'тупица, несообразительный';

перс. بی‌نوا binavā – лезг. *бейниван*, таб. *бейнава* 'безропотный, безобидный', 'бедняга';

перс. درد dard – авар., дарг., лак., агул., рут., буд. *дард*, лезг. *дерт*, таб. *дерд*, цах., крыз., удин., хин. *даьрд* 'печаль, забота; горе, скорбь'. Об осетинском см. [Абаев 1958: 362];

перс. دردی dardi – лезг., таб., буд. *дерди* 'горе; забота'; бежт., цез. *дарди* 'безразличие', гунз. *дарди* 'раздумье; печаль';

перс. درد سر dardsar – лак. *дардисан*, лезг. *дердисер* 'горе, страдание', буд. *дардасер* 'непутевый; причиняющий заботы';

перс. دستگاه dastgāh – лак. *дазгахI* 'веселье';

перс. دلاور delāvar – лезг., таб., буд. *дилавар* 'красноречивый';

перс. فند fand – лезг., таб. *фендигар*, агул. *фандигарф*, удин. *фаьндккаьр* ‘хитрый; ловкач’;

перс. گیجی giji – крыз. *гижаь* ‘глупый’, буд. *гиджи* ‘придурковатый, слабоумный’. Об осетинской параллели см. [Абаев 1958: 518];

перс. گمراه gomrāh – лезг. *гумрагь* ‘жизнерадостный’, таб. *гумрагь* ‘состоятельный’, рут. *гумрагь* ‘бодрый’, буд. *гумрагь* ‘буйный’;

перс. گستاخ gostāx – лезг. *кстах* ‘избалованный, изнеженный’;

перс. خسته xaste – лак. *хаста* ‘старый, поломанный’; лезг. *хесте*, цах. *хаста*, буд. *хаьстаь* ‘больной’;

перс. زار zār – лезг. *зарул* ‘печальный, горестный’; буд. *зарми (йихьар)* ‘печалиться’;

перс. زرنگ zarang – лак. *зиранксса*, лезг., таб. *зиринг*, буд. *зиренг* ‘бойкий, живой, проворный’;

перс. زیرک zirak – лак. *зираксса*, лезг., таб., цах., буд. *зирек* ‘бойкий, проворный, живой’;

перс. زیان کار zyānkār – лезг., таб. *зиянкар*, буд. *зийанкар*, удин. *зийанхор* ‘вредный; вредитель’;

перс. سرباز sarbāz – лезг. *сарбаз*, буд. *сербест* ‘смелый, отважный’;

перс. سرسخت sarsaxt – лезг. *сарсах* ‘легкомысленный; глупый’;

перс. سرخوش sarxoš – лезг., таб. *сархуш* ‘восторженный; опьяненный восторгом’;

перс. شکسته šekaste – лезг. *шкеста*, агул. *шаькаьстаь*, буд. *шикест* ‘калека’; таб. *шикаст* ‘с дефектом; ущербный’;

перс. گوری guri – лак. *гурсса*, лезг., таб. *гур* ‘оживленный, шумный’;

перс. حیله‌باز hilebāz – лезг., буд. *гьеллебаз* ‘хитрец, нерадивый человек’;

перс. حیله‌گر hilegar – лак. *хIиллакар* ‘хитрец’, лезг. *гьиллакар* ‘лодырь, лентяй’;

перс. جادو jādu – лезг. *жаду* ‘ханжа, лицемер’;

перс. جنجالی janjāli – лезг. *женжел*, буд. *дженджел* ‘шаловливый’, удин. *джинджик* ‘драчун’;

перс. جومرد jumard – лак. *чумарт*, лезг., таб. *жумарт*, буд. *джоьмерд* ‘щедрый’. Ср.: каб. *жумарт*, адыг. *джомарт* [Шагиров 1977 I: 196], а также осет. *ʒumard* [Абаев 1958: 400];

перс. کور kur – лак., лезг., таб., буд. *кур* ‘слепой’;

перс. کوسه kuse – авар., тинд., чам., цез., лак., цах. *куса*, лезг., таб. *кваса*, агул. *каса*, удин. *коса*, гунз. *коса-сукIу*, чеч. *куьйса* ‘безбородый (с реденькой бородкой) мужчина’. Ср.: каб. *кŷэсэ*, адыг. *кŷапсэ*, абаз. *кŷаса* [Шагиров 1977 I: 213];

перс. لال lāl – лак. *лал(сса)*, лезг., таб., агул., цах., крыз., буд., удин., хин. *лал* ‘немой, глухонемой’;

перс. لخلخ laxlax – лезг. *лахлах* ‘дряхлый’;

перс. لول lul – лезг. *луьл (пиян)*, буд. *луьл (пийан)*, таб. *люл* ‘вдребезги, мертвецки пьяный’;

перс. لوت lut – удин. *луьт* ‘голый, нагой’;

перс. چرک čerk – авар. *чорокаб*, ахв. *чорокада*, цез. *чорокав* ‘грязный, чумазый’; кар. *чорок*, тинд. *чороки* ‘неряха, грязнуля’;

перс. چرکین čerkin – авар. *чиркинаб*, лезг., таб., хин. *чиркин*, агул. *чиркимф*, ‘грязный’, буд. *чиркин* ‘неряшливый’;

перс. مرد mard – лезг., таб., рут., буд. *мерд* ‘щедрый, великодушный’, удин. *маьрд* ‘храбрый, щедрый’;

перс. مردم آزار mardomāzār – лезг., таб., буд. *мердимазар* ‘вредный’;

перс. مفت خور moftxor – лезг. *муьфтехур*, буд. *муфтахур* 'дармоед, тунеядец';

перс. ناچاغ nāčāq – лезг., таб., удин. *начагъ*, цах. *начах* 'больной, хворый';

перс. نادنج nādenj – лезг., таб. *надинж* 'шалун, шаловливый';

перс. نامرد nāmard – авар. *ламарт*, лезг., буд. *намерд*, удин. *наьмаьрд* 'вероломный, коварный человек, негодяй'; лак. *лавмарт* 'изменник, предатель', рут. *намерд* 'вредный; скупой'; чеч. *ямарта* 'изменнический, коварный';

перс. ناخوش nāxoš – лезг., таб., буд. *нахуш* 'болезненный, нездоровый';

перс. پریشان parišān – лезг., таб., буд. *перишан* 'печальный, скучный';

перс. پشیمان pašimān – авар., бежт., тинд., чам. *пашманаб*, цез. *пашманав*, кар. *пашманоб*, дарг. *пашманси*, лак. *пашмансса*, лезг., таб., агул., буд. *пашман*, чеч. *пошмēниг* 'грустный, печальный'; цах. *пашман*, удин. *пеъшман* 'кающийся, раскаивающийся'; год. *пашманлъи* 'печаль'; гунз. *пашман (бува)* 'печалить';

перс. پنتی penti – лезг., буд. *пинти* 'грязный, неряшливый';

перс. شاد šād – дарг. *шадси*, лак. *шадсса*, лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., буд. *шад*, хин. *шат* 'радостный, веселый';

перс. سیاه siyāh – лезг., таб. *сиягь* 'неудачник';

перс. تنبل tambal – лак. *таммал*, лезг., таб. *темпел*, буд., цах. *тамбал*, крыз. *танпал*, хин. *таьбаьл* 'лентяй, лодырь';

перс. قشنگ qašang – лезг. *къешенг* 'красивый, элегантный';

перс. خوش xoš – лезг., таб. *хуш*, цах. *хваш*, буд. *хош* 'приятный, симпатичный, милый';

перс. خوشبخت xošbaxt – лезг., таб. *хушбахт*, буд. *хошбаьхт* 'блаженный, счастливый';

перс. پاک pāk – лезг., таб., буд. *пак* ‘святой, чистый’; лак. *пак (бикIан)* ‘стать хорошим, порядочным, чистым’;

перс. خرنش xorneš – лезг. *хурнаш* ‘тот, кто храпит, храпун’;

перс. یار yār – лезг., таб. *яр*, рут., буд. *йар* ‘любимый, возлюбленный’;

перс. مهربان mehrebān – лезг., буд. *мегьрибан* ‘ласковый, приветливый’;

перс. کر kar – таб., буд., удин. *кар* ‘глухой’;

ср.-перс. *zindīg* (через араб. زندیق zindīq) – лезг., таб. *зиндикь*, буд. *зындыкь* ‘дерзкий’.

3. Абстрактные понятия:

перс. جور jur – дарг. *жура*, лезг. *жуьре*, таб. *жюре*, буд. *джуьре*, удин. *джуьраь* ‘вид, сорт’; лак. *жура* ‘разновидность’, агул. *джуьре*, цах. *джура*, хин. *джураь* ‘форма, способ’;

осет. *tag* – чеч. *тай*, инг. *така* ‘черта’, ‘линия’. Осетинский источник предлагает В.И. Абаев [1979: 220-221];

перс. حبه habbe – лезг. *аббе* ‘крупинка’;

перс. کاو kāv – лезг. *кав (ам кав туш)* ‘это не в счет’;

тат. *гоф* – лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *гаф* ‘слово, разговор’;

перс. جرگه jarge – тинд., чам., бежт., цез. *ирга*, лак. *яржа*, кар. *гIерга* ‘очередь’, лезг., таб. *жерге*, буд. *джерге*, удин. *джаьргаь*, цах. *джарга* ‘ряд, шеренга’;

перс. رج raj – цах. *рыдж* ‘очередь’;

перс. دسته دسته daste daste – лезг. *десте-десте*, таб. *десте-дестеди*, буд. *даста-даста* ‘группами’;

перс. هر har – дарг., лезг., таб., агул., буд., удин. *гьар*, лак. *гьаричу* ‘каждый, всякий’, цах. *гьар* ‘разный’;

перс. بیش بتر bišbatar – лезг. *бешбетер*, буд. *башбатар* 'еще хуже', таб. *бешбетер* 'наихудший';

перс. کاروان kārvān – авар., дарг. *караван*, лезг., таб., агул., рут. *карван*, чеч. *ковра* 'караван';

перс. لک lak – лезг. *лакI* 'пятно на материи';

перс. لکه lakke – лезг., таб. *леке*, буд. *лака* 'пятно'. Об осетинском см. [Абаев 1973: 12];

перс. راست rāst – цах. *раст* 'правильный; честный'; лак. *рас (бикIан)* 'стать прямо'; агул. *рас (хьис)*, лезг. *расалмиш (хьун)*, таб. *расалмиш (хьуб)* 'встретиться'. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 350-352];

перс. آسایش āsāyeš – лезг. *асайиш*, буд. *гIасайиш* 'покой, спокойствие';

перс. ازبر azbar – лезг. *эзберун* 'учить наизусть', таб. *эзбер* 'заучивание наизусть', буд. *эзбер* 'повторение', удин. *аьзбаьр* 'наизусть'. Ср. адыг. *йэзбырэӯ* 'наизусть' [см. Шагиров 1977 I: 173];

перс. پیاده piyāde – лезг., таб. *пияда*, агул., рут., буд. *пийада*, удин. *пиада* 'пеший'; цах. *пиадара* 'пешком';

перс. سوزا suzā – лезг., таб., крыз. *суза* 'стон, стенание';

перс. ورزش varzeš – удин. *ваьрдиш* 'привычка, навык'; лак. *вардишсса*, лезг., таб. *вердиш*, цах. *вардиш* 'привыкший, прирученный';

перс. دستپاچه dastpāče – лак. *дасмача*, лезг. *теспача* 'суета', цах. *деспачехьес* 'волноваться';

перс. گمان gamān – лезг. *гиман*, таб. *гуман* 'предположение';

перс. کین kin – лезг. *кин* 'опаска, злоба', таб. *кин* 'опасение, боязнь', буд. *кин* 'ненависть'. О распространении данного слова в других языках см. [Абаев 1958: 596];

перс. آوار āvār 'обломки, тяжесть' – авар., кар., чам., цез. *авара* 'препятствие, помеха'; бежт. *авара* 'безразличие, равнодушие'; тинд. *авара*

'возня, хлопоты'; дарг. *авара* 'хлопоты, забота', лак. *авара* 'смута; огласка';

перс. بهانه bahāne –лезг., таб., цах., буд. *багьна*, авар., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез., дарг., лак. *багьана*, удин. *маьгьнаь*, чеч. *бахьана* 'предлог, повод';

перс. برباد barbād – лезг. *барбатI (хьун)* 'разрушать', таб. *барбатI* 'разгром', буд. *барбат (йихьар)* 'разрушаться';

перс. بس bas – лезг. *бес (авун)* 'делать так, чтобы хватало', таб. *бес* 'достаточный';

перс. بهم beham – лезг., таб. *бегьем*, буд. *багьам* 'достаточный; положительный';

перс. چپ čap – лезг. *чапла*, агул. *чипIилф*, рут. *чIаьпул* 'левый';

перс. چاره čāre – авар., бежт., цез., лезг., таб., агул., буд. *чара* 'выход; средство', лак. *чара* 'возможность', кар. *чара (бичIа бахвалъа)* 'оказаться в безвыходном положении', тинд. *чара (гьикі'уб)*, чам. *чара (икIидас)* 'крайне необходимый';

перс. دم بدم dambedam – лезг. *денбеден* 'моментально, сразу';

перс. دنگ dang – лезг. *денг (авун)* 'надоедать, изводить';

перс. داغ dāq – удин. *дагъ* 'прижигание, ожог', лезг. *тагъ (авун)* 'поджаривать', таб. *дагъ (апIуб)* 'жарить', лак. *дагъ* 'тавро, клеймо; печать';

перс. درست dorost – авар. *дурусаб* 'точный, правильный'; тинд., чам. *дурусаб* 'подходящий, точный', дарг. *дурусли* 'точно', лак. *дурус* 'точно, как раз'. Кроме осетинского [см. Абаев 1958: 383-384] лексема встречается и в других кавказских языках [см. Шагиров 1977 I: 152];

перс. فراخ farāx – лезг. *фирагь*, таб. *фуригь* 'широкий';

перс. گوهر gowhar – авар. *гугьар* 'прелесть';

перс. گوربگور gurbegur – лезг., таб. *гурбагур* 'проклятие';

перс. همیشه hamiše – лезг., буд. *гьамиша*, таб. *гьаммишан*, агул. *гьамишан*, цах. *гьаммаше*, рут. *гьаьммаьшаь*, крыз. *гьаьмише*, хин. *гьаьмишаь* ‘всегда, постоянно’;

перс. جان jān – авар., гунз., дарг., лак., таб. *жан*, лезг. *чан*, агул., цах., рут., крыз., буд., удин. *джан*, хин. *джин* ‘душа’, кар., тинд., чам. *джан* ‘сила’;

перс. جاندار jāndār – лак. *жандара* ‘красота, обаяние’;

перс. جگر jegar – авар., бежт., цез. *жигар* ‘энергия’, тинд. *джигар*, чам. *джигар (бахъила)* ‘стараться’, кар. *джигароб*, чеч. *жигаран* ‘активный, энергичный’;

перс. جور بجور jurbejur – лезг. *жуьреба-жуьре*, удин. *джуьраьбаь-джуьраь* ‘различный, разнообразный’;

перс. جوش juš – лак. *жуш (буккан)* ‘очень спешить’;

перс. کج kaj – лезг. *акIаж (хуьн)* ‘гнуться, сгибаться’;

перс. کم kam – дарг., буд., удин. *кам* ‘недостающий, недостаточный’; лезг. *кем* ‘недостаток’; таб. *кам (хьуб)* ‘убавляться, уменьшаться’;

перс. کمی kami – авар. *ками* ‘нехватка, недостаток’; лезг., таб. *кими* ‘недостающий’;

перс. کاستی kāsti – лезг. *кестирма*, таб. *кесдирма*, буд. *кестирме* ‘кратчайший’;

перс. کوچ kuč – лезг. *куч (хьун)* ‘переселиться, перекочевать’, таб. *кюч (апIуб)* ‘переселять’;

перс. کوته kutah – лак. *кутIасса*, цах., буд. *года*, удин. *гоьдаьг* ‘короткий’; лезг. *куьтягьун* ‘кончать, завершать’;

перс. لاج lāj – лезг. *алажун* ‘снимать, сдирать (кожу, шкуру)’;

перс. لنگ lang – буд. *ленг* ‘задержка, задержанный’; лезг. *ленг (авун)* ‘задерживать’; лак. *линкI* ‘хромота’;

перс. مردم آزار mardomāzār – лак. *мардимазан (шиву)* ‘беспорядок’;

перс. مزه maze – лезг., буд. *мезели*, удин. *маьзаьлу* ‘смехотворный, забавный, потешный’;

перс. مفت moft – лезг. *муьфте*, буд. *муфта* ‘даром, бесплатно’;

перс. مزد mozd – лезг. *муьзд* ‘мзда’. В осетинском см. [Абаев 1973: 146];

перс. نشان nišan – авар., год., кар., тинд., чам., цез. *ишан*, бежт. *ишара*, дарг., лак., лезг., таб., буд. *лишан*, агул. *нишан//лишан*, рут. *лышан* ‘знак, метка; мишень, прицел’; чеч. *нийсал-ла* ‘в цель’. О распространении лексемы в абхазско-адыгских языках см. [Шагиров 1977 I: 282] и в других кавказских языках см. [Абаев 1973: 209];

перс. پناه panāh – лезг. *панагь* ‘опора, поддержка’; буд. *пенагь* ‘убежище, опора’;

перс. پند pand – лак. *панд* ‘причина, повод’;

перс. پاره pare – гунз. *пара* ‘клочок, кусок’;

перс. پرچ parč – лезг. *пуьрчуькь (авун)* ‘расплющивать’;

перс. پیوند peyvand – буд. *пейвенд (къуротIу)* ‘прививать к дереву’;

перс. پوچ puč – авар. *пуч* ‘порча’, лак. *пуч (хьун)* ‘погибнуть, разориться’, лезг. *пуч (ун)*, буд. *пуч (сиъи)* ‘губить, уничтожать’, таб. *пуч* ‘негодный, непригодный’, агул. *пуч* ‘испорченный’;

перс. رخنه raxne – лезг. *рехне* ‘дефект’;

ср.-перс. *rusvāk* ‘опозоренный, обесчещенный’ – лезг. *русвагь (авун)* ‘марать, пачкать’, таб. *русвагь* ‘испачканный’. Иранский источник для лезгинской лексемы предложен А.А. Селимовым [2001: 377];

перс. شنو šenow – лезг. *сирнав* ‘плавание’; таб. *сирнав (ап1уб)* ‘плавать’;

перс. سیخک sixak – лезг. *сих* ‘непосредственный’;

перс. سست sost – буд. *суст* ‘тихий’; лак. *сус (хьун)* ‘замолчать’; лезг. *суст (хьун)* ‘дремать’; *суст (апIуб)* ‘приводить в сонное состояние’;

перс. تک tak – дарг. *тяк* ‘нечетный’; лак., буд. *так*, лезг., таб. *тек* ‘единичный, непарный, нечетный’;

перс. تماشا tamāšā – авар., кар. *тамаша* ‘диковинка; диво’; цез. *тамаша* ‘удивление’; лак., лезг., буд. *тамаша*, таб. *тамаши*, цах. *тамаше* ‘зрелище, представление’; тинд. *тамаша (бухьо)* ‘удивительно’; чам. *тамаша (игьла)*, бежт. *тамаша (йахъал)* ‘удивляться’; чеч., инг. *тамаш* ‘удивление’. Об осетинском слове см. [Абаев 1979: 228];

перс. تارومار tāromār – лезг., буд. *тармар* ‘разгром; развал’;

перс. تندی tondi – лезг. *тади*, таб. *тяди* ‘спешный, срочный, поспешный’;

ср.-перс. *vāng* – лезг. *ван* ‘голос; звук; шум’ [см. Асланов 1973: 155];

перс. خرده xorde – авар., бежт., тинд., чам., цез. *хурда* ‘мелочь’; лак. *хурдасса*, лезг. *хирде*, таб. *хирда*, удин. *хуру* ‘мелкий’;

ср.-перс. *zand* – лезг. *зенд*, удин. *заьнд* ‘мнение, мысль’ [см. также Селимов 2001: 197];

перс. زله zelle – лезг., таб., буд. *зегьле* ‘душа’; удин. *заьгьлаь*, хин. *заьгьла* ‘отвращение, пренебрежение’;

перс. زور zur – лак., лезг., таб., буд. *зур*, удин. *зор* ‘мощь, сила, насилие’;

перс. پارچه pārče – лак., агул. *парча*; буд., цах. *парче*, таб. *парчи* ‘часть, кусок’;

осет. *x∘yz//xuz (æ)* ‘цвет’, ‘вид’, ‘образ’, ‘портрет’ – авар., анд., бежт., ботл., гунз., кар., тинд., чам., дарг., лак., лезг., агул., буд., таб., крыз. *куц*, арч. *кус*, ахв. *кучи*, год. *куци*, цез. *кесу//коси*, рут. *курус*, инг. *куст*, *куц* ‘облик, форма’. Восточнокавказские и осетинскую формы увязывает И.Х. Абдуллаев [1992: 95]. В.И. Абаев [1989: 273-274], в свою очередь, осетинскую форму сближает с согд. *kršn* ‘вид’, ‘внешность’, ‘облик’;

тат. *зурба* – лезг., таб. *зурба*, буд. *зорба* ‘очень большой, огромный’;

тат. *кура* – лезг. *кура-кура* ‘в розницу’;

перс. آبرو ābru – лезг., таб. *абýр*, буд., рут. *абыр*, удин. *гьабур* ‘достоинство; честь; приятная внешность’, лак. *авур* ‘изящество; привлекательность’;

перс. آفرین āfarin – лак. *апарин*, лезг., таб., буд. *аферин*, удин. *аьфаьрим* ‘хвала; браво!; благодарность’;

перс. اخمو axmu – лезг., буд. *ахмур* ‘укор, порицание’;

перс. بدنام badnām ‘опозоренный’ – лезг. *бедлем (авун)* ‘позорить’, буд. *баднам (сиъи)* ‘опорочить’, таб. *бедлан* ‘постыдный, позорный’;

перс. بخت baxt – цез., бежт., гин. *бах*, лак., арч., лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., хин., буд. *бахт*, удин. *вахтт* ‘счастье’;

перс. دروغ doruġ – крыз., буд. *дуру* ‘ложь; обман’;

перс. ماچ mač – таб. *мачI*, агул. *мач (икIуб)* ‘поцелуй’;

перс. پرت part – лезг. *перт (авун)* ‘сердить, приводить в ярость’; таб. *парт (хьуб)* ‘опешить, растеряться’;

перс. زهرمار zahr-e mār – авар. *загьруман*, лезг. *зегьримар//зегьриман*, таб. *зегьриман* ‘выражение проклятия’;

перс. زیان ziyān – авар., лак., лезг., таб., цах. *зиян*, бежт., год., тинд., чам., буд., удин. *зийан*, чеч. *зён* ‘вред, ущерб’. “Персидское слово, восходящее к др.-иран. *zyānā* ‘вред’, от корня *zyā-* ‘вредить’. Частью непосредственно, частью через тюркское посредство вошло во многие языки, в том числе и в русский” [Абаев 1998: 310];

перс. فند fand – лезг., таб. *фенд*, удин. *фаьнд* ‘трюк, проделка; хитрость’;

перс. گنه gonah – авар., кар., ботл., бежт. *мунагь*, чам. *мунегь*, год., тинд. *мунагьи*, гунз., цез. *мунахI*, дарг., лак. *бунагь*, лезг., таб., рут., цах.

гунагь, удин. *гуьнах* ‘грех, вина’. Слово широко распространено и в западнокавказских языках, ср.: каб. *гӯэныхь*, адыг. *гӯынахь*, абх. *а-гӯнахьа*, абаз. *гӯнахь*, убых. *гюнахь* [Шагиров 1977 I: 112];

перс. هنر honar – авар., кар., тинд., чам., цез. *гьунар* ‘подвиг, умение, искусство’, бежт., гунз. *гьунар* ‘умение’, год. *гьунар* ‘ловкость’, дарг. *гьунар* ‘подвиг, способность’, лак. *гьунар* ‘способность, талант; подвиг’, лезг., таб. *гьунар* ‘доблесть, отвага’, цах. *гьунер* ‘умение’, буд. *хIунар*, чеч. *хьуьнар* ‘доблесть, способность’, удин. *гьуьнаьр* ‘отвага, смелость’;

перс. کلک kalak – лезг. *келек*, таб., буд. *келег* ‘злая шутка’;

перс. مکاری makkāri – авар., анд., ахв., год., цез., хвар., гин., кар., гунз., лак. *макру*, бежт. *макро*, буд. *макыр*, рут. *макар*, чеч. *мēкарлō*, инг. *маькарло* ‘хитрость, коварство’; лезг. *мекир* ‘клевета’;

перс. ناز nāz – авар. *наз-назди* ‘капризы, прихоть’, лак. *няз*, лезг., таб., буд., удин. *наз* ‘кокетство’;

перс. پرهیز parhiz – лак., таб. *пагьриз*, лезг. *пегьриз*, буд. *парыз*, удин. *паьгьриз* ‘диета’;

перс. ریشخند rišxand – дарг. *ришхант*, лак. *рихшант//ришхант*, лезг., таб., буд. *рихшанд* ‘насмешка’;

перс. خواهش xāheš – цах. *хагьиш* ‘просьба’;

перс. خیلی xeyli – лезг. *хейлин* ‘значительно’; *хайлин* ‘значительный’;

перс. آه و زار āhuzār – авар. *угьи-зигар*, лезг., таб., буд. *агьузар* ‘стенание’;

перс. اندیشه andiše – авар., кар. *анищ* ‘мечта’;

перс. آرزومند ārzumand ‘желание; мечта’ – лезг. *эрзиман* ‘желание; мечта’; лак. *арзуман* ‘досада’;

перс. داد dād – лезг. *дад* ‘мольба, просьба’;

перс. دادبیداد dādbidād – лак., лезг., таб. *дад-бидад*, буд. *дади-бидад* ‘мольба, просьба о помощи’;

перс. کنار kanār – лезг. *кинар* ‘ласка’;

перс. نوش nuš – лак., лезг., таб., буд. *нуш* ‘услада, удовольствие’;

перс. امید omid – дарг. *умут*, лак., арч., лезг., таб., агул., цах., рут., удин. *умуд*, крыз., хин. *умид*, буд. *уьмуьд*, бац. *имед* ‘надежда’;

перс. سرنجام saranjām – лезг., таб. *серенжем*, буд. *саранджам* ‘мера; мероприятие’;

перс. سرشت serešt – лезг. *сиришта* ‘порядок’; буд. *сериште* ‘опыт, навык’;

перс. سیلی sili – лезг., буд. *силле* ‘пощечина, оплеуха’;

перс. بکار bekār – лезг. *бакара*, таб. *бакар* ‘нужный, необходимый’;

перс. آزاد āzād – дарг. *азадси*, лак. *азатсса*, лезг., таб., цах., буд., удин. *азад* ‘свободный’; чеч. *азат* ‘освобождение от рабства’;

перс. گزاف gazāf – лезг. *гзаф*, таб. *гизаф* ‘много’;

перс. گران geran – цах. *гиранда* ‘дорого’;

перс. آواز āvāz – чеч. *аз*, инг. *оаз* ‘голос, звук’, лезг., агул., буд. *аваз* ‘напев, мелодия’ (но таб. *аваза* ‘молва, слухи, кривотолки’);

перс. کیچ kič – лезг. *кичин* ‘слегка брызгать, крапать’.

4. Слова, характеризующие отношения между людьми, общественно-политические термины, имущественное положение, наименования видов хозяйственной деятельности и т.п.:

перс. سیاهه siyāhe – авар., дарг. *сияхI*, кар., чам. *сийахI*, тинд. *сийахIи*, лак. *сиахI*, лезг., таб. *сиягь*, буд. *сийагьи*, цах. *сийаьгъи*, удин. *сийаьгьи* ‘список, перечень’;

ср.-перс. *laškar* (через араб. عسكر ‘askar) – авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг. *аскар*, лак. *аьскар*, лезг. *аскер*, таб. *эскер* ‘воин, войско’;

перс. بخشنده baxšande – лезг., таб. *бахшанд* ‘свадебный подарок невесте’;

перс. بخشیش baxšiš – лак. *бахшиш* ‘подарок’, буд. *бахшейиш* ‘свадебный подарок невесте’;

перс. بخشیدن baxšidan – лезг. *бахш (авун)* ‘дарить’, таб. *бахш* ‘дар, подарок’;

перс. بیگار bigār – лак., таб. *бигар* ‘поручение’, лезг. *бигер* ‘барщина’, буд. *бигар* ‘общественная повинность’. Об осетинском см. [Абаев 1958: 259];

перс. دهیک dah yek – лезг. *дегьек* ‘оброк’;

перс. بلگه balge – лезг. *белге* ‘вещественное доказательство’;

перс. دسته daste – лак. *дастта*, лезг., таб., цах. *десте*, буд. *даста*, удин. *даьсттаь* ‘отряд, группа’. Из персидского данное слово воспринято также и осет. в форме *dasta* [Абаев 1958: 347];

перс. دیوان divān – авар., дарг., лак., таб., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез. *диван*, лезг. *дуван* ‘суд’;

перс. دستاق dostāq – кар. *туснахъ* ‘арест’;

перс. فرمان farmān – авар., бежт., кар., чам., лак. *пурман*, цез. *пурма*, чеч. *пурба*, инг. *пурам* ‘разрешение, дозволение’; лезг., таб. *фарман*, буд. *ферман* ‘указ’;

перс. گرو gerow – лак. *гилав*, лезг., таб., агул., цах. *гирав* ‘залог’;

перс. گروه goruh – авар. *гури* ‘толпа, сборище’, лезг. *гругь* ‘ряд (людей)’, цах. *гуррагь* ‘группа’. О слове в осетинском см. [Абаев 1958: 532];

перс. کار kār – лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *кар* ‘дело, занятие’;

перс. کشی kaši – лак. *каши* ‘состоятельность’;

перс. کینه kine – лезг. *кьин*, цах. *кIын*, буд. *кьын* ‘клятва, присяга’;

перс. مکاره makāre – лезг., таб. *мекера* ‘ярмарка’;

перс. مایه māye – лак., лезг. *мая* ‘средства, капитал’;

перс. مدارا modārā – лезг. *мадара* ‘экономия’;

перс. پیشه piše – авар., гунз., лак. *пиша*, лезг., рут. *пеше*, таб. *пише*, агул. *пеша*, удин. *пеъшай* ‘ремесло, профессия, занятие’; кар., чам. *пиша* ‘способность, умение’, тинд. *пиша* ‘деятельность’;

перс. پیش کش piškeš – лак. *пишккаш*, лезг. *пишкеш*, таб., цах., буд. *пешкеш*, удин. *пешккаьш* ‘дар, подарок’;

перс. رفتار raftār – лезг., таб., буд. *рафтар* ‘отношение, взаимоотношение’;

перс. شاباش šābāš – лак., лезг., таб., буд. *шабаш* ‘шабаш (деньги, даваемые танцорам и музыкантам во время танца)’;

перс. سلس sales – бежт. *селестIа* ‘спор; ссора’; лезг. *силис* ‘следствие; болтовня’; таб. *силис*, буд. *силист* ‘следствие’;

перс. تاراج tārāj – лезг., рут. *тараш* ‘грабеж, хищение’; удин. *таьраьш* ‘растрачивание’;

перс. تیمار timār – авар., бежт., кар., тинд., цез. *тимар*, чам. *тимир* ‘чистка (лошади)’; таб. *тюмер* ‘уход, ухаживание (за животными)’, лак. *тимар (буллан)* ‘ухаживать, заботиться’; буд. *тумар (суьъуъ)* ‘холить, ласкать’;

перс. تخم toxm – авар., бежт., гунз., гин., кар., ахв., ботл., год., тинд., чам., цез., хвар., дарг., лак., арч., лезг., таб., агул., рут. *тухум*, цах. *тохум* чеч. *тукхам* ‘род, племя’;

ср.-перс. *vāčār* – авар. *вачари*, дарг. *вачар* ‘торговля’. Слово отсутствует в лезгинских языках, вследствие чего можно предположить о заимствовании данной лексемы через грузинское (*vac'ari*) или аланское (**wacar*) посредство [см. Абаев 1989: 30];

перс. خرج xarj – авар., чам., ботл., год., бежт., гунз., гин., цез., дарг., лак., лезг., таб., рут., цах., арч., чеч. *харж*, анд., багв., тинд. *харжи*, кар. *харджe*, ахв. *хаджи*, агул., хин., буд. *хардж* ‘расход, трата’; арч. *харж* ‘зарплата’. Слово “широко распространено не только в мусульманском мире, но и у некоторых христианских народов” [Абаев 1998: 142];

перс. یادگار yādgār – лак., лезг., таб. *ядигар*, цах. *йедигар*, буд. *йадигар* ‘сувенир, подарок’, удин. *йедийаьр* ‘на память’;

перс. جنگ jang – лезг., таб. *женг* ‘борьба’, буд. *данга* ‘ссора’.

Материальная и духовная культура

Данная тематическая группа, являясь самой объемной по количеству включающих в себя лексических единиц, дает довольно полную картину о месте и роли персидских заимствований в истории развития языка и культуры восточнокавказских народов. Эта тематическая группа также разделена на подгруппы.

1. Предметы быта, домашняя утварь:

перс. آبگردان ābgardān ‘ковш, черпак’ – лезг. *абугерден*, таб. *абугердан* ‘половник’;

перс. آفتابه āftābe – лезг., таб. *афтафа*, рут. *ахьтухаь*, цах. *асттафа*, буд. *афтава*, удин. *афттафа* ‘кумган’. Лексема, возможно, заимствована через посредничество азербайджанского языка (ср.: аз. *aftafa*);

перс. آئینه āine ‘зеркало’ – буд. *гIайна*, крыз. *гIаьйнаь*, хин. *хIайнаь* / *хIаьйнаь* ‘зеркало’; удин. *айна* ‘оконное стекло’; цах. *айне* ‘стекло’; агул. *гIейна*, лезг. *айнаяр*, таб. *аьйнар* ‘очки’;

перс. الک alak – лезг. *элег*, дарг. *ула*, удин. *гул* ‘сито’;

перс. آخور āxor ‘ясли (для скота)’ – лезг., удин. *ахур* ‘ясли (для скота)’, таб. *ахур* ‘стойло’;

перс. باده bāde – лезг. *бади*, буд. *бадъе* ‘чаша, миска’;

перс. بلور ballur – лак. *бурул*, лезг. *булур* ‘лупа’;

перс. چادرشب čādoršab – чеч. *шаршу*, авар. *шаршав* ‘простыня’; лак. *чарчав*, лезг. *шаршав* ‘покрывало, чадра’. Слово заимствовано западно-кавказскими языками, ср.: каб. *шъашъыхŷ*, адыг. *шашыф*, абх. *а-шьаршьаф*, убых. *шершаф*, абаз. *шашыхŷ* [Шагиров 1977 II: 145];

перс. چلیک čelik – лезг., таб. *челег*, буд. *челлег* ‘бочка’, чеч. *чийлик* ‘ведро, бадья’;

перс. کاغذ kāqaz – авар., анд., кар., чам., ботл., цез., хвар., гин., рут. *кагъат*, ахв. *кагъа*, багв. *кагъар*, год., тинд. *кагъати*, лак. *чагъар*, дарг. *кагьар*, арч., *кагъыра*, лезг., таб., рут, крыз., буд., хин. *кагъаз*, цах., удин. *кагъыз*, чеч. *кēхат*, инг. *каьхат*, бац. *кагъалд* ‘бумага’. Слово относят к согдийскому источнику, широко распространившемуся на Кавказе через персидское посредничество [Абаев 1958: 517; Климов, Халилов 2003: 107];

перс. چانه čāne – авар. *чанагъ*, анд. *чанагъи*, тинд., чам. *чанагъа*, цез. *чагъаIна* ‘сани’;

перс. چارپاره čārpāre ‘с четырьмя ножками’ – лезг. *чарпай*, таб. *чарпас*, буд. *чарпайи* ‘топчан, кровать’;

перс. چایدان čāydān – авар., кар., чам., цез., лезг., таб., цах. *чайдан*, бежт. *чайдар*, лак. *чяйдан* ‘чайник’; тинд. *чайдан* ‘чаша (керамическая)’. Об осетинском слове см. [Абаев 1958: 287];

перс. چراغ čerāq – авар., кар., чам., бежт., тинд., лак. *чирахъ*, год. *чирахъи*, гунз. *чирах*, цез. *чирахI*, дарг., лезг., агул., таб., крыз., буд., удин., хин. *чирагъ*, арч., цах., рут. *чарах*, чеч. *чиркх*, бац. *чрак* ‘лампа; свеча’. На персидский источник этого слова указывает В.И. Абаев [1958: 324];

перс. چراغپا čerāqpā – буд. *чирагъпа* ‘подставка для светильника’;

перс. سینه بند cineband – лак. *синабанд*, таб. *синабенд* ‘нагрудник для лошади’, лезг. *синебенд* ‘ремень от седла’;

перс. دم کش damkaš – лезг. *демкеш*, буд. *демкаш* ‘конфорка’;

перс. دنگ dang – лезг., таб., удин. *динг* ‘крупорушка’;

перс. ديوان divān – авар., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез., лак., лезг., таб., буд., чеч. *диван* ‘диван’;

перс. دوربين durbin – авар. *дурна*, кар. *дуруⁿди*, тинд. *доран*, чам. *дорнийа*, цез. *дурнай*, бежт. *дул*, гунз. *дур*, дарг., лак. *дурлама*, лезг., таб. *дурбу*, буд. *дурби*, чеч., инг. *турмал* ‘бинокль’;

перс. فنجان fanjān – лезг. *фенжан*, рут. *хьуьджан* ‘чашка’, буд. *сучан* ‘медная кружка’;

перс. هاونگ hāvang – лак. *гьаванг*, лезг., таб., буд., крыз. *гьевенг* ‘ступа’;

перс. هزارپيشه hazārpiše – лезг. *гьезер-паша* ‘ящичек для хранения стаканов’;

перс. جاجيم jājim – лезг., таб. *жижим*, цах. *жежим* ‘вид ворсистого ковра’;

перс. جام jām – лак. *ччам*, лезг., таб. *жам*, цах., буд., удин. *джам* ‘кружка’;

перс. كفچه kafče – лезг. *кавча* ‘половник, ковш’;

перс. كفگير kafgir – лак. *кавкил*, лезг., таб., буд. *кепкир*, цах. *кавкур*, удин. *каьфккуьр* ‘шумовка’. Об осетинском слове см. [Абаев 1958: 570];

перс. كلاف kalāf – лезг., таб. *келеф*, цах. *калаьф* ‘моток’;

перс. كليم kalim – цах. *келим//килим* ‘вид ковра’;

перс. كنگر kongor – лезг. *кангур* ‘носик (кувшина)’;

перс. كوزه kuze – лезг. *кІуьцуь*, буд. *кучар* ‘глиняный кувшин’;

перс. لگن lagan – лак. *ляган*, лезг. *лиген*, таб. *леген*, рут. *лаьгаьн*, буд. *лаган*, удин. *лаьгьаьн* ‘таз’. Имеются абхазско-адыгские параллели [см. Шагиров 1977 I: 241];

перс. مرس mars – бежт. *пIерези* 'шпагат'; лак. *мараз*, лезг., таб. *мерез* 'веревка';

перс. نی نی nini – гунз. *нани*, лезг., таб. *нини* 'кукла';

перс. نیشتر ništar – лезг. *ништIер*, таб. *наштар*, крыз. *наьшдаьр* 'перочинный нож', удин. *ништтар* 'бритва';

перс. نهور nohur – цах. *нахвари* 'зеркало';

перс. پالان pālān – авар., лак., лезг., таб., буд., удин. *палан* 'вьючное седло';

перс. پلاس palās – авар., бежт., гунз., кар., чам., цез., лезг., таб., инг. *палас*, год. *паласса*, тинд. *параси*, лак. *парас*, удин. *палаз*, чеч. *палс*, инг. *палаз* 'палас'. Ср. осет. *pælæz* 'накидка из грубой ткани', 'палас' [Абаев 1973: 239];

перс. نلبکی nalbaki – авар., кар. *налбек*, анд. *налбики*, кар. *ламбек*, ахв. *набике*, чам. *налбикI*, гин. *налбик*, лезг. *налбеки*, таб. *лембеки*, уд. *лаьмбаькуь* 'блюдце';

перс. پارچ pārč – цах. *парч* 'медный маленький кувшин';

перс. پرده parde – авар., ахв., год., цез., хвар., гунз., гин., багв., кар., тинд., дарг., лак., арч., *пардав*, лезг., таб. *перде*, агул., буд. *парда*, цах. *перда*, удин. *паьрдаь*, чам. *пардо*, чеч. *пардō* 'занавес, занавеска'; инг. *пордув* 'пленка';

перс. پاتیل pātil – лезг. *бицил*, таб. *баттил* 'чугунный котел';

перс. پیاله piyāle – лак., лезг., таб. *пияла* 'чаша, бокал';

перс. قالیچه qāliče – гунз., лак., лезг., таб., агул., удин. *халича*, цах. *хали* 'коврик, ковер';

перс. قپان qapān – цах. *къапан* 'большие весы';

перс. قازغان qāzqān – лезг. *къажгъан*, хин. *казгъан*, буд. *гIаджгъан* 'казан';

перс. قیف qif – лезг., таб. *кьиф* 'воронка', буд. *кьиф* 'лейка';

перс. سبد sabad – лезг., таб. *сафутI*, цах. *себет* ‘корзина’;

перс. صافی sāfi – лак. *сап* ‘дуршлаг’, лезг. *саф* ‘сито’;

перс. شکردان šakardān – лезг., таб. *шекердан* ‘сахарница’;

перс. سربند sarband – лезг. *зарпанд//залпанд*, таб. *самбал*, цах. *салбан//залппанд*, крыз. *сарбаьнд* ‘недоуздок’; буд. *сарбанд* ‘уздечка’;

перс. سرپوش sarpuš – лак. *сарпуш* ‘медный колпак’;

перс. سیم sim – лак. *сина* ‘струна’, лезг., таб., агул., рут., цах., хин., крыз., буд., удин. *сим* ‘провод; проволока; струна’;

перс. سینه بند sīneband – лак. *синабанд*, таб. *синабенд* ‘нагрудник (лошади)’; лезг. *сенебенд* ‘ремень от седла’;

перс. شیشه šiše – авар., год., тинд., чам., цез. *шиша*, кар. *шишав*, бежт. *шуьшаь*, лак., инг. *шуша* ‘бутылка, флакон’; дарг., чеч. *шиша*, лезг., буд. *шуьше*, таб. *шюше*, агул., цах. *шуьшаь*, рут., крыз. *шушаь* ‘бутылка, стекло’; анд. *шиша* ‘стекло’, гунз. *шуша* ‘стекло (ламповое)’;

ср.-перс. *sukkara* – авар. *суркIа*, дарг. *сукура*, лезг., буд., крыз. *сукIра* ‘чашка, пиала’;

перс. تنگ tang – лезг. *тангар* ‘матерчатые ремни (для пеленания детей в колыбели)’. Слово зафиксировано также и в осетинском языке [см. Абаев 1979: 300-301];

перс. تراز tarāz – дарг. *дараза* ‘балансир акробата’; лак. *тараза* ‘коромысло весов; балансир акробата’; лезг. *терез*, таб. *терезар*, рут. *таразыг*, буд. *таразу*, тинд., чеч. *терза*, инг. *тараз* ‘весы’; бежт. *таразо*, цез. *тараза*, гунз. *таразу* ‘ватерпас, уровень’. Присутствует в абхазско-адыгских языках с различной семантикой: адыг. *тэрэз*, абх. *а-тараз*, абаз. *тараз* ‘правильный, точный’; убых. *тэрэз* ‘приличный, подходящий’ [Шагиров 1977 II: 69]. В других кавказских языках см. [Абаев 1979: 266];

перс. تابوت tābut – авар. *табут* ‘гроб’; цах. *табут* ‘похоронные дрожки’. В осетинском языке и в других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 218];

перс. طاس tās – авар. *тIарс*, кар. *тIарс̄ е*, тинд. *тIаси*, год. *тIарсси*, бежт., гунз., цез., дарг. *тIас*, лак. *тIяс*, лезг., инг. *таз*, чеч. *тас*, цах. *тact*, удин. *ттаз* ‘таз’. Некоторые исследователи в качестве первоисточника предполагают арабский язык [см. Абаев 1979: 234];

ср.-перс. *tābag* ‘сковорода’ – авар. *тIабакъ*, цез. *тIабакIи*, гунз. *тIабакIу*, таб., агул. *тIабакI* ‘поднос’. На среднеперсидский источник указывает также О.И. Виноградова [1982: 9]. В других языках Кавказа см. [Абаев 1979: 243-244]. В значении “сковорода” в некоторых восточнокавказских языках употребляется новоперсидское заимствование تاوه tāve. Ср.: лак., лезг., буд. *тава*, цах., бежт. *тавасар* ‘сковорода’. Об осетинском слове см. [Абаев 1979: 287];

перс. تخت taxt – авар., багв., гунз., гин., тинд., чам., хвар., цез., лак. *тах*, лезг., таб. *тахт* ‘престол, трон; тахта’; кар. *тах*, рут., буд. *тахт* ‘престол, трон’; дарг., бежт. *тах*, агул., цах. *тахт*, кар., чеч. *тахта* ‘тахта’. В осетинском языке см. [Абаев 1979: 352];

перс. وردنه vardane – гунз. *гъыртIэна*, лезг. *варданаг* ‘каменный каток’;

перс. خوانچه xānče – лак. *ххунча* ‘большое дерев. корыто; празднично накрытый стол’; лезг., таб., буд. *хунча* ‘поднос с яствами; изобилие’;

перс. خانه xāne – цах. *хана* ‘ящик в столе’;

перс. خاکانداز xākandāz – авар. *гьекендез*, дарг. *хаканаз*, лак. *ххаканназ*, лезг., таб., буд. *хекендаз*, цах. *хакандас*, чеч. *хьаькназ* ‘совок’;

перс. خرزین xarzin – авар. *харзин*, чеч. *кож*, лак. *хъарзин (кIили)* ‘вьючное седло’;

перс. زنبورک zamburak – лезг. *занбураг*, крыз. *замбурак* ‘носилки’;

перс. زنگ zang – дарг. *зянкъ*, лак., агул., арч. *занг*, лезг., таб., буд. *зенг*, удин. *заьнг* ‘звонок; колокол’;

перс. زنجیر zanjir – авар. *синжир*, дарг. *шинжир*, лак. *ссинжир*, лезг., таб. *зунжур*, агул. *синджил//зинжир*, рут., цах., хин. *зинджир*, крыз. *занджир*, буд. *зинджер*, удин. *зинджил*, чеч. *зIē* ‘цепь’;

осет. *ræxys//ræxis* ‘цепь’ – авар., бежт., ботл., гунз. *рахас*, ахв., год., тинд., год. *рахаси̅*, кар. *рах̅ас*, багв. *лахас*, дарг. *рахаж* ‘цепь’. Как пример дагестанского аланизма приводится рядом исследователей [см. Абдуллаев 1972: 348; Абаев 1973: 397];

перс. قزآغند qazāqand – лезг. *хъуьццуьган*, рут. *гъоIдиген*, хин. *хиччикен* ‘подушка’;

перс. مدبر modbar – лезг. *мадвар*, буд. *мыдбар* ‘вертлюг’;

перс. کندو kandu – лезг., таб. *канду* ‘ларь’;

перс. پرچین parčin – авар. *перчин*, лезг. *барчим*, таб. *барччим*, буд. *парчим* ‘заклепка’; лак. *парчин* ‘петля’;

перс. رف raf – лезг. *рефт*, цах. *раф*, крыз, буд. *реф* ‘полка’;

перс. ناو nāv – цах. *нав* ‘деревянное корыто, из которого поят скот’.

2. Названия орудий труда, строительного материала и т.п.:

ср.-перс. *bēl* – авар., анд., багв., тинд., чам., арч. *бел*, ахв. *бели*, кар. *беле*, бежт. *бари*, лезг. *пер*, рут., агул., цах., таб. *бер*, крыз., буд., хин., чеч., инг. *бел*, бац. *бар* ‘лопата’. В.И. Абаев [1958: 259-260] предполагает, что данная лексема через дагестанское посредство усвоена осетинским языком. Лакская лексема *бил*, видимо, заимствована из новоперсидского языка (بیل bil), но находит свою параллель и в тат. *bil*. См. также [Шагиров 1977 I: 84];

перс. چنگال čangāl – удин. *чаьнгаьл* ‘вилы’, цах. *чангал* ‘посох’;

перс. چرخ čarx – авар., лезг., буд., рут., хин., чеч., инг. *чарх* ‘колесо; точило’, бежт., гунз., цах. *чарх*, цез. *черхи//чархи* ‘точило’, кар. *чархе*,

тинд. *чахи//чархи* ‘точило; катушка’, крыз. *чаьрх*, лак., таб. *чарх* ‘катушка; колесо’. О распространении лексемы в кавказских языках см. [Абаев 1958: 288; Шагиров 1977 II: 138];

перс. چرخه čarxe – дарг. *чирха*, лезг. *чхра*, таб., агул. *чухра*, буд. *чегьре*, цах., крыз. *джаьгьра*, хин., удин. *джаьгьраь* ‘прялка’;

перс. دهره dahre – дарг., лак., агул., буд. *дагьра*, лезг., таб. *дегьре* ‘секач’; чеч., инг. *диг* ‘топор’;

перс. دام dām – лезг. *кам,* буд. *думча* ‘силок; сеть’;

перс. دستگاه dastgāh – лак. *дазга*, лезг. *дезге*, таб. *дезгегь*, буд. *дезгаьгь*, удин. *даьзках* ‘станок, верстак’;

перс. جال jāl – лезг. *желе* ‘ловушка’, буд. *джала* ‘силок, ловушка’;

перс. تله tala – буд. *тала* ‘капкан; западня’;

перс. مهر mohr – авар., гунз., тинд., лак. *мугьру*, дарг., таб., цах., чам. *мугьур*, лезг. *муьгьуьр*, буд. *могьур*, чеч. *мухIар*, инг. *мухьар*. Слово представлено и в абхазско-адыгских языках: каб., адыг. *мыхъўыр*, абх. *а-мхьўыр*, абаз. *мхьўыр*, убых. *мухъура* ‘печать’ [см. Шагиров 1977 I: 272]. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 145];

перс. لنگر langar – авар., анд. *лангар* ‘якорь’;

перс. گرده garde – лезг. *гирдим*, таб. *гердем* ‘колода, чурбан’, гунз. *гердена* ‘камень (большой и круглый)’;

перс. بازو bāzu – лезг., буд. *базу* ‘дышло плуга’;

перс. دنده dande – лезг. *денде* ‘спица (у колеса)’;

перс. گاوآهن gāvāhan – удин. *гавасен//гавасан* ‘лемех (в сохе)’;

перс. دوک duk – удин. *жукк* ‘веретено’;

перс. کمند kamand – лезг., таб. *кемен*, буд. *каманд*, удин. *каьмаьнд* ‘аркан, лассо’;

перс. کارد kārd – лезг. *кант*, агул., рут., крыз., буд. *кантI* 'нож'; удин. *ккоьрди*. Иранское по происхождению слово проникло во многие языки. Имеются абхазско-адыгские параллели [см. Шагиров 1977 I: 158]. В других языках см. [Абаев 1958: 571];

перс. کارخانه kārxāne – удин. *кархана* 'инструменты для самогоноварения';

перс. کلنگ kolang – лак. *кулунг*, цах. *кылынг*, удин. *куьлуьнг*, арч. *пулунги* 'кирка';

перс. شیل šil – лезг., таб. *чил* 'сетка (рыболовная)';

перс. سنباده sombāde – лезг. *сумбат* 'наждак';

перс. تبر tabar – удин. *тавар* 'топор';

перс. تخته taxte – дарг., лак., лезг., таб., буд. *тахта* 'доска';

перс. ماله māle – лак. *мала*, лезг., буд. *малла* 'мастерок, шпатель';

перс. مته mate – лак. *маткьав* 'сверло';

перс. میخ mix – авар., гунз. *магI*, лезг., таб., крыз. *мих*, буд. *маьх* 'гвоздь'; цах. *миьгъ* 'колышек, деревянный клин'. Слово "распространено по всему иранскому миру, а также заимствовано в другие языки" [Абаев 1973: 124-125];

перс. پرگار pargār – авар. *паргав*, лак. *паржагь* 'циркуль';

перс. پایدار pāydār – буд. *паргар* 'тиски';

перс. رنده rande – бежт., гунз. *ланда*, цез. *ландо*, лак. *ранна*, лезг., таб., цах., буд. *ранда* 'рубанок';

перс. سندان sendān – буд. *зындан*, рут. *зилдан*, цах., крыз., удин., хин., *зиндан*, лезг. *зулдан*, таб. *зулднар* 'деталь мельницы; наковальня';

перс. تور tur – кар., багв., тинд., цах., удин, хин. *тор*, ахв. *тори*, дарг., лезг., буд., рут., крыз. *тур* 'сеть, невод';

перс. رنگ rang – дарг., лак., лезг., таб., агул., рут., цах., хин., арч. *ранг*, крыз., буд. *ренг*, удин. *ираьнг* ‘краска; цвет’.

3. Одежда, предметы туалета, ткани, сырье и т.п.:

перс. ابریشم abrišam – цез., гунз. *абрашун* ‘шелк, шелковые нити’; удин. *абришум* ‘шелк, шелковая ткань’; лезг. (диал.) *ибришин (тар)* ‘пирамидальный тополь’. В значении ‘шелк’ слово заимствовано через грузинское посредство, ср.: груз. *abrešum-i* [Климов, Халилов 2003: 166];

перс. بافته bāfte – лезг., таб., буд. *бафта* ‘позумент; галун’; удин. *бафтта* ‘тесьма’;

перс. بهله bahle – лезг. *бегьле*, таб. *бегъли* ‘перчатка’;

перс. بند band – лак. *банд* ‘пуговица’;

перс. چنبر čambar – лезг., таб. *чембер* ‘подол’, удин. *чаьнбаьраь* ‘шнур, соединяющий хомут с возом или плугом’;

перс. چپراست čaprāst – чеч. *чаьрпаз* ‘нагрудная застежка’;

перс. چشمک češmak – лезг. *чешмегар*, буд. *чешмег* ‘очки’;

перс. دستمال dactmāl – авар. *дастумал* ‘салфетка’, дарг. *дастIуман* ‘салфетка, тряпка’, лак. *дасттамал* ‘тряпка’, лезг., таб., агул., крыз., буд. *дасмал* ‘полотенце’, цах. *десмел*, хин. *даьсмал*, удин. *даьсмаьл* ‘полотенце’;

перс. دامن dāman – удин. *даьмаьн* ‘пола, подол’;

перс. دارایی dārāyi – авар., бежт., гунз., кар., цез., дарг., лак. *дарай*, тинд., чам. *даре*, лезг., таб. *дере* ‘тафта, шелк’; чеч. *дари* ‘сорт шелковой блестящей ткани’. О западнокавказских формах данного слова см. [Шагиров 1977 I: 144]. О распространении слова в других языках Кавказа см. [Абаев 1958: 345];

перс. دستگاه dastgāh – лезг. *тескягь* ‘обновка; женское украшение’;

перс. دیبا dibā – лезг., таб. *диба* ‘парча’;

перс. دولاغ dulāq – авар. *дулагъал*, гунз., лезг. *дулах*, лак. *дулагъ*, таб. *дулакъ*, буд. *дулакгь* 'портянки'; бежт. *долагъ* 'голенище';

перс. گلابتون golābetun – лезг. *гилебатун* 'позолоченные шелковые нити';

ср.-перс. *gōhar* (через араб. جوهر jawhar) – авар., бежт., гунз., гин., год., хвар., цез. *жавгьар*, кар., тинд., чам., арч., *джавгьар*, дарг. *жавгьардухури*, лак. *жавагьи*, лезг. *жевгьер*, таб. *жавагьир*, буд. *джавагьир* 'драгоценный камень, драгоценность, жемчуг';

перс. کلاغه kalāqe – лак. *чалагъай*, лезг. *келегъа*, цах. *каьлагъа* 'шелковый платок';

перс. کرته korte – лезг., агул. *кIурт*, цах. *гурт*, удин. *куьрк* 'шуба';

перс. لچک lačak – лак. *лачак*, лезг. *лечек*, таб. *лакач*, рут. *личек*, цах. *лечак* 'головной платок';

перс. ماهوت māhut – лезг., таб. *магьут*, буд. *мугьут* 'сукно';

перс. مخمل maxmal – авар., чам., бежт., гунз., дарг., лак., удин. *махмур*, лезг. *махпур//махмур*, таб. *мяхмар*, буд. *мехмер* 'бархат'; чеч. *махмар* 'парча';

перс. گلوبند galuband – авар. *гормендо*, кар. *гурбаⁿди*, чам. *гурмади*, чеч. *гулмаьнда* 'тонкий шёлковый платок'. А.К. Шагиров [1977 I: 112] фиксирует этот иранизм в западнокавказских языках: каб. *гӯэлмэдэн*, адыг. *кӯылымдан*, абаз. *гӯыльмадан*;

перс. نازنازی nāznāzi – лезг., таб. *назнази* 'женский головной платок из тонкого шелка';

перс. پارچه pārče – лак. *парча* 'парча', лезг., агул., рут., таб., удин. *парча*, цах., крыз., буд. *парче* 'ткань, материя';

перс. پینه pine – лезг. *пине*, таб. *пина* 'латка, заплата';

перс. پیراهن pirāhan – лезг. *перем//бегьрем*, агул. *баьрхIаьм*, буд. *пирем*, крыз. *бигьраьм/пирем*, хин. *пIейрам* 'сорочка, рубашка'. В аварско-

цезских и бацбийском языках данное слово было заимствовано через грузинский язык: бежт. *пIеранкIи* 'ночная рубашка, комбинация', гунз., цез. *пIеранги*, авар. (анц.) *пIеранкI* 'рубаха', бац. *пIеранг* < груз. *пIеранги* 'нижняя рубашка, сорочка' [Климов, Халилов 2003: 176-177];

перс. قدک qadak – лезг. *къедек* 'домотканая хозяйственная шаль';

перс. شال šāl – авар. *шал* 'шерстяная ткань, шерстяной платок'; кар., тинд., чам., чеч. *шал* 'шерстяная ткань'; дарг. *шял*, буд., лак., удин. *шал* 'шаль'; лезг., таб., цах. *шал* 'головной платок; домотканое сукно'. В осетинском и других языках см. [Абаев 1979: 28];

перс. شلوار šalvār – авар., кар., чеч., инг. *шарбал*, тинд., чам. *шарбала*, дарг. *шалбар*, лак. *шара-вара*, анд., лезг., таб., буд., цах., крыз., хин. *шалвар*, агул. *шавлар*, удин. *шарвал* 'штаны'. Лексема имеет широкое распространение во многих кавказских языках [см. Абаев 1979: 26-27; Климов, Халилов 2003: 178-179];

перс. سختيان saxtiyān – лезг. *сахтиян*. Слово представлено и в абхазско-адыгских языках: каб. *лъэхъстэн*, адыг. *сэхътан*, абх. *а-сахътан*, абаз. *сахътан* 'сафьян' [Шагиров 1977 I: 252];

перс. شله šele – лезг. *шиле* 'кумач';

перс. تافته tāfte – авар., лезг. *тафта* 'тафта';

перс. تاج tāj – авар., дарг., лак., лезг., таб., чеч. *таж*, буд. *тадж* 'корона, венец';

перс. تور tur – бежт., цез., цах., удин. *тор*, буд. *тур* 'сетка, кружево'; лезг., таб. *тур* 'головной платок из тюля';

перс. خارا xārā – дарг., лак., лезг., таб., буд. *хара*, чеч. *хари* 'род шелковой ткани';

перс. زنگال zangāl – авар., лезг., цах. *зангал*, год. *зангалал*, гунз. *зангагьал*, тинд. *занг'а* 'голенище'; бежт. *зангал* 'гетры';

перс. زر zar – лак. *зярмахмур* 'шелковая материя';

перс. زربافت zarbāft – авар., чам. *зарба*, дарг. *зарбаб*, таб. *зарбаф*, тинд. *дара́й-зарба* ‘парча’;

перс. بخيه baxye – лезг. *бахи* ‘строчка; шов’;

перс. زرتار zartār – удин. *заьртаьр* ‘украшение, наряд’;

перс. زرزيبا zarzibā – лезг., таб., буд. *зир-зиба* ‘шелковая ткань, вышитая золотом’;

перс. چله čelle – авар., дарг. *чилла*, тинд., чам. *чила*, кар. *чилйа* ‘шелк-сырец’. Об осетинской палаллели см. [Абаев 1973: 179];

перс. كمر kamar – авар., дарг., лак. *камал*, лезг. *кемер//камари*, таб., цах., рут., буд. *камар*, крыз., хин. *каьмаьр* ‘женский пояс’; об осет. см.: [Абаев 1958: 570];

перс. جوراب jurāb – лак. *жулар* ‘чулок, носок’;

перс. پنبه pambe – авар. *пама/пампа*, бежт., гунз., цез., чеч. *бамба*, год., кар., анд., багв., ботл., чам., хвар., гин. *пампа*, тинд. *панпа*, арч. *пампи*, дарг. *бамма*, лак. *панма//памма*, крыз. *памбу*, буд. *помбу*, инг. *боамбиј* ‘вата, хлопок’. К ранним заимствованиям можно отнести усвоение среднеперсидской лексемы *pambak* в некоторых лезгинских языках, ср.: лезг. *панбаг//памбаг*, таб., агул. *бамбаг*, рут., цах. *баьмбаьк*, удин. *памбакк*, хин. *памбыг* ‘хлопок; вата’.

4. Военное снаряжение:

перс. گلوله golule – авар., ахв., год., агул., арч. *гулла*, лак. *ккулла*, лезг. *гуьлле*, таб. *гюлле*, цах. *гулле*, удин. *куьллаь*, кар. *гула*, бежт. *гьоло*, гунз. *гьелу*, цез. *гьил* ‘пуля’. Н.С. Джидалаев отмечает, что данное персидское по происхождению слово заимствовано лакским языком из азербайджанского, “т.к. его лексическое значение совпадает со значением в азербайджанском, а не в персидском (перс. ‘шарик’)” [Джидалаев 1972: 25]. Полагаем, что категорично утверждать об азербайджанском посред-

ничестве здесь нельзя, так как в персидском языке другого слова, обозначающего понятие "пуля", как кроме "گلوله golule" не существует;

перс. گرز gorz – лак. *гурз*, лезг. *гуьрз*, таб. *гюрз*, агул. *ккуьрз*, цах. *гоьзрз* 'булава, палица', крыз. *гурз*, буд. *гырз* 'кувалда';

ср.-перс. *hanjar* – авар., кар., цез., бежт. *ханжар*, год., анд. *ххан-жар*, дарг. *ханжал/къинджал*, лак. *ххаржан*, лезг. *хенжел*, таб., агул. *ханджал*, буд., цах. *хенджел*, хин. *хаьнджаьл*, удин. *ханчал* 'кинжал'. Слово широко распространено в языках Северного Кавказа [Абаев 1973: 263];

перс. لوله lule – лак. *лула*, лезг., буд., крыз. *луьле*, таб. *люле*, агул. *луьл* 'ствол ружья (орудия)'; чеч. *луьлла* 'трубка для курения'. Слово вошло во многие кавказские языки. Ср. каб. *лулэ*, адыг. *лул*, абаз. *льулья*, убых. *лулэ* [Шагиров 1977 I: 243]. См. также [Абаев 1973: 47];

перс. پایه pāye – лезг., таб. *пая*, буд. *пайе* 'дубина';

перс. سیبل sibl – рут. *сипил*, цах. *сипа* 'лук (для стрельбы)'; удин. *сапан* 'рогатка';

перс. تیغه tiqe – лак., лезг., таб. *тия*, буд. *тийе* 'лезвие; клинок';

перс. تفنگ tofang – авар. *туманкI*, анд. *тупанги*, ботл. *томонги*, бежт., гунз. *топи*, год. *тумаги*, кар. *тупе*, тинд., цез. *тупи*, чам. *туб*, дарг. *тупанг*, лак. *ттупанг*, арч. *туманк*, лезг. *тфенг*, таб. *тюфенг*, агул., рут., крыз., буд. *туфанг*, цах. *тифанг*, удин., хин. *туьфаьнг* 'ружье' Для большинства аварских языков предполагается кумыкское посредство [Климов, Халилов 2003: 156];

перс. بهبود behbud – лезг., таб. *байбут*, буд. *бейбут* 'финский нож';

ср.-перс. *tur* – дарг., лак., лезг., таб., агул., рут., цах., хин., чеч., инг., бац. *тур* 'меч, сабля'. В литературе существует мнение о вероятном армянском источнике данного слова [О.И. Виноградова, Г.А. Климов 1977: 157], однако против такой версии говорит отсутствие данной лек-

семы в удинском языке, больше всех подвергнувшегося армянскому влиянию.

5. Обозначение продуктов питания и т.п.:

перс. آرد ārd ‘мукá’ – удин. *ард* ‘мука, которая накапливается вокруг мельничных жерновов’;

перс. بریان beryān – лезг. *биргенд*, таб. *бирган* ‘зажаренная на огне туша барана’;

перс. دارچین dārčin – авар., лак., лезг., таб., буд., удин. *дарчин*, дарг. *дярчин* ‘корица’;

перс. دوغبا duqbā – лезг. *давугъа*, таб. *давгъа*, буд. *довгъа*, удин. *догъадж* ‘товга (род рисового супа)’;

перс. کباب kabāb – лак., лезг., таб., цах., буд. *кабаб* ‘шашлык’;

перс. کله پاچه kallepāče – лезг. *келлепача* ‘паштет’;

перс. کمب komb – лезг., таб. *канбар* ‘окрошка (из кислого молока, овощей и трав)’;

перс. کوکو kuku – лезг., цах. *куку*, удин. *куькуь* ‘яичница’;

перс. ماست māst – лак. *мас* ‘варенец’; лезг., агул., рут., цах., буд. *маст*, таб. *мас* ‘простокваша’;

перс. مایه māye – лак., лезг., таб. *мая*, буд. *майа* ‘закваска, бродило’; *мая* ‘сок’;

перс. مازه māze – лезг. *мазу (як)* ‘филе, нежирное мясо без костей’;

перс. ناهار nāhār – лезг., агул., удин., арч. *нагьар* ‘завтрак’; таб. *нагьар* ‘еда, пища’, буд. *нагьар* ‘полдник, легкая еда’;

перс. پلاو pelāv – авар., бежт., кар., тинд., цез., дарг., лак. *пулав*, лезг., таб. *пилав*, удин. *чилов*, чеч. *пилу* ‘плов’;

перс. رشته rešte – лезг. *ириштa*, таб. *феришта* ‘лапша’;

перс. روزی ruzi – буд. *рыз* ‘пища, пропитание’, таб. *рузи* ‘обмолоченный хлеб’, лезг. *рузи* ‘хлеб насущный’;

ср.-перс. *rōzīq* (через араб. رزق rizq) – чеч. *ризкъа*, авар., гунз. *ризкъи*, дарг., лезг. *ризкьи*, таб., рут. *ризкь*, агул. *ризикь*, цах. *рицIкь* ‘пропитание, продовольствие’; чам. *ризикъ* ‘скот’;

перс. شکر šakar (ср.-перс. *šakar*) – авар., анд., бежт., кар., багв., тинд., чам., ботл., год., цез., хвар., гунз., гин., дарг., арч. *чакар*, лак. *качар*, лезг., таб. *шекер* ‘сахар’, агул. *шакIар*, цах., рут. *шакар*, крыз. *шаькаьр*, чеч., инг. *шёкар*, бац. *шакар* ‘сахар’. Палийское по происхождению слово широко распространено во многих языках. Определить, через какой иранский язык данное слово попало в кавказские языки, затруднительно. Об осетинском слове см. [Абаев 1979: 60-61];

перс. سرکه serke – лак. *ссирка*, лезг., таб. *сирке*, агул. *сирка*, рут. *сиркаь*, цах. *силка*, буд. *сырка* ‘уксус’;

перс. شیره šire – лезг., таб., буд. *шире* ‘сок’;

перс. شور šur – лезг., буд. *шур* ‘творог’; таб. *шур* ‘сыворотка; рассол для сыра’; удин. *шор* ‘присоленный творог’;

перс. خاگینه xāgine – авар. *хайгин*, год. *хагуна*, кар., тинд. *хайгун*, чам. *хайгум*, дарг. *хайнига*, лак. *ххайжани*, лезг. *къайгъанах*, таб. *хайгана* ‘яичница’;

перс. خوراک xorāk – лезг. *хуьрек*, таб., агул., удин. *хураг*, рут. *хораг*, цах. *хораг*, крыз, буд. *хурак* ‘пища, еда’.

6. Названия строений и их частей:

перс. آبباره ābbāre – лезг. *анбер*, буд. *амбар* ‘плотина (возле мельницы)’;

перс. بند band – лезг., таб., агул., удин. *банд*, рут. *баьнд* ‘плотина’;

ср.-перс. *bāru* – лезг. *пару (бару)*, буд. *бару*, цах. *баруг* ‘забор, ограда’; таб., удин. *бару* ‘стена’, чеч., инг. *буру* ‘крепость’; лак. *бару* ‘крепостная стена’;

перс. بخاری boxāri – бац. *бухар*, удин., бежт., гунз., гин. *бухари*, рут. *бахыйер*, таб., цах. *бухара*, арч. *бухар* ‘камин’, рут., цах. *бухара*, лезг., хин. *бухари* ‘дымоход’;

перс. چادر čādor – авар., анд., кар., чам., хвар., гун., гин., бежт., цез., буд. *чадир*, тинд. *чайир*, дарг., лак. *чятир*, таб. *чадур*, агул. *чадура*, цах., рут. *чадыр*, багв., ботл., год. *чатир*, арч. *читир*, чеч. *чётар*, инг. *чаьтар* ‘шатер, шалаш, палатка’. Слово функционирует и в абхазско-адыгских языках: каб. *шэтырэ*, адыг. *шьэтырэ*, абаз. *чатыр*, убых. *чадыр* [Шагиров 1977 II: 138]. См. также [Абаев 1973: 292];

перс. چل čal – авар., кар., хвар. *чали* ‘изгородь’; чам. *чал* ‘загон’, дарг. *чяли*, удин. *чал*, арч. *чили* ‘ограда, забор’;

перс. چپر čapar – лак., буд., крыз., хин. *чапар*, удин. *чаьпаьр* ‘ограда, изгородь’; цах. *чаьпар* ‘забор’; лезг. *чапар* ‘крепостной вал’;

перс. چاپخانه čāpxāne – лезг., буд., таб. *чапхана* ‘типография’;

перс. چارطاق čārtāq – бежт., гунз., лезг., агул., цах., буд. *чардах*, цез. *чардахIи*, лак., таб. *чардагъ*, чеч. *чардакх* ‘чердак, крыша’. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 179], об абхазско-адыгских параллелях [Шагиров 1977 II: 138];

перс. چايخانه čāyxāne – авар., буд., таб. *чайхана* ‘чайхана’;

перс. دهليز dahliz – лезг., таб. *дегьлиз* ‘коридор’;

перс. دالان dālān – авар. *галан* ‘крепостная стена; плотина’, лак. *чIалан(ну)* ‘сводчатый проход’, лезг., таб. *жалан* ‘плетень; плетеные ворота’, буд. *далан* ‘переулок; тупик’. В осет. *galwan//galawæn, galoan*. По предположению В.И. Абаева [1958: 507] данное слово вошло в осетинский через соседние кавказские языки;

перс. آخور āxor – лезг., удин. *ахур* 'ясли (для скота)'; таб. *ахур* 'стойло';

перс. درمانخانه darmānxāne – лезг., таб. *дарманхана* 'аптека, больница';

перс. دروازه darvāze – лак., рут., цах., удин. *дарваза* 'ворота';

перс. دستک dastak – лезг. *дестек*, таб. *дестег* 'столб; колонна';

перс. دیوار divar – цах., крыз., буд. *дивар* 'стена';

перс. دستاق dostāq – авар., кар., чам., ботл., цез., хвар., гунз., гин., год. *туснахъ*, бежт. *тӀу́снахъ*, тинд. *туснахъи*, дарг. *туснакъ*, лак. *дуснак*, лезг., таб., буд., цах., крыз., хин. *дустагъ*, рут. *дустах* 'тюрьма';

перс. دستاقخانه dostāqxāne – таб., агул. *дустагъхана* 'здание тюрьмы, тюрьма';

перс. ایوان eyvān – лезг., таб., цах., буд. *айван*, удин. *сейван* 'балкон, веранда'. Возможную параллель наблюдаем в осет. *gajvan* 'потолочная балка', 'жердь' [Абаев 1973: 256];

перс. گنبد gombad – лезг. *гуьмбет* 'гробница, надгробный камень', таб. *гюмбет* 'мавзолей', рут. *гуьмбаьз* 'надгробный камень; купол', буд. *гумбаз* 'купол';

перс. گنگ gong – авар., кар. *гомог* 'желоб, труба', лезг., таб. *гунг*, крыз. *кунг* 'глиняная водопроводная труба';

перс. گور gur – лезг. *гур* 'могила', рут. *гур* 'гроб';

перс. گورخانه gurxāne – лезг. *гурхана* 'мертвецкая, морг';

перс. انبار ambār – авар., бежт., гунз., тинд., лак., цах., буд., удин., чеч., инг. *амбар* 'амбар';

ср.-перс. *hambar* – лезг., рут. *гьамбар* 'большая куча, амбар', таб. *гьамбар* 'склад, хранилище', удин. *гьамбар* 'амбар, склад, много';

перс. کار kār – лезг., буд. *кар* 'крытый двор, кошара';

перс. کاروانسرا kārvānsarā – лезг., таб. *карвансара* ‘караван-сарай, постоялый двор’;

перс. کارخانه kārxāne – бежт. *кархана* ‘завод’; лезг., таб. *кархана* ‘мастерская, предприятие’;

перс. دیوانخانه divānxāne – лак., таб. *диванхана* ‘здание суда’;

перс. کنج konj – лезг. *куьнж* ‘полочка в углу комнаты’, буд. *кундж* ‘угол’, ‘полочка в углу комнаты’, удин. *куьндж* ‘угол’;

перс. کومه kume – лезг., таб., буд., хин. *кума* ‘шалаш, землянка’;

перс. محجر mahjar – лезг. *мегьежар*, таб. *мягьражар*, рут. *маьгьаьджаьр* ‘перила’; буд. *мегьеджар* ‘похоронные носилки’;

перс. آشپز āšpaz – авар., кар. *ашбаз*, тинд. *ашавузи* ‘столовая’;

перс. نردبان nardebān – крыз. *наьрдиван*, хин. *наьрдива*, цах. *нердигван* ‘лестница’;

перс. پنجره panjare – лак. *панжар* ‘решетка (оконная)’, лезг. *пенжер*, крыз., удин., хин. *паьнджаьраь*, буд. *пенджере* ‘окно’. Слово заимствовано картвельскими [Климов, Халилов 2003: 122] и некоторыми абхазско-адыгскими языками [см. Шагиров 1977 II: 39];

перс. پلکان pellekān – цах. *пелеккан* ‘каменная лестница’;

перс. پشت pošt – цах. *пушта* ‘задняя часть мельницы’;

перс. شهر šahr – авар., анд., багв., бежт., ботл., год., гунз., гин., кар., тинд., чам., цез., хвар., дарг., рут., цах., буд. *шагьар*, ахв. *шагьа* лак., арч. *шагьру*, лезг. *шегьер*, таб., агул. *шагьур*, рут., крыз., буд., удин., хин. *шаьгаьр*, чеч., инг. *шахьар* ‘город’. В адыгских языках слово относится к устаревшим [см. Шагиров 1977 II: 149]. Об осетинском см. [Абаев 1979: 49];

перс. سکو saku – лезг. *секуь*, буд. *соку* ‘цоколь’; таб. *секю* ‘скамейка’; удин. *салькуь* ‘ниша’; лак. *саку* ‘тахта, деревянная кровать’;

перс. سنگر sangar – авар., анд, кар., ахв., багв., год., гунз., дарг., лак. *сангар*, лезг., таб. *сенгер*, рут. *саьнгаьр*, чеч. *саьнгар* 'укрепление, окоп, баррикада';

перс. سرسرا sarsarā – лезг. *сересер*, буд. *ширасар* 'балкон';

перс. شیشه بند šišeband – бежт., гунз. *шушаманди*, цез. *шушаманда*, лезг., буд. *шуьшебенд*, таб. *шюшебенд* 'веранда';

перс. ستون sotun – лезг. *стун* 'колонна'; буд. *сутун* 'опора, подпорка';

ср.-перс. *tanūr* (> перс. تنور) – цах., рут. *тандур*, лезг. *тIанур*, таб. *дирин//ттирин*, агул. *тIарун*, буд. *тону*, хин. *тIонур*, крыз. *таьнир*, удин. *тарун*, дарг. *тарин* 'тендир'. По справедливому замечанию Д.И. Эдельман и Г.А. Климова [1991: 125-129], не исключающими среднеперсидский источник для данного слова, лексема широко распространена не только в иранских языках, но и практически во всем ближневосточном ареале;

перс. طا ق tāq – лезг., таб. *тагъ* 'свод, купол';

перс. تیر tir – буд. *тир* 'опорная балка';

тат. *тов* – дарг., лак., лезг., таб., рут. *тав*; крыз., буд. *тов* 'камин, очаг, гостиная';

перс. خسته خانه xastexāne – буд. *хестехана* 'больница';

перс. زندان zendān – лак., лезг., таб., буд., рут. *зиндан*, цах. *зидан* 'темница'. В осетинском см. [Абаев 1998: 322];

перс. زیراب zirāb – цах. *зираб* 'уборная';

тат. *зохут* – лезг. *захутI* 'уборная';

ср.-перс. *kōšk* (через. груз. *кIошкIu*) – цез. *къошкIu*, бежт. *къошк1u*, гунз. *к1ошк1u* 'домик'.

7. Хозяйственно-экономические термины:

перс. عباسی abbāsi – авар., кар., тинд., цез., агул. *гIабаси*, чам., лезг. *абас*, бежт. *абази*, гунз. *гIабази*, дарг. *гIяббаси*, лак. *аьппаси*, таб. *аьбаси*,

буд. *гIаббаси*, удин. *аббаси*, чеч. *эппаз* ‘двугривенный (монета, названная по имени иранского шаха Аббаса I)’. Лексема получила распространение на всем Кавказе [Абаев 1958: 24; Шагиров 1977: 61];

перс. اشرفی ašrafi – лак. *ашрапи* ‘ашрафи (иранская золотая монета)’;

перс. بها bahā – авар., бежт., гунз., гин., анд., ахв., багв., кар., чам., ботл., год., тинд., цез., хвар., дарг., арч. *багьа*, чеч., инг., бац. *мах* ‘цена, стоимость’, лезг., таб., агул., буд., хин. *багьа* ‘дорогой (по цене)’;

перс. بازار bāzār – авар., анд., кар., багв., тинд., чам., ботл., год., бежт., гунз., гин., цез., хвар., дарг., лак., арч., лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., буд., удин., хин., чеч., инг., бац. *базар*, ахв. *база* ‘базар, рынок’. “Распространено на всем переднем Востоке, в тюркских и кавказских языках, а также в русском и некоторых восточноевропейских языках” [Абаев 1958: 242]. См. также [Шагиров 1977 I: 73; Климов, Халилов 2003: 268];

перс. بیستی bisti – лезг. *бистIи* ‘грош’;

перс. چارک čārak – лак., буд. *чарак*, лезг. *черек*, удин. *чаьраькъ* ‘чарак (мера длины)’. О западнокавказских формах см. [Шагиров 1977 II: 144];

перс. گیروانکه girvānke – дарг. *гилавка*, год. *гилевка*, кар., тинд. *гелавка*, лак., лезг., таб., агул., бежт. *гирванка*, удин. *гирваьнкаь*, чеч. *герка* ‘мера веса’. О распространении лексемы в других кавказских языках см. [Абаев 1958: 519; Шагиров 1977 I: 163];

перс. جفت joft – авар. *жут*, гунз., год., цез., лак. *чут*, дарг., таб. *жут*, лезг. *жуьт*, агул. *джут*, буд. *джуьфт* ‘пара’;

перс. پول pul – авар., лезг., таб., агул., буд. *пул*, цах., хин., крыз. *пыл* ‘деньги’;

перс. شاهی šāhi – авар., бежт., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак. *шагьи*, гунз., лезг., таб. *шигьи*, чеч. *шай* ‘пятак, пять копеек’. В других кавказских языках см. [Абаев 1979: 179; Шагиров 1977 II: 145];

перс. سودا sowdā – лак., лезг., рут. *савда*, таб. *севда*, буд. *совда* 'торговля, торг';

перс. تومان tumān – бежт., гунз., тинд., чам., цез., лак. *туман*, авар., дарг., кар. *тумен*, лезг., буд. *туьмен*, чеч. *туьма*, инг. *тума* 'десять рублей; червонец'. Слово зафиксировано в некоторых абхазско-адыгских языках [см. Шагиров 1977 II: 73]. В других кавказских языках см. [Абаев 1979: 318-319];

ср.-перс. *bār* – лезг. *пар*, рут., крыз. *бар* 'груз, вьюк', хин. *бар* 'хурджин'. Об осетинском см. [Абаев 1998: 49];

перс. هزار hazār – авар. *азарго*, анд. *озиругу*, кар., багв., тинд. *азарда*, ботл., год. *азаруда*, ахв. *азарода*, чам. *азалда*, гунз., беж., гунз., буд., удин. *гьазар*, гин., цез. *гIазал*, дарг. *азир*, хвар., лак. *азар*, арч. *изар*, лезг., таб., агул. *агъзур*, цах. *азыр*, рут. *гьагъзыр*, крыз. *гIазыр*, хин. *азыр*, чеч., инг. *эзар* 'тысяча'. В.А. Абаев [1958: 187-188] вполне обоснованно полагает формы без начального *h* заимствованиями из аланского.

8. Лексика литературы, искусства, науки, образования:

перс. بيات bayāt – лезг., таб. *баяд*, буд. *байаты* 'напев; песня';

перс. چاپ čāp – буд. *чап* 'печатание', лезг. *чап* 'типография', таб. *чап* 'издание';

перс. بند band – лезг., таб. *бенд*, рут. *бaьнд* 'строфа, куплет';

перс. دف daf – лезг. *тафт*, таб. *дафт (даф)*, агул. *даьфт (тафтт)*, рут., крыз., буд. *даф*, цах., хин. *даьф*, удин. *даьп* 'бубен';

перс. جرنگ jarang – авар. *жергъен*, чеч. *жиргIа* 'бубен';

перс. كمانچه kamānče – лак. *каманча*, лезг. *кеменчи*, таб. *каманчи*, буд. *кеменче* 'кеманча (муз. инструмент)';

перс. نامه name – удин. *намакк* 'письмо';

перс. ساز sāz – лак., лезг., таб., цах., буд., удин. *саз* 'саз (муз. инстр.)'. Об осетинском слове см. [Абаев 1979: 5];

перс. سورنا surnā – авар., бежт., гунз., гин., кар., ахв., багв., тинд., чам., ботл., год., цез., хвар., чеч., инг. *зурма*, дарг. *зинняв* (диал.), лак. *зюннав*, лезг. *зуьрне*, анд., таб., цах., удин., хин., бац. *зурна*, агул. *сурна*, рут. *сунна*, крыз. *зырна* ‘зурна (муз. инстр.)’;

перс. تار tār – лак., лезг., таб., буд. *тар* ‘тар (муз. инстр.)’;

перс. زیر zir – лезг., таб. *зил* ‘втора, подголосок, подыгрывание’;

перс. چغانه čaġāne – авар., бежт., год., гунз., тинд., чам., цез., дарг., лак. *чагъана*, чеч. *чондарг* ‘скрипка’; лезг. *чIагъан* ‘гармонь’;

перс. دم: (دم گرفتن) dam ‘подпевать; аккомпанировать’ – удин. *даьм* ‘аккомпанирование на духовом инструменте’.

9. Лексика, выражающая религиозные понятия, суеверия, обычаи, обряды:

перс. اژدها ajdahā – авар., кар., год. *аздагьо*, тинд. *азагьу*, чам. *аздагьв*, бежт. *аьждаьгь*, цез., хвар. *гIаждахI*, гин. *аждахI*, гунз. *гIаждагь*, дарг., лак., таб., агул. *аждагьа*, лезг. *аждагьан*, цах. *аьждагь*, буд. *адждагьа*, удин. *аждагьа* ‘дракон’;

перс. دن dan – лезг. *дем* ‘танцы на свадьбе’, таб. *дем* ‘молодежная компания’;

ср.-перс. *dēn* (через араб. دين dīn) – авар., бежт., гунз., тинд., чам., цез., дарг., лак., лезг., таб., цах., буд., чеч. *дин*, кар. *дини* ‘вера, религия’. Слово проникло не только в кавказские [см. Шагиров 1977 I: 150-151], но и в тюркские и арабский языки [Абаев 1958: 363];

ср.-перс. *dēv* – лак., лезг., таб., агул., цах., удин. *дев*, буд. *див* ‘див’;

перс. جادو jādu – буд. *джаду* ‘ладанка (с талисманом)’;

перс. کفتار kaftār – лак. *кавтар-къари*, цах. *кавттар* ‘баба-яга’;

перс. نماز namāz – чеч. *ламаз*, лезг. *намаз* ‘молитва, намаз’. Распространение лексемы в западнокавказских языках отмечено А.К. Шагировым [1977 I: 278]. Об осетинском см. [Абаев 1973: 12-13, 154];

перс. پری pari – лак. *пари*, лезг., таб., буд. *пери* 'фея';

перс. پیر pir – лезг. *пIир* 'могила святого; святой', таб. *пир* 'могила святого, священное место';

перс. خدا xodā – лезг., таб. *худа* 'бог';

осет. *dawæg* 'божество' – авар., ахв., кар., чам., год., бежт., хвар., гунз., цез. *авараг*, тинд. *аварага*, дарг. *идбаг*, лак. *идавс* 'пророк'. Соотносить осетинскую и дагестанские формы впервые предложено И.Х. Абдуллаевым, по мнению которого "связи этого термина ведут к скифо-сармато-аланскому языковому миру, и этимон дагестанских названий пророка безупречно отвечает и в фонетическом, и в семантическом отношении современному осет. *dawæg*" [Абдуллаев 1972: 339-348];

перс. پروردگار parverdigār – лезг., таб., агул. *первердигар* 'бог';

перс. پیغمبر peyqambar – лак. *пайханмар*, лезг., таб., агул., рут., цах. *пайгъамбар*, буд. *пийгъембер*, удин. *пехгьомбар*, чеч. *пайхамар* 'пророк'. Слово усвоено абхазско-адыгскими языками: каб. *бегъымбар*, адыг. *пегъымбар*, абх. *а-паайымбар*, абаз. *пигIымбар*, убых. *пагъамбар* [Шагиров 1977 I: 83].

10. Лексика, связанная с обозначением анатомических и физиологических понятий, болезней, лекарств и т.п.:

перс. بازو bāzu – буд. *базу*, удин. *базукк* 'локоть'. Удинская форма данного слова (иран. **bāzūk* 'рука') перекликается с арм. *bazuk* 'рука', что говорит о вероятном посредничестве армянского языка;

перс. چانه čāne – авар. *чанагъ*, чам. *чанагъа*, анд. *чанагъи*, лезг., таб., цах., буд. *чене*, хин. *чана*, удин., крыз. *чаьнаь* 'челюсть';

перс. آزار āzār – авар., кар., цез. *гIузру*, тинд. *гIузуру*, чам. *гIузур*, агул. *иттар*, дарг. *изала*, чеч., инг. *лазар*, лак., лезг., хин., крыз., буд., удин. *азар*, таб. *аьзар*, рут., цах. *эзер* 'болезнь, недуг'. Слово иранского происхождения представлено во многих языках. По мнению В.И. Абаева

[1958: 96], из персидского языка слово заимствовано также и в осетинский;

перс. بیهوش bihuš – лезг., буд. *бейгьуш* 'усыпляющее средство, наркотик', таб. *бегьюш* 'опиум';

перс. درمان darmān – авар., анд., ахв., дарг., лак., лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., хин., буд., чам. *дарман*, ботл. *дарбан*, удин. *даьрмаьн* 'лекарство'; чеч., инг. *дарба* 'лечебное средство';

перс. دارو dāru – авар., анд., кар., ахв., багв., ботл., год., хвар., гунз., гин., бежт., тинд., цез., арч., лак. *дару*, чам. *дарв* 'лекарство';

ср.-перс. *dūm* – лезг. *ттум* 'хвост'; чеч. *дум//дума*, инг. *думи*, удин. *тумпак*, хин. *дамба* 'курдюк'. Об осетинском см. [Абаев 1958: 381];

перс. گر gar – лезг. *кар* 'болячка; язва';

перс. گردن gardan – лезг., таб., агул., рут., цах., хин., буд. *гардан* 'шея', крыз. *гардан*, удин. *гаьрдан* 'затылок';

перс. گیجگاه gijgāh – хин. *гидэкгаьгь* 'висок';

перс. گلو golu – буд. *голу*, крыз. *гаьли* 'горло, глотка';

перс. جغه jaqe – лезг. *жгъа*, хин. *джыгъа//ччыгъа* 'гребешок у птицы';

перс. جگر jegar – лак. *жигар* 'потроха, внутренности', лезг., таб *жигер* 'легкое'. По мнению В.И. Абаева [1958: 541], слово, как и другие основные анатомические термины, относится к индоевропейскому уровню;

перс. کبره kabare – цах. *кабар* 'мозоль';

перс. کاچک kāčak – лезг. *кичегь* 'темя';

перс. کچل kačal – анд., бежт., гунз., цез. *качали*, дарг., лак., рут., крыз. *качал*, лезг., таб., агул. *гачал* 'парша'; цах., буд. *качал* 'паршивый'; бац. *качал*, удин. *каьчаьл* 'плешивый';

перс. كاكل kākol – лезг. *кукул* ‘гребешок (у птиц)’, цах. *кекил*, хин. *какыл*, крыз. *кокул*, удин. *кекуьл* ‘чуб, челка’;

перс. كله kalle – лезг., таб. *келле*, агул. *каьлла*, цах. *калле*, крыз. *каьллаь*, хин., буд. *калла* ‘череп, голова’;

перс. گام gām – лезг. *кам*, таб., буд. *гам* ‘шаг’;

перс. كش kaš – лезг. *кеш* ‘пах’;

перс. دوش duš – буд. *душ* ‘грудь’;

перс. كورک kurak – лезг. *куркур* ‘волдырь, пузырь’;

перс. لخته laxte – лезг., буд. *лахта*, удин. *лахтта* ‘сгусток (крови)’;

перс. مومروغن mumrowġan – лезг. *мумургъан* ‘мазь для раны’;

перс. نی نی nini – лезг., таб. *нини*, рут. *нене*, крыз. *нанай* ‘зрачок’;

перс. پاچه pāče – лак. *бачIи*, лезг. *пац*, агул. таб. *бац*, цах. *паьтаьхъ* ‘лапа’;

перс. پنجه panje – агул. *пандж*, хин., крыз. *паьнджаь*, буд. *пендже* ‘лапа’;

перс. پرخون porxun – лезг. *бархун//пархун*, таб. *бархун*, агул. *балхун*, рут. *гирхын*, цах. *порхунку*, хин. *пархун*, буд. *палхум* ‘гной, нарыв’;

перс. پوز puz – лезг., агул. *пIуз*, рут., цах. *пIыз* ‘губа’; крыз. *пыз* ‘морда’;

перс. قوز quz – лак. *кьуси*, таб. *гьузгъун* ‘горб’;

перс. روده rude – дарг., таб., агул., рут., удин. *руд*, лезг. *рад*, цах. *вуд* ‘кишка’. В.И. Абаев [1973: 428] для дагестанских языков не исключает и аланский (*rūd*) источник;

перс. سبيل sebil – дарг. *супел*, лезг. *спел*, таб. *сумпал*, агул. *суппал//суппел*, рут. *суьпел*, крыз. *сибел* ‘ус’;

перс. شيردان širdān – лезг. *ширдан* ‘пищевод’;

перс. تنه tane – лезг., таб., цах. *тан* ‘туловище, тело’. См. также [Абаев 1979: 261-262];

перс. ترياک taryāk – лак., таб. *тирияк*, лезг. *тиряк*, буд. *тирийек* ‘опиум’;

перс. خال xāl – лезг., таб., цах., хин., крыз., буд., удин. *хал* ‘родимое пятно’. В.И. Абаев [1958 I: 338] сравнивает осетинские формы *c’ūtxal//c’otxali* также с грузинской *c’utxi* ‘струп’, ‘гной из раны’;

перс. خناک xanāk – буд. *ханак* ‘больной, нездоровый (о животных)’;

перс. زهر zahr – авар., анд., багв., бежт., гунз., гин., кар., тинд., цез., хвар., дарг., лак., арч., *загьру*, ахв. *загьиро*, чам. *загьур*, ботл., год. *загьоро*, лезг., таб., рут., крыз., буд. *зегьер*, удин. *заьгьаьр* ‘яд, отрава’;

ср.-перс. *zang*– лезг., таб. *занг*, рут. *сын*, цах. *цIом*, хин. *цIум* ‘голень’;

осет. *kænk*– лезг., крыз. *канн*, лак., буд. *капак* ‘перхоть’ [см. Абаев 1958: 579];

перс. ديدار didār – лезг. *дидар* ‘лицо, облик; лицезрение’;

перс. لنگ leng – удин. *лаънг* ‘шаг’.

Природа

1. Обозначения атмосферных явлений:

перс. اياز ayāz – лезг., таб. *аяз*, рут., цах., буд., удин. *айаз* ‘мороз’;

перс. برف barf – лезг., агул. *марф* ‘дождь’, буд., рут. *маф* ‘дождь’;

перс. برق barq – цах. *марг* ‘молния’;

перс. دم dam – удин. *даьм* ‘пар’, лак. *дам (хъанан)* ‘париться’, лезг. *дем (чай демда тун)* ‘заварить чай и оставить для настоя’; буд. *дам йихьар* ‘настояться; завариться’;

перс. کولاک kulāk – лезг., таб., буд. *кулак* ‘ветер’;

перс. شاهوار šāhvār – лезг., буд. *шагьвар* ‘приятный ветерок, зефир’;

перс. ژنگ žang – лезг., таб. *жанг*, крыз. *джаьнг*, буд. *исанг* ‘иней’; удин. *жанг* ‘плесень’; лак. *жанга* ‘бусинка’; бежт. *жангъи* ‘мелкие капли дождя’; цез. *жангъи* ‘туман’.

2. Названия минералов, веществ:

перс. بلور ballūr – лезг. *буьлуьл*, таб. *бюлил* ‘хрусталь’, лак. *пюрун* ‘стекло’;

перс. برنج berenj – лезг. *буьруьнж*, буд. *бурундж*, крыз. *буьруьндж*, ‘бронза’, цах. *пириндж* ‘желтая медь’;

перс. چرک čerk – авар. *чорокаб*, кар. *чорокоб* ‘грязный’, дарг. *чярт*, лак. *чюрк*, лезг. *чирк*, агул. *ширк*, буд. *чулк* ‘грязь’, таб. *чирк* ‘гной’;

перс. چینی čini – авар., дарг., лак., лезг., буд., таб. *чини* ‘фарфор’; кар., тинд., чам. *чини* ‘эмаль’;

перс. گچ gač – авар., батл., год., цез. *гач*, анд. *гачи*, кар. *гаче*, чам., багв. *гарч* ‘известь’, лезг. *кижс* ‘мел’;

перс. گل gal – таб., буд. *кил* ‘глина (для гончарных изделий)’;

перс. گرد gard – буд. *гард* ‘пыль’;

перс. گلاب golāb – лак. *гулан* ‘розовая вода’;

перс. گوهر gowhar – лезг., таб. *гевгьер*, цах. *гавгьар* ‘жемчуг’;

перс. جیوه jive – лезг., таб. *живе*, буд. *дживе* ‘ртуть’;

перс. کف kaf – лезг., таб. *каф*, удин. *каъф* ‘пена’;

перс. کفشیر kafšir – лезг., таб. *кишпир* ‘бронза’; агул. *кашмир*, рут. *капшир*, цах. *кашпир* ‘латунь’;

перс. کهربا kahrobā – авар. *кагьру*, кар. *каргьуман*, лак. *кагьруба*, лезг., таб. *кагьраба*, буд. *каьгьраба* ‘янтарь’;

перс. کاش kāš – дарг., лезг., агул., буд. *къаш*, таб. *гъаш* ‘драгоценный камень (в оправе)’;

перс. لخچ laxč – лак. *нахула*, лезг. *лахума*, таб. *нахуна* ‘купорос’;

перс. مرگموش marg-e muš – лезг. *наргимиш* ‘мышьяк’;

перс. مینا minā – авар., лак., лезг., буд. *мина* ‘эмаль’;

перс. سیر sir – авар., лак., чеч. *сир*, лезг., таб., буд. *шир* ‘краска’;

перс. زنجفیل zanjfil – авар., чеч. *занжабил*, чам. *занжибир*, лак. *заннир*, лезг., таб. *зенжефил*, буд. *занджафул*, удин. *джаьнджаьфил* ‘имбирь’;

перс. زاغ zāq – лезг., таб., цах., крыз. *загъ*, буд. *заг*, удин. *заьй* ‘квасцы’; лак. *загъ* ‘горечь; привкус’;

перс. زر zar – лезг., таб., буд. *зар* ‘позолота’;

осет. *ryg//rugæ* – лезг., таб., агул., рут. *руг*, крыз. *риг* ‘пыль, земля’. На сходство осетинских и дагестанских фактов обращает внимание В.И. Абаев [1973: 443-444];

перс. فیروزه firuze – авар. *пируза*, лак. *пирузи*, удин. *пуьруьз* ‘бирюза’;

перс. کندرو kondoru – лезг. *кендирагъ*, таб. *кендир* ‘жвачка, жевательная резинка’; удин. *куьнддуьрукк* ‘ладан’;

осет. *ændon* – дарг. *шандан*, лак. *чаннан*, авар. *чаран*, чам. *чара*ⁿ, кар. *чиран*, тинд. *чарам*, лезг. *гьулдан*, цах. *гьандан* ‘сталь’; чеч. *онда//онданиг* ‘крепкий, твердый’. По В.И. Абаеву [1958: 157], слово восходит к скифскому, но может быть возведено и к иранскому источнику.

3. Слова, связанные с обозначением географических понятий, понятий места и времени:

перс. بندرگاه bandargāh – лезг. *бендергагь* ‘стан; место сбора’;

талыш. *бäрä* ‘лаз, ход (в зарослях)’ – лезг. *бере*, буд. *бара* ‘проход в заборе’, таб., агул., рут., цах. *бере* ‘загон для скота’, удин. *баьраь* ‘засада (на охоте)’. С точки зрения семантики талышское слово, как источник

заимствования, нам представляется более предпочтительным, чем персидское bāre باره ‘окоп, вал, ограда’;

перс. بیابان biyābān – удин. *бейван* ‘пустыня, степь’, лезг., таб. *баябан*, буд. *бийабан* ‘безлюдный, пустынный’;

перс. چهارشنبه čahāršambe – буд. *черщенбе* ‘среда (день недели)’;

перс. چاشت čāšt – лезг. *част* ‘полдень’;

перс. چشمه češme – лезг., таб. *чешме* ‘исток, источник’, буд. *чешне* ‘образец, пример’. Об осетинской параллели см. [Абаев 1958: 291];

перс. دهانه dahāne – лезг. *дегьне* ‘глубина, глубокое место’;

перс. دهار dahār – лезг. *дагьар* ‘пещера’, агул. *дагьар* ‘скала’, таб. *дагьар* ‘ущелье, скала’, рут., крыз. *дагьар* ‘камень (строительный)’;

перс. در dar – удин. *дар* ‘утес, скала’;

перс. دره darre – лак., буд., крыз. *дара*, лезг., агул., таб. *дере*, цах. *дера*, рут., удин., хин. *даьраь* ‘долина; ущелье’;

перс. درون darun – лезг., таб., буд. *дерин* ‘глубокий’;

перс. دریا daryā – цах. *деръя*, рут. *дерйагь*, крыз. *дарйагь*, буд. *дарйа*, хин. *даьрйагь*, удин. *даьрйаьн* ‘море’;

перс. گاه gāh – таб., агул. *гагь* ‘время, срок’;

перс. گاه گاه gāh gāh – лезг. *гагь-гагь* ‘иногда, временами’;

перс. گریوه garive – лезг. *гирве* ‘проход’;

перс. گوشه guše – цах. *хьошше* ‘угол’;

перс. هفته hafte – лезг. *гьафте*, таб. *гьяфта*, агул., буд. *гьафта*, рут. *гьафте*, крыз. *гафта*, цах. *гьаффтта* ‘неделя’;

перс. جنگل jangal – удин. *ччаьлаьг* ‘лес’;

перс. جایگاه jāygāh – лезг. *чка*, рут., цах., буд. *джига*, хин. *джигаь*, крыз. *джигаьгь* ‘место’;

перс. کال kāl – лезг. *хвал*, агул. *хул* ‘канава’; удин. *хаъл* ‘делянка (в огороде)’;

перс. کوچه kuče – лак. *куча*, лезг., буд. *куьче*, таб. *кюче*, агул. *куьча*, цах. *кучаь* ‘улица’;

перс. نوروز nowruz – лезг., таб., буд. *навруз* ‘первый день Нового года – 21 марта’;

перс. پگاه pagāh – лезг. *пака*, агул. *багагь*, рут. *быга*, буд. *пага* ‘завтра’; удин. *бегаь* ‘вечер, сумерки’;

перс. پاییز pāyiz – буд. *пайиз*, удин. *паиз* ‘осень’. Об осетинском см. [Абаев 1958: 469];

перс. سرحد sarhad – лезг. *серграт*, таб. *сяргьят*, агул. *серхIат*, рут. *сейрат/саргьIат*, цах. *сергьаьт*, хин. *саьргьаьд*, буд. *серхIет//сергьед* ‘граница, рубеж’;

перс. شنبه šambe – таб. *шембе*, буд. *шемби* ‘суббота’;

перс. تنگه tange – авар. *танкел* ‘впадина, ухаб’;

перс. خندق xandaq – авар., дарг. *хандакъ*, лезг., таб. *хандакI* ‘ров; окоп; траншея’; цах. *къандах*, гунз., буд. *хандакь* ‘яма, канава’;

перс. زیرزمین zirzamin – лезг., таб. *зирзими*, буд. *зирземи* ‘подземелье’;

ср.-перс. *zamānag* (через. араб. زمان zamān) – авар., ботл., арч. *заман*, чеч. *зама*, год., дарг., лак., агул. *замана*, лезг. *заман*, таб., агул., рут., цах., буд. *заман* ‘время, эпоха’; об осетинском см. [Абаев 1989: 287];

перс. کوتل kutal – лезг. *кутIал* ‘круча; крутой’;

перс. راغ raq – лезг. *раг* ‘скала, утес’. Схожее с персидской формой слово в осетинском языке описывает В.И. Абаев [1973: 343-345].

4. Сельскохозяйственные термины:

перс. بافه bāfe – лезг., буд., таб., крыз. *бафа* ‘один из пуков сена’;

перс. بهره bahre – лезг., таб., буд. *бегьер*, крыз. *баьгьаьр* ‘урожай’;

перс. باغ bāq –гунз., бежт. *багъи*, лак., лезг., таб., агул., цах., буд., рут., крыз., хин., арч., цез., гунз. *багъ*, удин. *паъкъ* ‘сад’;

перс. بيشه biše – чеч., инг. *беш* ‘сад’;

перс. باغچه bāqče – авар., лак., хин., крыз. *бахча* ‘огород’, дарг., лезг., таб., буд., удин. *бахча* ‘сад’;

перс. باستان bostān – авар., анд., кар. *пастIан*, чам. *пасан* ‘дыня; огород’, год., дарг. *пастIан*, чеч., инг. *паста* ‘дыня’, тинд. *паштан*, лезг., агул., цах., буд., крыз. *бустан*, хин. *бостан*, таб. *бистан*, рут. *быстан*, бац. *бостIа* ‘огород’;

перс. گلچمن golčaman – лезг. *гуьлчимен* ‘цветущее поле’, цах. *гокчиман* ‘луг’;

перс. كروه koruh – лак. *къуру (хъу)* ‘черный пар’, лезг. *къурух*, буд. *къурулугъ* ‘участок, на котором запрещена потрава, рубка’, цах. *къорух* ‘сенокос, луг’;

перс. ميوه mive – лезг., таб., цах. *мейва*, крыз., удин. *мейваь*, буд. *мейве*, хин. *маьйваь* ‘фрукт, плод’;

перс. نوبهار nowbahār – лезг. *навбагьар* ‘первый сбор урожая’;

перс. پهن pahan – буд. *пейин*, удин. *нейин* ‘навоз’;

перс. خرمن xarman – лезг., буд., крыз. *харман* ‘гумно, ток’;

перс. تاى tāy – дарг., лак. *тяй*, лезг., буд. *тай* ‘кипа, вьюк, тюк’; таб. *тай*, цах. *тайе* ‘стог, скирд’. В осетинский язык данная лексема перешла через тюркский [Абаев 1979: 222];

перс. چارگاو čārgāv – лезг. *чаргавар* ‘упряжка’, удин. *чаьргоьв* ‘первая пара упряжки из четырех волов’.

5. Растительный мир:

перс. الوبخارا āluboxārā – лезг. *элбухари*, таб. *албухара* ‘альбухара (сорт слив)’;

перс. آلوچه āluče – дарг., таб. *алича*, лак. *алча*, лезг. *алуча*, буд. *алче* ‘алыча’;

перс. انجیر anjir – чеч., инг., авар., кар., ахв., багв., тинд., чам., хварш., арч., дарг., лак. *инжир*, анд., агул. *инджир*, лезг, таб. *инжил*, рут., крыз., буд., удин., хин. *инджил* ‘инжир (плод)’;

перс. ازگیل azgil – лак. *азгил* ‘мушмула’;

перс. بادام bādām – лак. *бадан*, лезг., таб., буд. *бадам* ‘миндаль’;

перс. بادمجان bādemjān – авар., чам. *бадиржан*, лак. *бадуржан*, лезг., таб. *бадамжан*, цах., буд. *бадумджан*, удин. *ппаттонджан* ‘баклажан’; бежт., цез. *бадрижан*, гунз. *бардижан* ‘помидор’;

перс. بلوط balut – лак. *пялут*, агул. *паьлутин*, хин. *палыды*, крыз., арч. *палут*, буд. *палыт* ‘дуб’;

перс. بنفشه banafše – авар. *манарша*, лак. *банувша*, лезг., таб. *беневша*, цах. *беневше*, буд. *беноьвше* ‘фиалка’;

перс. به beh – авар. *мигь* (диал. *бигь*), бежт. *бегье*, гин., гунз. *багье*, лак., крыз. *бигь* ‘айва’. О возможном посредничестве кавказских языков для осет. см. [Абаев 1958: 260];

перс. برنج berenj – авар. *пиринчI*, анд., *пиринчIи*, бежт., гунз., гин., цез. *биринжи*, дарг., арч. *биринж*, лак. *ппиринж*, лезг. *пурунз*, агул. *бурунз*, цах. *биринз*, удин. *бириндз*, бац. *бриндж* ‘рис’. Слово распространено во многих кавказских языках [Абаев 1973: 246; Шагиров 1977 II: 13; Климов, Халилов 2003: 219];

ср.-перс. *būn* – лезг. *пун* ‘корень’. См. также [Шагиров 1977 I: 103];

перс. چنار čenār – ботл., год., дарг., лак., лезг., таб., буд., агул., рут., цах., крыз., удин. *чинар*, авар. *чинари* ‘чинара, платан’, год. *чинари* ‘фундук’;

перс. چغندر čoqondar – авар. *чIакIултIан*, кар. *чIаркIутIан*, тинд. *чIакIутIи*, чам. *чIаркIутI*, бежт. *чIархали*, цез. *чIархели*, анд., хвар.

чIаркIултIан, лак., агул. *чIикIунтIа*, лезг., таб., цах., крыз., буд. *чугъундур*, арч. *чIакIунтIан* ‘свекла’. Ср. также: каб. *жэгŷындэ*, абаз. *джьагŷында*, убых. *джьыгŷындыр* [Шагиров 1977 I: 192];

ср.-перс. *dār* – лезг. *тар*, агул., крыз., буд. *дар* ‘дерево’, удин. *тир* ‘бревно’;

перс. گرگر gerger – лезг. *гергер*, таб. *гаргар* ‘овес’;

перс. گشنیز gešniz – лезг. *кIешниш*, цах. *кIашниш* ‘кинза’;

перс. گل gol – лезг. *гуьл*, таб. *гюл*, буд. *гыл* ‘цветок’;

перс. کبر kabar – лезг. *кевер* ‘каперсы’;

перс. کاهو kāhu – лезг. *кагьу* ‘салат (растение)’;

перс. کلم kalam – лак. *калан*, лезг., таб. *келем*, агул., цах., буд. *калам* ‘капуста’;

перс. کشمش kešmeš – авар., гунз., тинд., цез., лак., лезг., таб., цах., буд. *кишмиш*, чеч. *кишма* ‘кишмиш, изюм’;

перс. لاله lāle – лак. *лала* ‘тюльпан’;

перс. مروارید marvārid – лезг. *марвард (цуьк)* ‘роза’;

перс. لوبیا lubyā – рут. *лубыйен* ‘фасоль’;

перс. میخک mixak – авар. *михикI*, кар., тинд., чам. *нихакI*, лак., цах. *михак*, лезг., таб. *мехек*, буд. *мелек* ‘гвоздика’;

перс. مشک mošk – лак. *машаку* ‘шалфей’;

перс. کرف karf – лезг. *кирф* ‘бузина’;

перс. انار anār – лезг. *анар* ‘гранат’;

перс. نار nār – авар., арч., цез., дарг., лезг., таб., агул., рут., цах., крыз., буд., чеч. *нар* ‘гранат’;

перс. نخود noxod – лак., лезг. *нахутI*, таб. *нахут*, буд. *нохут* ‘горох’;

перс. پرک parak – лезг. *паркьул*, таб. *пяркь//паркьул*, агул. *паIркьв*, рут. *паIкьвал*, цах. *паIнкьале* ‘лопух’; буд. *пекь* ‘корень лопуха’;

перс. سبزه sabze – лезг. *савза* ‘сорт изюма’;

перс. شفتالی šaftāli – лезг. *шефтели*, цах. *шафталли*, крыз. *шаьфтаьли*, удин. *шаьфтталукк* ‘персик’; чеч. *шаптал* ‘абрикос’. О кабардинском слове см. [Шагиров 1977 II: 138];

перс. شاه بلوط šāhbalut – авар. *шагьбулут*, цез. *шабалут*, лак. *шагъбалут*, лезг. *шабалт*, таб. *шабалут*, буд. *шабалутI*, удин. *шавалутт* ‘каштан’;

перс. شوید ševid – лезг., таб., рут. *шивит*, буд. *шуьвуьт*, удин. *шивитт* ‘укроп’;

перс. شیمشد šimšad – удин. *шуьмшад* ‘самшит (род кустарника)’;

перс. تبریزی tabrizi – дарг. *бириз* ‘тополь’;

ср.-перс. *varg* ‘лист дерева’ (*перс.* برگ barg ‘лист’) – лезг. *верг*, таб. *варжи* ‘крапива’, удин. *бурукк* ‘листья шелковицы’. Лезгинское *верг* и персидское *barg* сопоставляет Ш.М. Саадиев [1973: 155], см. также [Лексика 1971: 165; Хайдаков 1973: 62];

перс. خربزه xarboze – авар., дарг. *харбуз*, кар., чам. *хъармуз*, тинд. *хъармузи*, бежт., гунз., лезг., агул., цах., буд., удин. *къарпуз*, цез., лак. *къалпуз* ‘арбуз’; таб. *гъарпуз*, чеч. *хорбаз*, инг. *харбаз* ‘тыква’. Слово имеет многочисленные соответствия во многих языках [см. Абаев 1989: 141-142];

перс. خرما xormā – авар., арч., гунз., бежт., год., цез., лак., агул., рут., цах., чеч., инг. *хурма* ‘хурма’; тинд. *хорма*, лезг., таб., крыз., кар. *хурма* ‘финик’;

перс. زرشک zerešk – удин. *зиринз* ‘барбарис’;

перс. زیره zire – удин. *зира* ‘тмин’. Об осетинской лексеме см. [Абаев 1998: 312];

перс. زغالاخته zoġālaxte – цах. *зукьаьл* ‘кизил’;

ср.-перс. *siγr* – лезг., агул. *серг*, крыз. *сарг* 'чеснок' (ср.: перс. سیر sir, тат. *сир*);

перс. آلوبالو alubālu – авар., анд., гунз., кар., дарг., агул. *багIли*, лак. *бяъли*, лезг. *ппили//пIини//багIали*, таб. *беъли*, бежт., гунз., рут., цах. *бали*, тинд. *багIали*, год. *бъали* 'вишня, черешня'. Иранское слово, представленное во многих кавказских языках, проникло в дагестанские языки через разных посредников. В языки южного ареала, вероятнее всего, через татский язык (*бэгIэли*), в другие языки – через тюркское (аз. *албалы*) и грузинское посредство [Халилов 1989: 110]. См. также [Абаев 1958: 233; Шагиров 1977 I: 68];

тат. *лэгъ* – лезг. *легъ* 'заросли камыша';

курд. *гӧш* – лезг. *куш* 'лен';

тат. *пурнä* – лезг. *пурни* 'мята';

тат. *хэртут* – лезг. *хатрут*, таб. *хартут* 'тутовые ягоды';

тат. *домбул.* – лезг. *дамбул*, удин. *дамппул* 'сорт слив'.

6. Животный мир:

перс. ببر babr – удин. *баьбир* 'леопард';

перс. باز bāz – таб. *ппази*, агул. *пази* 'сокол, ястреб';

перс. بدو bedav – дарг., лак. *бидав* 'конь (фольк.)';

перс. دله dale – хин., крыз., буд., удин. *даьлаь*, цах. *делаь* 'ласка; куница';

перс. آخته āxte – авар., лак., лезг., таб., агул., буд. *ахта* 'мерин'; дарг. *ахта* 'кляча'; удин. *ахтта* 'кастрат, скопец';

перс. گامیش gāmiš – авар., кар. *гамущ*, дарг., лак., таб., чам., анд., цез., хвар., гин., гунз. *гамуш*, лезг., агул. *гамиш*, рут. *джаьмиш*, цах. *джомыш*, хин., буд. *гомуш*, крыз. *гомиш*, удин. *гоьмиш*, арч. *гымуш*, ахв. *гамущи*, год. *г'амущи*, бежт. *гаьмуьш*, чеч. *гōмаш*, инг. *гамажа* 'буйвол'. Об осетинском слове см. [Абаев 1958: 618];

перс. کرگدن kargadan – авар. *каркадан*, лак. *каргадан* ‘носорог’;

перс. گرزه garze – лак. *гюрза*, лезг. *гуьрзе*, таб. *гюрзе*, удин. *гуьрзаь* ‘гадюка’;

перс. گاو gāv – лезг. *гав* ‘дикий бык; тур’. В осетинском см. [Абаев 1973: 312];

перс. خروس horus – хин., буд. *хоруз*, крыз. (хап.) *хуруз* ‘петух’;

перс. جانور jānvar – авар., чам., цез., лак. *жанавар*, дарг. *жанивар* ‘зверь’; лезг., агул. *жанавур*, таб. *жанавар*, цах., хин., крыз., буд., удин. *джанавар* ‘волк’;

перс. جوجه juje – лак. *жюжа* ‘выводок’, лезг. *жуьже*, цах. *джудже*, буд. *джуьдже* ‘цыпленок’;

перс. جونه‌گاو junegāv – лезг. *жунгав*, рут. (борч.) *джунгаь*, цах. *джонга* ‘бычок’;

перс. کفتار kaftār – авар., лезг., таб. *кафтар*, буд. *кафттар* ‘гиена’;

перс. کهر kahar – лезг., таб. *кегьер*, буд. *каьгаьр* ‘гнедой’;

перс. کل kal – дарг. *кьял*, лак., лезг. *кал* ‘корова’; таб. *кел*, цах. *кал*, крыз. *каьл*, удин. *ккаьлччаь* ‘буйвол’. Ср. осет. *gal*. По предположению В.И. Абаева [1958: 506], слово вошло в осетинский язык из кавказского субстрата;

перс. کل kal – лезг. *кIел*, агул. *ккел*, крыз., буд. *кел* ‘ягненок’;

перс. کرن koran – лезг., цах. *куьрен*, таб. *кюрен* ‘рыжий, буланый’;

перс. کنه kane – цах. *гена*, хин., буд. *гана* ‘клещ’;

перс. لش laš – лезг., буд. *леш* ‘падаль’; цах. *лашаг* ‘туша, труп животного’; удин. *лаьш* ‘тело, организм’;

перс. موش‌کور muš-e kur – рут. *мишихвар//мушухур* ‘крот’;

перс. نر nar – лезг. *нар (деве)* ‘крупный племенной верблюд’;

перс. نخچیر naxčir – лезг., таб. *ничхир*, агул. *нахшир* ‘дичь’;

перс. پلنگ palang – лак. *паланг*, лезг., таб., буд. *пеленг*, цах. *пельгьаьнг*, удин. *паьланг* 'тигр'. Ср. осет. *færank//fælank* 'барс', 'леопард' [Абаев 1958: 450];

перс. پرلا parelā – лезг. *пIарла* 'птенец куропатки или фазана';

перс. پروانه parvāne – таб., цах. *первана* 'бабочка'; лезг. *первана* 'человек (*ирон.*)';

перс. قرقاول qarqāvol – цах. *къиргъавуль* 'вид птицы';

перс. قز qaz – лезг. *кIаз*, крыз. *кIаьз* 'шелкопряд; шелк-сырец'; буд. *кIаз*, чеч. *гоьжа* 'кокон';

перс. قو qu – лезг., таб. *къугь* 'лебедь';

ср.-перс. *ramak* – лезг., таб. *рамаг* 'табун (лошадей), гурт'. К позднейшим иранизмам относятся усвоения новоперсидской лексемы رمه rame с тем же значением в других восточнокавказских языках, например: агул., хин. *рама*, чеч. *рема*;

перс. شاهمار šāhmār – лезг. *шагьмар*, удин. *шахмар* 'порода ядовитых змей';

перс. سمند samand – лезг., таб. *семен*, буд. *семенд* 'буланый конь';

перс. شقال šaqāl – авар., бежт., гунз., чам., лак., лезг., таб., агул., рут., цах. *чакьал*, арч. *жыкьал*, ахв. *чакъа*, кар. *щакъала//чакъал*, цез. *шаIкъал*, хвар. *шакъал*, гин. *чакъар*, хин. *джакъкъал*, крыз. *ччакъкъал*, буд. *ччакъал*, чеч. *чагIалкх* 'шакал'. Слово относят к древнеиндийскому источнику, из которого через персидский язык оно широко распространилось на Кавказе и в многих европейских языках [Фасмер 1987: 395-396];

перс. سار sār – лезг. *жар-нуькI* 'скворец';

перс. شرک šarak – лезг. *шараг* 'детеныш'; рут., крыз. *шурук* 'цыпленок';

перс. شیر šir – буд., крыз., цах. *шир* 'лев';

перс. شنقر šonqor – лезг. *шангъар* ‘кречет’;

перс. تازی tāzi – дарг. *тази* ‘конь’; лезг., таб., буд. *тази* ‘борзая (собака)’;

перс. وشق vašaq – лезг. *машах*, буд. *машакь*, хин. *машагъ* ‘рысь’; рут. *вачак*, цах. *варшакъ*, удин. *мошакк* ‘леопард’;

перс. خر xar – лезг., таб., агул., рут. *хвар* ‘кобыла’. В осетинском и других языках см. [Абаев 1989: 176-178];

перс. خرچنگ xarčang – таб. *херченег*, цах. *харчанак*, крыз. *хаьрчаьнг* ‘рак’;

перс. خز xaz – лак. *хаз* ‘хорек’, рут., таб. *хаз* ‘белка’, лезг. *хаз*, крыз. *хиз*, буд. *хез* ‘мех’;

перс. زالو zālu – лезг., таб. *зили*, рут. *зилаь*, цах. *зеле*, крыз., удин. *заьли* ‘пиявка’;

талыш. *вäрä* – лезг., таб. *фере* ‘курочка’. В.И. Абаев [1989: 50] возводит это слово к авест. *vāra* “название какой-то домашней птицы”;

талыш. *кäлчä* – лезг. *келче*, таб. *келча* ‘молодой буйвол’;

перс. یال yāl – авар. *жал*, анд., цах., удин. *йал*, гунз. *жару*, год. *жали*, кар. *жале*, дарг. *ял* ‘грива’;

тат. *жендег* – лезг. *жендек*, таб. *жандак*, агул., рут., цах., хин. *джандак*, крыз. *джаъндак*, удин. *джемдакк* ‘тело; туша; падаль, труп’.

7. Слова, описывающие различные характеристики предметов и явлений:

перс. آباد ābād – лезг., таб., буд. *абад*, удин. *авад* ‘благоустроенный; богатый; цветущий’;

перс. آبادان ābādān ‘благоустроенный; возделанный’ – авар., цез. *аваданав*, кар. *аваданоб*, чам., бежт., гунз., тинд. *аваданаб* ‘веселый, жизнерадостный’; лак. *авадансса* ‘богатый, обильный’; лезг., буд., таб., удин. *авадан* ‘плодородный; благоустроенный’;

перс. آبی ābi ‘голубой; водяной’ – лезг. *аби* ‘голубой’, буд. *аби* ‘ярко-красный’;

перс. آسان āsān – лезг., таб., буд. *асант* ‘легкий, нетрудный’;

перс. آسیب āsib – лак. *аьсивсса* ‘беспросветный; печальный’;

перс. آشکار āškār – дарг. *ашкарси*, лак. *ашкарасса*, лезг., буд. *ашкара*, таб. *ашкар*, удин. *аьшкаьр* ‘явный, ясный, очевидный’;

перс. آزاد āzād – дарг. *азадси*, лак. *азатсса*, лезг., таб., цах., буд. *азад* ‘свободный, вольный’; чеч. *азат* ‘освобождение от рабства’;

перс. بابت bābat ‘годный, распространенный’ – лезг. *бубат: са бубат*, таб. *бубат: саб бубат*, буд. *бубат* ‘кое-как, поверхностно’, удин. *бабат* ‘удовлетворительно’;

перс. بنفش banafš – дарг. *манавша*, лак. *банувшасса*, лезг., таб. *беневш* ‘фиолетовый’;

перс. بنک banak ‘атласная ткань с цветами’ – лезг. *пенек (пенек-пенек)* ‘пятнистый’;

перс. برابر barābar – лезг., таб. *барабар*, буд. *барамбар* ‘равный’, лак. *баранбал* ‘один на один’, цах. *барабар* ‘ровно’;

перс. بتر batar – лак., буд. *батар*, лезг., таб. *бетер* ‘плохой, мерзкий’, цах. *ваттан* ‘ухудшение’;

перс. بیات bayāt – лезг., таб. *баят*, буд. *байат* ‘черствый (о хлебе)’;

перс. چپل čapal – лак. *чапалсса*, рут. *чепелды* ‘грязный, запачканный’;

перс. چهرهای čehrei – лезг. *жегьре* ‘алый’;

перс. چرک čerk – дарг. *чярт*, лак. *чюрк*, лезг. *чирк*, агул. *ширк*, буд. *чулк* ‘грязь’, таб. *чирк* ‘гной’;

перс. کال kāl – лезг., таб., буд. *кал* ‘неспелый, незрелый’;

перс. مردار mordār – лак. *мурдалсса*, лезг., таб. *мурдал*, буд. *мырдар*, удин. *мундар* ‘поганый, нечистый, гадкий’;

перс. نارنجی nārenji – лак. *наранжисса*, лезг. *наринж*, таб. *нарунж* ‘оранжевый’;

перс. گرم garm – удин. *гам* ‘теплый, горячий’. В.И. Абаев [1973: 266-267], наряду с другими параллелями к осет. слову *garm*, приводит армянский иранизм *ǯerm*, который в силу особенностей армяно-удинских исторических контактов можно допустить источником для удинского языка;

перс. گرد gerd – гунз. *герду*, бежт. *гердийоь* ‘круглый’;

перс. گلشن golšan – лезг. *гуьлуьшан*, таб. *гюлюшан* ‘солнечный, светлый’;

перс. هموار hamvār – удин. *гьамавар* ‘гладкий, ровный’;

перс. کهنه kohne – лак. *кугьнасса*, лезг., агул. *куьгьне*, таб. *кюгьне*, рут. *куьгьнед*, чеч. *къёна* ‘старый, ветхий’;

перс. لق laq – лезг., таб. *лахъу*, рут. *лахъттьі*, удин. *лаъкъ* ‘тухлый, гнилой’. Об осетинском слове см. [Абаев 1973: 31];

перс. ناپاک nāpāk – лезг., буд. *напак* ‘нечистый’;

перс. نازک nāzok – авар. *назукаб* ‘овальный, тонкий’; лезг. *назик*, таб. *назук* ‘хрупкий, нежный’, агул. *назик* ‘тонкий’, буд. *назик* ‘тонкий, нежный’, удин. *наьзикк* ‘тонкий’;

перс. پایدار pāydār – лезг., таб., буд. *пайгар* ‘прочный, стойкий’;

перс. پرپر porpar – лак. *ппирппир*, лезг., таб. *пурпу* ‘рыхлый, пушистый, измельченный’;

перс. غازه qāze – лезг. *(яру) газгаз* ‘красный-красный’;

перс. سبک sabok – цах. *субук* ‘легкий’;

перс. سبز sabz – цах. *сыб* ‘зеленый’;

перс. سایه sāye – лезг. *сая*, буд. *сайе* ‘однотонный’;

перс. شیرین širin – лезг., таб., буд., цах. *ширин* ‘сладкий; вкусный’;

перс. شیت šit – лезг., таб., буд. *шит* ‘несоленый, пресный’;

перс. تازه tāze – авар. *тазаяб* ‘чистый, свежий’; дарг. *тазаси* ‘здоровый; мускулистый’; лак. *тазасса* ‘бодрый, свежий’; лезг., таб. *таза* ‘свежий, молодой’; цах. *тезе*, буд., хин., крыз. *таза* ‘новый, свежий’;

перс. تند tond – лак. *тунтсса*, лезг. *туьнт*, таб. *тюнт*, буд. *тунд*, удин. *туьнд* ‘крепкий, острый’;

перс. ترش torš – лак. *туршсса*, лезг., таб. *турши* ‘кислый’;

перс. خام xām – авар. *хам* ‘сырой, необработанный (о шкуре)’; лезг., таб., буд. *хам* ‘необработанный, невозделанный’;

перс. نم nam – цах., удин. *нам*, лезг., таб. *лам* ‘сырость, влажность’.

8. Слова, относящиеся к другим лексико-грамматическим группам:

перс. اگر agar – дарг., лезг., агул., таб., цах. *эгер*; лак., цах., рут., крыз., буд. *агар*; хин. *аьгаьра* ‘если’;

перс. بلکه balke – авар., бежт., цез. *балики*, дарг. *белики*, лезг., таб. *белки*, буд. *баьлкаь* ‘может быть’, лак. *балики* ‘если’;

перс. گویا guyā – лезг. *гуя* ‘будто, якобы’;

перс. هیچ hič – дарг. *гьеч* ‘совсем, полностью’, лак. *гьич* ‘никак’, лезг., таб., буд. *гьич* ‘вовсе, совершенно’;

перс. کاشکی kāški – лезг. *кешкина*, таб. *кешкена* ‘если бы, кабы’;

перс. کی ki – лезг. *хьи*, цах. *ки* ‘что (союз, служащий для введения прямой речи)’;

перс. حرف به حرف harf be harf – лезг. *гьарфба-гьарф* ‘буква в букву, буквально’;

перс. مگر magar – лезг., таб. *мегер* ‘разве’;

перс. ناگاه nāgāh – авар., бежт., гунз., кар., багв., ботл., год., дарг., лезг., таб. *нагагь*, тинд. *нагагьи*, чам. *нагегь*, хвар., гунз., гин., цез. *нагахI*, чеч. *нагахь* ‘если, ежели’;

перс. په pah – лезг., таб. *пагь* ‘ну!, ба!’;

перс. تا tā – лак., лезг. *та* ‘до какого-то времени; до тех пор, пока’;

перс. یا yā – авар., дарг., лак., лезг., таб., чеч., инг. *я*, анд., ахв., тинд., бежт., гунз., гин., багв., тинд., чам., ботл., год., цез., хвар., арч., цах., крыз. *йа*, буд. *йе* ‘или’, ‘либо’. Принято считать словом иранского происхождения, хотя этимология “нуждается в разъяснении” [Абаев 1958: 563];

перс. گاه gāh – лезг., таб., буд. *гагь* ‘то..., то (союз)’.

Личные имена

По справедливому суждению А.Г. Гафурова, “имена людей, антропонимы – это прежде всего слова, и, как все слова, они подчиняются законам лингвистики. Но антропонимы образуют в языке совершенно особый слой слов, в котором возникают свои закономерности” [Гафуров 1987: 3].

И действительно, именослов восточнокавказских народов, вырабатывавшийся на протяжении многих веков, составляет отдельную систему с присущими ей закономерностями, и, как никакая другая лексическая группа языка, она отражает важнейшие периоды исторического пути народа, его расселения и миграции, духовной жизни, длительных контактов с другими народами и религиями.

В связи с этим А.В. Суперанская пишет, что “имена собственные сложились как необходимый инвентарь на базе словарного состава языка и являются полноправными словами, но словами с особым назначением и с особой специфической функцией, что и отличает их от имен нарицательных. В связи с тем, что они не переводятся (за редким исключением), а заимствуются из одного языка в другой, они относятся к международ-

ной лексике и принадлежат одновременно многим языкам, хотя каждое имя возникло на основе какого-нибудь языка. Таким образом, изучение имен собственных, как правило, тесно связано с проблемой взаимодействия языков" [Суперанская 1969: 10-11].

Историко-лингвистическое исследование системы личных имен нахских и дагестанских народов, несомненно, может разъяснить отдельные вопросы лексико-семантического развития восточнокавказской лексики.

Богатая антропонимистическая система народов Восточного Кавказа испытала несколько этапов своего развития. Исследователи склонны выделять три таких периода: "древние исконные собственные имена, которые шли, в основном, от имен нарицательных; имена собственные мусульманского происхождения, мощным потоком пришедшие в IX-X вв. с Востока; новые русские и интернациональные имена" [Мейланова 1976: 199].

Исследования различных авторов показывают, что исконные собственные имена в именнике восточнокавказских народов в количественном отношении к заимствованным занимают довольно скромное место [см.: И.Х. Абдуллаев 1991: 134; К.И. Гарунова, М.И. Магомедов 1991: 124; У.А. Мейланова 1991: 145; М.Ш. Халилов 1991: 129]. С.М. Хайдаков в связи с этим отмечает, что "в отличие от нарицательных имен антропонимия, ввиду своей особой функциональной природы, крайне неустойчива, подвержена быстрым изменениям и по своему составу в высшей степени гетерогенна. Она менее самобытна, чем нарицательные имена. В ней господствующее положение, как правило, занимают заимствованные имена. Они, если можно так выразиться, агрессивны. Эта их особенность привела к вытеснению значительного количества имен исконного древнего происхождения" [Хайдаков 1980: 55].

Иранский пласт личных имен занимает заметное место в антропонимической системе восточнокавказских языков, и в определенной степени уже подвергался исследованию в специальной литературе [см.: Аб-

дуллаев 1970, Микаилов 1977, Сафаралиева 1987, Мейланова 1991, Халилов 1991, Гайдаров 1996 и др.]. Так, Э.Я. Сафаралиева, специально посвятившая свое диссертационное исследование антропонимике лезгинского языка, подчеркивает, что контакты лезгин с носителями иранских языков способствовали проникновению в их язык персидских имен, которые и поныне бытуют у лезгинского населения. Проникновению персидских имен в лезгинский именник, по мнению исследователя, во многом способствовала также персидская литература [Сафаралиева 1981: 15].

Однако следует отметить, что при достаточно пристальном внимании к восточнокавказской антропонимике в целом и немалом количестве работ, исследующих или затрагивающих проблемы имен собственных, вопрос о специфике антропонимов иранского происхождения кавказоведческой наукой разработан далеко не полно.

В отличие от личных имен арабского происхождения, получивших распространение на Северном Кавказе большей частью благодаря исламу, иранские личные имена сравнительно малочисленны. Наблюдения показывают, что, в отличие от арабских личных имен, в равной степени употребимых (в количественном отношении) в восточнокавказских языках [см. Забитов 2001: 114-122], иранские антропонимы распространились неравномерно и оказались более употребимыми в языках южного ареала. Это обстоятельство отмечают и другие исследователи. Так, по мнению М.Ш. Халилова, “сравнительно невелико число личных имен иранского происхождения в цезских языках. Они также могли проникнуть через аварский язык и непосредственно от осетинов, живущих в Грузинской ССР и являющихся близкими соседями бежтинцев и гунзибцев. Иранскими антропонимами являются мужские: *Булат*, *Зулумхан*, *Малла*, *Мирза*, *Равиль*, *Рамиль*, *Шаъбан* “Шахбан” и т.д.; женские: *Айна*, *Пари*, *Пирдавус*, *Шагърустан* “Шахрустан”, *Эйсана* и т.д.” [Халилов 1991: 130].

К сожалению, в работах по антропонимике часто можно встретить замену семантического анализа имени анализом значений их основ. Делать это абсолютно неверно, так как семантика имен – это, в первую очередь, не значение слов, а социольное отношение между носителем имени и тем понятием, которое этим именем выражено. Следовательно, антропонимическое значение заимствованных иранских имен не всегда может совпадать с исконным значением основы.

Соглашаясь с утверждением В.Н. Никонова [1974: 7], что первым законом антропонимики, как и всей ономастики, является историзм, считаем, что изучение антропонимов иранского происхождения, подтвержденное историческими фактами, должно стать предметом дальнейшего самостоятельного исследования, поэтому в настоящей работе мы ограничиваемся лишь некоторыми примерами иранских личных имен, встречающихся у восточнокавказских народов.

Мужские имена.

Мужские имена, как правило, подчеркивают храбрость, отвагу, решительность, волю. С проникновением и распространением персидской литературы из нее стали заимствоваться и ныне популярные имена знаменитых поэтов-мыслителей, легендарных героев литературных произведений:

лезг., таб. *Азад* < перс. и. с. آزاد āzād ‘благородный, свободный’;

таб. *Аьлириза*, рут. *Аьлирыза* < перс. علیرضا alirizā ‘Али – избранник [Аллаха]’;

лезг., таб. *Аьлияр* < перс. علییار aliyār ‘тот, кому помогает Али’;

лезг. *Арзу* < перс. и. с. آرزو ārzu ‘мечта, надежда’ (в персидском языке употребляется как женское имя);

лак. *База* < перс. باز bāz ‘ястреб, сокол’;

авар. *Базарган* < перс. بازرگان bāzargān ‘торговец, купец’;

лак. *Барзулав* < перс. برزو barzu. А.Г. Гафуров [1987: 132] возводит данное персидское имя к древнеиранскому уровню с предположительным значением “высокий, великий”;

лак., лезг. *Бахрам* < перс. и. с. بهرام bahrām. Данное слово, так же как и предыдущее, относят к древнеиранскому уровню со значением ‘прогоняющий злого духа’ [см. Гафуров 1987: 132; Сафаралиева 1994: 148];

лак., лезг., таб. *Бахтияр* < перс. и. с. بختيار baxtiiār ‘счастливый’;

лезг., таб., буд. *Бейбут* < перс. и. с. بهبود behbud ‘благоденствие’;

авар., цез., дарг., лак., лезг., таб. *Булат* < перс. и. с. پولاد pulād ‘сталь, булат’. Э.Я. Сафаралиева считает, что данное имя “проникло в дагестанские языки благодаря тесному контакту с тюркоязычными кумыками” [1994: 156];

лезг., агул., рут. *Гада*, цах. *Гаде* < перс. и. с. گدا gadā ‘нищий, попрошайка’ (ср.: аз. *gədə* ‘мальчик, сынок’). Имя входит в состав сложного имени *Гадагерек* ‘нужен мальчик’, которое дается только девочкам как калька к имени *Углангерек* [Сафаралиева 1994: 161]. Как видим, значение имени *Гада* в лезгинских языках семантически не связано с персидским прототипом. А.Г. Гафуров полагает, что имени گدا gadā ‘нищий’ иранцы придавали охранительное значение. Исследователь считает, что, нарекая ребенка таким именем, “родители его как бы вымаливали себе других детей для мирской жизни” [Гафуров 1987: 21];

лезг. *Гуьльмет*, таб. *Гюльмет* (стяженные формы от персидского прототипа) < перс. گل محمد golmohammad (گل gol ‘цветок’ + и.с. محمد mohammad);

лезг. *Гуьльахмед*, рут. *Гуьл-аьгьмаьд* (сложносоставное имя) < перс. گل gol ‘цветок’ + и.с. احمد ahmad;

авар., кар., цез. *Дарбиш*, лезг., таб., буд., рут. *Девриш* < перс. и. с. درویش darviš ‘дервиш’. У иранцев имя درویش darviš ‘дервиш’, как и имя گدا gadā ‘нищий’, имело охранительное значение [Гафуров 1987: 21]. В некоторых восточнокавказских языках имя может встречаться в составе сложных имен: цез. *ДарбишмухIамад*, лезг., буд. *Девришали, Девришхан*;

авар., бежт., гунз., кар., тинд., цез., дарг., таб. *Дибир* < перс. دبیر dabir ‘наставник’;

лезг. *Джамшид* < перс. и. с. جمشید jamšid (имя легендарного иранского царя из “Шах-наме”) [см. Гафуров 1987: 143];

авар., лак. *Джандар* < перс. جاندار jāndār ‘охраняющий, берегущий’;

лак. *Дундар* < перс. и. с. دردانه dordāne ‘жемчужина’. Данный антропоним в персидском языке употребляется как женское имя;

авар., лак., лезг. *Зухраб*, таб. *Зугьраб* < ср.-перс. и. с. *suhrāb* ‘рубин’;

лезг. *Исфендияр* < перс. и. с. اسفندیار esfandiiār (< др.-ир.) ‘дар святости’ [см. Гафуров 1987: 153];

лезг. *Калантар*, кар. *Каламтар//Чала*ⁿ*дар* < перс. и. с. کلانتر kalāntar ‘староста, старейшина’;

буд. *Кехриман*, лезг. *Кахриман*, таб. *Къягьриман* < перс. и. с. قهرمان qahramān ‘герой’;

авар. *Киназ* < перс. مشکی‌ناز muškināz ‘мускусная грация’ [см. Сафаралиева 1994: 217];

авар, лак., таб. *Мазгар* < перс. مسگر masgar ‘медник, мастер по меди’;

кар. *Махи* < перс. مهی mahi ‘лунный’;

лезг. *Мерден*, таб. *Мердан//Мерден* < перс. مردان mardān ‘царь отважных мужей’ [см. Гафуров 1987: 163];

авар., гунз., цез. *Мирза*, таб. *Мирза*, буд. *Мирзе*, рут. *Мирзаь* < перс. میرزا mirzā ‘господин, князь’;

лезг., таб. *Мешеди* < перс. مشهدی mašhadi ‘паломник, посетивший Мешхед’;

лезг., таб., буд., рут. *Навруз* < перс. نوروز nowruz ‘родившийся в первый день Нового года – 21 марта’;

лезг. *Наджаф* < перс. نجف najaf ‘место, где похоронен Али’;

цез., лак., лезг., буд. *Надир*, рут. *Надыр* < перс. نادر nādir ‘редкостный, необыкновенный’;

лак. *Надир-Шах* < перс. نادرشاه nādir šāh ‘бесподобный шах’;

авар., лак., лезг., таб. *Нариман* < перс. نریمان narimān [см. Гафуров 1987: 175];

авар., таб. *Нияз* < перс. نیاز niyāz ‘просьба, милость’;

таб. *Низам* < перс. نظام nizām сокр. ф. от نظام الملک nizāmulmulk ‘устройство веры’;

авар., дарг. *Пахлаван*, лезг. *Пехлеван*, таб. *Пягьливан* < перс. پهلوان pahlavān ‘герой, повелитель’;

бежт. *Пирмаьгьаьмаьд*, лезг. *Пирмет* (стяж. ф.) < перс. پیرمحمد pir-mohammad ‘Мухаммед – духовный отец’;

дарг., лак., лезг., таб. *Рустам* < перс. رستم rustam ‘могучий, сильный’. Э.Я. Сафаралиева, обозначая пути проникновения персидских личных имен, отмечает, что “имя иранского сказочного богатыря *Рустам* распространилось среди дагестанцев через героический эпос” [1994: 66-67];

лезг., таб. *Сардар//Сердер*, буд. *Сардар* < перс. سردار sardar ‘главнокомандующий’;

лезг. *Сасан* < перс. ساسان sāsān [см. Гафуров 1987: 189];

лезг. *Саркар//Серкер*, буд., таб. *Саркар* < перс. سرکار sarkār 'господин, смотритель';

лезг. *Фархад*, таб. *Фяргьяд* < перс. فرهاد farhād [см. Гафуров 1987: 200];

лезг., таб. *Фарман* < перс. فرمان farmān 'повеление';

авар. *Хасбулат*, цез. *ХІасбула*, дарг. *ХІясбулат* < перс. خاص پولاد xāspulāt 'стальной' (букв. 'особая сталь');

лезг. *Худа* < перс. خدا xodā 'бог, всевышний';

лак. *Чавтара* < перс. کفتر kaftar 'голубь, голубка';

лак. *Чупан*, таб. *Чубан* < перс. چوپان čupān 'пастух';

авар., тинд., дарг., лак., таб. *Шагь//Шах* < перс. شاه šāh 'шах, царь'. Слово *шах* может входить и в состав сложносоставного имени:

авар., лезг. *Шахмардан*, лак. *Шагьимардан*, таб. *Шагьимердан* < перс. شاه مردان šāh-e-mardām 'царь мужественных'. Э.Я. Сафаралиева отмечает, что слово *шах* может сопровождать также и женские имена: *Шахсенем*, *Шахрузат*, *Шахпари//Шахпери*, *Шахзада*, *Шахбике// Шахбиче*, *Шахбаджи* и др. [1994: 67];

авар. *Шахабас*, таб. *Шагьаббас* < перс. شاه عباس (и.с. شاه šāh + и.с. عباس abbās);

цез., рут. *Шахмурад* < перс. شاه مراد (и.с. شاه šāh + и.с. مراد morād);

авар., таб. *Шахназар* < перс. شاه نظر šāhnazar 'милость царя';

лезг. *Шимшир* < перс. شمشیر šamšir 'меч';

лак. *Ширали* < перс. شیرعلی širali 'лев Али';

буд., рут., таб. *Ширин* < перс. شیرین širin 'сладкий';

авар., гунз., тинд., цез. *ШагІбан*, бежт. *Шаъбан*, дарг. *ШахІбан*, лезг., рут. *Шабан*, таб. *Шябан* < перс. شعبان ša'bān 'родившийся в месяце шабан';

лезг., таб. *Эрзиман* < перс. آرزومند ‘желающий, мечтающий’;

лезг. *Ярали*, таб. *Яраьли* < перс. یار علی yārali ‘друг Али’.

Женские имена.

Женские имена семантически обычно связаны с понятием красоты, доброты, утонченности, нежности. Многие из них образованы от названий цветов:

буд., лезг. *Адина* < перс. آدینه ādine ‘праздник, пятница’;

авар., цез., лезг. *Айна*, лак., таб. *Аьйна*, буд. *ГІайна* < перс. آئینه āine ‘чистая, светлая’ (букв. ‘зеркало’);

лезг. *Анар* < перс. انار anār ‘гранат’;

лезг., таб. *Афруз* < перс. افروز afruz ‘озаряющая’;

лезг. *Бадан* < перс. بادام bādām ‘миндаль’;

лак. *Баният*, лезг. *Бани* < перс. بانو bānu ‘госпожа’;

авар., бежт. *Манарша*, дарг. *Манаша*, лак. *Банавша*, лезг., таб. *Беневша* < перс. بنفشه banafše ‘фиалка’;

авар. *Гавгьар*, лезг., таб. *Гевгьер* < перс. گوهر goŭhar ‘драгоценный камень, жемчуг’;

лезг. *Гуьль*, таб. *Гюл* < перс. گل gol ‘цветок’. Как пишет Э.Я. Сафаралиева [1994: 171], имя в основном употребляется как компонент мужских и женских сложных имен. В дагестанских языках, по утверждению исследователя, зафиксировано 46 таких имен;

лезг. *Гуьльбахар*, таб. *Гюльбагьар* < перс. گلبهار golbahār ‘весенний цветок’;

лак. *Гулжамал*, лезг. *Гуьльжамал* < перс. گلجمال goljamāl ‘прекрасная’;

кар. *Гуржигьан*, дарг., цез. *Гулжагьан*, лезг. *Гуьльжагьан* < перс. گلجهان goljahān ‘цветок вселенной’;

авар., бежт., гунз., дарг. *Гулжанат*, лезг. *Гуьльженет* < перс. گلجان goljān 'цветок души';

авар., бежт., кар., лак. *Гулнара*, лезг. *Гуьльнара*, таб. *Гюльнара* < перс. گلنار golnār 'цветок граната';

лак. *Гунназ*, лезг., рут. *Гуьльназ*, таб. *Гюльназ* < перс. گلناز golnāz 'грациозный цветок';

лезг. *Гуьльдесте*, таб. *Гюльдесте* < перс. گلدسته goldaste 'букет роз';

лезг. *Гуьльпери*, таб. *Гюльпери* < перс. گل gol 'цветок' + پری pari 'фея';

лезг. *Гуьльсенем* < перс. گلصنم golsanam 'красавица, подобная цветку';

рут. *Гуьлбадан* < перс. گلبدن golbadan 'стан, подобный цветку';

лак. *Гуьлжагьра*, лезг. *Гуьльчахра* < перс. گلچهره golčehre 'лицо, подобное цветку';

бежт., лак. *Гулизар*, лезг. *Гуьлизар*, таб. *Гюлизар* < перс. گلزار 'цветник';

лезг. *Гуьлуьшан*, рут. *Гуьлуьшаьн*, таб. *Гюлюшан* < перс. گلشن golšan 'цветник';

лезг. *Дестегюль* < перс. دسته گل dastegol 'букет роз';

лезг. *Жагьан*, таб. *Жигьан* < перс. جهان jahān 'мир, вселенная';

лак., лезг. *Дилара* < перс. دلارا delārā 'возлюбленная, красавица';

лезг. *Дилбер*, таб. *Дюлбер* < перс. دلبر delbar 'любимая, чарующая';

лезг. *Дилифриз*, таб. *Дильфюруз* < перс. دلافروز delafruz 'радующая, чарующая';

лезг. *Дилшат* < перс. دلشاد delšād 'радостная, счастливая';

лезг., таб., рут. *Зарбаф* < перс. زربافت zarbāft 'парча';

лезг. *Зернияр* < перс. زرنگار zarnigār ‘золотоволосая красавица’;

лезг. *Зульфи* < перс. زلفی zulfi сокр. от زلف علی zulfali ‘локоны Али’;

буд. *Каьгьраба*, таб. *Кагьрабат* < перс. کهربا kahrobā ‘янтарь’;

лезг. *Лала* < перс. لاله lāle ‘тюльпан’;

рут. *Лалагуьл* < перс. لاله lāle ‘тюльпан’ + گل gol ‘цветок’;

лезг., буд., таб. *Магьи* < перс. مهی mahi ‘лунная’;

лезг. *Маида* < перс. میده meyde ‘маленькая’;

лезг., таб. *Мегьри* < перс. مهری mehri сокр. от mehr an-nisā’ مهرالنسا ‘солнце женщин’;

лезг., буд., таб. *Мегьрибан* < перс. مهربان mehrebān ‘ласковая, любящая’;

рут. *Нарынгуьл* < перс. نار گل nār gol ‘гранатовый цвет’;

лезг. *Наружа*, таб. *Нарунж*, буд. *Нариндж* < перс. نارنجی nārenji ‘оранжевая’;

таб. *Набат* < перс. نبات ‘сладкая’ (букв. ‘кристаллический сахар’);

лезг. *Нигер* < перс. نگار nigār ‘возлюбленная, красавица’;

лезг., таб. *Пакизат* < перс. پاکزه pākize ‘чистая’;

лезг. *Пенкер* < перс. پیکر peykar ‘красавица’;

авар., дарг., лак., таб. *Барият* < перс. پری pari ‘фея’;

авар., бежт., кар., цез., лак., дарг. *Пари*, лезг, таб., буд., рут. *Пери* < перс. پری pari ‘красавица, фея’;

авар., бежт., гунз. *Париза*, лак. *Паризат*, дарг. *Перзат*, лезг. *Перизада*, таб. *Перизад*, рут. *Перизда* < перс. پریزاد parizād ‘красавица’ (букв. ‘урожденная пери’);

авар., бежт., гунз., цез., лак. *Пирдавус*, дарг. *Пирдаз*, кар. *Пирдавз*, таб. *Пирдаус* < перс. فردوس ferdoў̆s ‘райский сад’;

рут. *Сагьаьнназ* < перс. سحرناز saharnāz ‘утренняя грация’;

авар. *Серменд* < перс. سمندر samandar (< др.-гр.) ‘саламандра’, ‘живущий в огне’;

лезг. *Серфиназ*, таб. *Сельвиназ* < перс. سروناز sarunāz ‘стройная и грациозная’;

лезг., таб. *Фируза*, лак. *Пируза*, кар. *Пирузат* < перс. فيروزه firuze ‘бирюза’;

рут. *Ханзада* < перс. خان زاده xān zāde ‘потомок хана’;

лезг. *Хурма* < перс. خرما xormā ‘финик’;

авар., бежт., кар. *Чакар*, дарг. *Чикар*, лак. *Качар*, лезг., таб. *Шекер* < перс. شكر šakar ‘сладкая’ (букв. ‘сахар’);

лезг. *Чиниг* < перс. چينى čini ‘фарфор’;

лезг. *Чирах* < перс. چراغ čerāq ‘свет, светильник’;

лезг. *Шапери*, таб. *Шагьпери//Шегьпери* < перс. شاهپرى šāhpari ‘царица фей’;

лезг. *Шапур* < перс. شاهپور šāhpur ‘царевич’ (< др.-ир. ‘царевич’) [см. Гафуров 1987: 211];

авар., таб. *Шагьзада* < перс. شاهزاد šāhzād ‘из царского рода’;

лезг., таб. *Шагьназ*, лак. *Шагьна* < перс. شهناز šahnāz ‘царица грации’;

авар., бежт., гунз., дарг., лак., лезг., таб. *Шагьрузат//Шагьризат*, кар. *Шарузат* < перс. شهرزاد šahrzād ‘благородного происхождения’;

бежт. *Шагьидат* < перс. شاهده šāhide ‘возлюбленная’;

лезг. *Шейрибан*, *Шегьрибан* < перс. شهربانو šahrbānu ‘повелительница края, царица’;

лак., лезг., таб. *Ширин* < перс. شيرين širin ‘сладкая’;

лезг. *Шукуфа* < перс. شكوفه šekufe ‘бутон’.

Как мы уже отмечали, подавляющее большинство дагестанских идионимов иранского происхождения заимствованы из персидского языка, однако в языках южного ареала встречаются и личные имена татского происхождения. Касаясь данного вопроса, Р.И. Гайдаров пишет: "Несмотря на продолжительность и живой характер связей, таты (горские евреи) не могли внести сколько-нибудь заметный вклад в лезгинскую антропонимию. Причин здесь две: *Первая*. Религиозный момент – отрицательное отношение ко всему иудейскому, подогреваемое мусульманским духовенством. *Вторая*. Живя среди лезгинского населения небольшими коллективами в отдаленных друг от друга лезгинских селениях, а также руководствуясь интересами мелкой торговли и заготовки животноводческого сырья, которыми таты занимались в лезгинских районах, последние сами овладевали лезгинским языком, на котором и происходило их общение с коренным населением. Тем не менее, отдельные идионимы в лезгинском именослове все же имеют татское происхождение: *Манатил, Шабан, Салман, Илизар, Сержан, Гюльбагьяр, Гугьар, Шими, Шимия, Израил, Астахар* и др." [Гайдаров 1996: 79].

ГЛАВА III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Персидские заимствования в лексико-семантической системе нахско-дагестанских языков

Рассмотрение функционально-семантических особенностей персидских лексических элементов в восточнокавказских языках имеет особое значение в силу того, что данная проблема непосредственно связана с системными отношениями в лексике данных языков. В связи с этим в работе освещаются вопросы не только изменения семантики персидских заимствований, но и проблемы синонимии, антонимии, развития омонимии, а также вопросы, связанные с фразеологизацией заимствованных слов.

Процесс заимствования справедливо рассматривается как источник обогащения исконного словаря и яркий пример взаимодействия языков и культур, создания общих ценностей. Подавляющее большинство персидских заимствований, функционирующих в нахско-дагестанских языках, сильно ассимилировалось в них. Эти заимствования воспринимаются коренными народами как исконные слова.

Необходимо отметить, что заимствование лексических единиц идет неравномерно в различных функциональных сферах языка и, как и любые другие исконные слова, персидские заимствования неоднородны по степени употребления. Часть из них относится к активному словарному запасу, то есть к словам, постоянно находящимся в употреблении и обозначающим наиболее важные для носителей языка реалии и понятия, другая часть – к пассивному, словам, не употребляемым в обычной речи, ввиду особенностей обозначаемых ими реалий (историзмы, архаизмы, стилистически окрашенные слова).

Персидские заимствования, активно используемые в нахско-дагестанских языках, представляют собой, как правило, стилистически нейтральные слова, которым характерна простота и общепонятность, семантическая освоенность, регулярная употребляемость в устной и письменной речи, высокая словообразовательная активность. Приведем отдельные примеры персидских лексем, свободно употребляющихся в нахско-дагестанских языках как в устной, так и в письменной речи:

дарг., авар., бежт., гунз., кар., тинд., цез., лак. *загьру*, год. *загьоро*, чам. *загьур*, лезг., таб., буд. *зегьер*, удин. *заьгьаьр* 'яд, отрава':

дарг.: *ВирхIейрус, ГIябдуразакь, вегIлицун бужухIели кьяртIдашару ишди загьру* /А. Абу-Бакар *ХIябкьяй*/

"Не смогу, Абдуразак, когда пьешь один, разве глотается этот яд";

авар., гунз., кар., тинд., чам., лак. *пиша*, лезг., рут. *пеше*, таб. *пише*, агул. *пеша*, удин. *пеъшай* 'ремесло, занятие, деятельность':

авар.: *Мокъокъица къва-къвадун жиндирго бусен гIадин, гьес жиндирго пиша тIатинабула* /Р. Гамзатов *Дир Дагъистан*/

"Как куропатка, кудахча, свивает себе гнездо, так и он проявил свою деятельность";

лезг., авар., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак., буд., удин., таб., агул., рут., цах., чеч., инг. *базар* 'базар, рынок':

лезг.: *Ният уна вун базардиз фейила,*

Хъсан затI хьуй – а къиметар гайила /Е. Эмин *Къавумдиз*/

"Взвесив всё, (когда) на базар ты пойдешь,

Чтобы товар был хорош – раз такие цены заплатил";

тинд., авар., бежт., гунз., кар., чам., цез., дарг., лак. *багьа*, чеч., инг. *мах* 'цена, стоимость', лезг., таб., агул., буд. *багьа* 'дорогой':

тинд.: *БичIаб мусулIа багьа бецIӣлъ'а бухьо ощвӣ*

"Ему пришлось возместить стоимость павшего быка";

чеч. *бахьана*, инг. *бахьан*, авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак. *багьана*, лезг., таб., цах., буд. *багьна*, удин. *маьгьнаь* ‘предлог, причина, повод’:

чеч.: *Дē а* <u>*бахьана*</u> *дац цō ца дēша*

“Нет никакого основания, чтобы он не учился”;

буд., гунз. *гьазар*, авар. *азарго*, кар., тинд. *азарда*, год. *азаруда*, цез. *гIазал*, дарг. *азир*, лак. *азара*, лезг., таб., агул. *агъзур*, рут. *гьагъзыр*, крыз. *гIазыр*, чеч., инг. *эзар* ‘тысяча’:

буд.: *Зын аныз* <u>*гьазар*</u> *манат пул кьардагари*

“Я ему тысячу рублей должен”;

таб. *гюлле*, авар., арч., ахв., агул., год. *гулла*, лак. *ккулла*, кар. *гула*, бежт. *гьоло*, гунз. *гьелу*, цез. *гьил*, лезг. *гуьлле*, цах. *гулле*, удин. *куьллаь* ‘пуля’:

таб.: *Пулеметдин люлейиан* <u>*гюлле*</u> *гьауб узкан,– фурслуди кIуру дугъура* /М. Шамхалов *Женгчйир*/

“Поливать огнем (пулей) из ствола пулемета – это я сделаю, – с форсом сказал тот тоже” ;

лак., авар., кар., тинд., дарг. *пардав*, чам. *пардо*, лезг., таб. *перде*, агул., буд. *парда*, цах. *перда*, удин. *паьрдаь*, чеч. *пардō* ‘занавес, занавеска’:

лак.: *Чан-чанну тIий, хьунабакьин бувкIсса хъамаллурал лажиндарава ламусрал* <u>*пардав*</u> *ларгуна* /А. Каландаров *Вас-ццахлийсса шинну*/

“Постепенно с лиц гостей, пришедших на встречу, сошел занавес стеснительности”;

чам., авар., бежт., тинд. *пашманаб*, кар. *пашманоб*, цез. *пашманав*, дарг. *пашманси*, лак. *пашмансса*, лезг., таб., буд. *пашман* ‘грустный, печальный’, цах. *пашман*, удин. *пеьшман*, чеч. *пошмēниг* ‘кающийся’:

чам.: <u>*Пашманаб*</u> *милъ бес̄ хъалакьа духе*

“Пусть скорбные дни обойдут тебя”;

таб. *тюфенг*, лезг. *тфенг*, авар. *туманкI*, бежт., гунз. *топи*, год. *тумаги*, кар. *тупе*, тинд., цез. *тупи*, чам. *туб*, дарг. *тупанг*, лак. *ттупанг*, агул., буд. *туфанг*, цах. *тифанг* ‘ружье’:

таб.: *Вари* *тюфенгар* *хьайи уьру партизнар гьаминади гъюдучIвну, жергейиъди дийигъай!* /М. Шамхалов *Женгчйир*/

“Все красные партизаны с ружьями вышли сюда и стояли в один ряд!”;

гунз., бежт., цез., дарг. *тIас*, авар. *тIарс*, лак. *тIяс*, лезг. *таз*, цах. *таст*, удин. *ттаз*, год. *тIарсси*, тинд. *тIаси*, кар. *тIарс̄е* ‘таз’:

гунз.: *тIасл̄ис* *лъыⁿ къэрэ гичIкIер*

“Из таза воду вылили”;

лак., дарг., лезг., таб., агул., цах., буд. *душман*, авар., бежт., кар., тинд., чам., цез. *тушман*, год. *тушма*, гунз. *тушбан* ‘враг, неприятель’:

лак.: *Ччима* *душманнал* *кIантту вайннал бугьан най бур!* /А. Каландаров *Вас-цщахлийсса шинну*/

“Они способны занять место любого врага!”;

кар. *чархе*, бежт., гунз., тинд., цах. *чарх*, цез. *черхи//чархи* ‘точило, точильный камень’; авар., лак., лезг., таб., рут., буд., чеч., инг. *чарх*, чам. *чархъ* ‘колесо’; арч. *чарх* ‘катушка’:

кар.: *Чархийа* *рик̄ерхва аⁿжитабди регIā гьощул*

“Он заточил топоры на точиле”;

бежт., авар., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг., рут., цах., буд. *шагьар*, лак. *шагьру*, лезг. *шегьер*, таб., агул. *шагьур*, удин. *шаьгьаьр*, чеч., инг. *шахьар* ‘город’:

бежт.: *Итни водиъ иси* *шагьаьрбаьъаьш* *йоⁿкъойо*

“Сестра приехала из города в понедельник”.

С точки зрения исторической перспективы из корпуса иранских заимствований можно выделить архаизмы и историзмы. Архаизмы – устаревшие слова, вышедшие в настоящее время из активного употребления, но имеющие в современных нахско-дагестанских языках другие обще-

употребительные эквиваленты (синонимы), при сравнении с которыми особенно отчетливо выступает их устарелость в языке.

К сожалению, пока нет строгих критериев в установлении исторических границ, дающих возможность причислять те или иные вышедшие из употребления слова к разряду архаизмов. Тем не менее, основываясь на лексикографических источниках, мы склонны относить к архаизмам следующие слова в восточнокавказских языках:

авар.: *ашбаз* 'харчевня, столовая', *карман* 'отряд, группа', *макари* 'ярмарка', *мажмаэл* 'глубокий медный поднос', *ханабат* 'сорт персидской парчи', *харж* в значении 'дань', *хъурайсен* 'мерлушка, каракулевая шкурка', *шагьи* 'пятак' и др.;

лак.: *ашрапи* 'иранская золотая монета', *базарган* 'купец', *гилав* 'залог', *диван* 'суд', *диванхана* 'здание суда', *куча* 'улица', *мажмаэл* 'глубокий медный поднос', *апараг* 'бродяга, нищий', *пайханмар* 'пророк', *савдажар* 'торговец', *туман* 'десять рублей, червонец', *чарак* 'пядь (мера длины)' и др.;

лезг.: *амадаг* 'супряжник; приятель', *безирган* 'купец', *бистIи* 'грош', *гур* 'могила', *гьезер-паша* 'ящичек для хранения стаканов', *зарзиба* 'шелковая ткань, вышитая золотом', *мегьтер* 'конюх', *мекера* 'ярмарка', *сиягь* 'список, перечень', *фарман* 'указ', *чапар* 'крепостной вал', *чарпай* 'койка; топчан', *чирагъ* 'вид светильника' и др.;

таб.: *ашбаз* 'кашевар', *дарманхана* 'аптека, больница', *мекера* 'ярмарка', *мигьтар* 'конюх', *сиягь* 'список', *фарман* 'указ', *чап* 'издание', *чарпас* ' топчан', *бюлюл* 'хрусталь', *занаг* 'кольчуга', *заргар* 'золотых дел мастер', *китабхана* 'библиотека', *чапхана* 'типография' и др.;

чеч.: *совдегар* 'торговец', *тукхам* 'род, племя', *хари* 'узорчатая шёлковая ткань', *азат* 'освобождение от рабства', *даста* 'пять штук сафьяновой кожи (торговая мера)', *герка* 'фунт (*мера веса*)' и др.;

буд.: *безиргаьн* ‘купец; богатый человек’; *кентхуда* ‘сельский староста; старшина’; *сардар* ‘крупный чиновник’; *саркар* ‘человек, имевший самое большое стадо’; *чирагъ* ‘вид светильника’ и др.

Причинами архаизации персидских заимствований являются такие факторы, как исчезновение обозначаемых ими реалий и понятий, недостаточная их освоенность дагестанскими языками и кратковременность употребления. В процессе анализа национально-русских словарей нами было установлено, что количество иранизмов-архаизмов по отношению к остальной лексике иранского происхождения в разных нахско-дагестанских языках приблизительно одинаковое, однако в языках южного ареала процент устаревших слов несколько ниже.

Так, в чеченско-русском словаре А.Г. Мациева из 105 персидских слов всего 7 относятся к устаревшим словам, что составляет 6,6 % от общего числа иранизмов чеченского языка. В аварско-русском словаре М.-С. Саидова из 165 слов персидского происхождения пометку “устарелое” имеют всего 10 слов или 6 % от всего корпуса иранизмов. В лакско-русском словаре С.М. Хайдакова из 350 персидских заимствований мы находим 17 архаизмов или около 4,8 % от общего количества иранизмов. В лезгинско-русском словаре Б.Б. Талибова, М.М. Гаджиева из более чем 650 слов, восходящих к иранским языкам, только 27 являются устаревшими словами или 4,1 %. В табасаранско-русском словаре Б.Г.-К. Ханмагомедова, К.Т. Шалбузова из около 500 персидских заимствований в разряд архаизмов перешли 19 персидских слов или около 3,8 % от общего числа иранских заимствований.

В связи с рассматриваемой проблемой уместно привести мнение С. М. Хайдакова, который отмечал, что “не каждое заимствованное слово прочно усваивается языком и входит в общеупотребительный лексический фонд языка. Слова, выражающие сугубо специфические понятия, могут попасть в письменную литературу, но не усвоиться обиходным языком. Например, в письменном памятнике лакского языка 1734 г. под

названием “Ханнал Мурад” встречается много медицинских и ботанических терминов, заимствованных из арабского, персидского и тюркских языков, например: *булгъам* ‘флегма’, *жузам* ‘проказа’, *къуланж* ‘колики’, *никьрас* ‘подагра’, *райхIан* ‘базилика’, *разиян* ‘укроп’ и т.д., которые не были усвоены обиходным лакским языком и стали архаизмами” [Хайдаков 1961: 52].

Другим немаловажным фактором, влияющим на процесс архаизации, можно считать распространение русского языка как средства межнационального общения. Г. Г. Гамзатов по этому поводу отмечает: “Исключительно важное значение имеют заимствования русского языка, а через него – заимствование интернациональных терминов и понятий. Неизученной областью дагестанской лингвистики остается роль народно-разговорной речи русского населения в развитии наших языков. Калькирование в дагестанских языках многочисленных словосочетаний и крылатых выражений, терминологической лексики, фразеологии из русской речи особенно явственно проявляет себя в так называемых младописьменных национальных средах. Это ведет к обогащению лексического состава языков, служит мощным импульсом к активизации их фразеологообразовательных и структурно-компонентных средств” [Гамзатов 1984: 6].

Начавшийся в нахско-дагестанских языках более века тому назад, после присоединения Чечни и Дагестана к России и углубившийся с установлением Советской власти процесс активного заимствования русских слов продолжает протекать и в настоящее время. Русизмы (а через русский язык и европеизмы-интернационализмы) постепенно вытесняют персидские заимствования. Часть заимствований уже перешла в разряд устаревших и заменена русскими эквивалентами.

Так, например, таб. *ашбаз*, лак. *ашпаз* перешло в разряд архаизмов и заменено русским эквивалентным словом *повар*. Вместо авар. *макари*, лезг., таб. *мекера* в этих языках стало употребляться слово *ярмарка*. По-

всеместно в восточнокавказских языках употребляются слова *приказ* и *указ* вместо архаичного авар., лак. *пурман*, лезг., таб. *фарман*, буд. *ферман*. Употреблявшееся ранее в исследуемых языках персидское слово *диван* заменено на русское *суд*.

Другая часть персидских заимствований только находится в стадии архаизации и может употребляться в речи наряду с русскими словами, образуя тем самым синонимические ряды. Так, например, в аварском, даргинском и лакском языках соперничают между собой русизм *список* и его персидский эквивалент *сияхI*. Все еще конкурируют между собой в аварском, цахур. *шагьра*, в лак. *шяра*, в рутул. *шаьраь* и заимствованное из русского языка слово *трасса*. Говоря об употреблении в лезгинском языке синонимических рядов, одним из членов которых является русизм (считаем, что данное положение можно отнести и к другим литературным нахско-дагестанским языкам), А. Г. Гюльмагомедов справедливо отмечает, что “чаще всего сейчас они в письменной речи используются в стилистических целях, чтобы избежать повтора одного и того же слова в пределах небольшого контекста, или же употребление их объясняется тем, что стилистические оценки ряда слов-синонимов у отдельных лиц, владеющих литературным языком, могут быть различны” [Гюльмагомедов 1982: 118].

Следует отметить, что функциональный статус целого ряда персидских заимствований неодинаков в разных нахско-дагестанских языках. Расхождения по данному признаку проходят, как правило, по границе северного и южного ареала. Так, например, в некоторых аваро-андоцезских языках постепенно устаревают и выходят из употребления такие иранизмы как *ziyān* ‘вред’, *xorde* ‘мелочь’, *čāre* ‘средство, выход’, *čāydān* в значении ‘чайник’. В то же время в языках лезгинской группы данные заимствования продолжают активно функционировать.

Отдельный тип архаизмов представляют стилистически окрашенные слова, употребляемые в высокой, поэтической речи. Поэтическая

речь может хранить в себе вышедшие из разговорно-бытового употребления персидские заимствования, образовывая тем самым слой поэтической лексики. В художественных произведениях такие заимствования используются писателями не только как средство выражения мысли, но и для создания торжественного стиля, для усиления ораторской напряженности речи [Забитов, 2001: 129].

Интересно отметить, что часть таких слов, употребляемых в лезгинском языке, образована на персидской языковой почве от арабских именных основ. В языке-источнике они формируются при помощи персидского словообразовательного префикса *бей-* со значением отсутствия какого-либо качества или свойства. Например:

беймирвет 'бесчестный' < перс. بی‌مروت bīmorovvat 'неблагородный; жестокий':

За ийирди я ваз минет,

Гъавурда гьат, я, __беймирвет__ /Е. Эмин *Дуьнья гьей*/

"Я делал тебе мольбу,

Пойми, о, безжалостный";

бейхабар 'неосведомленный' < перс. بی‌خبر bīxabar 'неосведомленный; без ведома':

Дуьньядикай __бейхабардаз__

Тегьердин къадри вуч чир хьуй?! /Е. Эмин *Дуьньядикай бейхабардаз*/

"Несведущему о мире

Откуда знать цену миропорядку?!";

бейадалат 'несправедливый' < перс. بی‌عدالت bīadālat 'несправедливый':

__Бейадалат__ дуван я, – лагь дустариз /Е. Эмин *Дустариз*/

"Несправедливое решение, – передайте друзьям";

бейгьал 'слабый' < перс. بی‌حال bīhāl 'слабый, немощный':

Эй, вилериз ашкъидин дерт такурбур,

Дуьньядал бейгьал хьайи кас шедачни? /Е. Эмин *Заз сабур гуз…*/

“Эй, кто не видел (глазами), муки любви,

Как не заплакать тому, кто стал слабым (в этом) мире?”;

бейвафа ‘вероломный’ < перс. بی‌وفا bīvafā ‘неверный; непостоянный’:

Бес я, эй бейвафа дуьнья,

Вун заз даралмиш хьана хьи /С. Стальский *Кьве хтул кьейила*/

“Хватит, о вероломный мир,

Ты стал безотрадным для меня”;

бейгъейрат ‘малодушный’ < перс. بی‌غیرت bīġeyrat ‘малодушный, робкий’:

Гагь ви ашна жеда масан,

Вакай бейгъейрат хьана хьи /С. Стальский *Гьикьван чIугван и агьни уф?*/

“То любовник твой бывает милым,

Малодушным ты стал-таки”.

Эти же слова в лезгинском языке в более сниженном стиле речи употребляются без персидского префикса *бей-*, но с суффиксом тюркского происхождения – *суз*, имеющим те же значения, например: *вафасуз*, *гъейратсуз*, *камалсуз*, *мирветсуз*:

Вафасуз арха паталди

Зерре намус, гъам хъсан туш /С. Стальский *Михеннат*/

“По вероломному наследнику

Ни капли чести, грусти не надо”.

К словам, употребляемым в лезгинском языке, как правило, в высоком стиле, можно отнести также следующие персидские заимствования:

панагь “опора”:

Яр, ваз жеда закай панагь /Е. Эмин *Назани*/

“Любимая, стану я для тебя опорой”;

регьбер “вождь”:

Кесибар гьяркьуь рекьерай

Тухвай вич регьбер я, фяле /С. Стальский *ЦIайлапанд эсер я фяле*/

“Бедняков на просторы дорог

Вывел ты как вождь, рабочий”;

жумарт “щедрый”:

Кьве гъил жумарт, мезни ширин,

Гьар сад ви яракь, Гьидаят /С. Стальский *Халис къучагъ гьидаят*/

“Щедрость души, сладкоречие,

Каждое из которых твое оружие, Гидаят”;

пак “чистый”:

Зи пак рикIел гьикIда жезва гел хаинрин мецерин /Е. Эмин *Дуст*/

“На чистом моем сердце, что делать, – остаются рубцы от языков недостойных”;

эрзиман “желание”:

Са эрзиман гьатнава, яр, зи чанда,

Аман, минет, ша, ваз дад я, кIани яр /Е. Эмин *КIани яр*/

“Одно желание, любимая, овладело душой моей,

Ах, прошу тебя, приди, умоляю, любимая”;

гуьлуьшан “солнечный”:

Заз алахьай гуьлуьшан югъ серин я /Е. Эмин *Дустариз*/

“Ясный солнечный день является для меня пасмурным” и др.

К категории устаревших слов можно отнести также слова, которые, не имея самостоятельного лексического значения, употребляются только в сочетаниях с другими словами, либо в качестве корневых частей производных слов. Как правило, такие слова восходят к персидским именам прилагательным, но могут быть представлены и другими частями речи.

Чаще всего данные заимствования употребляются в сочетаниях с компонующими глаголами со значениями ‘делать’ и ‘быть’, ‘становиться’, выражая тем самым глагольные понятия. При этом определенная се-

мантическая связь между значениями глагольного словосочетания и его персидского прототипа сохраняется.

Так, в лезгинском и будухском языках слово *бизар*, восходящее к персидскому بیزار bizār 'питающий отвращение, ненавидящий; измученный', не имеет самостоятельного употребления, но образует глагольные словосочетания, значения которых оказались семантически связанными со значениями их именного компонента в языке-источнике, например: лезг. *бизар авун* 'надоедать', *бизар хьун* 'мучиться':

Ви азаз яр шехьзава хьи датIана,

Жегьил чан бизар хьайи кас шедачни? /Е. Эмин. *Заз сабур гуз…*/

"Твой дорогой возлюбленный плачет непрерывно,

Человек с молодой измученной душой не заплачет ли?";

буд. *бизар сиъи* 'надоедать', *бизар йихьар* 'мучиться':

Вын угу ада бизар симеъи

"Ты своему отцу не надоедай";

Зын улу идмиджикир лап бизар сахьаджи

"Мне этот человек совсем надоел".

Другое персидское имя بدنام badnām 'опозоренный', 'обесславленный' также употребляется в заимствующих языках только в составе сложных глаголов: лезг. *бедлем авун* 'бесславить', 'позорить'; буд. *баднам сиъи* 'опорочить, обесславить', *баднам йухьор* 'стать порочным, бесславным'. Вероятно, данные образования сформировались под влиянием азербайджанского языка (аз. *бәднам етмек* 'позорить', 'обесчестить').

лезг.: *Яр чарадаз, бедлем хьайила тIвар жуван,*

Лагь куьне, – рикI тIар хьайи кас шедачни? /Е. Эмин. *Заз сабур гуз…*/

"Любимая – другому, когда опозорилось имя мое,

Скажите вы – человек с истерзанным сердцем не заплачет ли?".

Персидское слово تیمار timār ‘уход, забота’ в ряде языков также употребляется лишь в глагольных словосочетаниях. Например, лак. *тимар: тимар буллан* ‘ухаживать, заботиться; хвалить’; буд. *тумар: тумар суъуь* ‘холить, ласкать’:

лак.: *Ччиссаксса лухччи дусса, думургума тимар дан цивппа къабюхълай буна, оьрусния бур Аляска американаща зана бансса къасттирай* /Х. Ильясов *Лакку улклул ххуллурдай*/

“Имея безграничные земли и не имея возможности ухаживать за ними, Россия намеревается вернуть себе Аляску от американцев”.

Отдельные персидские слова, не имеющие в заимствующих языках самостоятельного употребления, входят в состав словосочетаний различной степени устойчивости:

перс. کاو kāv ‘ставка в игре’ > лезг. *кав*: *ам кав туш* ‘это не в счет’;

перс. لول lul ‘подвыпивший’, ‘нетрезвый’ > лезг. *луьл: луьл пиян*, буд. *луьл: луьл пийан* ‘вдребезги, мертвецки пьяный’; перс. بنک banak ‘атласная ткань с цветами’; ‘румянец’ > лезг. *пенек: лацу пенекар квай балкIан* ‘лошадь в белых яблоках (пятнах)’; перс. دم dam ‘дыхание’, ‘вздох’ > лезг. *дем*: *чай демда тун* ‘заварить чай и оставить для настоя’.

Среди устаревших слов особую группу составляют историзмы – слова, устаревшие в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали, т.е. называющие не встречающиеся в современной действительности предметы, явления. Появление историзмов, как правило, вызвано внеязыковыми причинами: социальными преобразованиями в обществе, изменением быта, развитием науки и культуры и т.д.

В отличие от устаревших слов историзмы не имеют конкурирующих эквивалентов-синонимов в современных восточнокавказских языках. Это объясняется тем, что устарели сами реалии, для которых эти слова служили наименованиями.

К группе персидских историзмов, не имеющих в современных нахско-дагестанских языках соответствий в связи с тем, что обозначаемые ими понятия перестали существовать, можно отнести небольшое количество слов. Вытесняемые из употребления, эти слова не перестают существовать в языке, они часто используются в художественной литературе для описания культуры и быта, картин и сюжетов исторических событий, отражения языкового колорита прошлых времен:

авар. *сардар (салдар)*, лак., буд. *сардар*, лезг. *сердер*, чеч. *сардал* ‘наместник, крупный чиновник’:

авар.: *Салдарас данде вачIун*

Вачун ана рокъове /А. Алиев *Къеркьохъан*/

“Выйдя навстречу, наместник пригласил домой”;

лак. *дарвиш*, авар., дарг. *дарбиш*, инг. *дервиш*, лезг., таб., цах., буд. *девриш* ‘дервиш’:

лак.: *Дарвиштурал орден хъинну машгьурсса ва бусравсса орденни, цила кьануннугу, багьу-бизугу, философиягу дусса* /Х. Ильясов *Лаку улклул ххуллурдай*/

“Орден дервишей – очень известный, пользующийся уважением орден, имеет свои законы, быт, философию”;

таб., лезг., гунз. *шигьи*, авар., бежт., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак. *шагьи*, чеч., инг. *шай* ‘пятак, пять копеек’:

таб.: *Яваш гъуз, – гъапи Тари шигьи дидиснайирихьинди гъягъюру* /М. Шамхалов *Женгчйир*/

“Не торопись, – сказав, Тари направился к тому, кто держал пятак”;

лак., бежт., гунз., тинд., чам., цез. *туман*, авар., кар., дарг. *тумен*, лезг., буд. *туьмен*, чеч. *туьма*, инг. *тума* ‘червонец’:

лак.: *УрчIва туман харж къабувссаксса, ацIва канихьхьун къабучIайссар* (посл.)

“Пока не истратишь девять червонцев, десятый не заработаешь”;

буд., таб. *бигар*, лезг. *бигер* ‘барщина, общественная повинность (работа)’:

буд.: *Къунахкенджу къошхор тангаджу риха йо кумукир бигардже лаьхІкидже идмер вибкиджи*

“На общественную стройку дороги, идущей по конахкендскому “танга”, из нашего аула много людей вышло”;

лезг., таб., буд. *ахун* ‘ахунд, мулла’:

лезг.: *Чир жезамач малла, ахун:*

Ахтармишиз куькни яхун... /С. Стальский *Юлдашар, чун чІуру рекьял*/

“Не отличишь муллу от ахунда,

Проверяя упитанного и худого...” и др.

Семантическое развитие персидских заимствований

Развитие и изменение языка неразрывно связано с развитием и изменением человеческого общества. Наиболее подверженной к трансформациям частью любого языка является лексика. В связи с этим вопрос о лексико-семантических изменениях иноязычных слов в языке-рецепторе является, на наш взгляд, одним из основных в изучении заимствованной лексики.

Лингвистическое освоение заимствующим языком иноязычного слова в первую очередь связано с его семантической ассимиляцией. Семантическое освоение иноязычного слова предполагает вхождение в лексико-семантическую систему языка-рецептора нового понятия, отражающего определенную лингвистическую и экстралингвистическую реальность. Степень влияния персидского языка на развитие и обогащение восточнокавказских лучше всего проявляется при изучении тех языковых уровней, которые более всего подверглись изменениям под влиянием заимствований. В связи с этим вопрос о лексико-семантических изменениях персидских заимствований в нахско-дагестанских языках является, на наш взгляд, одним из основных в изучении заимствованной лексики, позволяющим выявить внутренние

зволяющим выявить внутренние стороны взаимодействия и взаимовлияния языков различных систем.

Наше исследование базируется на анализе семантики персидских заимствований в восточнокавказских языках в сопоставлении с их прототипами в языке-источнике, а также с их эквивалентами в предполагаемых языках-посредниках (кумыкском, азербайджанском, турецком, арабском, грузинском и др.), то есть в языках, через которые могли быть заимствованы изучаемые слова. Это даст возможность определить степень семантической трансформации заимствованной лексики в нахско-дагестанских языках, а также исторические пути заимствования. Как справедливо отмечает в связи с этим Р. А. Будагов, "семантика так же необходима для этимологии, как этимология – для дальнейшего анализа семантики слова" [Будагов 1963: 22].

На важность вопроса о семантическом освоении слов обращал внимание С. Ульман [Ulmann 1952], отводя семантическим изменениям одну из наиболее важных ролей в ряду других лингвистических изменений. Именно в лексико-семантической системе языка хорошо видны изменения, происшедшие в культурной, политической и экономической жизни народа. Наряду с фонетико-морфологическими изменениями, изменения заимствованных слов на семантическом уровне позволяют иногда прослеживать пути проникновения того или иного слова в заимствующий язык.

Так, сопоставление лезгинского слова *леке* 'пятно, клякса'; 'позор' и азербайджанского *ləkə*, имеющего те же значения, с персидским прототипом لکه lakke 'пятно (на одежде)' говорит о вероятном азербайджанском посредничестве в заимствовании данной лексемы в лезгинский язык (или, по крайней мере, о влиянии азербайджанского языка на развитие переносного значения). Ср. также: таб. *леке*, буд. *лака* 'пятно'.

Напротив, значение лезг. *айнаяр*, таб. *аьйнар* 'очки' можно считать местным образованием, возникшем в результате переосмысления персид-

ского слова آئینه āine 'зеркало'. Ср.: аз. *ajна* 'зеркало', 'стекло'; тур. *ajna* 'зеркало'.

Персидское слово دستمال dastmāl 'платок', 'салфетка' в процессе заимствования утратило свой семантический состав в лезгинских языках. Ср.: лезг., таб., буд. *дасмал*, цах. *десмел*, удин. *даьсмаьл* 'полотенце'. Сопоставление значений лезгинских и азербайджанской лексем (аз. *dəsmal* 'платок') дает основание полагать, что смещение значений данного слова произошло на почве лезгинских языков.

Персидская лексема آشنا āšnā 'знакомый', 'приятель' в лакском и некоторых лезгинских языках приобрело новое значение, ср.: лак., лезг., таб., агул., рут. *ашна* 'приятель, приятельница'; 'любовник, любовница'. Сравнение значений этого слова в заимствующих языках и в предполагаемых языках-посредниках говорит о том, что дальнейшее развитие семантики данного слова, вероятнее всего, произошло на почве азербайджанского языка, ср.: аз. *ашна* 'друг, приятель'; 'знакомый, знающий'; 'любовник, любовница', при тур. *ašna* 'знакомый'; 'приятель, друг'.

Семантическое освоение иноязычного слова предполагает вхождение в лексико-семантическую систему языка-рецептора нового понятия, отражающего определенную лингвистическую и экстралингвистическую реальность. Как уже было сказано выше, основная масса иранских заимствований вошла в нахско-дагестанские языки из персидского языка. Одни из них сохранили свою семантику, с другими же в результате их освоения произошли определенные семантические изменения. Проанализировав процесс семантического освоения персидских заимствований и учитывая особенности языкового строя восточнокавказских языков, мы считаем целесообразным систематизировать его следующим образом: а) заимствования, освоенные без изменения семантики; б) заимствования, сузившие свои значения; в) заимствования, расширившие семантику слова, г) заимствования, у которых произошло смещение значения слова.

Эта классификация должна, на наш взгляд, более полно передать все стороны семантических изменений персидских лексических единиц в процессе их адаптации в лексико-семантической системе заимствующих языков.

Освоение персидских заимствований без изменения семантики

В восточнокавказских языках функционирует большое количество слов, которые заимствованы из персидского языка с сохранением своей семантики. Это, как правило, моносемичные термины, которые, являясь однозначными в языке-источнике, не представляют собой модели для семантического развития. Обычно они имеют одинаковый моносемичный ряд в большинстве нахско-дагестанских языков.

Значения таких слов, как правило, связаны со значимыми областями жизнедеятельности человека. Во многих случаях они обозначают в восточнокавказских языках новые понятия, ранее никак не называвшиеся, либо называвшиеся описательным путем. Анализ лексико-семантической принадлежности персидских заимствований показывает, что закрытых сфер в употреблении данных заимствований в исследуемых языках практически не существует. Они, например, являются членами таких лексико-семантических групп слов как:

а) названия профессий, рода занятий:

авар., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез., лак. *базарган*, дарг. *базриган*, лезг. *безирган*, буд. *безиргаьн*, чеч. *базарниг* ‘торговец, купец’ < перс. بازرگان bāzargān ‘торговец, купец’;

лак. *чупан*, лезг., таб. *чубан*, цах. *чобан* ‘пастух, чабан’ < چوپان čupān ‘пастух, чабан’;

авар., кар., тинд., чам., бежт., цез. *тушман*, год. *тушма*, гунз. *тушбан*, дарг., лак., лезг., таб., агул., цах., буд. *душман* ‘враг, неприятель’ < перс. دشمن došmān ‘враг, неприятель’;

кар., тинд., чам., цез. *кашиш*, дарг., лезг., таб., буд. *кешиш* ‘священник’ < перс. کشیش kašiš ‘священник’;

б) термины растительного мира:

авар. *манарша*, лак. *банувша*, лезг., таб. *беневша*, цах. *беневше*, буд. *беноьвше* ‘фиалка’ < перс. بنفشه banafše ‘фиалка’;

чеч., дарг., лак. *инжир*, лезг, таб. *инжил*, буд. *инджил* ‘инжир (плод)’ < перс. انجير anjir ‘инжир (плод)’;

лак. *пялут*, агул. *паьлутин*, хин. *палыды*, крыз., арч. *палут*, буд. *палыт* ‘дуб’ < перс. بلوط balut ‘дуб’;

авар., анд. *чIакIултIа*, кар. *чIаркIутIа*, тинд. *чIакIутIи*, чам. *чIаркIутI*, бежт. *чIархали*, цез. *чIархели*, хвар. *чIаркIултIан*, лак., агул. *чIикIунтIа*, лезг., таб., цах., крыз., буд. *чугъундур*, арч. *чIакIунтIан* ‘свекла’ < перс. چغندر čoqondar ‘свекла’;

в) термины животного мира:

хин., крыз., буд., удин. *даьлаь*, цах. *делаь* ‘куница’ < перс. دله dale ‘куница’;

авар., кар. *гамущ*, дарг., лак., таб., чам., анд., цез., хвар., гин., гунз. *гамуш*, лезг., агул. *гамиш*, рут. *джаьмиш*, цах. *джомыш*, хин., буд. *гомуш*, крыз. *гомиш*, удин. *гоьмиш*, арч. *гымуш*, ахв. *гамущи*, год. *г'амущи*, бежт. *гаьмуьш*, чеч. *гōмаш*, инг. *гамажа* ‘буйвол’ < перс. گاميش gāmiš ‘буйвол’;

лак. *гюрза*, лезг. *гуьрзе*, таб. *гюрзе*, удин. *гуьрзаь* ‘гадюка’ < перс. گرزه garze ‘гадюка’;

авар., бежт., гунз., чам., лак., лезг., таб., агул., рут., цах. *чакьал*, арч. *жыкьал*, ахв. *чакъа*, кар. *щакъала/чакъал*, цез. *шаIкъал*, хвар. *шакъал*, гин. *чакъар*, хин. *джакъкъал*, крыз. *ччакъкъал*, буд. *ччакъал*, чеч. *чагIалкх* ‘шакал’ < перс. شقال šaqāl ‘шакал’;

г) названия, обозначающие предметы домашнего обихода:

авар., анд., тин., чам., буд., чеч., инг. *бел*, кар. *беле*, бежт. *бари*, удин. *беъдул*, лак. *бил*, лезг. *пер*, таб., рут. *бер* ‘лопата’ < ср.-перс. *bēl* ‘лопата’;

авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., чеч., инг. *зурма*, дарг. *зинняв* (диал.), лак. *зюннав*, лезг. *зуьрне*, таб., цах., удин. *зурна*, агул. *сурна* ‘зурна (муз. инстр.)’ < перс. سورنا surnā ‘зурна (муз. инстр.)’;

авар. *тIарс*, кар. *тIарс̄е*, тинд. *тIаси*, год. *тIарсси*, бежт., гунз., цез., дарг. *тIас*, лак. *тIяс*, лезг., инг. *таз*, чеч. *тас*, цах. *таст*, удин. *ттаз* ‘таз’ < перс. طاس tās ‘таз’;

авар. *туманкI*, бежт., гунз. *топи*, год. *тумаги*, кар. *тупе*, тинд., цез. *тупи*, чам. *туб*, дарг. *тупанг*, лак. *ттупанг*, лезг. *тфенг*, таб. *тюфенг*, агул., буд. *туфанг*, цах. *тифанг* ‘ружье’; < перс. تفنگ tofang ‘ружье’;

д) названия тканей, одежды:

авар., кар., чеч., инг. *шарбал*, тинд., чам. *шарбала*, дарг. *шалбар*, лак. *шара-вара*, лезг., таб., буд., цах. *шалвар*, агул. *шавлар* ‘штаны’ < перс. شلوار šalvār ‘штаны’;

лак. *чалагъай*, лезг. *келегъа*, цах. *каьлагъа* ‘шелковый платок’ < перс. کلاغه kalāqe ‘шелковый платок’;

лак. *лачак*, лезг. *лечек*, таб. *лакач*, рут. *личек*, цах. *лечак* ‘головной платок’ < перс. لچک lačak ‘головной платок’;

лезг., таб., буд. *зир-зиба* ‘шелковая ткань, вышитая золотом’ < перс. زرزیبا zarzibā ‘шелковая ткань, вышитая золотом’ и др.;

е) обозначения абстрактных понятий:

дарг. *ашкарси*, лак. *ашкарасса*, лезг., буд. *ашкара*, таб. *ашкар*, удин. *аьшкаьр* ‘явный, очевидный’ < перс. آشکار āškār ‘явный, очевидный’;

лезг., таб., цах., буд. *багьна*, авар., дарг., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез., лак. *багьана*, удин. *маьгьнаь*, чеч. *бахьана* ‘предлог, повод’ < перс. بهانه bahāne ‘предлог, повод’;

дарг. *азадси*, лак. *азатсса*, лезг., таб., цах., буд. *азад* ‘свободный, вольный’ < перс. آزاد āzād ‘свободный, вольный’ и др.

Следует отметить, что слова данного типа столь же семантически устойчивы и в других кавказских языках. Анализ данного типа слов в русском языке позволил исследователям заключить, что "изменения в их семантической структуре, так же как и в объеме и характере их значений (например, детерминологизация, развитие переносных значений), всегда связаны с переходом их в другие сферы" [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 255].

Заимствованных слов, сохранивших более одного исконного значения, в восточнокавказских языках сравнительно мало. В языках-рецепторах нами зафиксированы, например, следующие слова:

лезг., таб. *тахт*, лак. *тах* 1) престол, трон; 2) тахта, кровать	перс. تخت taxt 1) престол, трон; 2) тахта, кровать;

лезг.: 1) *Фялед вичин гьунар чирна,*

Падишагьдин тахтни чIурна /С. Стальский *Дагъустан*/

"Рабочий показал своё геройство,

Разрушил трон царя";

2) *КIанзава ваз: ацукь цуьквер тахтунал,*

Амай ничхиррин из дуван, бахтавар /Е. Эмин *Билбил*/

"Если хочешь: сядь на тахту цветочную,

Чтоб судить остальных птиц, счастливая";

кар., чам. *кагъат*, лезг., таб., буд. *кагъаз* 1) бумага; 2) письмо; 3) документ	перс. کاغذ kāqaz 1) бумага; 2) письмо; 3) документ;

кар.: 1) *КагъатолIи гура-гурā шиш ав сару бē*

"Я взяла бутылку, закатав в бумагу";

2) *Кагъател бēвхва чапар вохьа*

"С письмом пришел гонец";

3) *Каⁿсиларйагал кагъат бāлъа*

"Получить документ в канцелярии";

тинд., бежт., цез. *багьана*, лезг., буд. *багьна* 1) предлог, повод; 2) отговорка	перс. بهانه bahāne 1) предлог, повод; 2) отговорка;

тинд.: 1) *Азарда багьана бисанā ощвӣ и*^{H}*щулъа себ эйā игьилъ'а бокьийē букIō*

“Он найдет тысячу предлогов, если ему не захочется что-либо сделать”;

2) *ИщакI'а йеъē йикIвилъ'а багьана цIехā*^{H} *йикIо ой*

“Она придумывала отговорку, чтобы не ехать с нами”;

таб., лезг. *живан*, цах. *джаван* 1) молодой; 2) юноша, молодой человек	перс. جوان javān 1) молодой; 2) юноша, молодой человек;

таб.: 1) *Кючейиъ живан баяр дийигънайи*

“На улице стояли молодые люди”;

2) *Живанар гъяркъган, кьабидар шад шуйи*

“При виде молодых старики радовались”;

буд. *бикаьр*, таб. *бикар* 1) бездельник; 2) безработный	перс. بیکار bikār 1) бездельник; 2) безработный и др.

буд.: 1) *Бикаьрджух лаьхIки вахт ви*

“У бездельника много времени есть”;

2) *Улу бикаьр идмиджир къалкьал соьвми сиъири*

“Этот безработный человек любит спать”.

Немногочисленность таких слов объясняется причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Во-первых, “слова заимствуются обычно изолированно, в частных случаях их употребления, а не теми этимологическими группами (гнездами), которыми они живут на родной своей почве” [Булаховский 1953: 75]. Во-вторых, отсутствие многозначных заимствований в языках-рецепторах можно объяснить отсутствием у большинства нахско-дагестанских народов письменности на протяжении всего периода ирано-восточнокавказских

языковых контактов. Вследствие этого малоупотребительные значения слов не были зафиксированы в письменной речи и могли быть впоследствии утеряны. Эти же факторы могли повлиять на сужение значений заимствованных слов.

Сужение значений слова

Довольно часто в процессе заимствования имело место более или менее значительное сужение значений слова, т.е. приобретение словом более узкого смысла относительно первоначального значения, иногда с некоторым смещением одного из понятий.

Данный тип изменений семантического объема заимствованных слов является наиболее частым в восточнокавказских языках. Многие полисемантические слова в процессе заимствования теряют одно или несколько значений, упрощая свою семантическую структуру. По мнению Л.П. Ефремова, “если иноязычному слову присуща полисемия, то в качестве заимствуемого материала выступает обычно лишь одно значение, а не вся его семантическая система” [Ефремов 1959: 22].

Следует отметить также то, что наличие в нахско-дагестанских языках лексических средств, позволяющих обозначать новые понятия, не всегда является преградой на пути заимствования. Напротив, освоению новых заимствований способствет включение слова в систему связей с другими словами языка-рецептора, а именно в связи синонимические. Поэтому, несмотря на существование в исследуемых языках близких или тождественных по значению слов, ряд значений заимствованных иранизмов свободно осваивается нахско-дагестанскими языками в ряду слов, отражающих те же понятия. Ср.:

лак. *качар*, дарг., авар., бежт., кар., тинд., чам., цез. *чакар*, лезг., таб. *шекер*, агул. *шакIар*, цах. *шакар*, чеч. *шёкар* ‘сахар’	перс. šakar شکر 1) сахар; 2) уста влюбленной; 3) поцелуй:

Например:

лак.: *Качар бакъахьурчангу, нисиралгу чяйлухун аьма-ччамал байхха!* /А. Каландаров *Вас-ццахлийсса шинну*/

“И без сахара сыр к чаю хоть что-то!”;

таб., агул. *чухра*, дарг. *чирха*, лезг. *чхра*, буд. *чегьре*, цах., крыз. *джаьгьра*, удин. *джаьгьраь* ‘прялка’

перс. چرخه čarxe 1) катушка; 2) прялка; 3) вращение:

таб.: *Му шурар Зулайхатди швушван хулаъ чухрайихъ чан хилариинди хаб гъиву сабпи шурар вуйи* /Г. Гасанов *Зейнаб*/

“Эта пряжа есть первая, которую Зулайхат собственноручно обрабатывала впервые в комнате невестки на прялке”;

чам., авар., кар., бежт., тинд., лак. *чирахъ*, год. *чирахъи*, гунз. *чирах*, цез. *чирахI*, дарг., лезг., таб., буд. *чирагъ*, арч. *чарах*, чеч. *чиркх* ‘лампа; свеча’;

перс. چراغ čerāq 1) лампа, фонарь; 2) освещение, свет:

чам.: *Обā̆й устурчI ахида чирахъ*

“Вот на столе стоит лампа”;

лезг. *аваз* 1) напев, мелодия; 2) пустой разговор; буд. *аваз* ‘напев, мелодия’; таб. *аваза* ‘молва, слухи, кривотолки’; цах. *аваз* ‘слух’; чеч. *аз*, инг. *оаз* ‘голос, звук’

перс. آواز āvāz 1) голос; 2) пение; 3) песня; 4) мелодия:

лезг.: *Рахаз гьар са аваз, ийиз дамахар,*

Гьарай-эвер вуч я ви ван, бахтавар? /Е. Эмин *Билбил*/

“Исполняя (каждый) разные напевы, гордясь,

Как ты заливаешься, счастливая?”;

лезг., таб., буд. *бафта* ‘позумент; галун’; удин. *бафтта* ‘тесьма’	перс. بافته bāfte 1) тканый; вязаный; плетеный; 2) сорт бумажной ткани; 3) лента; 4) ткань:

лезг.: *Гьар рангарин гъалар цIилих,*

Бафта хьиз гилигна кьилихъ /С. Стальский *Кьулан СтIалрин кустарнада*/

“Разноцветные пряжи в ряд,

Как позумент прикреплены к краю”;

таб., лезг., буд. *бегьер*, крыз. *бaьгьaьр* ‘урожай’	перс. بهره bahre 1) доля, часть, пай; 2) польза, выгода; 3) прибыль, доход; 4) урожай (*продукт*):

таб.: *Ужуб бегьер битмиш ибшрияв, халайин ккунир!* /Г. Гасанов *Зейнаб*/

“Да будет обильный урожай тебе, тетин любимчик!”;

авар., бежт., цез., лезг., таб., агул., буд. *чара* 1) средство, возможность; 2) выход; лезг. *чара* 1) средство, возможность; 2) выход; 3) помощь	перс. چاره čāre 1) выход; 2) средство; 3) хитрость, уловка:

авар.: *Унтуца къерщезе цабиги гьарун,–*

Гьанжего хвезе дир чара гьечIилан,

Чанги хIалтIи бугин жеги тIубазе –

ТIаде ворхун вачIун чIана коммунар /Ф. Алиева *Къадахъанги хвелги*/

“От боли сжав зубы,

и сказав, что нет возможности умереть,

и что много дел надо еще выполнить,

встал коммунар”;

таб., лезг. *чиркин*, авар. *чиркинаб* ‘грязный’, буд. *чиркин* ‘неряшливый’	перс. چرکین čerkin 1) грязный; 2) гнойный; 3) неприятный:

таб.: *Гъаври йихь, гьадму чиркин ляхин апIбиинди саб ув'ина, ухь'ина, варидариина намуснан леке дубхна* /М. Шамхалов *Женгчйир*/

"Пойми, совершив это грязное дело, на тебя, на меня, на нас всех грязное пятно навлек";

лезг., таб. *чешме* 'исток, источник', буд. *чешне* 'образец, пример'

перс. چشمه češme 1) источник, родник; 2) петля; 3) арка; 4) вид, род:

лезг.: *Алимри гьакьван истемишнатIани, а кхьинрин асул чешме гьинватIа жагъанач* /"Лезги газет"/

"Как ни старались исследователи, главный источник той письменности обнаружить не удалось";

дарг., лак., таб., агул., цах., чам. *дарман*, удин. *даьрмаьн* 'лекарство'; чеч. *дарба* 'лечебное средство'; авар. *дарман* 1) лекарство; 2) душа; лезг., буд. *дарман* 1) лекарство; 2) любимая, милая;

перс. درمان darmān 1) лечение; 2) лекарство; 3) выход из положения:

дарг.: *Дигайли дицIиб чархлис риганайла някъ дарман, бикIули бирар* /А. Абу-Бакар *ХIябкьяй*/

"Телу, наполненному любовью, лекарством может быть рука любимой";

гунз., лезг. *дулах*, авар. *дулагъал*, лак. *дулагъ*, таб. *дулакъ*, буд. *дулакгъ* 'портянки'; бежт. *долагъ* 'голенище'

перс. دولاغ dulāq 1) широкие женские шаровары; 2) обмотки:

гунз.: *Чакмар накъолъ дулахба ролор*

"С появлением сапог исчезли портянки";

лак., дарг. *дурлама*, авар. *дурна*, кар. *дуру^{н}ди*, тинд. *доран*, чам. *дорнийа*, цез. *дурнай*, бежт. *дул*, гунз. *дур*, лезг., таб. *дурбу*, буд. *дурби*, чеч., инг. *турмал* 'бинокль'

перс. دوربين durbin 1) бинокль; 2) дальнозоркий; дальновидный:

лак.: *<u>Дурлама</u> архIал ларсшиву дакIнийн багьну, гагу ляркъуну, уруглан ивкIра* /Х. Ильясов *Лакку улклул ххуллурдай*/

“Вспомнив, что я захватил с собой бинокль, вытащил его и начал смотреть”;

буд., лезг., таб., крыз., рут. *дуст*, агул. *дустт*, цах. *дост*, удин. *достт*, лак. *дус* ‘друг’	перс. دوست dust 1) друг, приятель; 2) возлюбленный:

буд.: *<u>Дуст</u> сурхъу асанти, дустувал сиъи четини* (*посл.*)

“Подружиться легко, а хранить дружбу трудно”;

лезг., таб., цах., буд. *айван*, удин. *сейван* ‘балкон, веранда’	перс. ایوان eyvān 1) открытая галерея, веранда; 2) выступ дома с окнами; 3) дворец, палата:

лезг.: *Бег кIвализ гьахь хъувуна, амма кьарай атанач, мад <u>айвандик</u> хтана* /А. Агаев *Пад хьайи рагъ*/

“Бег зашел в комнату, но не вытерпел, опять возвратился на балкон”;

буд., цах. *джига*, лезг. *чка*, крыз. *джигаьгь* ‘место, местность’	перс. جایگاه jāygāh 1) место, местность; 2) помещение:

буд.: *Гьар чIелухъ угу <u>джига</u> ви* (*погов.*)

“У каждого слова свое место есть”.

Расширение значений слова

Особый интерес, как наиболее редкий случай семантических изменений, представляют собой персидские заимствования, расширившие свои значения в восточнокавказских языках.

Расширение значений, представляя собой процесс, противоположный сужению, может быть объяснен общим развитием материальной и духовной культуры нахско-дагестанских народов. В связи с этим возникает необходимость обозначить новые понятия, входящие в язык в процессе языковых контактов. Слово в новом употреблении заключает боль-

больший круг представлений о чем-либо и может быть использовано как средство наименования шире, чем в период заимствования. Часть этих новых понятий в той или иной мере вытекает из значений заимствованных слов, имеет с ними прямую логическую связь.

В определении понятия “расширение значения заимствованного слова” мы придерживаемся точки зрения на этот вопрос Л.А. Булаховского: “Расширение объема применения выступает в тех случаях, когда в новом употреблении слово охватывает больший круг понятий, то есть может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше” [Булаховский 1953: 71]. Приведем примеры, в которых заимствованные слова охвачены большим кругом понятий, чем в языке-источнике:

авар., кар. *пастIан*, чам. *пасан* 1) дыня; 2) огород	перс. باستان bostān ‘огород, бахча’:

авар.: *Нижеца рекьана пастIаналъул хьонал, амма гьел рижичIо*

“Мы посеяли семена дыни, но они не взошли”;

лезг., таб. *абур*, буд., рут. *абыр*, удин. *гьабур* ‘достоинство; честь; приятная внешность’, лак. *авур* ‘изящество; привлекательность’	перс. آبرو ābru ‘честь, достоинство; репутация’:

лезг.: *Шегьердилай алатна ранг гевгьердин,*

Гьатта абур амач адахъ сегьердин /И. Гусейнов. *Мой город*/

“С города сошел цвет жемчуга,

Даже привлекательность его утра исчезла”;

лезг., таб., лак. *гирванка*, чеч. *герка* ‘мера веса’; ‘гиря’	перс. گیروانکه girvānke ‘мера веса’:

лезг.: *Терездихъ хьиз, рикIихни*

Гирвенкаяр жедалда /Ш. Тагиров. *РикIин гирвенкаяр*/

“Как у весов, у сердца

Гири бывают, говорят”;

лак., авар. *харж* 1) расход, трата; 2) жалование; 3) подать, дань; лезг., таб. *харж* 1) расход, трата; 2) подать, дань	перс. خرج xarj ‘подать, дань’:

лак.: *Райондалул бюджетрангу зарал къашай, <u>харж</u> дурминнухлусса арцу бюджетравун дукIлай душиврийн бувну* /“Илчи”/

“Районный бюджет не терпит убытки из-за того, что израсходованное восстанавливается за счет новых поступлений”;

авар., лезг., буд., рут., чеч., инг. *чарх* ‘колесо; точило’, бежт., гунз., цах. *чарх* ‘точило’, кар. *чархе*, цез. *черхи//чархи*, тинд. *чахи//чархи* ‘точило; катушка’, лак., таб. *чарх* ‘катушка; колесо’	перс. čarx چرخ ‘круг, колесо’:

авар.: *Гьез пикраби <u>чархида</u>*

Чармил хунжруллъун ккола /Р. Гамзатов *Цояз пикру гьабула*/

“Они точат мысли на точиле, стальные кинжалы”;

таб., лезг. *кафтар*, буд. *кафттар* 1) гиена; 2) ведьма; старая, дряхлая (*о старухе*)	перс. کفتار kaftār ‘гиена’:

таб.: *Инсафсузди шулу юкIвар дярхюри,*

Инсанариз дерд-гъам тувру гьюч-<u>кафтар</u> /А. Абдурахманов *Яв мяъли*/

“Беспощадно сердцá, бывает, пилит,

Людям дающая несчастье-горе бродячая ведьма”;

лезг. *чапар* 1) крепостной вал; 2) гонец; 3) расстояние пути, которое проходил один гонец	перс. چپر čapar ‘ограда, изгородь’:

лезг.: *Рекьера гьатна <u>чапарар</u>,*

Акъудна еке хабарар /Е. Эмин *Наиб Гасаназ*/

"Гонцы пустились в путь,

Распространили важные вести";

авар. *гомог* 1) желоб; 2) труба; 3) лощина, ложбина; 4) углубление на клинке кинжала	перс. گنگ gong 'глиняная водопроводная труба':

Гонгиниб хер лъикI бижун буго

"В ложбине выросла хорошая трава";

лезг. *гьамбар* 1) большая куча; 2) амбар; удин. *гьамбар* 1) амбар, склад; 2) много, уйма	ср-перс. *hambar* 'амбар':

лезг.: *Берекатрин я вун гьамбар, Гьалимат* /Е. Эмин *Гьалимат*/

"Благодати горой являешься ты, Галимат";

лезг., буд. *кагьраба* 1) янтарь; 2) бусинка из янтаря	перс. کهربا kahrobā 'янтарь':

лезг.: *Кагьрабаяр хьтин вилер, Самарканд чар лацу гьилер* /Е. Эмин *Пакисат*/

"Глаза, как бусинки из янтаря, руки белы, как самаркандская бумага".

Смещение значений слова

Под смещением значения мы понимаем утрату заимствованиями своих исконных понятий и приобретение ими новых значений в заимствующем языке.

Как показывает анализ, в процессе адаптации многие заимствования в языках-рецепторах теряют свою семантику и выступают в новых значениях. Явление это в нахско-дагестанских языках нередкое и объясняется тем, что "слова, как и названия, могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак вещи, или на ее часть" [Реформатский 1955: 52].

Воздействие языковой системы принимающего языка является основной причиной семантических сдвигов в заимствованных словах.

Главный лингвистический фактор здесь – синонимия языка, под влиянием которой происходят семантические смещения в новых словах.

Под главной экстралингвистической причиной семантических сдвигов мы понимаем влияние языка-посредника, из которого слово заимствуется уже со смещенным значением.

Изучая возможные причины несовпадения арабских заимствований в персидском языке со значениями этих слов в языке-источнике, Ю.А. Рубинчик определил несколько первопричин этого явления, которые, на наш взгляд, могут объяснить и семантические сдвиги в персидских заимствованных в нахско-дагестанских языках:

1) значение, встречающееся в заимствующем языке, языком-источником утеряно;

2) слово заимствовано из какого-либо диалекта, а не из литературного языка;

3) слово заимствовано через язык-посредник в уже измененном значении;

4) при первоначальном употреблении за словом закрепилось неточное, ошибочное значение;

5) заимствование вследствие своей словообразовательной активности, а также благодаря семантическим и синтаксическим связям с другими словами заимствующего языка подверглось семантическим изменениям [Рубинчик 1976].

Анализ заимствований, лексические значения которых смещены, показывает, что в них часто наблюдается семантическая близость с прототипами.

Перенос наименований может происходить в зависимости от ассоциативных отношений, зарождавшихся при осмыслении персидского слова. При трансформации семантического объема иноязычного слова новое значение может иметь на восточнокавказской языковой почве отдельные общие семантические свойства с одним или несколькими прежними при-

ними признаками персидского слова. При этом наблюдается сходство признаков с персидским прототипом.

бежт. *чайдар*, авар., кар., чам., цез., лезг., таб., цах. *чайдан*, лак. *чяйдан* ‘чайник’; тинд. *чайдан* ‘чаша (керамическая)’

перс. چایدان čāydān ‘сосуд для хранения сухого чая’:

бежт.: *Чайдар боцIийо лъи гъайлIолло*

“Вскипятил чайник, наполненный водой”;

лезг., лак., таб., агул., рут. *ашна* 1) приятель (-ница); 2) любовник (-ца)

перс. āšnā آشنا 1) знающий; 2) приятель:

лезг.: *Мубаракрай ваз ви ашна,*

Ваз маса яр хьана, гуьзел /Е. Эмин *Ваз маса яр хьана, гуьзел*/

“Поздравляю тебя с твоим любовником,

У тебя появился новый возлюбленный, красавица”;

кар., авар., хвар. *чали*, чам. *чал* ‘изгородь; загон’; дарг. *чяли*, удин. *чал*, арч. *чили* ‘ограда, забор’

перс. چل čal ‘плотина, запруда’:

кар.: *Ц̄ени чалир къотIāлъа*

“Загнать коз в загон”

лак. *пагьламан*, авар., бежт., гунз. *палугьан*, кар. *палигьан*, тинд. *палухан*, чам. *палагьан*, цез. *палгьан*, дарг. *пагьливан*, таб. *пягьливан*, цах. *пегьливан*, чеч. *пелхьо̄*, инг. *пелхьа* ‘канатоходец’

перс. پهلوان pahlavān ‘силач, борец’:

лак.: *Чил хьхьуттайх пагьламан къалахъайссар* (погов.)

“Канатоходец не ходит по чужому канату”;

дарг., лезг., таб., агул., буд. *къаш*, таб. *гъаш* ‘драгоценный камень (в оправе)’

перс. كاش kāš ‘стекло’:

дарг.: *Чархличи цIапакунси уди челгьуси читла букIула хIевалиурад илала гьачамлис дигьхIейгьунти михъирла кIелра къаш дакIули чедиулри* /А. Абу-Бакар *Даргала рурсби*/

“Из под прилипшей к телу тонкой нижней ситцевой рубахи пока не привязанные оба драгоценных камня были видны”;

авар. *жергъен*, чеч. *жиргIа* ‘бубен’

перс. جرنگ jarang ‘звон, бряцание’:

авар.: *Дуца тIохде яхун бухана жергъен –*

Дур сарин гьитIинго рагIана дида /Р. Гамзатов *Микьмухъилал кучIдул*/

“Ты, взобравшись на крышу, била бубен –

Твою песню с детства слышал я”;

авар., бежт., цез. *жигар* ‘энергия’, тинд. *джигар*, кар. *джигароб*, чеч. *жигаран* ‘активный, энергичный’

перс. جگر jegar 1) печенка, ливер; 2) печень:

авар.: *Алипатица жигар бахъулеб букIана йохун йигейлъун хIазе, гьимизе, жеги елъизе* /М. Шамхалов *Вац*/

“Алипат проявляла старание (энергию) казаться радостной, улыбчивой и даже смешливой”;

кар., авар. *анищ* ‘мечта’

перс. اندیشه andiše ‘мысль’:

кар.: *Диб чамил анищ бикIва*

“Столько мечтаний у меня было”

дарг. *изала*, кар., чам., цез. *гIузру*, тинд. *гIузуру*, лак., лезг., хин., крыз., буд., удин. *азар*, таб. *аьзар*, агул. *иттар*, рут. *эзер*, чеч., инг. *лазар* ‘болезнь, недуг’

перс. آزار āzār 1) мучение, страдание; 2) притеснение; 3) обида, огорчение:

дарг.: *Мустапа загIипикиб, ил изала сабабли хIянчиличивад акьуватурлири* /А. Абу-Бакар *Даргала рурсби*/

"Мустафа заболел, по причине этой болезни он был освобожден от работы";

авар. *гугьар* 'прелесть'	перс. گوهر gowhar 'драгоценный камень, жемчуг':

авар.: *Гьаниб ссанда дида гьеб, батIияб гугьарги бан, гIажаибго гIашикъго рагIулеб букIана* /Ф. Алиева *Ракьул гIерекъ гьороца унаро*/

"Здесь, на пастбище, я слышала это с особой любовью, с особой прелестью";

лак. *каши* 'состоятельность, обеспеченность'	перс. کشی kaši 'изящество, красота':

лак.: *Мукунсса каши ттухьхьунгу диривунни "Дараччи" клубравун бувкIун махъ* /"Илчи"/

"Такую обеспеченность я тоже получила с приходом в клуб "Подснежник";

лезг. *теспача*, лак. *дасмача* 'суета, торопливость'	перс. دستپاچه dastpāče 1) торопливый; 2) взволнованный; 3) растерявшийся;

лезг.: *Им акьван гуьзлемиш тавунвай кар тир хьи, галат хьанвай курсантрик теспача акатна* /"Лезги газет" № 1, 2003/

"Это оказалось таким неожиданным событием, что уставшие курсанты засуетились";

дарг. *гIямултар*, лезг. *амалдар*, таб. *аьмалдар*, рут. *гьаьмаьлдар* 'хитрый; хитрец'	перс. عملدار amaldār 1) сборщик податей; 2) местный правитель:

дарг.: *ХIяжни дегIес асухIейрутив? – гIямултар хIерличил хIеррикIули, иб Чехьерини* /А. Абу-Бакар *Даргала рурсби*/

"А кукурузу сеять нельзя? – хитрым взглядом глядя, сказала Чегери";

лезг. *жаду* ‘ханжа, лицемер’; буд. *джаду* 1) ладанка (с талисманом); 2) заговор (*от чего-л.*)

перс. جادو jādu 1) чары, волшебство; 2) колдун:

лезг.: *Сад жаду я, садни жиндар,*

Авайд туш гъейрат и фекьи /С. Стальский *Эгьли гьидаят я фекьи*/

“Один ханжа, другой колдун,

Нет чести у этих мулл”;

таб., буд. *саркар*, лезг. *серкер*, рут., цах. *саькаьр* ‘старший чабан’

перс. سرکار sarkār 1) господин; 2) смотритель:

таб.: *Сивиз марччарин саркарди Аьгьмад гъушнийи, хъа дояркади дугъу чан чи гьаънийи* /Г. Гасанов *Зейнаб*/

“На альпийские луга старшим чабаном Ахмед сам пошел, а дояркой свою сестру отправил”;

цах. *гаде*, лезг., агул., рут., буд. *гада*, таб. *гиди* ‘мальчик’

перс. گدا gadā ‘нищий; попрошайка’:

цах: *ГьаIсрат дирибаш иш вахаIна гаде ыхьа, манчил аллар мана чIекIынбишис кьабылехьенаний* /“Нур”/

“Гасрат проворным мальчиком был, и за это он нравился старшим”;

цах. *кIын*, лезг. *кьин*, буд. *кьын* ‘клятва, присяга’

перс. کینه kine ‘злоба; месть’:

цах.: *Манбише Гиппократын кIын адхъаххъа деш* /“Нур”/

“Они клятву Гиппократа не держат”;

лезг., таб., буд. *дилавар* ‘красноречивый’

перс. دلاور delāvar 1) мужественный, храбрый; 2) богатырь:

лезг.: *Иблисдин мез гвай дилавар,*

Вич гишин пехъи жанавар /С. Стальский *Дагъустан*/

“Языком красноречив как сатана,

А сам голодный бешеный волк”;

лезг. *пIир* 'могила святого; святой', таб. *пир* 'святыня; священное место'	перс. پیر pir 1) старый; 2) старик:

лезг.: *И пIир хьтин касдиз араб чIалалди кIел-кхьин чидай* /"Лезги газет"/

"Этот, похожий на святого, человек умел читать и писать по-арабски";

лезг., таб., буд. *дасмал*, цах. *десмел*, удин. *даьсмаьл* 'полотенце'	перс. دستمال dastmāl 'платок, салфетка':

лезг.: *Ахпа дасмал ачухна, кьил хкажна, ам вичин чинал вегьена* /А. Агаев *Пад хьайи рагъ*/

"Потом развернул полотенце, поднял голову и покрыл им свое лицо".

Синонимия, антонимия и омонимия в заимствованной лексике

Персидские заимствования в нахско-дагестанских языках вступают в синонимические, антонимические и омонимические отношения как члены одного из рядов с исконными или заимствованными словами. Количество таких рядов зависит от общего числа персидских заимствований в том или ином языке, поэтому в языках южного ареала рассматриваемые типы семантических отношений, а также омонимия персидских заимствований объективно представлены богаче.

Возникновение синонимов, как известно, объясняется как внешними, так и внутриязыковыми факторами. Под внешними факторами обычно подразумеваются иноязычные заимствования. Заимствование иноязычных слов является одним из основных источников возникновения синонимов и в нахско-дагестанских языках. С точки зрения семантического сближения синонимы, образованные с помощью заимствованных слов, можно разделить на абсолютные и относительные.

Абсолютные синонимы способны к полному взаимозамещению, например: лак. *духсса – кугьнасса*, лезг. *эски – куьгьне*, таб. *йирси – кюгьне*

'старый, ветхий' (перс. کهنه kohne); лезг., таб., цах., буд. *балхун – айван* 'балкон, веранда' (перс. ایوان eyvān).

Относительные синонимы сближаются на основе лишь частичных семантических признаков, например: лезг. *куьлуь*, таб. *жвилли* 'мелкий' – лезг., таб. *хирда* 'мелкий (только о деньгах)' (перс. خرده xorde); лак. *дуснак*, лезг., таб., буд. *дустагъ* 'тюрьма' (перс. دستاق dostāq) – лак., лезг., таб., буд. *зиндан* 'темница' (перс. زندان zendān).

Персидские заимствования, функционирующие в качестве названий предметов и явлений, уже имевших свои изначальные наименования в нахско-дагестанских языках, могут вступать с исконной лексикой в синонимические отношения, образуя синонимические ряды, причем персидские заимствования являются подчас более употребительными, чем исконные слова и другие заимствования:

авар. *кепав, рохараб – аваданав* 'веселый'; кар. *рахIатоб – аваданоб* 'веселый'; гунз., тин. *кепаб – аваданаб* 'веселый'; чам. *кепулI – аваданаб* 'веселый'; цез. *кепав, рохарав, ихтилатав – аваданав,* бежт. *кепаб, рохараб, ихтилатаб – аваданаб* 'веселый'; лак. *буллугъсса, ттуршамасса – авадансса* 'богатый'; лезг. *мублагь – авадан* 'плодородный'; таб. *мублагъ – авадан* 'плодородный'; буд. *махIсулдар – авадан* 'плодородный' (перс. آبادان ābādān);

авар., бежт., гунз., кар., чам., цез. *къимат – багьа,* тинд. *къимата – багьа,* дарг. *кьимат – багьа* 'цена, стоимость'; лезг. *масан, къиметлу – багьа,* буд. *кьиметлу – багьа* 'дорогой (*по цене*)' (перс. بها bahā);

авар. *чIамучIаб – бизараб,* бежт. *чIаръараб – бизараб,* цез. *чIалгIараб – бизараб,* лак. *буруккинттарайсса – бизарсса* 'скучный'; таб. *шилагь, юргьун – бизар,* удин. *гъаъгъ – безаьр* 'усталый' (перс. بیزار bizār);

лак. *ратI – дара,* лезг. *кIам – дере* 'ущелье'; таб. *дугун – дере* 'долина' (перс. دره darre);

лак. *муттаэ – душман*, лезг. *мидя – душман*, таб. *аьду – душман*, буд. *мидаьгIи – душман* ‘враг’ (перс. دشمن došmān);

лак. *шириши – гилав*, лезг. *залук – гирав*, таб. *аманат – гирав* ‘залог’ (перс. گرو gerow);

авар. *хIакъ – мунагь*, бежт. *гьаькъ – мунагь*, кар. *хIакъе – мунагь*, тинд. *хIакъи – мунагьи*, гунз., цез. *хIакъ – мунахI*, чам. *хIакъ – мунегь*, дарг. *такьсир – бунагь*, лак. *тахсир – бунагь*, лезг., таб. *тахсир – гунагь* ‘грех; вина’ (перс. گنه gonah);

авар. *бахIарчилъи – гьунар*, тинд. *гьекIвалъар – гьунар*, чам. *багьадурлъи – гьунар* ‘подвиг’; лезг. *жуьрэтлувал – гьунар*, таб. *жюрэтлувал – гьунар* ‘доблесть’ (перс. هنر honar).

Более редким случаем является синонимия собственно персидских заимствований, т.е. образование в нахско-дагестанских языках синонимических отношений между парами персидских по происхождению слов, ср.:

лак. *аьсивсса* (перс. آسیب āsib) – *пашмансса* (перс. پشیمان pašimān) ‘печальный’;

таб., буд. *перишан* (перс. پریشان parišān) – *пашман* (перс. پشیمان pašimān) ‘печальный’;

лезг. *зарул* (перс. زار zār) – *перишан* (перс. پریشان parišān) – *пашман* (перс. پشیمان pašimān) ‘печальный’;

авар., лак., чам. *дарман* (перс. درمان darmān) – авар., лак. *дару*, чам. *дарв* (перс. دارو dāru) ‘лекарство’;

лезг. *начагъ* (перс. ناچاغ nāčāq) – *хесте* (перс. خسته xaste) – *азарлу* (перс. آزار āzār) ‘больной’;

таб. *начагъ* (перс. ناچاغ nāčāq) – *уьзурлу* (перс. آزار āzār) ‘больной’;

цах. *начах* (перс. ناچاغ nāčāq) – *хаста* (перс. خسته xaste) ‘больной’;

лезг. *пишкеш*, таб., цах., буд. *пешкеш* (перс. پیش کش piškeš) – лезг., таб. *ядигар*, цах. *йедигар*, буд. *йадигар* (перс. یادگار yādgār).

Особое место в словарном составе нахско-дагестанских языков занимают антонимы, как слова, наиболее ярко проявляющие семантические отношения в лексике. По мнению Ш. Балли, “в сознании человека абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов такой пары всегда, так или иначе, вызывает представление о другом” [Балли 1961: 139]. Вхождение персидских заимствований в лексико-семантическую систему восточнокавказских языков обусловливает развитие антонимических пар с участием иранизмов в качестве элементов оппозиции. Заимствованные слова могут участвовать в образовании антонимических пар как в качестве одного из членов оппозиции, так и обоих, ср.:

авар., цез. *аваданав*, кар. *аваданоб*, чам., бежт., тинд. *аваданаб* ‘веселый, жизнерадостный’ (перс. آبادان ābādān) – авар., бежт., тинд., чам. *пашманаб*, цез. *пашманав*, кар. *пашманоб* ‘грустный, печальный’ (перс. پشیمان pašimān);

лак., лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *бахт*, удин. *вахтт* ‘счастье’ (перс. بخت baxt) – лак., агул., рут., буд. *дард*, лезг. *дерт*, таб. *дерд*, крыз., цах., удин. *даьрд* ‘горе’ (перс. درد dard);

лезг. *гунагькар* ‘грешник’ (перс. گنه کار gonahkār) – *пIир* ‘святой’ (перс. پیر pir);

лезг., таб. *баят*, буд. *байат* ‘несвежий (о хлебе)’ (перс. بیات bayāt) – лезг., таб. *таза*, буд. *таза* ‘свежий’ (перс. تازه tāze);

таб. *турши* ‘кислый’ (перс. ترش torš) – *ширин* ‘сладкий’ (перс. شیرین širin);

лак. *дус*, лезг., таб., буд., рут. *дуст*, агул. *дустт*, цах. *дост*, удин. *достт* ‘друг’ (перс. دوست dust) – лак., лезг., таб., буд., агул., цах. *душман* ‘враг’ (перс. دشمن došmān).

Заимствования являются одним из источников формирования лексических омонимов. Лексическими омонимами, по наиболее общему определению, называются два и более разных по значению, совпадающие в написании, произношении и грамматическом оформлении слова.

Омонимы в восточнокавказских языках относятся к различным лексико-грамматическим разрядам слов. Освещая вопросы взаимодействия и функционирования словарных единиц табасаранского языка, В.М. Загиров отмечал, что в табасаранском языке широко представлены омонимичные пары, возникшие в результате заимствования двух одинаково звучащих слов из одного языка или же из разных источников [Загиров 1981: 85]. Наши наблюдения показывают, что омонимические ряды, включающие персидские заимствования в нахско-дагестанских языках, относятся, как правило, к именам существительным. В зависимости от составляющих омонимичных рядов можно выделить два типа образований: однородные и неоднородные. Однородный ряд составлен заимствованными парами слов-омонимов. Неоднородный ряд включает в себя омонимичные пары из исконных и заимствованных слов.

Группа, состоящая из омонимичных пар “исконное (неперсидское) слово – заимствование”, возникает в результате совпадения звучания заимствованных персидских и исконных нахско-дагестанских слов. Например, в аварском языке:

Исконное слово	Заимствованное слово
макари ‘тонкая лепешка’ *макари кваназе* “съесть лепешку”	*макари* ‘ярмарка’ (перс. مکاره makāre) *макариялде ине* “ехать на ярмарку”;
мина ‘жилище’ *дос мина бан буго* “он построил жилище”;	*мина* ‘эмаль’ (перс. مینا minā) *мина бекьараб* “эмалированный, покрытый эмалью”;

мина ‘мина’ *мина кьвагьана* “мина разорвалась”	
пача ‘щит; завеса’ *кIкIуйдул пача* “дымовая завеса”	*пача* ‘царь, император’ (перс. پادشاه pādšāh) *россиялъул пача* “российский император”;
бел ‘серна, горная антилопа’ *кабаб бел* “серна с белой отметиной”	*бел* ‘железная лопата’ (*ср.-перс.* bēl) *бел босизе* “купить лопату”;
пул ‘волдырь’ *килшида пул т1амун буго* “на пальце образовался волдырь”	*пул* ‘деньги’ (перс. پول pul) *пул бугев чи* “имеющий деньги человек, денежный человек”;
нар ‘нары’ *гIодорчIезе нарал* “нары для сидения”	*нар* ‘гранат’ (перс. نار nār) *барщараб нар* “спелый гранат”;
жал мест. ‘они сами, те самые’ *жал аралъуре вач1аян хъвана аз гъосде* “они написали ему, чтобы он пришел туда, куда они пошли сами”	*жал* ‘грива’ (перс. یال yāl) *жалалъе къулизе* “пригнуться к гриве”;
чанагъ ‘сани, дровни’ *чангъазда хъештIезе* “кататься на санях”	*чанагъ* ‘челюсть’ (перс. چانه *čāne*) *нилъазул чанагъ* “нижняя челюсть”.

В тиндинском языке также представлены однотипные по составу слова-омонимы. Это, как правило, непроизводные исконные и заимствованные слова одной части речи, в основном имена существительные:

Исконное слово	Заимствованное слово
авара ‘авария’	*авара* ‘возня, хлопоты’ (перс. آوار āvār)
авара игьилъ’а “совершить аварию”	*аваралIа эйā* “хлопотное дело”;
тахта ‘смушка, мерлушка’	*тахта* ‘лист (*железа, стекла*)’ (перс. تخته taxte)
тахталIа къвапа “папаха из мерлушки”	*кубалIа тахта* “лист железа”;
хачан ‘зеленая оболочка (*грецкого ореха*)’	*хачан* ‘сабля; меч, клинок’ (*ср.-перс.* h̲anjar)
цIулакьалIа хачан “зеленая скорлупа ореха”	*хача*^{н}*лIа эгъу* “рукоять сабли”;
чакар ‘кукуруза’	*чакар* ‘сахар’ (перс. شکر šakar)
чакарлIа гьатIа “кукурузная мука”	*чакарлIа кI’атIара* “кусок сахара”.

Аналогичная картина наблюдается в лакском языке:

Исконное слово	Заимствованное слово
бачIи ‘половина’	*бачIи* ‘лапка’ (перс. پاچه pāče)
гьивчул бачIи “половина яблока”	*ччитул оьрчIал бачIи* “лапка котёнка”;
бигь ‘задаток’	*бигь* ‘айва’ (перс. به beh)
бигь дулун “дать задаток”	*бигьлил мураппа* “айвовое варенье”;
тав ‘настроение’	*тав* ‘камин’ (тат. *тов*)
ина хъинну тав бавкьуну ура “ты в очень хорошем настроении”	*тавлуву цIу дишин* “затопить камин”;
так ‘туз’	*так* ‘только один’ (перс. تک tak)
так дутан “бить тузом десятку”	*так хIакьину дакъа гьарал къаларчIунни* “дождь пошёл только сегодня”;

тяй ‘жеребёнок’ *тяй бан* “ожеребиться”	*тяй* ‘вьюк, кипа’ (перс. تای tāy) *янналул тяй* “кипа мануфактуры”;
куча ‘сука’ *жул кучлул карчIру бунни* “наша сука ощенилась”	*куча* ‘улица’ (перс. کوچه kuče) *уттасса куча* “широкая улица”.

Условия, в которых происходят заимствования в будухском языке, также существенным образом влияют на формирование омонимичных отношений между заимствованными и исконными словами, ср.:

Исконное слово	Заимствованное слово
бел ‘талия, поясница’ *ала рижух назик бели* “у этой девушки стройная талия”	*бел* ‘лопата’ (*ср.-перс.* bēl) *белина джибир* “ручка лопатки”;
дагъ ‘гора’ *дагъджа кIекI* “вершина горы”	*дагъ* ‘клеймо’ (перс. داغ dāq) *викьерджу гилаьдже дагъ къийеджи* “на круп барана поставили клеймо”;
зар ‘корова’ *къовур зар* “корова с белым крупом”; *зар* ‘кручение’ *хириджиз зар йуцIу* “крутить нитки”	*зар* ‘позолота; канитель’ (перс. زر zar) *зарлу нехиш сиъирджи* “узоры, сделанные канителью”;
коса ‘головешка’ *самавар косаджизын йогор суьъуьр* “самовар головешкой разожгли”	*коса* ‘человек с редкими усами и бородой; *перен.* комик’ (перс. کوسه kuse) *йо кума пагьливанджызын сар коса къуьхьуьджи* “в наше селение с канатоходцами комик пришел”;

кур ‘река’	*кур* ‘слепец, слепой’ (перс. کور kur)
аныр курар балугъ къавгIаджи “он из реки рыбу вытащил”	*кур йихьар* “ослепнуть”;
тур ‘имя’	*тур* ‘кружево; сеть’ (перс. تور tur)
ва тур ши ви? “как тебя зовут?”	*тур сергIи* “метать сеть”;
тур ‘ложка’	
туруйезын соъули “есть ложкой”	
хал ‘пленка’	*хал* ‘родимое пятно, родинка’ (перс. خال xāl)
хал сацIа “покрываться пленкой”	*халлу риж* “девушка с родинкой”;
хара ‘куча, груда’	*хара* ‘муар’ (перс. خارا xārā)
кьайаджу хара “куча камней”	*хараджу пирем* “парчовая рубашка”.

Значительно больше омонимичных пар с участием персидских заимствований образуются в лезгинском, а также в табасаранском языках, ср.:

лезг.: *гунг* ‘клык *(у кабана)*’ – *гунг* ‘глиняная водопроводная труба’ (перс. گنگ gong); *жуьре*‘плата за содержание’ – *жуьре* ‘вид; род; сорт’ (перс. جور jur); *зар* ‘игральная кость’ – *зар* ‘позолота’ (перс. زر zar); *зур* ‘половина’ – *зур* ‘насилие’ (перс. زور zur); *инжил* ‘евангелие’ – *инжил* ‘инжир’ (перс. انجیر anjir); *кал* ‘зимовище’ – *кал* ‘корова’ (перс. کل kal); *кангур* ‘согнутый’ – *кангур* ‘носик (*кувшина*)’ (перс. کنگر kongor); *кар* ‘околыш; обод’ – *кар* ‘болячка, язва’ (перс. گر gar); *кьин* ‘умирать; убивать’ – *кьин* ‘клятва, присяга’ (перс. کینه kine); *кIел* ‘учёба; чтение’ – *кIел* ‘барашек’ (перс. کل kal); *тав* ‘оттенок’ – *тав* ‘камин’ (тат. *тов*); *хам* ‘кожа, шкура’ – *хам* ‘необработанный’ (перс. خام xām); *хара* ‘куча, ворох, груда’ – *хара* ‘парча’ (перс. خارا xārā); *чарх* ‘скала, утёс’ – *чарх* ‘колесо; точильный круг’ (перс. چرخ čarx) и др.

таб.: *гагь* ‘ладонь’ – *гагь* ‘время, срок’ (перс. گاه gāh); *гаргар* ‘колокольчик’ – *гаргар* ‘овес’ (перс. گرگر gerger); *гур* ‘перевал’; *гур* ‘вход’ – *гур* ‘оживлённый, шумный’ (перс. گوری guri); *гъаш* ‘гаш *(льняное волокно)*’ – *гъаш* ‘камень на кольце’ (перс. کاش kāš); *гьар* ‘дерево; шест’ – *гьар* ‘каждый, всякий’ (перс. هر har); *жам* ‘жених’ – *жам* ‘медная чаша’ (перс. جام jām); *зар* ‘игральная кость’ – *зар* ‘позолота’ (перс. زر zar); *инжил* ‘евангелие’ – *инжил* ‘инжир’ (перс. انجیر anjir); *мас* ‘ценность’ – *мас* ‘простокваша’ (перс. ماست māst); *пул* ‘чешуя’ – *пул* ‘деньги’ (перс. پول pul); *саз* ‘довольный’ – *саз* ‘саз *(муз. инструмент)*’ (перс. ساز sāz); *тар* ‘косяк *(двери, окна)*’ – *тар* ‘тар *(муз. инструмент)*’ (перс. تار tār); *хам* ‘кожа, шкура’ – *хам* ‘необработанный’ (перс. خام xām); *хара* ‘куча, груда’ – *хара* ‘муар’ (перс. خارا xārā); *шюше* ‘мята’ – *шюше* ‘бутылка, стекло’ (перс. شیشه šiše); *эгер* ‘худой, слабый’ – *эгер* ‘*союз* если, в случае’ (перс. اگر agar) и др.

Другая группа состоит из омонимичных пар “заимствование – заимствование”, возникших в результате звукового совпадения разных по значению слов, заимствованных из персидского языка. Так, например, в лезгинском языке встречаются следующие пары омонимов данного типа:

Заимствованное слово	Заимствованное слово
чап ‘типография’ (перс. چاپ *čāp*)	*чап* ‘косой’ (перс. چپ čap)
чап авун “печатать”; *чапдай акъатун* “выйти в свет”	*чап вилер авайди* “косоглазый”;
дере ‘тафта (*род шелковой материи*)’ (перс. دارایی dārāyi)	*дере* ‘овраг; ущелье; долина’ (перс. دره darre)
дере багъишун “тафту дарить”	*хелвет дерейра* “в тихих долинах”;
гур ‘могила’ (перс. گور gur)	*гур* ‘оживленный, шумный’ (перс. گوری guri)
эски гур “старая могила”	

	гур мажлис “шумная компания”;
дем (*чай демда тун*) “заварить чай и оставить для настоя” (перс. دم dam)	*дем* ‘танцы на свадьбе’ (перс. دن dan)
аш демда тун “ставить плов на медленный огонь, чтобы выпарился”	*дем кутун* “начать танцевальный вечер”;
кам ‘шаг’ (перс. گام gām)	*кам* ‘силок; сеть’ (перс. دام dām)
кам алай балкIан “лошадь с быстрым шагом”	*камуна гьатун* “попасть в сети”;
кар ‘крытый двор; кошара’ (перс. کار kār)	*кар* ‘дело; поступок’ (перс. کار kār)
кар эцигун “кошару строить”	*аламатдин кар* “удивительное дело”.

Часть персидских заимствований, формирующих омонимичные пары в лезгинском языке, могут образовывать однотипные параллели и в табасаранском языке, ср.:

Заимствованное слово	Заимствованное слово
дере ‘тафта (*род шелковой материи*)’ (перс. dārāyi دارایی)	*дере* ‘долина; ущелье’ (перс. دره darre)
багьа дере “дорогая тафта”	*нирин дере* “долина реки”;
тур ‘головной платок из тюля’ (перс. تور tur)	*тур* ‘меч, сабля’ (*ср.-перс.* tur)
цIийи тур “новый платок”	*илдандин тур* “стальной меч”;
бенд (диал.) ‘запруда, плотина’ (перс. بند band)	*бенд* ‘куплет; строфа’ (перс. بند band)
рягънин бендар “мельничная плотина”	*юкьуб бендлин шиир* “стихотворение из четырёх строф”;
чап ‘издание’ (перс. چاپ čāp)	*чап* ‘косой, наклоненный’ (перс. چپ čap)
аьлава дапIнайи чап “дополненное издание”	*чап хатI* “косой почерк”;

кар 'глухой' (перс. کر kar)

карариз вуйи телевизорин передача "телепередача для глухих"

кар 'дело, работа' (перс. کار *kār*)

кар-пише фу ву яв? "чем ты занимаешься?".

Фразеологизация персидских заимствований

Исследование особенностей фразеологизации персидских заимствований в нахско-дагестанских языках уместно начать с определения самих фразеологических единиц (ФЕ). По мнению А. В. Кунина, фразеологические единицы – это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [Кунин 1972: 160]. Наиболее общими признаками ФЕ называют "языковую устойчивость, семантическую целостность и раздельнооформленность" [Арнольд 1973: 160].

Под фразеологизацией иранизмов мы понимаем вхождение персидских заимствований в состав фразеологических единиц (ФЕ) нахско-дагестанских языков, что предполагает закрепление этих слов в постоянном контексте, возникновение у них новых значений, "поглощенных" суммарным значением сложного целого [Ахманова 1957: 170; Телия 1981: 44-45].

Персидские заимствования участвовали не только в формировании лексической системы восточнокавказских языков, но и в развитии его фразеологии. Основная масса персидских заимствований, вошедших в лексическую систему заимствующих языков, настолько сильно ассимилировалась в них, что отдельно взятое слово функционирует в составе ФЕ, почти не отличаясь по своим качественно-количественным характеристикам от исконных слов. Тем не менее, мы полагаем, что нельзя создать более или менее полной картины функционирования персидских заимствований в нахско-дагестанских языках без освещения их роли в развитии фразеологии.

В данном разделе мы ставим задачу структурно-семантического описания ФЕ, включающих персидские лексические элементы, и их ко-

личественного анализа, что даст возможность определить степень фразеологизации персидских заимствований в восточнокавказских языках. Мы также осветим проблему заимствования собственно персидских ФЕ и их калькирования нахско-дагестанскими языками.

Субстантивные фразеологические единицы

В ходе анализа фразеологизмов восточнокавказских языков нами выделено немалое количество субстантивных и глагольных ФЕ, включающих персидские лексемы. Данные фразеологизмы обслуживают различные сферы коммуникации. Чаще всего они обозначают родственные отношения человека и его наклонности, названия животных, названия овощей и фруктов, а также отвлеченные понятия. С точки зрения количественного состава наиболее распространены двухкомпонентные, т.е. состоящие из двух лексем, ФЕ. В зависимости от принадлежности составляющих ФЕ слов к той или иной части речи двухкомпонентные субстантивные ФЕ подразделяются на два структурных типа: *существительное + существительное* и *прилагательное + существительное*.

Персидские заимствования в роли имен существительных – наиболее распространенная форма вхождения в состав нахско-дагестанских ФЕ, причем они могут выступать и как стержневые слова, и как зависимые компоненты фразеологизма. Нередко фразеологизмы целиком состоят из заимствованных слов. Например:

авар.: *бакъал <u>базар</u>* ‘маломощное хозяйство’ (*букв.* бакалейная торговля); *<u>гулла</u>-хер* ‘боеприпасы’ (*букв.* пуля-порох); *<u>чакар</u>-чай* ‘чай с сахаром’ (*букв.* сахар-чай); *рокIул <u>мугьру</u>* ‘след любви’ (*букв.* печать любви); *<u>шагьи</u>-пара* ‘медяки, мелкие деньги’ (*букв.* пятак-грош); *<u>зурма</u>-къали* ‘игра на зурне и барабане’ (*букв.* зурна-барабан); *<u>тамаша</u>-гIаламалъи* ‘удивление, изумление’ (*букв.* удивление-диво) и др.

таб.: *<u>гунгьарин</u> каб* ‘скопище грехов’ (*букв.* гроздь грехов); *<u>ипаздин</u> тIуттIар* ‘барбарис’ (*букв.* соколиный виноград); *гьутIу <u>гафар</u>* ‘недостойные речи’ (*букв.* гнилые слова); *хъабцIнайи <u>тюфенг</u>* ‘вспыльчивый

человек' (*букв.* заряженное ружье); *баяр-шубарин багъ* 'детский сад' (*букв.* мальчиков-девочек сад); *гъизил гюл* 'роза' (*букв.* золотой цветок); *поезддин келле* 'паровоз' (*букв.* голова поезда); *жилин пягьливан* 'акробат-прыгун' (*букв.* земной канатоходец); *рукьан уста* 'кузнец' (*букв.* железа мастер); *тахта базар* 'продажа с лотка' (*букв.* доска базар) и др.

лезг.: *къванцин бахча* 'кладбище' (*букв.* каменный сад); *сикIрен кагъаз* 'филькина грамота' (*букв.* лисы бумага); *къуша тфенг* 'двустволка' (*букв.* парное ружьё); *мугьмандин лам* 'простак, простофиля' (*букв.* гостя осёл); *гада итим* 'ветреный человек' (*букв.* мальчик мужчина); *гада-руш* 'легкомысленная девушка' (*букв.* мальчик девушка); *кал гамиш* 'буйволица' (*букв.* корова буйвол); *гьафте базар* 'воскресный базар' (*букв.* неделя базар); *базард истивут* 'черный перец' (*букв.* базара перец); *анар чуьхвер* 'сорт груш' (*букв.* гранат груша); *симин тар* 'телеграфный столб' (*букв.* проволоки дерево); *шекердин сив* 'сладкоежка' (*букв.* сахара рот); *гумадин туп* 'клубы дыма' (*букв.* дыма мяч); *дегьне кьенер* 'удила особого устройства' (*букв.* глубины уздечка) и др.

буд.: *чакмадже голу* 'голенище сапога' (*букв.* сапога горло); *пенджекджу гардан* 'ворот рубахи' (*букв.* рубахи шея); *зирзибилджу амбар* 'свалка мусора' (*букв.* мусора склад); *машинджу калла* 'паровоз' (*букв.* машины голова); *нар чуьхIуьр* 'сорт груш' (*букв.* гранат груша); *мемендджу лем* 'простофиля, разиня' (*букв.* гостя осёл) и др.

Значительно реже персидские заимствования встречаются во фразеологизмах, построенных по модели *прилагательное + существительное:*

авар.: *кIал чорок* 'сплетник; сквернослов' (*букв.* грязный рот); *бакараб чирахъ* 'умный человек' (*букв.* горящая лампа); *бидул тушман* 'кровный враг' (*букв.* кровный враг) и др.

лезг.: *яру рад* 'пищевод' (*букв.* красная кишка); *къара пул* 'медяки' (*букв.* черные деньги); *шит гафар* 'пошлые слова' (*букв.* пресные слова); *ширин гафар* 'приятные слова' (*букв.* сладкие слова); *кьулан тар* 'позво-

ночник' (*букв.* среднее дерево); *чIуру* *кал* 'яловая корова' (*букв.* неправильная корова); *атIай* *чара* 'последняя возможность' (*букв.* резаное средство); *атIай* *гаф* 'окончательное слово' (*букв.* резаное слово) и др.

таб.: *цIижин* *жанавар* 'ненасытный человек' (*букв.* лютый волк); *гъаргъу* *гафар* 'неприятные слова' (*букв.* холодные слова); *жвилли* *пул* 'мелкие деньги, мелочь' (*букв.* мелкие деньги); *гъутIу* *гафар* 'недостойные речи' (*букв.* гнилые слова) и др.

Адъективные фразеологические единицы

В данную, сравнительно небольшую по количеству ФЕ, группу входят сравнительные и причастные обороты, а также атрибутивные словосочетания. По составу данные ФЕ бывают двух- и многокомпонентные. Подразделяются они на два структурных типа: *существительное + причастие* и *существительное + сравнительное слово со значением 'подобный'*.

Структурный тип *существительное + причастие* представлен единичными фразеологизмами:

лезг.: *ранг* *алай* 'дорогой' (*букв.* цвет имеющий); *абурар* *алай* 'красивый' (*букв.* достоинства имеющий); *кар* *алакьдай* 'способный' (*букв.* с делом справляющийся).

Персидские заимствования могут входить и в многокомпонентные адъективные ФЕ, построенные по типам *существительное + существительное + причастие, прилагательное + существительное + причастие*, например:

лезг.: *гачалан* *кьил* *кудай* 'очень жаркий' (*букв.* плешивого голову обжигающий); *гъиляй* *кар* *къведай* 'способный', 'дельный' (*букв.* из руки дело приходящий); *кьилелай* *зарпанд* *алатнавай* 'разнузданный' (*букв.* с головы недоуздок слетевший); *чан* *чанда* *авай* 'очень дружный' (*букв.* душу в душе имеющий); таб. *хуш* *ниъ* *хъайи* 'ароматный' (*букв.* приятный запах имеющий) и др.

Фразеологизмы, построенные по типу *существительное + сравнительное слово со значением 'подобный'* подчеркивают те или иные качества человека, например:

лезг. *верг хьтин* 'проворный', 'расторопный' (*букв.* крапиве подобный); *аждагьан хьтин* 'о крайне раздражительном человеке' (*букв.* дракону подобный); *зегьер хьтин* 'о неприязненно настроенном, злом человеке' (*букв.* яду подобный); таб. *пайгьамбарсир инсан* 'честный, благородный человек' (*букв.* пророку подобный) и др.

Многокомпонентные фразеологические единицы

К данной группе ФЕ относятся субстантивные и адъективные устойчивые словосочетания, структурно состоящие в основном из причастного оборота и существительного, в роли которого выступает персидское заимствование, а также построенные по типу *существительное + сравнительное слово*, например:

дарг.: *базарла багьаличи валикили* 'по сходной цене' (*букв.* примерившись к базарной цене); *бамбала кесекван кIантIиси* 'очень мягкий' (*букв.* как ваты кусок мягкий); *бунагьунира къакълар дихули* 'имеет грехи' (*букв.* грехи на спине таская); *бургIубси шагьилизи агара* 'ломаного гроша не стоит' (*букв.* поломанных пяти копеек не стоит); *вайти рангра кертIили* 'побледнев от страха' (*букв.* плохой цвет налив); *кисала някъбира кадатурли* 'ничего не делая, не работая' (*букв.* в карман руки заложив); *чирагъ агарси хъали* 'гроб' (*букв.* дом, не имеющий свет); *гьунар лебси адам* 'способный человек' (*букв.* силу имеющий человек) и др.

авар.: *гулла гIадин вортизе* 'броситься пулей, со всех ног' (*букв.* броситься как пуля); *гулла щвараб ритIучI гIадин* 'отчаявшись, без надежды' (*букв.* как пулю получивший олень); *гуллие керен кьезе* 'высовываться; погибнуть' (*букв.* подставить пуле грудь); *анкь тухумалъул чи* 'седьмая вода на киселе' (*букв.* человек седьмого рода); *кепкил багьа гьечIев* 'презренный, низкий' (*букв.* копейки не стоящий) и др.

лезг.: *ширин затIарал рикI алай кас* 'сладкоежка' (*букв.* на сладкие вещи сердце лежащий человек); *мешреб алай кар* 'благое дело' (*букв.* хороший вид имеющее дело); *кьел квачир гафар* 'бессмысленные слова' (*букв.* слова, не имеющие соль); *лал кьейи югъ* 'жаркий, знойный день' (*букв.* немым ставший день); *абурар алай итим* 'мужчина приятной внешности' (*букв.* привлекательность имеющий мужчина); *цик квай келем* 'квашеная капуста' (*букв.* капуста, находящаяся под водой) и др.

таб.: *гюллеси тIибхуб* 'броситься пулей, со всех ног' (букв. как пуля летать); *вердиш дарапIу кIирихъ* 'невоспитанный человек; дикарь' (*букв.* неприрученный телёнок); *гъаб али гаф* 'иносказательное слово' (*букв.* слово, прикрытое тарелкой); *машнягъ перде гъядру* 'бесстыжий' (*букв.* не имеющий на лице занавеску); *гаф лизишинрикк ккипуб* 'не слушать *кого-л.*' (*букв.* слово под ногу подкладывать); *келле хъайи* 'умный' (*букв.* голову имеющий); *алдабхъу шалвар* 'неаккуратный человек' (*букв.* спадшие брюки) и др.

Слова персидского происхождения проявляют себя также и в небольшой группе наречных ФЕ. По составу данные обороты речи представляют собой двухкомпонентные и многокомпонентные ФЕ. По строению все они включают в себя глагольные формы деепричастного значения или наречные слова, например:

лезг. *гаф сиве амаз* 'сразу же', 'быстро' (*букв.* слово во рту находясь); *гардан киле хьиз авуна* 'сытно', 'вольготно' (*букв.* шею как "киле" сделав, *"киле" – мера сыпучих тел, равная 2,5 кг.*); *са савда хьуй лагьана* 'так просто; от нечего делать' (*букв.* торгом пусть будет сказав) и др.

Глагольные фразеологические единицы

Известно, что глагольные ФЕ являются самым многочисленным слоем фразеологизмов во многих языках. Говоря о лезгинском языке, А.Г. Гюльмагомедов это объясняет двумя факторами: "Во-первых, глагол в речи играет исключительную роль, он является смысловым и грамматическим центром речи. Естественно поэтому стремление языковой сис-

темы к обогащению за счет единиц этого разряда, к развертыванию своих потенциальных возможностей в этом направлении. Другой фактор обусловлен отчетливым проявлением аналитичности в лезгинском языке, которое способствует образованию в языке сверхсловных воспроизводимых единиц, являющихся единственными названиями действий, движений, процессов" [Гюльмагомедов 1990: 17].

Материалы нашего исследования подтверждают данные положения. Например, в лезгинском языке отсутствуют простые глаголы, выражающие такие понятия, как 'радоваться', 'кончать', 'увеличивать', 'работать' и т. п. Чтобы выразить эти понятия в лезгинском языке необходимо употребить сложные глаголы, представляющие собой сочетания простых глаголов с именами, которые в свою очередь могут быть заимствованными из персидского языка: *шад хьун* 'радоваться' (< перс. شاد šād 'радостный; довольный'); *куьтягь хьун* 'кончаться' (< перс. کوته kutah 'короткий'); *гзаф авун* 'увеличивать' (< перс. گزاف gazāf 'огромный'); *кар авун* 'работать' (< перс. کار kār 'дело; занятие').

Эти же положения распространяются и на большинство восточнокавказских языков. Проблема "какие из словосочетаний, передающих определенное действие или состояние, считать сложными глаголами, а какие идиоматическими и другого рода устойчивыми словосочетаниями" [Мейланова 1970: 131] в грамматике нахско-дагестанских языков еще окончательно не решена.

Заслуживает внимание мнение Ю.А. Рубинчика по данному вопросу, считающего, что сложные глаголы подобного типа, обладая всеми известными свойствами глаголов, не являются сложными словами, а представляют собой глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономность [Рубинчик 1981: 116].

Активное заимствование персидской лексики оказало огромное влияние на развитие нахско-дагестанских глагольных фразеологических единиц (ГФЕ). По количеству элементов ГФЕ нахско-дагестанских языков делятся на двухкомпонентные и многокомпонентные, из которых первые по своему объему преобладают над вторыми. Так как персидские глаголы нахско-дагестанскими языками не заимствовались, глагольная часть двухкомпонентных ГФЕ представляет собой исконное слово, а именная – заимствованное..

Вступая в общую парадигму образования сложных глаголов, многие персидские слова, как и собственно нахско-дагестанские, сочетаются с наиболее употребительными исконными компонующими глаголами.

В образовании двухкомпонентных персидско-восточнокавказских глагольных словосочетаний чаще всего участвуют компонующие глаголы со значением “делать” и “быть, становиться”.

Количество других компонующих глаголов, вступающих в сочетания с персидскими именами, довольно велико, однако встречаются они значительно реже: *ударять*, *бить*, *давать*, *вытаскивать*, *вынимать*, *резать*, *рвать*, *подкладывать*, *подпирать*, *тянуть*, *возить*, *держать*, *ловить* и др.

Основную семантическую нагрузку в глагольных словосочетаниях нахско-дагестанских языков несет именная часть, детерминированная именем существительным. Именной компонент стоит, как правило, в именительном падеже единственного и множественного числа. Модификация именной части часто может приводить к дефразеологизации, либо к образованию нового фразеологизма [Сулейманов 2002: 66].

Из персидских имен в составе ГФЕ лезгинского языка к наиболее употребительным относятся следующие лексемы: *бахт* ‘счастье’ (12 ГФЕ), *азад* ‘свободный’ (11 ГФЕ), *чан* ‘душа’ (10 ГФЕ), *гар* ‘ветер’ (8 ГФЕ), *гаф* ‘слово’ (8 ГФЕ), *кар* ‘дело’ (7 ГФЕ), *абур* ‘достоинство’, ‘приличие’ (7 ГФЕ), *чарх* ‘колесо’ (6 ГФЕ), *багьна* ‘повод’, ‘отговорка’

(5 ГФЕ), *тум* 'хвост' (5 ГФЕ), *чара* 'выход', 'средство' (4 ГФЕ), например:

бахтуни атIун 'быть везучим' (букв. счастьем резать); *азад авун* 'освобождать, избавлять' (букв. свободным делать); *чан акъудун* 'мучить' (*букв.* душу вытаскивать); *гар гун* 'проветривать' (*букв.* ветер давать); *гаф гун* 'обещать' (*букв.* слово давать); *кар кьун* 'отомстить' (*букв.* дело держать); *абур хуьн* 'соблюдать достоинство' (*букв.* достоинство хранить); *чарх ягъун* 'крутиться, вращаться' (*букв.* колесо ударять); *багьнаяр авун* 'искать повод' (*букв.* поводы делать); *тум илисун* 'поджать хвост' (*букв.* хвост давить); *чара атIун* 'оказаться в безвыходном положении' (*букв.* выход отрезать) и др.

Персидские заимствования активно вступают в сочетания с компонирующими глаголами, образуя тем самым ГФЕ, и в других восточнокавказских языках. Например:

авар.: *дарман гьабизе* 'помочь кому-л.' (*букв.* лекарство сделать); *диваналде ахIизе* 'судить' (*букв.* на суд вызывать); *туманкI речIчIизе* 'завершить что-л.' (*букв.* из ружья выстрелить); *чагъана хъвазе* 'пристроиться' (*букв.* на скрипке играть); *чара хвезе* 'быть в тупике' (*букв.* выход потерять); *пардав бахъизе* 'снять паранджу' (*букв.* снять занавес); *пашманлъи рещтIине* 'огорчаться' (*букв.* печаль спустилась); *пуч гьабизе* 'тратить' (*букв.* порчу делать); *шагьра рагьизе* 'проложить дорогу' (*букв.* открыть путь); *анищ гьабизе* 'мечтать' (*букв.* мечту делать) и др.

таб.: *асант апIуб* 'облегчать, упрощать' (*букв.* легким делать); *ацIу гафар апIуб* 'хвастаться' (*букв.* говорить толстые слова); *гафар апIуб* 'беседовать' (*букв.* слова заводить); *бац йивуб* 'вырывать из рук' (*букв.* лапой ударить); *гюлле йивуб* 'расстреливать' (*букв.* пулей ударить); *тюфенг йивуб* 'выстрелить' (*букв.* ружьем ударить); *гардан йивуб* 'рубить голову' (*букв.* шею бить); *гуман апIуб* 'надеяться' (*букв.* надежду делать); *дерд зигуб* 'грустить, горевать' (*букв.* печаль тянуть) и др.

агул.: *пай гъушас* ‘получить по заслугам’ (*букв.* долю получить); *банд йирхIас* ‘запрудить’ (*букв.* запруду бить); *кар ицIас* ‘осудить (кого-л. по суду)’ (*букв.* дело дать); *гафар агъдивас* ‘любопытствовать’ (*букв.* слова вытащить); *гардандиъ ъархьас* ‘быть навязанным (против желания)’ (*букв.* в шею провалиться) и др.

чеч.: *хорбаз йōхō* ‘разрезать арбуз’ (*букв.* арбуз разбить); *лāмаз э̄ца* ‘совершить омовение перед молитвой’ (*букв.* намаз принимать); *мухIар тēIō* ‘прикладывать печать’ (букв. прижимать печать) и др.

Употребление имен прилагательных в устойчивых глагольных словосочетаниях может оказывать влияние на выбор компонующего глагола. Так, в лезгинском языке в роли компонующих глаголов чаще всего выступают глаголы *авун* ‘делать’ и *хьун* ‘быть’, ‘становиться’, например:

азад авун ‘освобождать’ (*букв.* свободным делать); *багьа хьун* ‘дорожать’ (*букв.* дорогим становиться); *дерин авун* ‘углублять’ (*букв.* глубоким делать); *пашман авун* ‘огорчать’, ‘печалить’ (*букв.* грустным делать); *тади авун* ‘спешить’ (*букв.* спешным делать); *шад хьун* ‘радоваться’ (*букв.* радостным становиться); *ширин авун* ‘сластить’ (*букв.* сладким делать) и др.

Заимствование персидских фразеологических единиц

Переходя к анализу заимствованных персидских ФЕ, предварительно заметим, что под термином “заимствованная ФЕ” мы рассматриваем два основных типа заимствований:

а) полузаимствование (полукалька) – переход части компонентов иноязычного фразеологического оборота без перевода, а части – с переводом;

б) семантическое заимствование (калька) – заимствование оборота речи путем буквального перевода.

Фразеологический фонд восточнокавказских языков, как и других языков, делится на исконный и заимствованный. Исконный фонд ФЕ – это наиболее древний пласт фразеологизмов, отражающий основу слова-

ря восточнокавказских языков. Заимствованные фразеологизмы – это, как и любые другие иноязычные элементы языка, лексические проникновения в исследуемые языки из различных родственных и неродственных языков.

Сопоставление заимствованных персидских ФЕ с исконными устойчивыми словосочетаниями показывает, что количество персидских ФЕ в нахско-дагестанских языках сравнительно невелико. Заимствование персидских фразеологических единиц более ярко выражено в языках южного ареала. У народов аваро-андо-цезской группы, в частности у бежтинцев [Халидов 1998: 107], основная группа заимствований – это ФЕ из арабского и единично из грузинского языков.

Анализ заимствованных ФЕ показывает, что полных заимствований, т.е. переходов устойчивых сочетаний в язык-рецептор с соблюдением формальных (структурных) и содержательных (лексико-семантических) характеристик практически не существует. Причиной этому является различие в построении атрибутивных конструкций в контактирующих языках. В нахско-дагестанских языках, как правило, выдерживается порядок слов, при котором определение предшествует определяемому. В персидском же языке порядок слов иной – определение стоит в постпозиции к определяемому. Вследствие этого единичные заимствования номинативных ФЕ изменили порядок слов в исследуемых языках. Например:

буд. *гьевенг даста*, лезг. *гьевенг десте* 'пестик' (*букв.* ступы пестик) < перс. دسته هاونگ daste-ye hāvang 'пестик' (*букв.* ступы пестик);

лезг. *хирде пул* 'мелочь' (*букв.* мелкие деньги) < перс. پول خرد pul-e xord 'мелочь' (*букв.* мелкие деньги);

буд. *гыллу калам* 'цветная капуста' (*букв.* цветка капуста) < перс. کلم گل kalam-e gol 'цветная капуста' (*букв.* цветка капуста).

Вероятно, данные ФЕ были заимствованы через посредство азербайджанского языка, носители которого, являясь азербайджанско-персидскими билингвами, могли свободно переоформлять данные словосочетания. Ср.: аз. *həvəng dəstə* 'пест' (*букв.* ступы пест); *xırda pul* 'мелочь' (*букв.* мелкие деньги).

В отличие от фразеологических заимствований данного типа значительно чаще встречаются полузаимствования (или полукальки) персидских фразеологических оборотов.

Среди полукалек выделяются две большие группы ФЕ. Первая – группа номинативных ФЕ, состоящих главным образом из именных частей речи. Вторая (более многочисленная) – глагольные фразеологизмы, состоящие, как уже говорилось, из персидского имени и глагола заимствующего языка.

В номинативных персидских ФЕ, которые в своей массе двухкомпонентны, заимствуется лишь одна часть словосочетания, другая же часть калькируется нахско-дагестанскими языками, т.е. заменяется исконным словом. При этом калькироваться может как стержневое, так и зависимое слово. Например:

лезг., таб. *аллагьдин* <u>*бенде*</u>, цах. *аллагьин* <u>*бенде*</u> 'раб божий', 'человек' (*букв.* бога раб) < перс. بنده خدا bande-ye xodā 'раб божий', 'человек' (*букв.* бога раб);

лак. <u>*кавтар*</u>*-къари*, лезг. <u>*кафтар*</u> *къари*, буд. <u>*кафттар*</u> *къари* 'баба-яга'; 'дряхлая старуха' (*букв.* гиена-старуха) < перс. پیر کفتار pir-e kaftār 'старый хрыч', 'старая хрычовка' (*букв.* гиены старик, (старуха));

лезг., буд. <u>*ширин*</u> *мез*, таб. <u>*ширин*</u> *мелз*, цах. <u>*ширин*</u> *миз* 'говорящий приятные слова', 'сладкоречивый' (*букв.* сладкий язык) < перс. شیرین زبان širin zabān 'сладкоречивый', 'льстивый' (*букв.* сладкий язык) и др.

Полукальки персидских глагольных фразеологизмов отличаются от именных ФЕ тем, что в них калькированию подлежит строго определен-

ная часть устойчивого словосочетания – персидский глагол. Глагол в заимствованных полукальках, как правило, является буквальным переводом персидского прототипа, а именная часть заимствуется без изменений. Таким образом, значение восточнокавказской ФЕ обычно полностью совпадает со значением персидского прототипа:

перс. آزار دادن āzār dādan – лезг. *azap гун* ‘мучить *(кого-либо)*’ (*букв.* мучение давать);

перс. بکار آمدن bekār āmadan – лезг. *бакара атун* ‘пригодиться’ (*букв.* нужным приходить);

перс. آخته کردن axte kardan – лезг. *ахта авун*, таб. *ахта апIуб*, буд. *ахта суьъуь*, удин. *ахтIа-бесун* ‘выхолащивать’, ‘кастрировать’ (*букв.* выхолощенным делать);

перс گردن زدن gardan zadan – лезг. *гардан ягъун*, таб. *гардан йивуб* ‘обезглавливать’ (*букв.* шею ударять);

перс چرخ زدن čarx zadan – лезг. *чарх ягъун* ‘крутиться’, ‘вертеться’ (*букв.* колесо ударять);

перс. آزاد شدن āzād šodan – лезг. *азад хьун*, таб. *азад хьуб*, буд. *азад йихьар*, удин. *азад-баксун* ‘освобождаться’ (*букв.* свободным становиться);

перс. جان آوردن jān āvardan ‘дарить жизнь’ (*букв.* душу приносить) – лезг. *чан гъун*, таб. *жан хуб* ‘оживлять *(кого-либо)*’ (*букв.* душу приносить) и др.

Семантические заимствования (или кальки) – заимствования оборотов речи путем буквального их перевода – наглядно видны на калькировании персидских пословично-поговорочных ФЕ.

В литературе по нахско-дагестанским языкам отмечалось наличие в них пословиц и поговорок, встречающихся в других языках, в том числе и в персидском. А.Г. Гюльмагомедов, утверждая неоспоримость присутствия в лезгинском языке большого пласта ФЕ, восходящих к восточным

языкам, считает в этой связи, что нельзя в случаях схождения фразеологических единиц непременно видеть в этом факт калькирования, "ибо даже в языках, отдаленных территориально и не имевших никаких контактов, можно найти немало ФЕ, структурно и семантически тождественных. Это объясняется общими закономерностями человеческого мышления и познания окружающей действительности" [Гюльмагомедов 1978: 121].

С данным тезисом нельзя не согласиться. Вместе с тем, учитывая то огромное влияние, которое оказали персы на культуру и язык народов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, можно предположить, что определенная часть иноязычного пласта восточнокавказских ФЕ восходит к персидскому языку. Х. Короглы по этому поводу пишет: "Многие персидские пословицы и поговорки имеют параллели у народов Средней Азии и Азербайджана. Иногда они совпадают дословно. Очевидно, это следует объяснить культурно-экономическими связями, существовавшими между этими народами издревле ... Большую роль здесь играло и заимствование; конечно, в таких случаях, когда такая связь явно прослеживается" [Короглы 1973: 38].

Данную точку зрения поддерживает М.-Ш.А. Исаев, говоря о природе восточных элементов в даргинском фольклоре: "Семантика большого количества идиом, фразеологизмов, паремий, извлеченных из даргинского фольклора, генетически восходит к восточным культурам – арабской, тюркской, персидской. Даргинский язык сегодня располагает значительным количеством слов, устойчивых словосочетаний, идиом, паремий с характерной семантикой и реалиями, никогда не бытовавшими на даргинской территории, но с многочисленными аналогиями в восточной культуре" [Исаев 1991: 173-174].

Вопросы комплексного изучения заимствованного "восточного" пласта ФЕ в восточнокавказских языках заслуживают, на наш взгляд, от-

дельного исследования, поэтому мы ограничились лишь некоторыми фактами калькирования персидских пословично-поговорочных ФЕ.

Примеры персидских ФЕ взяты нами в основном из известного сборника персидских пословиц и поговорок Х. Короглы [1973], в котором приведены параллели фразеологизмов, если такие имеются, из других языков.

Все калькированные персидские ФЕ делятся на точные и неточные. К точным калькам мы относим персидские фразеологизмы, воспроизведенные в исследуемых языках без каких-либо лексико-грамматических (без учета изафета) отступлений, т.е. путем их буквального перевода. Например:

перс. گاو پیشانی سفید gāv-e pišāni-e sefid – авар. *Нодо канаб гIака*; лезг. *Пеле къашкъа авай кал*; таб. *УнтIаъ лизи къашкъа айи хюни* "Корова с белой меткой на лбу". Ср.: рус. "Как белая ворона";

перс. آنچه در دل است بزبان می‌آید ānče dar del ast bezabān miāyad – таб. *КIваъ айиб мелзниин шулу*; лезг. *РикIе авайди мецелни къведа* "Что в сердце, то и на языке" (*букв.* "То, что в сердце, и на язык придет"). Ср.: рус. "Что на уме, то и на языке";

перс. مرغ همسایه غاز می‌نماید morq-e hamcāy-e qāz minamāyad – таб. *Гъуншдин пеъ гъазси рябкъюру*; лезг. *Къуншидин верч къаз хьиз аквада*; рут. *Къуншийды кIатI ки къвазна гьувгара* "Соседская курица гусем выглядит". Ср.: рус. "В чужих руках ломоть велик";

перс. پوست شتر بار خر است pust-e šotor bār-e xar ast – лезг. *Деведин хам ламраз пар я*; таб. *Девейин гъидикь даждиз гъагъ ву* "Верблюжья шкура – груз для осла" (*о физически слабом человеке, состязающемся с сильным противником*);

перс. سگ لاید و کاروان گذرد sag lāyad va kārvān gozarad – авар. *Гьой хIапдола, караван къокъуна*; лезг. *КицI элуькьда, карван фида*; буд. *Хор*

туьхъчуьра, караван йеч1ира; таб. *Ху хъебгру – карван гъябгъюру* "Собака лает – караван проходит". Ср.: рус. "Собака лает – ветер носит";

перс. یار نیک را روز بد شناسند yār-e nik rā ruz-e bad šenāsand – авар. *ЛъикIав гьудул лъала къо ккараб мехалъ*; лезг. *Хъсан дуст пис юкъуз чир жеда*; таб. *Ужур дуст пис йигъан герек шулу* "Хорошего друга узнают в тяжелый день" (*букв.* "Хорошего друга в плохой день узнают"). Ср.: рус. "Друзья познаются в беде".

Ввиду того, что морфолого-синтаксические системы нахско-дагестанских и персидского языков в значительной степени отличаются друг от друга, большое количество калек персидских ФЕ относится к неточным. К.Э. Джамалов, исследовавший интерференцию в употреблении фразеологических единиц в русской речи двуязычных рутульцев, отмечает, что данные интерферентные случаи проявляются "и в изменении лексического состава фразеологизма, т.е. в замене одного слова другим, обычно синонимичным словом. В этом случае, как правило, билингв вставляет во фразеологическую единицу новый компонент и в результате изменяется компонентный состав фразеологизма" [Джамалов 1990: 44]. Материалы нашего исследования показывают, что изменения чаще всего обнаруживаются в передаче отдельных единиц иранского фразеологизма средствами другой структурно-семантической группы нахско-дагестанских языков. При этом определенная смысловая связь с источником сохраняется. Ср.:

перс. مار پوست بگذارد خوی نمیگذارد mār pust begozārad xuy namigozārad "Змея кожу бросит, привычку не бросит" – лезг. *Гъуьлягъди хам дегишарда хесет – ваъ*; таб. *БитIру хам ккатIабхьуру, гъиллигъ – ваъ* "Змея кожу меняет, привычку – нет"; дарг. *ЧIичIали барсбируси кам саби, тIабигIят ахIенну* "Змея меняет кожу, а не свою природу". Ср.: рус. "Привычка – вторая натура";

перс. دشمن دانا به از نادان دوست došman-e dānā beh az nādān dust "Знающий враг лучше, чем незнающий друг" – авар. *ГІантав гьудуласда-са цІодор ав тушманго лъикI*; лезг. *Акьулсуз дустунилай акьуллу душман хъсан я*; таб. *Аькьюлсуз дустmIан аькьюллу душман ужу ву*; лак. *АьхIмакьсса дуснаяр, аькьлу бусса душман хъинссар* "Чем глупый друг, умный враг лучше"; дарг. *МехIур гьалмаьгъличив духуси душман гьалав сай* "Чем глупый друг, лучше иметь умного врага". Ср.: рус. "Услужливый дурак опаснее врага";

перс. مار بد به از یار بد mār-e bad beh az yār-e bad "Плохая змея лучше, чем плохой друг" – лезг. *Пис юлдаш гъуьлягъдилай бетер жеда*; таб. *Пис дуст битIралан бетер ву* "Плохой друг змеи хуже будет";

перс. مهمان روزی خود را خود میاورد mehmān ruzi-ye xod rā miāvarad "Гость свое пропитание сам принесет" – лезг. *Мугьман вичин ризкьи гваз къведа*; таб. *Хялижв чан хураг хьади гъюру* "Гость со своим пропитанием придет"; рут. *Мигьманады ризкь джухьван виъи* "Гостя пропитание с ним идет"; цах. *Мигьманна кьисмат джука хъавайлана* "Гостя доля с ним приходит". Ср.: рус. "Принес бог гостя, дал хозяину пир";

перс. شتر را گم کرده پی افسارش میگردد šotor rā gom karde pey-e afsārаš migardad "Верблюда потерявший его уздечку ищет" – лезг. *БалкIан квахьайди кьенеррикъ къекъвезва*; таб. *Хьяйван гъудубгури фури абгуру* "Лошадь потерявший уздечку ищет"; рут. *Йиван савахыIйне, рыхьнидих-да гьаIй гьаъара* "Если лошадь своруют, то переживает за уздечку". Ср.: рус. "Снявши голову, по волосам не плачут";

перс. باد آورده را باد میبرد bād āvarde rā bād mibarad "Ветром принесенное ветер унесет" – лезг. *Гару гъана, гару тухвана*; таб. *МикIру гъабхну, микIру гъубхьну* "Ветер принес, ветер унес". Ср.: рус. "С ветру пришло, на ветер и пошло";

перс. با یک دست دو هندوانه نمیتوان برداشت bā yek dast do hendevāne namitavān bar dāšt "Одной рукой два арбуза взять невозможно" – авар. *Цо*

кодоб кIиго къарпуз кквезе бегьуларо; лезг. *Са гъиле кьве хали кьаз жедач*; таб. *Саб хилиъ кьюб хумурзаг дисуз шулдар* “В одной руке два арбуза держать невозможно”; дарг. *Ца някълизи кIел вякьья мадурцид* “Одной рукой не бери два арбуза”; лак. *Ца канища кIива къалпуз бугьан къашайссар* “Одной рукой два арбуза взять невозможно”. Ср.: рус. “За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь”;

перс. بزک نمیر بهار میاد خربزه و خیار میاد bozak namir bahār miād xarboze va xiyār miād “Не умирай, козлик: весна придет, дыни и огурцы принесет” – лезг. *Рекьимир, цIегь, гатфар къвезва*; таб. *МийибкIан, цIигь, хьадукар гъюра* “Не умирай, коза, весна идет” (*об обещаниях, которые долго не исполняются*);

перс. خرش به گل مانده است xaraš be gal mānde ast “Его осел в грязи увяз (остался)” – лезг. *Лам кьарада акIана*; таб. *Дажи батIриъ абсну* “Осел в грязи увяз”; цах. *АIмалс баттагъсехъа къиибхьы* “Осел завяз (букв. провалился) в грязи”; рут. *Йималкал паIлчикьа атIири* “Как осел в грязи увяз” (*говорят о людях, попавших в затруднительное положение*);

перс. دیر آمده است زود میخواهد برود dir āmade ast zud mixāhad beravad “Поздно придя, рано хочет уйти” – лезг. *Геж атана, фад къфизва*; таб. *Кьанди дуфну, ухди гъягъюра* “Поздно придя, рано уходит”; дарг. *ВегIла гIергъи вакIилри, вегIлара гьалав аркьулри* “Последним пришел, первым уходишь” (*говорят при проявлении поспешности*);

перс. معده جوان سنگ را آب میکند mede-e javān sang rā āb mikonad “Желудок молодого человека камень в воду растопит” – авар. *ГIолохъанчиясул ургьиб гамачIги биуна*; лезг. *Жегьилдин руфуна къванни цIрада*; таб. *Жигьилин фуниъ гъванра ебцIуру* “У молодого человека в животе и камень растает”; дарг. *Итала кайзиб къаркъара бицIур* “В его желудке и камень переварится”.

Приведенные примеры наглядно показывают достаточно активное влияние персидского языка на развитие фразеологической системы на-

хско-дагестанских языков. В нахско-дагестанские языки проникло не только большое число персидских лексических элементов, но и определенное количество устойчивых словосочетаний, калек и полукалек иранских пословично-поговорочных фразеологизмов. Все это является закономерным следствием тесных ирано-нахско-дагестанских языковых контактов, имевших место в течение длительного исторического периода.

ГЛАВА IV

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В процессе заимствования иноязычной лексики особого внимания заслуживает вопрос о преобразованиях на фонологическом уровне - одном из важнейших уровней в иерархической структуре языка.

Так как звуковые системы различных, даже близкородственных языков, никогда целиком не совпадают, отличаясь друг от друга некоторыми фонетическими особенностями, звуковая форма заимствованного слова приспосабливается к фонетической системе заимствующего языка. Происходит процесс фонетического освоения, при котором носители заимствующего языка пропускают заимствованное слово сквозь свою фонетическую систему. В процессе освоения близкие по артикуляции звуки приспосабливаются к новым фонетическим нормам, а чуждые фонетической системе звуки заменяются близкими им по артикуляции.

В данной главе раскрываются закономерности процесса фонетического освоения персидских лексических заимствований в нахско-дагестанских языках и происходящих в связи с этим в них звуковых изменений.

Различия в фонологических системах нахско-дагестанских языков и контактировавшего с ними персидского языка явились причиной разнообразных фонетических изменений, адаптирующих звуковую форму заимствованных слов к нормам языков-рецепторов. В этом отношении каждый из восточнокавказских языков имеет свою специфику по степени и характеру проницаемости. В целом же “фонемный состав иберийско-кавказских языков оказывается – после лексики, не образующей замкнутой системы – наиболее чувствительным к изменениям элементом системы языка в зонах встреч с родственными языками других групп и – тем более – языками иного строя и происхождения” [Чикобава 1967: 4-5].

В настоящей работе под фонетическим освоением мы понимаем приспособление звуковой формы слов персидского происхождения к фонетической системе нахско-дагестанских языков, вследствие чего в заимствованных лексемах звуки, противоречащие фонетическим нормам соответствующего языка, заменяются наиболее близкими звуками нахско-дагестанских языков.

Прежде чем приступить к рассмотрению фонетических изменений в заимствованной персидской лексике, следует оговорить некоторые особенности данного анализа. Как справедливо отмечает И.Ю. Алироев, "дать глубокий фонетический анализ заимствованной восточной лексики мы затрудняемся из-за того, что многие арабизмы и иранизмы заимствованы через тюркские языки и, наоборот, отдельные тюркизмы – через арабский и персидский языки, часть которых уже успела получить другую фонетическую окраску под влиянием фонетических законов заимствующих языков. В настоящее время мы можем говорить о фонетико-морфологическом и семантическом изменении восточной лексики в вайнахских языках, исходя лишь из сопоставления современных арабских, персидских, тюркских (кумыкских) слов с современными чеченским и ингушским языками" [Алироев 1978: 208]. Данное положение, несомненно, следует отнести и к другим восточнокавказским языкам.

При изучении закономерностей фонетического освоения персидских заимствований в нахско-дагестанских языках существенное значение имеет и выяснение вопроса о путях проникновения заимствованной лексики. Как известно, в прошлом с персидским языком контактировали не только нахско-дагестанские языки, но и сопредельные и активно контактирующие с ними азербайджанский, кумыкский и грузинский. Поэтому в лексический фонд нахско-дагестанских языков могли проникнуть и персидские заимствования, прошедшие через почву языков-посредников.

На важность учения закономерностей фонетического освоения заимствованной лексики в языках-посредниках указывает и М.Ш. Халилов:

“Установить, какие арабские, иранские, русские и тюркские элементы были заимствованы через грузинский язык (разграничение прямых заимствований от опосредованных), а также отделить цахурские грузинизмы от среднеперсидского и армянского материала не всегда легко. Как нам кажется, наиболее надежным критерием в этом плане может служить фонетический облик этих слов, который в грузинском подвергается специфической адаптации” [Халилов 1993: 20].

Учитывая вышеизложенные факторы, остановимся далее на конкретных фонетических изменениях в заимствованных словах.

Освоение в области вокализма

Предваряя анализ фонетических изменений в области гласных, следует отметить характерную черту нахско-дагестанских языков – умеренное развитие вокализма и сложность консонантизма. Основных гласных звуков пять – *а*, *е(э)*, *и*, *о*, *у* (гласный *о* представлен не во всех языках). Система гласных отдельных нахско-дагестанских языков может быть усложнена назализованными, умлаутизованными и фарингализованными гласными, имеющими, в свою очередь, оппозиции: фарингализованность – нефарингализованность, назализованность – неназализованность, палатализованность – непалатализованность, долгота – краткость.

В иранистике же до сих пор нет единого мнения о составе персидских гласных и их качественно-количественных характеристиках. Однако новейшие исследования в области персидской фонетики с применением современной звукозаписывающей и звукоанализирующей аппаратуры позволили по-новому представить артикуляционную классификацию гласных персидского языка, согласно которой в системе персидского вокализма имеются шесть гласных фонем: ***ā***, ***a***, ***e***, ***i***, ***u***, ***o*** и два дифтонга: ***ey***, ***ow***. Качественная характеристика персидских гласных основывается на следующих признаках: ряд передний (***i***, ***e***), средний (***a***), задний (***ā***, ***u***, ***o***). В пределах каждого ряда наблюдаются две степени подъема языка: верхний (***i***, ***u***, ***e***), при этом ***i***, ***u*** являются более верхними по отношению к ***e*** и

средний (***a***, ***ā***, ***o***). Таким образом, гласные ***ā*** и ***a*** являются более приподнятыми вверх по степени подъема языка, чем это было принято считать ранее [Поляков 1988: 46]. По участию губ гласные подразделяются на лабиализованные (***u***, ***o***, ***ā***) и нелабиализованные (***i***, ***e***, ***a***).

Кроме того, исследователи, основываясь на последних экспериментальных исследованиях, склонны считать, что деление гласных по количественным признакам, проводившееся в грамматиках персидского языка, не имеет смыслоразличительного значения (за исключением языка персидской поэзии) и долгота гласных нефонологична [Рубинчик 2001: 19]. Учитывая это, можно констатировать, что по артикуляционно-акустическим характеристикам гласные персидского языка (если не принимать во внимание комбинаторных изменений) имеют следующие соответствия в нахско-дагестанских языках: ***e*** = *э*, ***i*** = *и*, ***u*** = *у*, ***o*** = *о*.

Персидский гласный заднего ряда среднего подъема ***ā*** по своей артикуляции не полностью соответствует звуку *а* в нахско-дагестанских языках. Основными отличительными признаками персидского гласного является его лабиализованность и более высокая степень подъема языка. Сопоставляемый ему звук нахско-дагестанских языков *а* является нелабиализованным с более низкой степенью подъема языка. Учитывая данную особенность этих звуков, пару гласных ***ā*** – *а* мы можем отнести лишь к приблизительным соответствиям.

То же самое следует сказать и в отношении персидского гласного ***a*** и нахско-дагестанского *аь*. Здесь основными отличительными признаками являются место и степень подъема языка. Персидский звук ***a*** нелабиализованный, среднего ряда, среднего подъема. Звук *аь* в нахско-дагестанских языках имеет одинаковые нижнерядную степень подъема и переднерядное место образования. Следовательно, и эти звуки можно считать приблизительно соответствующими друг другу.

По справедливому утверждению Н.С. Джидалаева "Принцип установления звукосоответствий между контактирующими (контактиров-

шими) языками в наиболее общем виде заключается в прослеживании определенной последовательности соответствий звуков между лексическими заимствованиями и их эквивалентами в источнике заимствования" [Джидалаев 1972: 14].

Систему соответствий гласных персидского и нахско-дагестанских языков (без учета диалектов) можно представить следующей таблицей.

перс. гласные	авар.	ахв.	кар.	тинд.	чам.	багв.	ботл.	год.	анд.	бежт.	цез.	хвар.	гин.	гунз.	дарг.	лак.	лезг.	таб.	агул.	рут.	цах.	хин.	крыз.	буд.	удин.	арч.	чеч.	инг.	бац.	соответствия в нахско-дагестанских языках
ā	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	*а*
a	×	×	×	×	×	×	×	×	×	≈	≈	×	×	×	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	≈	*аь*
e	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	*е(э)*
i	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	*и*
u	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	*у*
o	=	=	=	=	=	=	=	×	=	=	=	=	=	=	×	×	×	×	×	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	*о*

Примечания к таблице:

знаком = обозначено наличие полностью соответствующего звука;

знаком ≈ обозначено наличие приблизительного соответствия в данном языке;

знак × обозначает отсутствие в языке соответствующего персидского звука.

Характеризуя изменения в заимствованных словах в области вокализма, следует, прежде всего, отметить такие устойчивые фонетические явления как: субституцию (чередование гласных в корне слова), синкопу (выпадение инлаутного звука), апокопу (усечение ауслаутных гласных), эпитезу (наращение в конце слова дополнительного звука), эпентезу (возникновение в слове дополнительного неэтимологического гласного звука), вставку гласных в инлаутных и анлаутных консонантных комплексах, ассимиляцию, диссимиляцию, умлаутизацию, сингармонизм, назализацию.

Ниже приводятся примеры чередований персидских гласных звуков в нахско-дагестанских языках:

1. Гласный *ā* – звук заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

Как уже отмечалось, соответствующий гласный в нахско-дагестанских языках по своим качественным и количественным характеристикам не полностью совпадает с персидским звуком. Сохраняя в большинстве нахско-дагестанских языков заднерядный характер образования, персидский гласный утрачивает огубленность и приобретает более низкую степень подъема языка, ср.:

а) перс. ā → нах.-даг. а:

перс. ناگاه nāgāh > авар., кар., беж., гунз., дарг., лезг., таб. *нагагь*, тинд. *нагагьи*, цез. *нагахI*, чам. *нагегь*, чеч. *нагахь* ‘если, ежели’;

перс. آوار āvār > авар., дарг., лак., кар., тинд., чам., бежт., цез. *авара* ‘препятствие, хлопоты, смута’;

перс. آخته āxte > авар., кар., тинд., чам., бежт., дарг., лезг., таб., агул., буд. *ахта*, лак., удин. *ахтта* ‘мерин, кастрат, кляча’;

перс. چارطاق čārtāq > чеч. *чардакх*, бежт., гунз., лезг., агул., цах., буд. *чардах*, цез. *чардахIи*, лак., таб. *чардагъ* ‘чердак; крыша’;

перс. آلوچه āluče > дарг., таб. *алича*, лак. *алча*, буд. *алче*, лезг. *алуча* ‘алыча’;

перс. آشپز āšpaz > авар., кар. *ашбаз* ‘харчевня’, лезг., буд. *ашпаз*, таб. *ашбаз*, удин. *ашппаз* ‘повар’;

перс. دارایی dārāyi > авар., бежт., гунз., кар., цез., дарг., лак. *дарай*, тинд., чам. *дарē* ‘шелковая материя’;

перс. آزاد āzād > дарг. *азадси*, лак. *азатсса*, лезг., таб., цах., буд., удин. *азад* ‘свободный’.

б) перс. ā → нах.-даг. аь(я):

перс. آسیب āsib > лак. *аьсивсса* ‘беспросветный, печальный’;

перс. چادر čādor > инг. *чаьтар*, дарг., лак. *чятир* ‘шатер’;

перс. بدراه badrāh > лезг., таб. *бедрягь*, буд. *бадраьхI* ‘разнузданный’;

перс. آشکار āškār > удин. *аьшкаьр* 'явный';

перс. آفرین āfarin > удин. *аьфаьрим* 'хвала; молодец';

перс. بیزار bizār > удин. *безаьр* 'усталый, утомленный';

перс. گامیش gāmiš > хвар. *гаьмуьш* 'буйвол';

перс. بیکار bikār > агул. *пекаьрф*, буд. *бикаьр* 'безработный';

перс. آزار āzār > таб. *аьзар* 'болезнь'.

Замещение персидского ***ā*** другими гласными – явление в нахско-дагестанских языках относительно редкое, зависящее от различных комбинаторных явлений. Так, губной характер этимологического долгого гласного ***ā*** является, по-видимому, причиной того, что в некоторых аваро-андо-цезских и лезгинских языках, где имеется в наличии близкий по месту и способу образования губной гласный *о*, он может заменяться данным гласным, например:

в) перс. ***ā*** *→ нах.-даг. о:*

перс. اژدها ajdahā > авар., год., кар. *аздагьо* 'дракон';

перс. گامیش gāmiš > буд. *гомуш*, хин., крыз. *гомиш*, цах. *джомыш* 'буйвол'.

В позиции перед сонорными звук ***ā*** может замещаться губным гласным *у*, например:

г) перс. ***ā*** *→ нах.-даг. у:*

перс. آزار āzār > багв. *гІузур*, чам. *гІузуру*, авар., тинд., цез. *гІузру* 'боль, болезнь';

перс. خوانچه xānče > лак. *ххунча* 'большое дерев. корыто', лезг., таб., буд. *хунча* 'поднос с яствами';

перс. هزار hazār > лезг., таб., агул. *агъзур* 'тысяча'.

Интересно отметить, что переход ***ā*** в *у* наблюдается в позиции перед сонорными *н*, *м* и в разговорной речи персидского языка [Рубинчик 1970: 795].

д) перс. ā → нах.-даг. оь:

перс. چارگاو čārgāv > удин. *чаьргоьв* 'первая пара упряжки из четырех волов';

перс. گامیش gāmiš > удин. *гоьмиш* 'буйвол'.

2. Гласный *а* – звук среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.

Как уже отмечалось выше, данный персидский гласный имеет лишь приблизительное соответствие в нахско-дагестанских (дарг., лак., лезг., таб., рут., цах., хин., крыз., буд., удин., арч., бежт., цез.) языках. Сохраняя свою нелабиализованность, звук *а* в заимствованных словах приобрел большую открытость, ср.:

а) перс. а → нах.-даг. аь(я):

перс. دف daf > агул. *даьфт*, цах., хин. *даьф*, удин. *даьп* 'бубен';

перс. دله dale > буд., крыз., хин., удин. *даьлаь* 'куница';

перс. چپر čapar > цах. *чаьпар*, удин. *чаьпаьр* 'ограда, забор';

перс. چارک čārak > буд. *чаьраьк*, удин. *чаьраькъ* 'мера длины';

перс. چرخه čarxe > цах., крыз. *джаьгьра*, удин. *джаьгьраь* 'прялка';

перс. درد dard > цах., крыз., удин. *даьрд* 'печаль, забота';

перс. کله kalle > агул. *каьлла*, рут., крыз. *каьллаь* 'голова, череп';

перс. سنگر sangar > чеч. *саьнгар* 'канава, ров'.

Из других примеров замещений персидского гласного *а* в нахско-дагестанских языках следует отметить следующие:

б) перс. а → нах.-даг. а:

перс. بها bahā > авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак. *багьа* 'цена, стоимость', лезг., таб., агул., буд. *багьа* 'дорогой';

перс. بهانه bahāne > лезг., таб., цах., буд. *багьна*, авар., дарг., лак., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез. *багьана* 'предлог, повод';

перс. چرخ čarx > чеч., инг., авар., бежт., гунз., тинд., лак., лезг., таб., буд., рут., цах., арч. *чарх*, дарг. *чар* ‘колесо, точило’;

перс. بخت baxt > лак., лезг., таб., агул., рут., цах., буд. *бахт*, удин. *вахтт* ‘счастье’; бежт. *бах* ‘везение’;

перс. بلکه balke > авар., бежт., цез., лак. *балики* ‘может быть’;

перс. برابر barābar > лак. *баранбал* ‘один на один’; лезг., таб., цах. *барабар*, буд. *барамбар* ‘равный’;

перс. چل čal > авар., хвар., кар., тинд. *чали*, чам. *чал* ‘загон’; удин. *чал* ‘ограда, забор’;

перс. برف barf > лезг., агул. *марф*, рут., буд. *маф* ‘дождь’.

*в) перс. **а** → нах.-даг. у:*

перс. فرمان farmān > чеч. *пурба*, инг. *пурам*, авар., бежт., чам., кар., лак. *пурман*, цез. *пурма* ‘дозволение, приказ’, лезг., таб. *фарман*, буд. *ферман* ‘указ’;

перс. پهلوان pahlavān > авар., бежт., гунз. *палугьан*, тинд. *палухан* ‘канатоходец’, рут. *палуван*, удин. *пейлуван* ‘борец, силач’;

перс. جانور jānvar > лезг., агул. *жанавур* ‘волк’;

перс. کلنگ kolang > лак. *кулунг*, арч. *пулунги* ‘кирка’;

перс. زنجیر zanjir > лезг., таб. *зунжур* ‘цепь’;

перс. سبک sabok > цах. *субук* ‘легкий’;

перс. شرک šarak > рут., крыз. *шурук* ‘цыпленок’.

*г) перс. **а** → нах.-даг. уь(ю):*

перс. بلور ballūr > лак. *пюрун* ‘стекло’; лезг. *буьлуьл*, таб. *бюлил* ‘хрусталь’;

перс. گرزه garze > лак. *гюрза*, лезг. *гуьрзе*, таб. *гюрзе*, удин. *гуьрзаь* ‘гюрза’;

перс. پرچ parč > лезг. *пуьрчуькь (авун)* ‘расплющивать’;

перс. قزآغند qazāqand > лезг. *хъуьццуьган//къуьццуьген* 'подушка';

перс. بنده bande > лезг. *буьндуьгуьр*, таб. *бендегюр* 'некультурный';

перс. فنجان fanjān > рут. *хьуьджан* 'чашка'.

д) перс. ***а*** *→ нах.-даг. е:*

Представленный звукопереход встречается, как правило, в языках южного ареала и происходит благодаря действию закона сингармонизма, вследствие чего произошло выравнивание гласных звуков по ряду образования, ср.:

перс. دردی dardi > лезг., таб., буд. *дерди* 'забота';

перс. آفرین āfarin > лезг., таб., буд. *аферин* 'хвала';

перс. بهله bahle > лезг. *бегьле*, таб. *бегьли* 'перчатка';

перс. دهلیز dahliz > лезг., таб. *дегьлиз* 'коридор';

перс. درون darun > лезг., таб., буд. *дерин* 'глубокий';

перс. چارک čārak > лезг. *черек* 'мера длины';

перс. چرخه čarxe > лезг. *жегьре* 'прялка';

перс. کله kalle > лезг., таб. *келле* 'голова, череп';

перс. سنگر sangar > лезг., таб. *сенгер* 'укрепление, вал';

перс. آبگردان ābgardān > лезг. *абугерден*, таб. *абугердан* 'половник';

перс. ازبر azbar > лезг. *эзберун* 'учить наизусть'; таб. *эзбер* 'заучивание наизусть'; буд. *эзбер* 'повторение'.

е) перс. ***а*** *→ нах.-даг. и:*

Данный звукопереход также встречается главным образом в южнодагестанских языках, например:

перс. انجیر anjir > дарг., лак. *инжир*, лезг., таб. *инжил*, буд. *инджил* 'инжир';

перс. دنگ dang > лезг., таб., удин. *динг* 'крупорушка';

перс. کمی kami > лезг., таб. *кими* 'недостающий, глупый';

перс. گل gal > таб., буд. *кил* ‘глина’;

перс. جوان javān > лезг., таб. *живан* ‘молодой, юноша’;

перс. گمان gamān > лезг. *гиман* ‘подозрение; предположение’;

перс. کفشیر kafšir > лезг., таб. *кишпир* ‘бронза’.

3. Гласный *е* – звук переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный. В артикуляционно-акустическом отношении почти полностью совпадает с нахско-дагестанским гласным *е*. Слова с звукосоответствием *е* – *е* встречаются, как правило, в языках южного ареала, ср.:

а) перс. е → нах.-даг. е:

перс. بهم beham > лезг., таб. *бегьем* ‘достаточный, довольно большой’;

перс. چلیک čelik > лезг., таб. *челег*, буд. *челлег* ‘бочка, кадка’;

перс. چشمه češme > лезг., таб. *чешме* ‘источник, родник’, буд. *чешне* ‘образец, пример’;

перс. زله zelle > лезг., таб. *зегьле* ‘душа’;

перс. بنده bande > лезг., таб., цах. *бенде* ‘раб; слуга’;

перс. باره bāre > лезг., агул., рут., таб. *бере* ‘проход в заборе’;

перс. چانه čāne > лезг., таб., цах., буд. *чене* ‘челюсть’;

перс. دهره dahre > лезг., таб. *дегьре* ‘секач’.

Если говорить о замещении персидского *е* другими звуками, то чаще всего это происходило посредством гласной фонемы *и*.

б) перс. е → нах.-даг. и:

перс. جگر jegar > авар., бежт., цез. *жигар*, чам., тинд. *джигар* ‘энергия’; кар. *джигароб* ‘энергичный’; лак. *жигар* ‘потроха’; лезг., таб. *жигер* ‘легкое’;

перс. کشمش kešmeš > авар., гунз., тинд., цез., лак., лезг., таб., буд., цах. *кишмиш* ‘кишмиш’;

перс. چنار čenār > авар. *чинари* ‘чинара’; год. *чинари* ‘фундук’; дарг., лак., таб., агул., буд., крыз., рут., удин., цах. *чинар* ‘чинара’; лезг. *чинар* ‘пирамидальный тополь’;

перс. چراغ čerāq > авар., бежт., кар., тинд., чам., лак. *чирахъ*, год. *чирахъи*, гунз. *чирах*, цез. *чирахI*, дарг., лезг., буд., таб. *чирагъ* ‘лампа, светильник’;

перс. بادمجان bādemjān > авар. *бадиржан* ‘баклажан’; бежт., цез. *бадрижан*, гунз. *бардижан* ‘помидор’;

перс. بدو bedav > дарг., лак. *бидав* ‘конь’;

перс. برنج berenj > авар. *пиринчI*, дарг. *биринж*, лак. *ппиринж*, бежт., гунз. *биринжи*, цах. *биринз*, удин. *бириндз* ‘рис’;

перс. دنج denj > лак. *динж (хьун)*, лезг. *динж (авун)* ‘устраиваться на отдых’; таб. *динж* ‘устроенный, спокойный’;

перс. به beh > авар. *мигь*, лак., крыз. *бигь* ‘айва’.

Значительно реже в процессе заимствования персидский звук ***е*** реализуется в нахско-дагестанском заднерядном гласном нижнего подъема *а*:

*в) перс. **е** → нах.-даг. а:*

перс. شیشه šiše > авар., тинд., чам., год., анд., цез., дарг., чеч. *шиша*, инг., лак. *шуша* ‘бутылка, пузырек’;

перс. حیله‌گر hilegar > лак. *хIиллакар* ‘хитрец’; лезг. *гьиллакар* ‘лодырь’;

перс. گوربگور gurbegur > лезг., таб. *гурбагур* ‘проклятие’;

перс. بهبود behbud > лезг., таб. *байбут* ‘финский нож’;

перс. بکار bekār > лезг. *бакара*, таб. *бакар* ‘нужный, необходимый’;

перс. امادگی āmādegi > лезг. *амадаг* ‘супряжник; приятель’;

перс. بادمجان bādemjān > лезг., таб. *бадамжан* ‘баклажан’;

перс. سینه بند cineband > таб. *синабенд* ‘нагрудник для лошади’;

перс. گلابتون golābetun > лезг. *гилебатун* ‘позолоченные шелковые нити’.

Замещение персидского гласного ***e*** восточнокавказским ***у*** наблюдается только в единичных случаях:

г) перс. ***e*** *→ нах.-даг.* ***у****:*

перс. پلاو pelāv > авар., бежт., кар., тинд., цез., дарг., лак. *пулав* ‘плов’;

перс. شاگرد šāgerd > лак. *чагурт*, лезг. *шакIурт*, таб. *шагурд* ‘подмастерье’;

перс. برنج berenj > лезг. *пурунз*, агул. *бурунз* ‘рис’;

перс. سبيل sebil > дарг. *супел*, таб. *сумпал*, агул. *суппал//суппел* ‘ус’;

перс. بادمجان bādemjān > лак. *бадуржан*, цах., буд. *бадуржан* ‘баклажан.

4. Гласный ***i***.

Данный звук в персидском языке характеризуется как гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный и по своим качественно-количественным характеристикам соответствует нахско-дагестанскому гласному ***и***, ср.:

а) перс. ***i*** *→ нах.-даг.* ***и****:*

перс. بيگار bigār > лак. *бигар* ‘поручение’, лезг. *бигер* ‘барщина’, буд., таб. *бигар* ‘повинность’;

перс. چركين čerkin > авар. *чиркинаб*, лезг., таб., буд. *чиркин* ‘грязный’;

перс. بيزار bizār > авар., бежт. *бизараб*, цез. *бизарав*, лак. *бизарсса*, таб. *бизар* ‘скучный, утомлённый’;

перс. دارچين dārčin > авар., дарг., лак., лезг., буд., таб., удин. *дарчин* ‘корица’;

перс. بابى bābi > лак. *баби* ‘скандалист’; лезг. *баби* ‘бабид’;

перс. بخشیش baxšiš > лак. *бахшиш* ‘подарок’;

перс. بیستی bisti > лезг. *бистIи* ‘грош’;

перс. سینه بند cineband > лак. *синабанд*, лезг. *синебенд*, таб. *синабенд* ‘нагрудник для лошади’;

перс. چینی čini > авар., кар., дарг., лак., лезг., таб., буд. *чини* ‘фарфор’, тинд., чам. *чини* ‘эмаль’.

*б) перс. **i** → нах.-даг. е:*

Данный звукопереход отмечен нами в языках южного ареала и, как правило, встречается в сочетании с последующим щелевым спирантом *й*, например:

перс. بی آبرو biābru > буд. *бейабур* ‘позор’, удин. *бейгьабур* ‘бесстыдный’, лезг. *беябурун*, таб. *беябур (апIуб)* ‘позорить’;

перс. بیچاره bičāre > лезг., таб. *бейчара* ‘бедняга; несчастный’;

перс. بیهوش bihuš > буд., лезг. *бейгьуш* ‘усыпляющее средство’, таб. *бегьюш* ‘опиум’;

перс. بیکار bikār > лезг. *бейкар* ‘бездельный, несчастный’; агул. *пекаьрф* ‘безработный’;

перс. بی نوا binavā > лезг. *бейниван*, таб. *бейнава* ‘бедняга’;

перс. میوه mive > лезг., таб., цах. *мейва*, крыз., удин. *мейваь*, буд. *мейве* ‘фрукт, плод’ и др.

Другими гласными звуками персидский ***i*** замещается крайне редко:

*в) перс. **i** → нах.-даг. у:*

перс. زنجیر zanjir > лезг., таб. *зунжур* ‘цепь’;

перс. امید omid > дарг. *умут*, лак., лезг, агул., цах., таб., удин. *умуд* ‘надежда’;

перс. شیشه šiše > гунз. *шуша* ‘ламповое стекло’; лак. *шуша* ‘бутылка, пузырек’; крыз. *шушаь* ‘стекло’.

г) перс. ***i*** *→ нах.-даг. уь:*

перс. فیروزه firuze > удин. *пуьруьз* 'бирюза';

перс. شیشه šiše > лезг., таб., буд. *шуьше*, агул., крыз., цах. *шуьшаь* 'стекло, бутылка'.

д) перс. ***i*** *→ нах.-даг. а:*

перс. بیابان biyābān > лезг., таб. *баябан* 'безлюдный, пустынный';

перс. سبیل sebil > таб. *сумпал*, агул. *суппал* 'ус'.

5. Гласный ***и***.

Персидский гласный ***и*** заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный осваивался в нахско-дагестанских языках следующим образом:

а) перс. ***и*** *→ нах.-даг. у:*

Данное полное звукосоответствие является регулярным и встречается во всех нахско-дагестанских языках, ср.:

перс. دارو dāru > авар., бежт., год., гунз., кар., тинд., цез., чам., лак. *дару* 'лекарство';

перс. دولاغ dulāq > авар. *дулагъал*, гунз., лезг. *дулах*, лак. *дулагъ*, таб. *дулакъ*, буд. *дулакъг* 'портянки';

перс. کور kur > лак., лезг., таб., буд. *кур* 'слепой';

перс. شاه بلوط šāhbalut > авар. *шагьбулут*, цез. *шабалут*, лак. *шагъбалут*, таб. *шабалут*, буд. *шабалутI*, удин. *шавалутт* 'каштан';

перс. چوپان čupān > лезг., таб. *чубан*, лак. *чупан* 'пастух, чабан';

перс. آبرو ābru > буд., лезг., таб. *абу́р*; лак. *авур*; удин. *гьабур* 'достоинство, приличие';

перс. آه و زار āhuzār > лезг., буд., таб. *агьузар* 'стенание';

перс. آخوند āxund > лезг., буд., таб. *ахун* 'ахунд, мулла'.

б) перс. ***и*** *→ нах.-даг. уь:*

В отдельных языках персидский гласный ***и*** может подвергнуться умлаутизации. Умлаутизация персидского ***и*** в результате регрессивной

ассимиляции обусловлена в нижеследующих словах уподоблением гласных по ряду образования:

перс. کوچه kuče > лезг., буд., таб. *куьче*, цах. *кучаь* ‘улица’;

перс. لوله lule > чеч. *луьлла* ‘трубка для курения’; лезг., буд., таб. *луьле*, агул. *луьл* ‘ствол ружья’.

в) перс. ***u*** *→ нах.-даг. о:*

Данный звукопереход является нерегулярным и встречается лишь в отдельных нахско-дагестанских языках, ср.:

перс. دوست dust > цах. *дост*, удин. *достт* ‘друг’;

перс. جونه‌گاو junegāv > цах. *джонга* ‘бык, бычок’;

перс. تور tur > бежт., цез., цах., удин. *тор* ‘сетка’;

перс. چوپان čupān > цах. *чобан* ‘пастух, чабан’.

То же самое можно отметить и в отношении субституции персидского гласного ***u*** нахско-дагестанским звуком *оь*:

г) перс. ***u*** *→ нах.-даг. оь:*

перс. جومرد jumard > буд. *джоьмерд* ‘щедрый’;

перс. کوته kutah > удин. *гоьдаьг* ‘короткий’.

д) перс. ***u*** *→ нах.-даг. и:*

Переход персидского ***u*** в нахско-дагестанский *и* носит нерегулярный характер и встречается в языках южного ареала, ср.:

перс. آلوچه āluče > дарг., таб. *алича* ‘алыча’;

перс. زالو zālu > лезг., таб. *зили*, крыз., удин. *заьли* ‘пиявка’;

перс. درون darun > лезг., буд., таб. *дерин* ‘глубокий’;

Также можно отметить два единичных случая замещения персидского ***u*** гласными *а* и *ы*:

перс. گروه goruh > цах. *гуррагь* ‘группа’;

перс. پوز puz > рут., цах. *пIыз* ‘губа’; крыз. *пыз* ‘морда’.

6. Гласный ***о***.

Персидский гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный ***о*** в нахско-дагестанских языках имеет рефлексы: *о*, *у*, *уь*.

а) перс. ***о*** *→ нах.-даг. о:*

Данное соответствие является нерегулярным и встречается лишь в отдельных словах. Чаще всего персидский гласный *о* в нахско-дагестанских языках трансформируется в лабиализованные *у* и *уь*, о чем см. ниже.

перс. خرما xormā > тинд. *х̄орма* 'хурма';

перс. خروس horus > буд., хин. *хоруз* 'петух';

перс. کروه koruh > цах. *къорух* 'сенокос, луг';

перс. مهر mohr > буд. *могьур* 'печать';

перс. نخود noxod > буд. *нохут* 'горох'.

б) перс. ***о*** *→ нах.-даг. у:*

Несмотря на то, что звук *о* присутствует в большинстве нахско-дагестанских языков (исключение составляют дарг., лак, лезг., таб., агул. и год. языки), в процессе заимствования он, как правило, замещается лабиализованным *у*. Наличие в аварских языках *у* вместо ожидаемого *о* можно объяснить тем, что в аварские языки соответствующие слова попадали через посредство других языков уже в субституированной форме. В свою очередь в южнолезгинские языки такие слова могли попасть через азербайджанский язык-посредник. Ср.:

перс. درست dorost > авар., тинд., чам. *дурусаб* 'точный, правильный', дарг. *дурусли*, лак. *дурус* 'точно';

перс. دشمن došmān > авар., бежт., кар., тинд., цез. *тушман*, дарг., лак., лезг., таб., агул., буд., цах. *душман*, год. *тушма*, гунз. *тушбан* 'враг';

перс. دستاق dostāq > авар., год., кар., чам. *туснахъ*, гунз. *дуснагъ*, бежт. *тIуснахъ*, тинд. *туснахъи*, цез., дарг. *туснакъ*, лак. *дуснак*, лезг., таб., буд., цах. *дустагъ* 'тюрьма';

перс. گنه gonah > авар., бежт., ботл., кар. *мунагь*, год., тинд. *мунагьи*, цез. *мунахI*, чам. *мунегь*, дарг., лак. *бунагь*, лезг., таб., рут., цах. *гунагь* 'грех';

перс. هنر honar > авар., бежт., кар., тинд., чам., год., гунз., цез., дарг., лак., лезг., таб. *гьунар*, цах. *гьунер*, буд. *хIунар* 'доблесть; способность; ловкость; умение';

перс. کنگر kongor > лезг. *кангур* 'носик (*кувшина*)';

перс. کرته korte > лезг., агул. *кIурт* 'шуба';

перс. کروه koruh > лак. *къурухъу*, лезг. *къурух* 'участок, на котором запрещена потрава, рубка';

перс. مهر mohr > чеч. *мухIар*, авар., гунз., лак. *мугьру*, дарг., таб., цах., чам. *мугьур* 'печать'.

в) перс. о → нах.-даг. уь:

В языках лезгинской группы в позиции после согласных *г*, *к*, *х* наблюдается умлаутизация персидского звука *о* и переход его в гласный переднего ряда верхнего подъема *уь*:

перс. گنبد gombad > лезг., таб. *гуьмбет*, рут. *гуьмбаьз* 'гробница, надгробный камень';

перс. گرز gorz > лезг., таб. *гуьрз*, агул. *ккуьрз* 'булава';

перс. کهنه kohne > лезг., таб., агул. *куьгьне*, рут. *куьгьнед* 'старый';

перс. کرن koran > лезг., таб., цах. *куьрен* 'рыжий, буланый';

перс. خوراک xorāk > лезг. *хуьрек*' горячая пища, еда';

перс. گل gol > лезг., таб. *гуьл* 'цветок';

перс. گلچمن golčaman > лезг. *гуьлчимен* 'цветущее поле';

перс. هنر honar > чеч. *хьуьнар* 'энергия; доблесть'; удин. *гьуьнаьр* 'отвага, смелость';

перс. جفت joft > лезг. *жуьт*, буд. *джуьфт* 'парный; пара';

перс. كنج konj > лезг. *куьнж* ‘полочка, пристроенная в углу’;

перс. مفت moft > лезг. *муьфте* ‘даром, бесплатно’.

г) перс. ***о*** *→ нах.-даг. оь:*

Умлаутизация персидского ***о*** встречается лишь в цахурском языке в слове *гоьрз* ‘булава’ < перс. گرز gorz.

д) перс. ***о*** *→ нах.-даг. а:*

перс. باستان bostān > авар., год., кар., чам., дарг. *пастIан* ‘дыня’;

перс. بخاری boxāri > рут. *бахыйер* ‘камин’.

е) перс. ***о*** *→ нах.-даг. и:*

перс. čādor چادر > дарг., лак. *чятир*, год. *чатир*, авар., бежт., кар., чам. *чадир*, тинд. *чайир* ‘шатер; шалаш’;

перс. مردم آزار mardomāzār > лак. *мардимазан(шиву)* ‘беспорядок’; лезг., таб., буд. *мердимазар* ‘вредный’;

перс. چغندر čoqondar > лак., агул. *чIикIунтIа* ‘свекла’;

перс. کندرو kondoru > лезг. *кендирагъ*, таб. *кендир* ‘жвачка’.

7. Как уже отмечалось выше, в персидском языке кроме рассмотренных монофтонгов имеются два дифтонга ***ey*** и ***ow***. Ю.А. Рубинчик отмечает, что “вторые элементы персидских дифтонгов фактически не являются гласными и выступают как ослабленные, ненапряженные аналоги устойчивых гласных ***i*** и ***u***, вследствие чего их можно квалифицировать как полугласные” [Рубинчик 2001: 22].

Нахско-дагестанские языки заимствовали всего пять слов с дифтонгом ***ey***. Причем в некоторых случаях наблюдается переход гласного компонента в звук *а*, ср.:

перс. ایوان eyvān > лезг., таб., буд., цах. *айван* ‘балкон, веранда’;

перс. پیغمبر peyqambar > лак. *пайханмар*, лезг., таб., агул., рут., буд., цах. *пайгъамбар* ‘пророк’, но буд. *пийгъембер* (ср. аз. *peyğəmbər* ‘пророк’);

перс. پیوند peyvand > буд. *пейвенд (къуротIу)* ‘прививать к дереву’;

перс. خیلی xeyli > лезг. *хейлин*, таб. *хайлин* ‘значительный’.

Дифтонг ***ow*** встречается в заимствованных словах в инлауте и в ауслауте. В нахско-дагестанских языках данный дифтонг, как правило, передается сочетаниями *ав*, *ев*, *ов*, например:

перс. گرو gerow > лак. *гилав*, лезг., таб., агул., цах. *гирав* ‘залог’;

перс. سوداگر sowdāgar > лак. *савдажар*, лезг., агул., рут. *савдагар*, таб. *севдигар*, буд. *совдагар*, чеч. *совдегар* ‘торговец’;

перс. شنو šenow > лезг., таб. *сирнав* ‘плавание’;

перс. نوروز nowruz > лезг., буд., таб. *навруз* ‘первый день Нового года – 21 марта’;

перс. نوبهار nowbahār > лезг. *навбагьар* ‘первый сбор урожая’;

перс. گوهر gowhar > лезг., таб. *гевгьер*, цах. *гавгьар* ‘жемчуг’, но авар. *гугьар* ‘прелесть’.

Персидскому сочетанию двух гласных ***a*** и ***i*** в слове آئینه āine ‘зеркало’ в нахско-дагестанских языках соответствует группа *ай*, например: лезг. *айнаяр*; цах. *айне* ‘стекло’; буд. *гIайна* ‘зеркало’; *айна* ‘оконное стекло’.

8. Назализация.

Одним из специфических свойств многих лезгинских языков является назализация гласных, то есть приобретение гласными в позиции перед *н* носового тембра. Данное явление происходит вследствие того, что “носовой *н* во всех позициях, кроме начала слова и интервокального положения, ослабляется до его выпадения, но исчезает не бесследно, а оставляет носовой оттенок в предыдущем гласном звуке. Эта фонетическая закономерность действует строго закономерно, подчиняя себе и заимствованные слова” [Талибов 1966: 543], например:

перс. درمان darmān > лезг. *дарма*ⁿ, удин. *даьрмаь*ⁿ ‘лекарство’;

перс. دارچین dārčin > лезг., удин. *дарчи*^{н} ‘корица’;

перс. گردن gardan > лезг., хин. *гарда*^{н}, удин. *гаьрда*^{н} ‘шея’;

перс. پنجره panjare > лезг. *пе*^{н}*жер*, хин. *паь*^{н}*джаьраь* ‘окно’.

В отличие от отмеченных лезгинских языков, в ряде андо-цезских языков существуют ярко выраженные назализированные гласные, встречающиеся чаще всего внутри слова перед согласными и в абсолютном конце слова. По мнению Т.Е. Гудава “назализация, вызванная ослаблением *н* в ряде языков андийской подгруппы, носит демонстрационный характер” [Гудава 1952: 375]. Зарегистрированные нами случаи назализации гласных в заимствованных иранизмах встречаются исключительно в исходе слова, например:

перс. بازرگان bāzargān > кар., чам. *базарга*^{н} ‘торговец’;

перс. باستان bostān > чам. *паса*^{н} ‘огород’;

перс. چایدان čāydān > чам. *чайда*^{н} ‘чайник’;

перс. دشمن došmān > кар., чам. *тушма*^{н} ‘враг, неприятель’;

перс. جان jān > кар. *джа*^{н} ‘сила’;

перс. پهلوان pahlavān > чам. *палагьа*^{н} ‘канатоходец’.

9. Ассимиляция гласных.

В зависимости от всевозможных комбинаторных фонетических условий в процессе адаптации персидских гласных к системе вокализма нахско-дагестанских языков в заимствованных словах происходят различные фонетические процессы. Наиболее распространенным из них является ассимиляция, то есть уподобление одного звука другому в артикуляционном и акустическом отношении, вследствие чего они приобретают фонетическое сходство. В зависимости от направления уподобления в заимствованных словах встречается прогрессивная и регрессивная ассимиляция. Прогрессивную ассимиляцию мы наблюдаем, например, при переходе персидского гласного ***i*** в нахско-дагестанский гласный переднего

ряда среднего подъема *е* в слове چلیک čelik > лезг., таб. *челег*, буд. *челлег* 'бочка, кадка'; Переход ***i*** в ***е*** может происходить и под влиянием регрессивной ассимиляции: перс. حیله‌باز hilebāz > буд., лезг. *гьеллебаз* 'хитрец'; перс. پیش کش piškeš > авар., буд., таб., цах. *пешкеш* 'подарок'; перс. piše پیشه > лезг., рут, цах. *пеше* 'занятие, профессия'.

В заимствованных словах регрессивная ассимиляция преобладает над прогрессивной и встречается в основном в языках южного ареала, напр.:

Прогрессивная ассимиляция.

перс. آخته āxte > авар., дарг., лезг., таб., агул., буд. *ахта* 'мерин', лак., удин. *ахтта* 'мерин';

перс. پرده parde > авар., кар., дарг., лак. *пардав*, агул., буд. *парда* 'занавес';

перс. چانه čāne > авар. *чанагъ*, тинд. *чанагъа*, анд. *чанагъи* 'челюсть';

перс. ماله māle > лак. *мала*, лезг., буд. *малла* 'мастерок';

перс. بافه bāfe > лезг., таб. *бафа* 'один из пуков сена';

перс. بافته bāfte > лезг., таб., буд. *бафта*, удин. *бафтта* 'позумент; галун'.

Регрессивная ассимиляция:

перс. انجیر anjir > дарг., лак. *инжир*, лезг., таб. *инжил*, буд. *инджил* 'инжир';

перс. پیش کش piškeš > авар. *пешкеш (гьаби)* 'дарение', дарг. *пешкеш* 'жертва', таб., цах., буд. *пешкеш* 'подарок';

перс. کفشیر kafšir > лезг., таб. *кишпир* 'бронза';

перс. کمی kami > лезг., таб. *кими* 'недостающий; глупый';

перс. نخچیر naxčir > лезг., таб. *ничхир* 'дичь';

перс. بهم beham > лезг., таб. *бегьем* ‘достаточный’;

перс. چرکین čerkin > авар. *чиркинаб*, лезг., таб., буд. *чиркин* ‘грязный’;

перс. پنتی penti > лезг., буд. *пинти* ‘грязный’;

перс. شوید ševid ‘укроп’ > лезг., таб., рут. *шивит*, удин. *шивитт* ‘укроп’;

перс. پیشه piše > лезг., рут., цах. *пеше* ‘профессия’.

10. Диссимиляция гласных.

В некоторых персидских заимствованиях наблюдаются случаи диссимиляции гласных, т.е. утраты ими общих фонетических признаков – явления, противоположного ассимиляции. Диссимиляция, как и ассимиляция, дифференцируется на прогрессивную и регрессивную. Приведем некоторые примеры расподобления гласных в заимствованных словах:

Прогрессивная диссимиляция:

перс. نلبکی nalbaki > авар., кар. *налбек*, лезг. *налбеки* ‘блюдце’;

перс. آبباره ābbāre > лезг. *анбер* ‘плотина’;

перс. نامرد nāmard > лезг., таб., буд., рут. *намерд* ‘вероломный, вредный’;

перс. پهلوان pahlavān > дарг. *пагьливан*, кар. *палигьан*, авар., бежт., гунз. *палугьан*, тинд. *палухан* ‘канатоходец’, лезг. *пагьливан*, рут. *палуван* ‘борец, силач’;

перс. مخمل maxmal > дарг., лак., удин. *махмур*, лезг. *махпур (махмур)* ‘бархат’; бежт., гунз. *махмур* ‘вельвет’.

Регрессивная диссимиляция:

перс. بد بخت badbaxt > лезг., таб. *бедбахт* ‘несчастный’;

перс. پناه panāh > буд. *пенагь* ‘убежище’;

перс. پروانه parvāne > лезг., таб., цах. *первана* ‘бабочка’;

перс. چپر čapar > цах. *чаьпар* 'забор';

перс. بابت bābat > лезг., таб., буд. *бубат* 'кое-как, поверхностно';

перс. جوان javān > лезг., таб. *живан* 'молодой';

перс. کنار kanār > лезг. *кинар* 'ласка';

перс. زرنگ zarang > лак. *зиранксса* 'проворный, живой'.

11. Синкопа.

Подчиняясь законам фонетики заимствующих языков, персидские гласные в трехсложных словах, находящиеся в предударной и заударной инлаутных позициях, могут подвергнуться полной редукции, то есть синкопироваться, вследствие чего перестраивается и слоговая структура заимствований. Например:

перс. گلوله golule > авар., год., агул., арч., ахв. *гулла*, бежт. *гьоло*, гунз. *гьелу*, кар. *гула*, цез. *гьил*, лак. *ккулла*, лезг. *гуьлле*, таб. *гюлле*, цах. *гуле*, удин. *куьллаь* 'пуля';

перс. بهانه bahāne > лезг., таб., цах., буд. *багьна*; удин. *маьгьнаь*, но чеч. *бахьана*, авар., дарг., лак., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез. *багьана* 'предлог, повод, причина';

перс. پشیمان pašimān > чеч. *пошмēниг*, авар., бежт. *пашманаб*; кар. *пашманоб*; цез. *пашманав*, дарг. *пашманси*; лак. *пашмансса*; буд., гунз., лезг. *пашман*; цах. *пышман* 'грустный, печальный, кающийся';

перс. جونه‌گاو junegāv > лезг. *жунгав*, рут. *джунгаь* 'бычок'; цах. *джонга* 'бык, бычок';

перс. تارومار tāromār > лезг., буд. *тармар* 'разгром; развал';

перс. پرلا parelā > лезг. *пIарла* 'птенец куропатки или фазана';

перс. چراغ čerāq > чеч. *чиркх* 'свеча; лампа';

перс. پلاس palās > чеч. *палс* 'палас'.

12. Эпентеза.

Многим нахско-дагестанским языкам не свойственно стечение согласных в исходе слова. В таких случаях в комплексы консонантов для облегчения произношения вставляются определенные эпентетические звуки, ранее отсутствовавшие в данных словах. Следует отметить, что в некоторых нахско-дагестанских языках (главным образом в языках северного ареала) адаптация конечных комплексов согласных происходит путем наращения конечных гласных.

перс. مهر mohr > чеч. *мухIар*, инг. *мухьар*, дарг., таб., цах., чам. *мугьур*; лезг. *муьгьуьр*; буд. *могьур*, но авар., гунз., лак. *мугьру* ‘печать’;

перс. شهر šahr > авар., буд., гунз., цез., дарг., кар., рут., цах., чам. *шагьар*; лезг. *шегьер*; агул., таб. *шагьур*; удин. *шаьгьаьр*, чеч., инг. *шахьар* ‘город’;

перс. تخم toxm > авар., агул., бежт., гунз., кар., цез., дарг., лак., лезг., таб., чам. *тухум*, чеч. *тукхам* ‘род, племя’;

перс. زهر zahr > буд., лезг., таб. *зегьер*; удин. *заьгьаьр*; год. *загьоро*; чам. *загьур* ‘яд, отрава’, но авар., гунз., дарг., кар., цез., лак. *загьру*.

Эпентеза гласных может встречаться и в инлауте, например:

перс. آبگردان ābgardān > лезг. *абугерден*, таб. *абугердан* ‘половник’.

Трехсогласные комплексы упрощаются либо путем выпадения срединного согласного, либо путем вставки в них гласного звука.

перс. دستمال dactmāl > авар. *дастумал*, дарг. *дастIуман* ‘салфетка’; буд., лезг., таб. *дасмал*, удин. *даьсмаьл* ‘полотенце’; лак. *дасттамал* ‘тряпка’;

перс. درد سر dardsar > буд. *дардасер* ‘непутевый’; лак. *дардисан*, лезг. *дердисер* ‘горе, печаль’;

перс. دستگاه dastgāh > буд. *дезгаьгь*, лак. *дазга*, лезг. *дезге*, таб. *дезгегь* ‘верстак’.

13. Апокопа.

Довольно частым фонетическим явлением, происходящим в процессе заимствования, является апокопа, т.е. усечение ауслаутных вокалов в основе.

Рассматривая слова иноязычного происхождения по характеру отношения их основной формы к парадигме их прототипов, О.Б. Шахрай разделяет заимствованную лексику на класс усеченных и неусеченных, отражая тем самым различие в степени морфологического освоения слов: усеченные слова полностью освоены с точки зрения морфологического оформления, неусеченные – недоосвоены [Шахрай 1961: 57]. Таким же образом персидские заимствования подразделяются на усеченные и неусеченные.

В персидском языке имеется многофункциональный суффикс **ه** – *e*, при помощи которого образуются существительные, прилагательные и наречия. В процессе заимствования данный суффикс может усекаться, например:

перс. اندیشه andiše > авар., кар. *анищ* 'мечта';

перс. بیشه biše > чеч., инг. *беш* 'сад';

перс. سیاهه siyāhe > авар., дарг., лак. *сияхI*, лезг., таб. *сиягь*, кар., чам. *сийахI* 'список, перечень' (однако в некоторых лезгинских языках такое усечение не наблюдается, что говорит о вероятном азербайджанском посредничестве в процессе заимствования: буд. *сийагьи*; цах. *сийаьгъи*; удин. *сийаьгьи* < аз. *siyahı*);

перс. بخشنده baxšande > лезг., таб. *бахшанд* 'свадебный подарок невесте';

перс. کینه kine > лезг. *кьин*, буд. *кьын*, цах. *кIын* 'клятва, присяга';

перс. کرته korte > лезг., агул. *кIурт*, удин. *куьрк* 'шуба';

перс. تنه tane > лезг., таб., цах. *тан* 'ствол; туловище; тело'; удин. *тан* 'лицо; человек';

перс. آبباره ābbāre > лезг. *анбер*, буд. *амбар* ‘плотина (возле мельницы)’;

перс. چارپاره čārpāre > лезг. *чарпай*, таб. *чарпас* ‘койка; топчан’;

перс. کبره kabare > цах. *кабар* ‘мозоль’;

перс. پاچه pāče > лезг. *пац*, таб. *бац*, но лак. *бачIи*, хин. *ппача* ‘лапа’;

перс. پنجره panjare > лак. *панжар* ‘решетка (оконная)’, лезг. *пенжер*, но хин., крыз. *паьнджаьраь*, буд. *пенджере* ‘окно’.

В нахско-дагестанских иранизмах можно наблюдать и усечение исходного суффикса ی – ***i***, например:

перс. چهره‌ای čehrei > лезг. *жегьре* ‘алый’;

перс. گوری guri > лак. *гурсса*, лезг., таб. *гур* ‘оживленный, шумный’;

перс. جنجالی janjāli > лезг. *женжел*, буд. *дженджел*, удин. *джинджик* ‘шаловливый, озорной’;

перс. دارایی dārāyi > авар., бежт., гунз., кар., цез., дарг., лак. *дарай* ‘шелковая материя, тафта’;

перс. مکاری makkāri > лезг. *мекир*, буд. *макыр* ‘клевета, коварство’;

перс. نارنجی nārenji > лезг. *наринж*, таб. *нарунж* , но лак. *наранжисса* ‘оранжевый’;

перс. امادگی āmādegi > лезг. *амадаг* ‘супряжник; приятель’;

перс. نلبکی nalbaki > авар., кар. *налбек*, чам. *налбикI*, но лезг. *налбеки* ‘блюдце’;

перс. تبریزی tabrizi > дарг. *бириз* ‘тополь’;

перс. شاهی šāhi > чеч. *шай* ‘пятак’.

Из других случаев апокопы персидских ауслаутных гласных можно отметить усечение ***ā*** и ***u*** в следующих словах:

перс. اژدها ajdahā > бежт. *аьждаьгь*, гин. *аждахI*, цез., хвар. *гIаждахI*, гунз. *гIаждагь* ‘дракон’;

перс. تماشا tamāšā > чеч., инг. *тамаш* ‘удивление’;

перс. بها bahā > чеч. *мах* ‘торговля; цена, стоимость’;

перс. کندرو kondoru > таб. *кендир* ‘жвачка’.

14. Эпитеза.

Под влиянием определенных фонетико-морфологических факторов в некоторых словах происходит наращение в конце слова дополнительного звука, отсутствовавшего в исконной форме слова – явление *эпитезы*:

перс. آشکار āškār > лак. *ашкарасса*, лезг., буд. *ашкара* ‘очевидный, явный, открытый’;

перс. جور jur > дарг., лак., цах. *жура*; буд. *джуьре*; лезг. *жуьре*; таб. *жюре*; удин. *джуьраь* ‘вид, род, разновидность’;

перс. چل čal > авар., арч. *чали*; дарг. *чяли* ‘изгородь, плетень, ограда’, но удин. *чал*;

перс. آوار āvār > авар., кар., чам., цез. *авара* ‘препятствие, помеха’; дарг. *авара* ‘хлопоты, забота’; лак. *авара* ‘смута, смятение’; бежт. *авара* ‘безразличие, равнодушие’;

перс. گامیش gāmiš > инг. *гамажа* ‘буйвол’;

перс. باز bāz > таб., рут. *пази* ‘ястреб, сокол’;

перс. جال jāl > лезг. *желе*, буд. *джала* ‘ловушка’;

перс. جاندار jāndār > лак. *жандара* ‘красота, обаяние’;

перс. لق laq > лезг., таб. *лахъу* ‘тухлый’;

перс. نامرد nāmard > чеч. *ямарта* ‘изменнический, коварный’;

перс. تخت taxt > чеч. *тахта* ‘тахта, койка’.

Освоение в области консонантизма

Как уже отмечалось выше, фонетический строй нахско-дагестанских языков характеризуется сложной системой консонантизма (количество согласных в отдельных языках может доходить до семидесяти). В богатой восточнокавказской консонантной системе находят свое

отражение почти все персидские согласные звуки. Основные же различия связаны в первую очередь с наличием в нахско-дагестанских языках определенных групп согласных, отсутствующих или сравнительно слабо представленных в персидском языке: абруптивных, преруптивных, увулярных, латеральных, фарингальных, ларингальных.

В свою очередь в нахско-дагестанских языках отсутствуют некоторые персидские согласные: среднеязычные смягченные ***g***, ***k*** (имеющие заднеязычные варианты перед лабиализованными гласными заднего ряда ***ā***, ***o***, ***u***), а также нижнефарингальный спирант ***h***, который можно лишь частично соотнести с восточнокавказским фарингальным звуком *хI*.

Существующие различия в консонантных системах сравниваемых языков в значительной мере обусловливают фонетические изменения, происходящие в процессе адаптации персидских заимствований в нахско-дагестанских языках. Наиболее характерными из них являются: субституция согласных, близких по артикуляции, сонантов, спирантов, смычных; аффрикатизация спирантов, лабиализация, абруптивизация, преруптивизация, ассимиляция, диссимиляция, удвоение, утрата долготы, редукция согласных, выпадение слогов или групп слогов, наращение согласных к ауслауту, вставки гласных в инлаутных консонантных комплексах, вставка слогов или групп слогов, наращение *гI* на гласный анлаут, наращение слогов в ауслауте, метатеза, оглушение, озвончение.

1. Субституция согласных, близких по артикуляции.

В процессе заимствования наблюдаются случаи взаимозамены близких по артикуляции губно-губных согласных. Зафиксированы следующие виды звукопереходов: ***b*** → *в*; ***b*** → *ф*; ***v*** → *б*; ***v*** → *м*; ***b*** → *м*; ***m*** → *б*; ***p*** → *м*; ***f*** → *м*; ***f*** → *п*. Например:

а) перс. ***b*** → *нах.-даг. в.*

Данный звукопереход является наиболее частотным видом субституции близких по артикуляции губно-губных согласных. Описывая редукцию гласных в лезгинских языках, Б.Б. Талибов отмечает, что “ослаб-

ление губной смычки характерно для части лезгинских языков (агульского, табасаранского, удинского), в то время как в других оно носит спорадический характер. Существо данного фонетического явления заключается в том, что губно-губной смычный *б*, сохраняясь в одних языках (или же в одних диалектах), переходит в других языках (или же в других диалектах конкретного языка) в ослабленный губно-губной *в* или же полностью редуцируется" [Талибов 1976: 109]. Ср.: перс. بخت baxt > удин. *вахтт* 'счастье'. Как видно из следующих примеров, субституция ***b* → *в*** может встречаться и в других нахско-дагестанских языках:

перс. آبادان ābādān > авар., цез. *аваданав*, бежт., тинд., чам. *аваданаб*, кар. *аваданоб* 'веселый, жизнерадостный'; дарг. *авадан*, лак. *аваданcса* 'обильный; богатый'; лезг., таб., буд., удин. *авадан* 'плодородный; благоустроенный';

перс. آسیب āsib > лак. *аьсивсса* 'беспросветный, печальный';

перс. برگ barg > лезг. *верг*, таб. *варжи* 'крапива';

перс. دوغبا duqbā > лезг. *давугъа*, таб. *давгъа*, буд. *довгъа* 'товга (вид рисового супа)';

перс. کبر kabar > лезг. *кевер* 'каперсы';

перс. مدبر modbar > лезг. *мадвар* 'вертлюг';

перс. سبزه sabze > лезг. *савза* 'сорт изюма';

перс. تبر tabar > удин. *тавар* 'топор'.

б) перс. ***v*** *→ нах.-даг. б:*

перс. درویش darvīš > авар., дарг. *дарбиш* 'дервиш';

перс. شلوار šalvār > чеч., инг., авар., кар. *шарбал*, тинд., чам. *шарбала*, дарг. *шалбар* 'штаны, шаровары'.

в) перс. ***b*** *→ нах.-даг. м:*

перс. برف barf > лезг., агул. *марф*, рут., буд. *маф* 'дождь';

перс. برق barq > цах. *марг* 'молния';

перс. خربزه xarboze > кар., чам. *хъармуз*, тинд. *хъармузи* 'арбуз'.

г) перс. ***f*** *→ нах.-даг. п.*

Губно-зубной спирант *f* отсутствует в языках северного ареала, но имеется в языках лезгинской группы (за исключением арчинского). Вследствие этого в процессе адаптации персидских заимствований в языках северного ареала наблюдается закономерная замена звука *f* близким по артикуляции губным смычным согласным *п*, например:

перс. فرمان farmān > чеч. *пурба*, инг. *пурам*, авар., бежт., кар., чам., лак. *пурман*, цез. *пурма* 'дозволение, приказ';

перс. فيروزه firuze > авар. *пируза*, лак. *пирузи* 'бирюза';

перс. آفرين āfarin > лак. *апарин* 'хвала; браво';

перс. اشرفى ašrafi > лак. *ашрапи* 'ашрафи (иранская золотая монета)';

перс. تفنگ tofang > дарг. *тупанг*, лак. *ттупанг*, бежт., гунз. *топи*, кар. *тупе*, тинд., цез. *тупи* 'ружье'.

К нерегулярным звукопереходам губно-губных согласных следует отнести единичные случаи субституции следующих звуков:

b *→ ф*: перс. سبد sabad > лезг., таб. *сафутI* 'соломенная корзина';

v *→ м*: перс. وشق vašaq > лезг. *машах*, буд. *машакь*, крыз. *маьшаьх*, хин. *машагъ* 'рысь'; удин. *мошакк* 'леопард';

m *→ б*: перс. دشمن došmān > гунз. *тушбан* 'враг';

p *→ м*: перс. dastpāče > лак. *дасмача* 'суета';

f *→ м*: перс. تفنگ tofang > авар. *туманкI*, год. *тумаги* 'винтовка'.

2. Субституция сонантов.

Отмечены следующие виды переходов: ***m*** *→ п*; ***n*** *→ л*; ***n*** *→ м*; ***r*** *→ л*; ***r*** *→ н*; ***l*** *→ р*; ***l*** *→ н*. Анализ заимствованной персидской лексики показывает, что субституции могут подвергаться почти все персидские сонорные согласные.

а) перс. ***т*** *→ нах.-даг. п:*

перс. ابریشم abrišam > цез. *абрашун* ‘щелковые нити’; лезг. (диал.) *ибришин (тар)* ‘пирамидальный тополь’;

перс. بادام bādām > лак. *бадан* ‘миндаль’;

перс. بدنام badnām > таб. *бедлан* ‘постыдный’;

перс. چنبر čambar > лезг. *ченбер//чембер* ‘подол’, удин. *чаьнбаьраь* ‘шнур, соединяющий хомут с возом или плугом’;

перс. چشمه češme > буд. *чешне* ‘образец, пример’;

перс. دم بدم dambedam > лезг. *денбеден* ‘моментально, сразу’;

перс. کلم kalam > лак. *калан* ‘капуста’;

перс. کمب komb > лезг., таб. *канбар* ‘окрошка’;

перс. میخک mixak > кар., тинд., чам. *нихакI* ‘гвоздика’;

перс. پرچین parčin > лезг. *барчим*, таб. *барччим*, буд. *парчим* ‘заклепка’.

б) перс. ***п*** *→ нах.-даг. л:*

перс. بدنام badnām > лезг. *бедлем (авун)* ‘позорить’, таб. *бедлан* ‘постыдный’;

перс. نم nam > лезг., таб. *лам* ‘сырость’;

перс. نامرد nāmard > авар. *ламарт* ‘вероломный, коварный человек’; лак. *лавмарт* ‘изменник, предатель’;

перс. نشان nišan > дарг., лак., агул. *лишан* ‘знак’; лезг., таб., буд. *лишан* ‘метка’.

в) перс. ***п*** *→ нах.-даг. м:*

перс. آفرین āfarin > удин. *аьфаьрим* ‘хвала; молодец’;

перс. دن dan > лезг. *дем* ‘танцы на свадьбе’; таб. *дем* ‘молодежная компания’;

перс. گنگ gong > авар., кар. *гомог* ‘желоб’;

перс. پرخون porxun > буд. *палхум* ‘гной’;

перс. سورنا surnā > чеч., инг., авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез. *зурма* ‘зурна (музыкальный инструмент)’.

*г) перс. **r** → нах.-даг. л:*

перс. انجیر anjir > лезг., таб. *инжил*, буд. *инджил* ‘инжир’;

перс. سردار sardar > чеч. *сардал* ‘наместник’;

перс. گرو gerow > лак. *гилав* ‘залог’;

перс. مردار mordār > лак. *мурдалсса* ‘грязный, нечистый’; таб. *мурдал* ‘падаль; гниль’;

перс. پیراهن pirāhan > лезг. *перем*, буд. *пирем*, таб. *баьрхIаьм* ‘сорочка, рубашка’;

перс. پرخون porxun > агул. *балхун* ‘нарыв’, буд. *палхум* ‘гной’;

перс. رنده rande > цез. *ландо*, бежт., гунз. *ланда* ‘рубанок’;

перс. رنجبر ranjbar > лезг. *лежбер* ‘крестьянин, работник’;

перс. زرگر zargar > лак. *заргал* ‘золотых дел мастер’;

перс. زیر zir > лезг., таб. *зил* ‘втора; подыгрывание’.

*д) перс. **r** → нах.-даг. н:*

перс. درد سر dardsar > лак. *дардисан* ‘горе, печаль’;

перс. کارد kārd > лезг. *кант*, агул., буд., рут. *кантI* ‘нож’;

перс. مردم آزار mardomāzār > лак. *мардимазан* ‘беспорядок’;

перс. مردار mordār > удин. *мундар* ‘гадкий, поганый’;

перс. زهرمار zahr-e mār > авар., кар., тинд. *загьруман*, таб. *зегьриман*, лезг. *зегьриман (зегьримар)* ‘выражение проклятия’.

*е) перс. **l** → нах.-даг. р:*

перс. مخمل maxmal > чеч., авар., чам. *махмар*, дарг., лак., удин. *махмур*, лезг. *махпур//махмур*, таб. *мяхмар*, буд. *мехмер* ‘бархат’; бежт., гунз. *махмур* ‘вельвет’; чеч. *махмар* ‘парча’;

перс. پلاس palās > лак. *парас*, тинд. *парачи* ‘палас’.

*ж) перс. **l** → нах.-даг. н:*

перс. دستمال dactmāl > дарг. *дастIуман* ‘салфетка, тряпка’;

перс. لخچ laxč > лак. *нахула*, таб. *нахуна* ‘купорос’.

3. Субституция спирантов.

Зафиксированы следующие виды переходов: ***h*** → *гь*; ***h*** → *x*; ***h*** → *гъ*; ***q*** → *x*; ***x*** → *гь*; ***s*** → *ш*. Наиболее частотным оказался звукопереход персидского фарингального спиранта ***h*** в исконный ларингальный *гь*. Здесь следует подчеркнуть, что артикуляционные характеристики глоточных и гортанных звуков столь близки друг к другу, что обычно первые рассматриваются как гортанные. Однако Л.В. Щерба, отказавшись от такой трактовки глоточных и от смешения их с гортанными звуками, считал необходимым отличать первые от вторых. Данная точка зрения впоследствии подтвердилась результатами рентгеновских снимков [Зиндер 1979: 165]. Разберем эти звукопереходы более конкретно:

*а) перс. **h** → нах.-даг. гь:*

перс. آه و زار āhuzār > лезг., таб., буд. *агьузар* ‘стенание’;

перс. اژدها ajdahā > авар., год., кар. *аздагьо*, тинд. *азагьу*, дарг., лак., таб., агул., удин. *аждагьа*, лезг. *аждагьан*, цах. *аьждагь*, буд. *аджрагьа* ‘дракон’;

перс. هنر honar > авар., бежт., кар., тинд., чам., год., гунз., цез., дарг., лак., лезг., таб. *гьунар*, цах. *гьунер* ‘подвиг; способность; талант’;

перс. بدراه badrāh > лезг., таб. *бедрягь* ‘разнузданный’;

перс. بها bahā > авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез., дарг., лак. *багьа* ‘цена, стоимость’, лезг., таб., агул., буд. *багьа* ‘дорогой’;

перс. بهانه bahāne > лезг., таб., цах., буд. *багьна*, авар., дарг., лак., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез. *багьана* ‘предлог, повод’;

перс. بهره bahre > лезг., таб. *бегьер*, крыз. *баьгьаьр*, буд. *багьар* ‘урожай’;

перс. گشنیز gešniz > лезг. *кIешниш*, цах. *кIашниш* ‘кинза’.

б) перс. ***h*** *→ нах.-даг. х:*

перс. دستگاه dastgāh > удин. *даьзках* ‘станок’;

перс. کروه koruh > лезг. *къурух* ‘участок, на котором запрещена потрава, рубка’; цах. *къорух* ‘сенокос, луг’.

в) перс. ***h*** *→ нах.-даг. гъ:*

перс. هزار hazār > лезг., таб., агул. *агъзур*, рут. *гьагъзыр* ‘тысяча’;

перс. میخ mix > цах. *миьгъ* ‘колышек’.

г) перс. ***q*** *→ нах.-даг. х:*

перс. چارطا ق čārtāq > бежт., гунз., лезг., агул., буд., цах. *чардах* ‘чердак, крыша’;

перс. ناچاغ nāčāq > цах. *начах* ‘больной’;

перс. پیغمبر peyqambar > лак. *пайханмар* ‘пророк’;

перс. خندق xandaq > цах. *къандах* ‘яма, канава’.

д) перс. ***x*** *→ нах.-даг. гь:*

перс. چرخه čarxe > цах. *джаьгьра*, буд. *чегьре*, цах. *джаьгьра*, удин. *джаьгьраь* ‘прялка’;

перс. فراخ farāx > лезг. *фирагь*, таб. *фуригь* ‘широкий’;

перс. خاکانداز xākandāz > авар. *гьекендез* ‘совок’.

е) перс. ***s*** *→ нах.-даг. ш:*

перс. سرسرا sarsarā > буд. *ширасар* ‘балкон’;

перс. سیر sir > лезг., таб., буд. *шир* ‘краска’.

Отмечены и единичные случаи субституция персидских спирантов:

j → *з*: перс. اژدها ajdahā > авар., год., кар. *аздагьо*, тинд. *азагьу*, чам. *аздагьв* ‘дракон’;

z → *ш*: перс. زنجیر zanjir > дарг. *шинжир* ‘цепь’;

š → *с*: перс. شنو šenow > лезг., таб. *сирнав* ‘плавание’;

f → *в*: перс. کفگیر kafgir > лак. *кавкил*, цах. *кавкур* 'шумовка'.

4. Субституция смычных.

Субституция персидских смычных согласных – явление в процессе заимствования достаточно редкое и наблюдается лишь в отдельных словах:

d → *г*: перс. پایدار pāydār > лезг., таб. *пайгар*, буд. *паргар* 'прочный, устойчивый';

k → *къ*: перс. چارک čārak > удин. *чаьраькъ* 'четвертая часть метра'; перс. کاش kāš > лезг., буд. *къаш* 'драгоценный камень в оправе';

k → *кь*: перс. کینه kine > лезг. *кьин*, буд. *кьын* 'клятва'.

5. Аффрикатизация спирантов.

В процессе освоения персидских согласных наблюдается переход глухого спиранта *š* в придыхательную аффрикату *ч*, а также единичные случаи замены звонкого спиранта *z* придыхательными аффрикатами *ц* и *ч*, например:

а) перс. š → нах-даг. ч:

перс. شاگرد šāgerd > лак. *чагурт* 'подмастерье; ученик';

перс. شکر šakar > авар., бежт., кар., чам., цез., дарг. *чакар*, лак. *качар* 'сахар';

перс. شغال šaqāl > авар., бежт., гунз., кар., чам., лак., лезг., таб., агул., рут., цах. *чакъал* 'шакал';

перс. شیل šil > лезг., таб. *чил* 'сеть, сетка';

б) перс. z → нах-даг. ц, ч: перс. کوزه kuze > лезг. *кIуьцуь* 'глиняный кувшин'; перс. کوزه kuze > буд. *кучар* 'глиняный кувшин'.

6. Лабиализация.

перс. خر xar > лезг., таб., агул., рут. *хвар* 'кобыла';

перс. خوش xoš > *хваш* 'приветливый, ласковый';

перс. کال kāl > лезг. *хвал* 'канава; борозда';

перс. نهور nohur > цах. *нахвари* ‘зеркало’.

7. Абруптивизация.

Одним из консонантных признаков, характеризующих согласные нахско-дагестанских языков, является абруптивизация. Абруптивы не свойственны персидскому языку, поэтому нередко в процессе заимствования наблюдается процесс абруптивизации неабруптивных персидских согласных, например:

а) перс. ***t*** *→ нах-даг. mI:*

перс. باستان bostān > авар., дарг., год., кар., чам. *пастIан* ‘дыня’;

перс. طاس tās > авар. *mIapc*, бежт., гунз., цез., дарг. *mIac*, год. *mIap-сси*, кар. *mIapс̄е*, тинд. *mIacu*, лак. *mIяс* ‘таз’;

перс. نیشتر ništar > лезг. *ништIер* ‘перочинный нож’;

перс. دستمال dactmāl > дарг. *дастIуман* ‘салфетка, тряпка’;

перс. کوتل kutal > лезг. *кутIал* ‘крутой; круча’;

перс. استاد ostād > лезг. *устIар* ‘мастер’;

перс. کوته kutah > лак. *кутIасса* ‘короткий’;

перс. بیستی bisti > лезг. *бистIи* ‘грош’;

перс. شاه بلوط šāhbalut > буд. *шабалутI* ‘каштан’;

б) перс. ***k*** *→ нах-даг. кI:*

перс. میخک mixak > авар. *михикI*, кар., тинд., чам. *нихакI* ‘гвоздика’;

перс. کینه kine > цах. *кIын* ‘клятва, присяга’;

перс. نلبکی nalbaki > чам. *налбикI* ‘блюдце’;

перс. کرته korte > лезг., агул. *кIурт* ‘шуба’;

перс. کل kal > лезг. *кIел* ‘барашек’;

перс. لک lak > лезг. *лакI* ‘пятно на материи’;

перс. کوزه kuze > лезг. *кIуьцуь* ‘глиняный кувшин’;

*в) перс. **g** → нах-даг. к → кI:*

перс. تفنگ tofang > авар. *туманкI* ‘винтовка’;

перс. گشنیز gešniz > лезг. *кIешниш*, цах. *кIашниш* ‘кинза’;

перс. لنگ lang > лак. *линкI* ‘хромота’;

перс. شاگرد šāgerd > лезг. *шакIурт* ‘помощник, подмастерье’;

*г) перс. **d** → нах-даг. т → тI:*

перс. نخود noxod > лак., лезг. *нахутI* ‘горох’;

перс. سبد sabad > лезг., таб. *сафутI* ‘соломенная корзина’;

перс. برباد barbād > лезг. *барбатI (хьун)* ‘разрушать, разорять’, таб. *барбатI* ‘разгром, разруха’;

перс. کارد kārd > агул., буд., рут. *кантI* ‘нож’;

перс. وردنه vardane > гунз. *гъыртIэна* ‘каменный каток’;

перс. دستاق dostāq > бежт. *тIуснахъ* ‘тюрьма’;

*д) перс. **č** → нах-даг. чI:*

перс. چغندر čoqondar > авар. *чIакIултIан*, кар. *чIаркIутIан*, тинд. *чIакIутIи*, чам. *чIаркIутI*, бежт. *чIархали*, лак., агул. *чIикIунтIа* ‘свекла’;

перс. پاچه pāče > лак. *бачIи* ‘лапка’;

перс. ماچ mač > таб. *мачI* ‘поцелуй’;

*е) перс. **p** → нах-даг. пI:*

перс. پرلا parelā > лезг. *пIарла* ‘птенец куропатки или фазана’;

перс. پیر pir > лезг. *пIир* ‘могила святого; святой’;

перс. پوز puz > лезг., агул. *пIуз*, рут., цах. *пIыз* ‘губа’.

Как известно, вопрос об абруптивных согласных в удинском языке долгое время считается проблемным [см.: Дирр 1904, Карбелашвили 1935, Панчвидзе 1949]. В настоящее время большинство исследователей склоняются к точкам зрения Б.Б. Талибова [1967, 1974, 1980] и В. Гукасяна [1973], согласно которым в настоящее время в удинском языке аб-

руптивы полностью трансформировались и перешли в некоторых словах в нуль звука, а в остальных случаях в непредыхательные смычные – преруптивы. В соответствии с этим в персидских заимствованиях в удинском языке на месте абруптивов мы находим преруптивы, например:

а) перс. ***t*** *→ удин. тт:*

перс. لخته laxte > удин. *лахтта* 'сгусток';

перс. آخته āxte > удин. *ахтта* 'кастрат, скопец';

перс. بافته bāfte > удин. *бафтта* 'тесьма';

перс. دسته daste > удин. *даьсттаь* 'отряд, группа';

перс. دوست dust > удин. *достт* 'друг';

б) перс. ***k*** *→ удин. кк:*

перс. پیش کش piškeš > удин. *пешккаьш* 'подарок, дар';

перс. شفتالی šaftāli > удин. *шаьфтталукк* 'персик';

перс. برگ barg > удин. *бурукк* 'листья шелковицы';

перс. دوک duk > удин. *жукк* 'веретено';

перс. نازک nāzok > удин. *наьзикк* 'тонкий'.

8. Ассимиляция (уподобление согласных).

Из фонетических процессов, связанных с уподоблением согласных, встречается контактная прогрессивная ассимиляция, когда один согласный звук полностью уподобляется предшествующему, например:

mb → мм: перс. همباز hambāz > цах. *гьаммаз* (наряду с формой *гьамбаз*) 'друг'; перс. تنبل tambal > лак. *таммал* 'лентяй';

nd → нн: перс. رنده rande > лак. *ранна* 'рубанок'; перс. خاکانداز xākandāz > лак. *ххаканназ* 'совок'.

Другие виды ассимиляции зарегистрированы в единичных случаях. Например, дистанционная прогрессивная ассимиляция: *š–z → ш–ш*: перс. گشنیز gešniz > лезг. *кIешниш*, цах. *кIашниш* 'кинза';

контактная регрессивная ассимиляция: *rn* → *нн*: перс. سورنا surnā > дарг. *зинняв*, лак. *зюннав* 'зурна (музыкальный инструмент)';

дистанционная регрессивная ассимиляция: *y–r* → *p–p*: перс. پايدار pāydār > буд. *паргар* 'прочный, устойчивый'.

9. Удвоение согласных.

Удвоенные согласные слабо представлены в нахско-дагестанских языках, но встречаются в заимствованных словах. Наши наблюдения показывают, что чаще всего удвоению подвергается сонорный согласный ***l***, например:

перс. ***l*** → *нах.-даг. лл:*

перс. گلوله golule > авар., арч., ахв., год., агул. *гулла*, лак. *ккулла*, лезг. *гуьлле*, таб. *гюлле*, цах. *гулле*, удин. *куьллаь* 'пуля';

перс. چليک čelik > буд. *челлег* 'бочка, кадка';

перс. حيله‌باز hilebāz > лезг., буд. *гьеллебаз* 'хитрец';

перс. حيله‌گر hilegar > лак. *хIиллакар* 'хитрец', лезг. *гьиллакар* 'лодырь, лентяй';

перс. ماله māle > лезг., буд. *малла* 'шпатель';

перс. سيلی sili > лезг., буд. *силле* 'пощечина, оплеуха'.

К нерегулярным случаям удвоения согласных в процессе их заимствования нахско-дагестанскими языками можно отнести следующие:

r → *рр:* перс. گروه goruh > цах. *гуррагь* 'группа';

m → *мм:* перс. هميشه hamiše > таб. *гьаммишан*, цах. *гьаммаше* 'всегда';

š → *шш:* перс. گوشه guše > цах. (мик.) *хьошше* 'угол'.

10. Утрата долготы.

Так как удвоение согласных не характерно для большинства нахско-дагестанских языков, удвоенные персидские согласные (имеющие в языке-источнике смыслоразличительное значение) в процессе заимствования могут терять свою долготу, например:

а) перс. ***bb*** *→ нах.-даг. б:*

перс. عباسی abbāsi > авар., кар., цез., агул. *гӀабаси*, гунз. *гӀабази*, бежт. *абази*, чам., лезг. *абас*, таб. *аьбаси*, но лак. *аьппаси*, буд. *гӀаббаси*, удин. *аббаси* 'двугривенный';

перс. آبباره ābbāre > лезг. *анбер*, буд. *амбар* 'плотина'.

б) перс. ***kk*** *→ нах.-даг. к:*

перс. لکه lakke > лезг., таб. *леке*, буд. *лака* 'пятно';

перс. مکاری makkāri > чеч. *мēкарлō*, инг. *маькарло*, лак., кар., гунз. *макру*, бежт. *макро*, лезг. *мекир*, буд. *макыр* 'коварство; хитрость'.

К нерегулярным изменениям можно отнести следующие случаи утраты долготы персидскими согласными:

rr *→ р*: перс. دره darre > лак., буд. *дара*, лезг., таб. *дере*, рут. *даьраь* 'долина; ущелье';

ll *→ л*: перс. پلکان pellekān > цах. *пелеккан* 'каменная лестница'.

11. Выпадение согласных.

Выпадение инлаутного согласного (синкопа).

Упрощение исконных трехсогласных комплексов в инлауте путем выпадения срединного смычного ***t*** наблюдается в следующих словах:

перс. دستگاه dastgāh > лак. *дазга*, лезг. *дезге*, таб. *дезгегь*, буд. *дезгаьгь*, удин. *даьзках* 'станок, верстак';

перс. دستگاه dastgāh > лак. *дазгахI* 'веселье', лезг. *тескягь* 'обновка; женское украшение';

перс. دستپاچه dastpāče > лак. *дасмача*, лезг. *теспача* 'суета', цах. *деспачехьес* 'волноваться';

перс. دستمال dastmāl > лезг., таб., буд. *дасмал*, цах. *десмел.*, удин. *даьсмаьл* 'полотенце'. В аварском, даргинском и лакском языках адаптация данного консонантного комплекса произошла путем появления вста-

вочного гласного, например: авар. *дастумал* 'салфетка', дарг. *дастIуман* 'салфетка, тряпка', лак. *дасттамал* 'тряпка'.

Адаптация двухкомпонентных консонантных сочетаний в некоторых языках также может происходить путем утраты одного из согласных компонентов комплекса. Здесь следует отметить упрощение сочетаний согласного с фарингальным *h*, например:

перс. شاه بلوط šāhbalut > цез. *шабалут*, лезг. *шабалт*, таб. *шабалут*, буд. *шабалутI*, удин. *шавалутт*, но авар. *шагьбулут*, лак. *шагъбалут* 'каштан';

перс. مهمان mehmān > буд. *мемен* 'гость';

перс. کهنه kohne > чеч. *къēна* 'старый'.

В отдельных случаях двухкомпонентные консонантные сочетания могут упрощаться в инлауте путем синкопирования других согласных:

перс. گاو بان gāvbān > таб. *габан*, агул. *гаван* 'пастух';

перс. پادشاه pādšāh > авар., гунз., цез. *пачахI*, лак. *паччахI*, бежт., лезг., агул., рут. *пачагь*, таб. *паччахI*, удин. *паччагъ* 'царь, государь';

перс. جایگاه jāygāh > буд., цах. *джига*, крыз. *джигаьгь*, но лезг. *чка*, удин. *га* 'место, местность';

перс. پیغمبر peyqambar > чеч. *пайхамар* 'пророк'.

Для большинства нахско-дагестанских языков нехарактерно стечение согласных в конце слова, поэтому одним из распространенных процессов в персидских заимствованиях является выпадение инлаутных согласных в консонантных комплексах в исходе слова. В роли усеченных могут выступать различные согласные звуки, например:

перс. جفت joft > авар., дарг., таб. *жут*, лак., гунз., год., цез. *чут*, лезг. *жуьт*, агул. *джут*, но удин. *джуьфт* 'пара';

перс. برف barf > рут., буд. *маф*, но лезг., агул. *марф* 'дождь';

перс. گرم garm > удин. *гам* 'теплый, горячий'.

Выпадение ауслаутного согласного (апокопа).

В случае стечения в исходе слова двух согласных достаточно часто отмечается апокопа последнего. Наблюдения показывают, что усечению чаще всего подвергаются смычные ***d*** и ***t***, реже другие согласные. Например:

перс. تخت taxt > авар., бежт., гунз., кар., чам., цез., дарг., лак. *тах* 'кровать, тахта';

перс. آرزومند ārzumand > лак. *арзуман* 'досада', лезг. *эрзиман* 'желание; мечта';

перс. چپراست čaprāst > чеч. *чаьрпаз* 'нагрудная застежка';

перс. سمند samand > лезг., таб. *семен* 'буланый';

перс. آخوند āxund > лезг., таб., буд. *ахун* 'ахунд, мулла';

перс. کمند kamand > лезг., таб. *кемен* 'аркан';

перс. ماست māst > лак. *мас* 'варенец' таб. *мас* 'простокваша';

перс. دوست dust > лак. *дус* 'друг';

перс. سبز sabz > хин. *сыб* 'зеленый'.

Усечение ауслаутного согласного элемента часто встречается и в сочетаниях *гласный + согласный*. В роли синкопированного чаще всего выступают сонант ***n*** и спирант ***h***, например:

перс. دشمن došmān > год. *тушма* 'враг';

перс. دوربین durbin > лезг., таб. *дурбу*, буд. *дурби* 'бинокль';

перс. نازنین nāzanin > лезг., таб. *назани* 'красавица';

перс. باستان bostān > чеч., инг. *паста* 'дыня';

перс. تومان tumān > чеч. *туьма*, инг. *тума* 'десять рублей; червонец';

перс. درمان darmān > чеч., инг. *дарба* 'лечебное средство';

перс. زیرزمین zirzamin > лезг., таб. *зирзими*, буд. *зирземи* ‘подземелье’;

перс. گروه goruh > авар. *гури* ‘толпа, сборище’;

перс. پگاه pagāh > лезг. *пака*, буд. *пага*, рут. *быга*, хин. *ппага* ‘завтра’; удин. *бегаь* ‘вечер, сумерки’;

перс. شاهراه šāhrāh > авар., анд., кар., ахв., багв., чам., ботл., год., цез., хвар., бежт., гунз., гин., арч. *шагьра*, тинд. *шагьара*, лак. *шяра*, рут. *шаьраь/шаьгьраь*, аг., цах, крыз., хин. *шаьгьраь* ‘улица; шоссе’;

перс. جونه‌گاو junegāv > рут. (борч.) *джунгаь*, цах. *джонга* ‘бык, бычок’;

перс. پلاو pelāv > чеч. *пилу* ‘плов’;

перс. دروغ doruq > крыз., буд. *дуру* ‘ложь; обман’;

перс. پرپر porpar > лезг., таб. *пурпу* ‘рыхлый’;

перс. الک alak > дарг. *ула* ‘сито’;

перс. کشمش kešmeš > чеч. *кишма* ‘кишмиш’.

Выпадение начального согласного.

перс. همپا hampā > лезг. *ампа* ‘воротила, заправила’;

перс. حبه ḥabbe > лезг. *аббе* ‘крупинка’;

перс. هزار hazār > чеч., инг. *эзар*, авар. *азарго*, кар., тинд. *азарда*, год. *азаруда*, дарг. *азир*, лак. *азара* ‘тысяча’;

перс. جرگه jarge > бежт., тинд., чам., цез. *ирга* ‘очередь’;

перс. نشان nišan > авар., год. *ишан*, бежт. *ишара* ‘знак, метка’; кар., тинд., чам., цез. *ишан* ‘прицел’.

Выпадение слогов или групп слогов.

перс. چهارشنبه čahāršambe > буд. *черщенбе* ‘среда (день недели)’;

перс. دارایی dārāyi > лезг., таб. *дере*, тинд., чам. *дарē* ‘шелковая материя’;

перс. کهربا kahrobā > авар. *кагьру* 'янтарь';

перс. مومروغن mumrowqan > лезг. *мумургъан* 'мазь для раны';

перс. پیراهن pirāhan > лезг. *перем*, буд. *пирем* 'сорочка, рубашка';

перс. سیخک sixak > лезг. *сих* 'непосредственный';

перс. تبریزی tabrizi > дарг. *бириз* 'тополь';

перс. زنجبیل zanjabil > лак. *заннир* 'имбирь';

перс. آواز āvāz > чеч. *аз* 'голос, звук';

перс. دهره dahre > чеч., инг. *диг* 'топор';

перс. گیروانکه girvānke > чеч. *герка* 'гиря; фунт (*мера веса*)';

перс. پهلوان pahlavān > чеч. *пелхьō*, инг. *пелхьа* 'канатоходец; акробат';

перс. زیان ziyān > чеч. *зēн*, дарг. *зен* 'вред, убыток'.

12. Наращение согласных к ауслауту (эпитеза):

перс. آسان āsān > лезг., таб., буд. *асант* 'легкий, нетрудный';

перс. دف daf > лезг. *тафт*, таб. *дафт*, агул. *даьфт/тафтт* 'бубен';

перс. دریا daryā > удин. *даьрйаьн* 'море, океан';

перс. لوبیا lubyā > рут. *лубыйен* 'фасоль';

перс. خیلی xeyli > лезг. *хейлин*, таб. *хайлин* 'значительный';

перс. تنگه tange > авар. *танкел* 'впадина, ухаб';

перс. اخمو axmū > лезг., буд. *ахмур* 'укор, порицание';

перс. بازو bāzu > удин. *базукк* 'локоть';

перс. چانه čāne > авар. *чанагъ* 'челюсть';

перс. گرده garde > лезг. *гирдим*, таб. *гердем* 'колода, чурбан';

перс. پرده parde > авар., кар., тинд., дарг., лак. *пардав* 'занавеска';

перс. قو qu > лезг., таб. *къугь* 'лебедь';

перс. نامه name > удин. *намакк* 'письмо';

перс. kalāqe كلاغه > лак. *чалагъай* ‘шелковый платок’.

13. Вставки согласных (эпентеза).

Вставки согласных *м, й, р, н,* в инлаутной позиции требуют своего объяснения:

перс. برابر barābar > лак. *баранбал* ‘один на один’, буд. *барамбар* ‘равный’;

перс. چلیک čelik > чеч. *чийлик* ‘ведро, бадья’;

перс. گچ gač > чам. *гарч* ‘известь’;

перс. کد خدا kadxodā > лезг. *кент-худа*, буд. *кентхуда* ‘сельский староста’;

перс. نهور nohur > цах. *нахвари* ‘зеркало’;

перс. شنو šenow > лезг., таб. *сирнав* ‘плавание’;

перс. کوسه kuse > чеч. *куьйса* ‘безбородый мужчина’.

14. Наращение согласного *гI* на гласный анлаут.

В некоторых персидских заимствованиях наблюдается такое интересное явление, как наращение фарингального звонкого согласного *гI* на гласный анлаут, например:

перс. عملدار amaldār > дарг. *гIямултар*, рут. *гьаьмаьлдар* ‘хитрый; хитрец’;

перс. عباسی abbāsi > авар., кар., тинд., цез., агул. *гIабаси*, гунз. *гIабази*, дарг. *гIяббаси*, буд. *гIаббаси* ‘двугривенный’;

перс. آسایش āsāyeš > буд. *гIасайиш* ‘покой, спокойствие’;

перс. آزار āzār > кар., цез. *гIузру*, тинд. *гIузуру*, чам. *гIузур* ‘недуг, болезнь’;

перс. آئینه āine > буд. *гIайна* ‘зеркало’;

перс. اژدها ajdahā > цез., хвар. *гIаждахI*, гунз. *гIаждагь* ‘дракон, чудовище’ и др.

В лезгинском языке, как отмечает У.А. Мейланова, звук *гI* способен к отпадению в целом ряде арабо-персидских заимствований и находится на грани исчезновения в литературном языке [Мейланова 1970: 46]. Ср.: *амалдар* 'хитрец', *абас* 'двугривенный', *асайиш* 'покой', *азар* 'недуг', *аждагьан* 'дракон'.

15. Наращение слогов в ауслауте:

перс. كاشكی kāški > лезг. *кешкина*, таб. *кешкена* 'если бы, кабы';

перс. چپ čap > лезг. *чапла*, агул. *чипIилф*, рут. *чIаьпул* 'левый';

перс. كندرو kondoru > лезг. *кендирагъ* 'жвачка';

перс. لق laq > рут. *лахътты* 'испорченный, гнилой, тухлый';

перс. لش laš > цах. *лашаг* 'туша, труп животного';

перс. متە mate > лак. *маткьав* 'сверло';

перс. مزه maze > лезг., буд. *мезели*, удин. *маьзаьлу* 'смехотворный, потешный';

перс. پرچ parč > лезг. *пуьрчуькь (авун)* 'расплющивать';

перс. قوز quz > таб. *гьузгъун* 'горб; горбун';

перс. شفتالی šaftāli > удин. *шаьфтталукк* 'персик';

перс. زار zār > лезг. *зарул*, буд. *зарми* 'печальный, горестный'.

16. Взаимная перестановка звуков или слогов (метатеза).

Другим характерным явлением для персидских заимствований является метатеза – взаимная перестановка звуков или слогов в словах на почве ассимиляции или диссимиляции. "Метатеза связана или с незнанием правильной формы заимствованной лексемы или ее применяют для удобопроизношения форм, парадигматика и синтагматика которых противоречит фонетическим нормам соответствующего языка или диалекта" [Мейланова 1981: 21].

перс. چرخه čarxe > лезг. *чхра*, таб., агул. *чухра*, буд. *чегьре*, крыз., цах. *джаьгьра*, удин. *джаьгьраь* 'прялка';

перс. بازرگان bāzargān > дарг. *базриган* 'торговец';

перс. درویش darvīš > лезг., таб., буд., цах. *девриш* 'дервиш';

перс. دوغبا duqbā > лезг. *давугъа*, таб. *давгъа*, буд. *довгъа* 'товга (вид рисового супа)';

перс. گیروانکه girvānke > лак. *гилавка* 'мера веса в 400 гр.'; анд., кар., тинд. *гелавка*, год. *гилевка* 'полкило';

перс. هزار hazār > лезг., таб., агул. *агъзур* 'тысяча';

перс. جرنگ jarang > авар. *жергъен* 'бубен';

перс. جوراب jurāb > лак. *жулар* 'чулок, носок';

перс. کفشیر kafšir > лезг., таб. *кишпир* 'бронза', цах. *кашпир* 'латунь';

перс. لچک lačak > таб. *лакач* 'головной платок';

перс. نخچیر naxčir > лезг., таб. *ничхир* 'дичь';

перс. پهلوان pahlavān > авар., гунз. *палугьан*, кар. *палигьан*, цез. *палгьан*, тинд. *палухан*, чам. *палагьан* 'канатоходец';

перс. پرهیز parhiz > лак., таб. *пагьриз*, лезг. *пегьриз*, удин. *паьгьриз* 'диета';

перс. رنجبر ranjbar > таб. *нежбер*, агул. *неджбаьр* 'крестьянин, работник';

перс. ریشخند rišxand > лезг., таб., буд. *рихшанд*, лак. *рихшант (ришхант)* 'насмешка';

перс. شلوار šalvār > авар., кар. *шарбал*, тинд., чам. *шарбала* 'штаны, шаровары'.

17. Оглушение.

а) перс. ***d*** *→ нах.-даг.* ***т:***

перс. داغ dāq > лезг. *тагъ (авун)* 'поджаривать';

перс. دستگاه dastgāh > лезг. *тескягь* 'обновка; женское украшение';

перс. dastpāče > лезг. *теспача* ‘суета’;

перс. دشمن došmān > авар., бежт., кар., тинд., чам., цез. *тушман* ‘враг’;

перс. دستاق dostāq > авар. *туснахъ* ‘арестант’; год., кар., чам. *туснахъ*, бежт. *тIуснахъ*, тинд. *туснахъи*, цез., дарг. *туснакъ* ‘тюрьма’;

перс. چادر čādor > чеч. *чётар*, инг. *чаьтар*, дарг., лак. *чятир* ‘шатер, палатка’; год. *чатир* ‘шалаш’.

б) перс. ***g*** *→ нах.-даг. к:*

перс. گام gām > лезг. *кам* ‘шаг’;

перс. گلوله golule > лак. *ккулла* ‘пуля’;

перс. گنگ gong > крыз. *кунг* ‘глиняная водопроводная труба’;

перс. پگاه pagāh > лезг. *пака* ‘завтра’;

в) перс. ***b*** *→ нах.-даг. п:*

перс. سبیل sebil > дарг. *супел*, лезг. *спел*, таб. *сумпал*, рут. *суьпел* ‘ус’;

перс. سیبل sibl > рут. *сипил*, цах. *сипа* ‘лук (для стрельбы)’; удин. *сапан* ‘рогатка’;

перс. باز bāz > таб. *ппази*, агул. *пази* ‘сокол, ястреб’;

перс. پاچه pāče > лезг. *пац* ‘лапа’ (о процессе оглушения звонких в лезгинском языке, характерном для исконного словарного фонда, см. Талибов 1980: 65-66).

18. Озвончение.

а) перс. ***k*** *→ нах.-даг. г:*

перс. چلیک čelik > лезг., таб. *челег*, буд. *челлег* ‘бочка, кадка’;

перс. دسرک dastak > таб. *дестег* ‘столб; колонна’;

перс. کلک kalak > таб., буд. *келег* ‘злая шутка’.

б) перс. ***p*** *→ нах.-даг. б:*

перс. آشپز āšpaz > авар., кар., таб. *ашбаз* ‘харчевня, столовая’;

перс. پرچین parčin > лезг. *барчим*, таб. *барччим* ‘заклепка’;

перс. پیراهن pirāhan > таб. *баьрхIаьм* ‘сорочка, рубашка’;

перс. پاتیل pātil > лезг. *бицил*, таб. *баттил* ‘чугунный котел’.

в) перс. **s** *→ нах.-даг. з:*

перс. سورنا surnā > чеч., инг., авар., бежт., гунз., кар., тинд., чам., цез. *зурма*, дарг. *зинняв*, лак. *зюннав*, лезг. *зуьрне*, таб., цах. *зурна* ‘зурна (музыкальный инструмент)’;

перс. مرس mars > лак. *мараз*, лезг., таб. *мерез* ‘веревка’, бежт. *пIерези* ‘шпагат’;

перс. سندان sendān > лезг. (диал.) *зулдан*, рут. *зилдан*, цах. *зиндан*, буд. *зындан* ‘деталь мельницы; наковальня’.

г) перс. **t** *→ нах.-даг. д:*

перс. بیات bayāt > лезг., таб. *баяд* ‘напев; песня’;

перс. نیشتر ništar > крыз. *наьшдаьр* ‘перочинный нож’;

перс. تراز tarāz > дарг. *дараза* ‘балансир акробата’.

Метатонические явления в персидских заимствованиях

Фонетическая адаптация персидских заимствований неразрывна также с процессами, связанными с ударением. Изменение в ударении свидетельствует о том, что заимствованные слова ассимилируются на новой языковой почве, становясь системным явлением. Метатонические изменения в заимствованных словах, на общем фоне их адаптации в нахско-дагестанских языках, представляют довольно пеструю картину, которую не представляется возможным широко рассмотреть в рамках данной работы. В связи с этим нам представляется целесообразным ограничиться характеристикой метатонических явлений лишь в одном языке – лезгинском.

Как известно, ударение в лезгинском языке силовое (экспираторное), фиксированное на определенном слоге слова, как в контексте, так и

вне контекста речи [Жирков 1940: 108]. Ударным, как правило, является второй от начала слова слог, за исключением случаев, когда данный слог не является основой и представляет собой определенный аффикс словообразования и словоизменения, не принимающий ударения. В персидском языке ударение также фиксированное, но падает оно на последний от начала слова слог независимо от количества слогов в слове. Следовательно, в персидских заимствованиях, попадающих на лезгинскую языковую почву и подчиняющихся законам лезгинского ударения, могут происходить определенные метатонические явления. Наиболее характерными из них являются следующие случаи:

1. Ударение в персидских словах в процессе заимствования может оставаться неизменным, только если в слове имеется не более двух слогов. В этом случае место ударения в обоих языках совпадает: в персидском языке – последний слог слова от начала, в лезгинском языке - второй слог от начала. Например:

перс. گنبد gombád > лезг. *гуьмбе́т* ‘гробница’;

перс. گمان gamā́n > лезг. *гима́н* ‘подозрение’;

перс. چراغ čerā́q > лезг. *чира́гъ* ‘светильник’;

перс. انار anā́r > лезг. *ана́р* ‘гранат’;

перс. جادو jādú > лезг. *жаду́* ‘ханжа, лицемер’;

перс. آشنا āšnā́ > лезг. *ашна́* ‘любовник; приятель’.

2. Если в заимствованном слове ударными являются третий и последующие слоги, происходит переход ударения на второй слог слова от начала. Например:

перс. چغندر čoqondár > лезг. *чугъу́ндур* ‘свекла’;

перс. شفتالی šaftā́li > лезг. *шефте́ли* ‘персик’;

перс. کلاغه kalāqé > лезг. *келе́гъа* ‘шелковый платок’;

перс. آلوچه āluče > лезг. *алу́ча* ‘алыча’;

перс. آواره āvāré > лезг. *ава́ра* ‘праздношатающийся’;

перс. بنفشه banafšé > лезг. *бене́фша* ‘фиалка’ и т.д.

3. В ряде заимствованных персидских сложных слов, состоящих из двух основ, первая из которых односложная, наблюдается переход ударения на данную односложную основу. В персидском языке в таких словах ударенным неизменно служит последний слог слова, а на односложную основу падает второстепенное ударение. Например:

перс. شاه زاده šā̀hzādé > лезг. *ша́гьзада* ‘царевич’;

перс. کارخانه kā̀rxāné > лезг. *ка́рхана* ‘мастерская’;

перс. گلچمن gòlčamán > лезг. *гу́ьлчимен* ‘цветущее поле’;

перс. گورخانه gùrxāné > лезг. *гу́рхана* ‘мертвецкая’;

перс. زرزیبا zàrzibā́ > лезг. *за́р-зиба* ‘шелковая ткань, вышитая золотом’;

перс. گوربگور gùrbegúr > лезг. *гу́рбагур* ‘проклятие’.

4. В лезгинском языке существует несколько слов персидского происхождения, в которых ударение перешло на первый слог:

перс. آفرین āfarī́n > лезг. *а́ферин* ‘молодец’;

перс. گامیش gāmī́š > лезг. *га́миш* ‘буйвол’;

перс. شهر šahr > лезг. *ше́гьер* ‘город’;

перс. شکسته šekasté > лезг. *шке́ста* ‘калека’.

5. В персидском языке функционирует небольшое количество слов, в которых ударенным является первый слог. Два слова из них заимствованы лезгинским языком. При этом место ударения в словах сохранилось: лезг. *ме́гер* ‘разве’ < перс. مگر magar; лезг. *бе́лки* ‘может быть’ < перс. بلکه balke.

ГЛАВА V

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Морфологическое освоение персидских заимствований в нахско-дагестанских языках предполагает подчинение иноязычных лексических элементов морфологическим нормам исследуемых языков. Кроме того, языковые контакты предполагают также и собственно морфологические заимствования из персидского языка. Все эти аспекты являются важными сторонами изучения нахско-дагестанских языков, как с лексикологической, так и с грамматической точки зрения.

В процессе освоения заимствованных слов происходит приспособление слова-этимона к морфологическому строю языка-рецептора. В этом случае слово становится элементом какого-либо грамматического класса с присущими этому классу формальными признаками.

Предваряя анализ морфологической адаптации персидских заимствований в нахско-дагестанских языках, следует отметить, что довольно трудно разделить значительную часть персидских заимствованных имен на категории существительных и прилагательных. Это объясняется тем, что персидские прилагательные "почти слились с существительными, с формально-грамматической точки зрения, в одну категорию имен" [Жирков 1927: 85]. В.С. Расторгуева по данному поводу отмечает, что в персидском языке "имеется большая группа имен, которые не могут быть отнесены ни к существительным, ни к прилагательным... Не всегда четко можно провести грань между существительными и прилагательными также и в области словообразования" [Расторгуева 1953: 624-625].

Таким образом, можно констатировать, что в персидском языке "многие имена с семантической точки зрения не могут быть с полной определенностью отнесены ни к существительным, ни к прилагательным, поскольку одновременно выражают значения признака и его носите-

ля... К этому следует добавить, что большинство типов морфологической структуры и словообразования у имен существительных и прилагательных совпадают" [Рубинчик 2001: 99].

С учетом этой особенности персидского языка мы предприняли попытку дифференцировать персидские слова, заимствованные нахско-дагестанскими языками, по семантико-грамматическим признакам на имена существительные, имена прилагательные, имена, обозначающие как признак, так и носителя этого признака, числительные, наречия, причастия, модальные слова, союзы, частицы и междометия. В процессе заимствования некоторые персидские слова могут попадать в иную, чем в языке-источнике, грамматическую категорию. Персидские глаголы нахско-дагестанскими языками не заимствовались и в глагольной лексике иранизмы функционируют лишь в качестве составной части сложных глаголов.

Основную массу персидских заимствований представляют имена существительные с конкретными и абстрактными значениями. Из них большую часть слов составляют имена существительные с конкретным значением, служащие названиями предметов и живых существ. Например:

перс. پادشاه pādšāh 'падишах, государь' > авар., гунз., цез. *пачахI*, кар., дарг. *пача*, лак. *паччахI*, бежт., лезг., агул., рут. *пачагь*, тинд., чам. *парчахI*, таб. *паччагь*, цах. *падишагь*, удин. *паччагъ*, чеч. *паччахь*, инг. *паччахьа* 'царь, государь, падишах';

перс. gāmiš گاميش 'буйвол' > авар., кар. *гамущ*, дарг., лак., таб., чам., анд., цез., хвар., гин., гунз. *гамуш*, лезг., агул. *гамиш*, рут. *джаьмиш*, цах. *джомыш*, хин., буд. *гомуш*, крыз. *гомиш*, удин. *гоьмиш*, арч. *гымуш*, ахв. *гамущи*, год. *г'амущи*, бежт. *гаьмуьш*, чеч. *гŏмаш*, инг. *гамажа* 'буйвол';

перс. čarx چرخ 'круг, колесо' > авар., лезг., буд., рут., чеч., инг. *чарх* 'колесо; точило', бежт., гунз., цах. *чарх* 'точило', кар. *чархе*, цез. *черхи//чархи*, тинд. *чархи* 'точило; катушка', лак., таб. *чарх* 'катушка; колесо';

перс. gorz گرز 'булава, палица' > лак. *гурз*, лезг. *гуьрз*, таб. *гюрз*, агул. *ккуьрз*, цах. *гоьзрз* 'булава, палица', крыз. *гурз*, буд. *гырз* 'кувалда';

перс. کاغذ kāqaz 'бумага; письмо; документ' > авар., цез., кар., чам., рут. *кагъат*, год., тинд. *кагъати*, дарг. *кагьар*, лезг., таб., буд. *кагъаз*, цах., удин. *кагъыз*, чеч. *кēхат*, инг. *каьхат* 'бумага' и др.

В значительно меньшем объеме заимствовано имен существительных с абстрактным значением, обозначающих названия признаков, действий, состояний, чувств и т.д., например:

перс. گنه gonah – авар., кар., ботл., бежт. *мунагь*, чам. *мунегь*, год., тинд. *мунагьи*, гунз., цез. *мунахI*, дарг., лак. *бунагь*, лезг., таб., рут., цах. *гунагь*, удин. *гуьнах* 'грех, вина';

перс. تماشا tamāšā 'обозревание; гулянье' > авар., кар. *тамаша* 'диковинка; диво'; цез. *тамаша* 'удивление'; лак., лезг., буд. *тамаша*, таб. *тамаши*, цах. *тамаше* 'зрелище, представление'; чеч., инг. *тамаш* 'удивление';

перс. بهانه bahāne 'предлог, повод' > лезг., таб., цах., буд. *багьна*, авар., дарг., кар., тинд., чам., бежт., гунз., цез., лак. *багьана*, удин. *маьгьнаь*, чеч. *бахьана* 'предлог, повод';

перс. آوار āvār 'обломки, развалины' > авар., кар., чам., цез. *авара* 'препятствие, помеха'; бежт. *авара* 'безразличие, равнодушие'; тинд. *авара* 'возня, хлопоты'; дарг. *авара* 'хлопоты, забота', лак. *авара* 'смута; огласка';

перс. امید omid 'надежда, упование' > дарг. *умут*, лак., лезг., таб., агул., цах., удин. *умуд*, буд. *уьмуьд* 'надежда' и др.

Абсолютное большинство заимствованных имен прилагательных относится к разряду качественных. Персидские относительные прилагательные заимствованы нахско-дагестанскими языками в значительно меньшем количестве. Например:

перс. تازه tāze ‘свежий; новый’ > авар. *тазаяб* ‘чистый, свежий’; дарг. *тазаси* ‘здоровый; мускулистый’; лак. *тазасса* ‘бодрый, свежий’; лезг., таб. *таза* ‘свежий, молодой’; цах. *тезе*, буд., хин., крыз. *таза* ‘новый, свежий’;

перс. تند tond ‘быстрый; ловкий; острый’ > лак. *тунтсса*, лезг. *туьнт*, таб. *тюнт*, буд. *тунд*, удин. *туьнд* ‘крепкий, острый’;

перс. نازک nāzok ‘тонкий, мягкий’ > авар. *назукаб* ‘овальный, тонкий’; лезг. *назик*, таб. *назук* ‘хрупкий, нежный’, агул. *назик* ‘тонкий’, буд. *назик* ‘тонкий, нежный’, удин. *наьзикк* ‘тонкий’;

перс. کهنه kohne ‘старый, ветхий’ > лак. *кугьнасса*, лезг., агул. *куьгьне*, таб. *кюгьне*, рут. *куьгьнед*, чеч. *къёна* ‘старый, ветхий’;

перс. پرخون porxun ‘кровавый’ – лезг. *бархун/пархун*, таб. *бархун*, агул. *балхун*, рут. *гирхын*, цах. *порхунку*, хин. *пархун*, буд. *палхум* ‘гной, нарыв’;

перс. کچل kačal ‘паршивый’ > анд., бежт., гунз., цез. *качали*, дарг., лак., рут., крыз. *качал*, лезг., таб., агул. *гачал* ‘парша’; цах., буд. *качал* ‘паршивый’; удин. *каьчаьл* ‘плешивый’ и др.

Отдельную группу имен составляют персидские слова, объединяющие в себе признаки существительного и прилагательного. Они могут обозначать как признак, так и носителя этого признака, например:

перс. گنه کار gonahkār ‘грешник’, ‘грешный’ > лак. *бунагькар*, лезг., таб. *гунагькар*, удин. *гуьнахкар* ‘грешник, виновник’;

перс. جوان javān ‘молодой’, ‘юноша’ > лезг., таб. *живан*, цах. *джаван* ‘юноша, молодой’;

перс. مزدور mozdur ‘наемник’, ‘наемный’ > лезг., таб. *муздур* ‘батрак’; цах. *муздур* ‘чабан’;

перс. کور kur ‘слепой’, ‘слепец’ > лак., лезг., таб., буд. *кур* ‘слепой’ и др.

Как уже отмечалось, персидские глаголы нахско-дагестанскими языками не заимствовались, однако персидские имена могут сочетаться с нахско-дагестанскими глаголами, выражая тем самым глагольные понятия (подробнее об этом см. в разделе, посвященном морфологической деривации персидских заимствований).

Персидские причастия представлены в нахско-дагестанских языках несколькими словами. Все они являются причастиями прошедшего времени, состоящими из основы прошедшего времени и суффикса *-е*, который в нахско-дагестанских языках либо полностью редуцируется, либо заменяется финалью *-а, -аь*. Заимствованные причастия часто функционируют в нахско-дагестанских языках как имена существительные или прилагательные. Например:

перс. شكسته šekaste 'сломанный, разбитый' > лезг. *шкеста*, агул. *шаькаьстаь*, буд. *шикест* 'калека'; таб. *шикаст* 'с дефектом; ущербный';

перс. بافته bāfte 'тканый; вязаный' > лезг., таб., буд. *бафта* 'позумент; галун'; удин. *бафтта* 'тесьма';

перс. آخته āxte 'кастрированный, холощеный' > авар., лак., лезг., таб., агул., буд. *ахта* 'мерин'; дарг. *ахта* 'кляча'; удин. *ахтта* 'кастрат, скопец';

перс. خسته xaste 'измученный; раненый' > лак. *хаста* 'старый, поломанный'; лезг. *хесте*, цах. *хаста*, буд. *хаьстаь* 'больной' и др.

Количество заимствованных персидских слов, которых по лексико-грамматическим признакам относят к разряду *наречий*, в нахско-дагестанских языках невелико, однако большинство из них употребляется в нахско-дагестанских языках именно в качестве наречий и не переходит в другие разряды слов. Например:

перс. هميشه hamiše 'постоянно, всегда' > лезг., буд. *гьамиша*, таб. *гьаммишан*, агул. *гьамишан*, цах. *гьаммаше* 'всегда, постоянно';

перс. مفت moft ‘даром, бесплатно’ > лезг. *муьфте*, буд. *муфта* ‘даром, бесплатно’;

перс. گاه گاه gāh gāh ‘иногда, порой’ > лезг. *гагь-гагь* ‘иногда, порой’;

перс. ناگاه nāgāh ‘неожиданно’ > авар., бежт., гунз., кар., дарг., лезг., таб. *нагагь*, тинд. *нагагьи*, цез. *нагахI*, чам. *нагегь*, чеч. *нагахь* ‘если, ежели’;

перс. دم بدم dambedam ‘постоянно; ежеминутно’ > лезг. *денбеден* ‘моментально, сразу’ и др.

Восточнокавказскими языками заимствовано лишь одно иранское числительное هزار hazār ‘тысяча’ > авар. *азарго*, кар., тинд. *азарда*, год. *азаруда*, гунз., буд. *гьазар*, цез. *гIазал*, дарг. *азир*, лак. *азар*, лезг., таб., агул. *агъзур*, рут. *гьагъзыр*, крыз. *гIазыр*, чеч. *эзар* ‘тысяча’.

В лезгинских языках функционирует персидская вопросительная частица مگر magar ‘разве, неужели’ > лезг., таб. *мегер* ‘разве’. К заимствованным персидским словам, выполняющим в некоторых нахско-дагестанских языках функции союзов, можно отнести: اگر agar > дарг., лезг., агул., таб., цах. *эгер*; лак., буд. *агар* ‘если’; ناگاه nāgāh > авар., бежт., гунз., кар., дарг., лезг., таб. *нагагь*, тинд. *нагагьи*, цез. *нагахI*, чам. *нагегь*, чеч. *нагахь* ‘если, ежели’ и др.

К междометиям персидского происхождения мы относим слово آفرین آفرین āfarin > лак. *апарин*, лезг., таб., буд. *аферин*, удин. *аьфаьрим* ‘хвала, браво!’, употребляющееся при выражении одобрения, а также слово په pah > лезг., таб. *пагь* ‘ну! ба!’.

Категория грамматических классов

Анализируя заимствованную персидскую лексику на морфологическом уровне, прежде всего, следует выделить случаи вхождения лексических единиц в систему так называемых грамматических классов. Извест-

но, что категория грамматических классов исторически пронизывала морфологическую систему почти всех иберийско-кавказских языков. Из восточнокавказских языков только лезгинский, агульский и удинский языки утратили категорию класса. Все остальные языки распределяют заимствованные слова по именным классам “подобно тому, как в европейских языках имена распределяются по родам” [Алироев 1978: 273].

Количество классов в нахско-дагестанских языках, как известно, варьирует от двух в табасаранском языке до восьми в бацбийском языке. К первому классу относятся имена существительные, обозначающие мужчин, ко второму – женщин. Вся остальная лексика распределяется по другим классам. В табасаранском языке, территориально расположенном между языками, сохранившими грамматические классы, и языками, их утратившими, лексика распределяется по классу человека и классу неразумных существ и вещей. “В итоге табасаранская система грамматических классов является простейшей среди всех вообще языков Дагестана, которые сохранили подобные классификации как действующие сейчас грамматические различия” [Жирков 1948: 58].

Следует отметить, что распределение заимствованной персидской лексики по грамматическим классам во всех нахско-дагестанских языках в основном совпадает только относительно первых двух классов. Так как большинство заимствуемых имен не дифференцируются по признаку пола, в нахско-дагестанских языках данные слова получают тот или иной классный признак в зависимости от половой характеристики референта [Забитов 2001: 188]. Так, например, класс следующих существительных персидского происхождения, обозначающих как мужчин, так и женщин, можно определить только в контексте:

авар. *устар* ‘сапожник’; бежт., год., гунз., кар., тинд., цез., чам., рут. *устар*, дарг., буд. *уста*, лак. *усттар*, цах. *устта* ‘мастер’;

авар., бежт., гунз. *палугьан*, кар. *палигьан*, тинд. *палухан*, чам. *палагьан*, дарг. *пагьливан*, лак. *пагьламан*, цах. *пегьливан*, чеч. *пелхьо̄*, инг. *пелхьа*, рут. *палуван*, буд. *пегьливан* ‘канатоходец’;

лак. *савдажар*, рут. *савдагар*, буд. *совдагар*, чеч. *совдегар* ‘торговец’;

авар., лак., буд. *сардар*, чеч. *сардал* ‘наместник’;

рут., цах. *мигьман*, буд. *мемен* ‘гость’;

дарг. *ашна* ‘друг; милашка’; лак., рут. *ашна* ‘приятель (-ница); любовник (-ница)’.

Каких-либо строгих критериев распределения заимствованной лексики по грамматическим классам в восточнокавказских языках не существует. Можно отметить, что названия животных, как правило, относятся к III классу, например:

авар., бежт., гунз., кар., чам., лак., рут., цах. *чакьал*, арч. *жыкьал*, ахв. *чакъа*, цез. *шаIкъал*, хвар. *шакъал*, гин. *чакъар*, хин. *джакъкъал*, крыз. *ччакъкъал*, буд. *ччакъал*, чеч. *чагIалкх* ‘шакал’;

авар., чам., цез., лак. *жанавар*, дарг. *жанивар* ‘зверь’; цах., хин., крыз., буд. *джанавар* ‘волк’;

хин., крыз., буд. *даьлаь*, цах. *делаь* ‘ласка; куница’;

авар., лак., буд. *ахта* ‘мерин’; дарг. *ахта* ‘кляча’;

дарг. *кьял*, лак. *кал* ‘корова’; цах. *кал*, крыз. *каьл* ‘буйвол’;

лак. *паланг*, буд. *пеленг* ‘тигр’ и др.

Однако в отдельных языках, например в цахурском, ряд слов, обозначающих животных, могут относиться также и к IV классу: цах. *пельгьаьнг* ‘тигр’, *вашакь* ‘леопард’, *первана* ‘бабочка (ночная)’, *харчанак* ‘рак’, *дев* ‘чудовище’ и др. [Талибов 1961: 218].

По поводу разграничения III и IV классов Л.И. Жирков пишет: “Возможность некоторого смыслового разграничения между III и IV классами как будто намечается в том, что к III классу относили животных, но наряду с ними также и стихийные силы природы, природные яв-

ления, “крупные” и “круглые” предметы; к IV же классу – вещества окружающей человека природы, минералы, металлы, сыпучие тела и, наконец, отвлеченные понятия” [Жирков 1955: 25].

М.Ш. Халилов полагает, что одним из критериев, влияющих на распределение иноязычных слов по классам в бежтинском языке, является принцип семантической аналогии, согласно которому новые заимствования попадают в тот класс, в котором имеются названия однородных предметов [Халилов 1981: 32]. Сказанное можно отнести и к другим нахско-дагестанским языкам. Так, например, имена существительные, выражающие абстрактные понятия, в процессе заимствования могут оказаться в различных нахско-дагестанских языках как в III, так и в IV классе:

авар. III, кар. III, тинд. III, чам. III, бежт. III, гунз. III, цез. III, лак. III *багьана*, но буд. IV *багьна*, чеч. IV *бахьана* ‘предлог, повод’;

лак. III *бахт*, но буд. IV *бахт* ‘счастье’;

авар. III, бежт. III, кар. III, чам. III, цез. III, лак. III *пурман*, буд. III *ферман*, но чеч. IV *пурба* ‘разрешение, дозволение; указ’;

кар. III, гунз. III, лак. III *макру*, бежт. III *макро*, буд. III *макыр*, чеч. III *мӗкарлō*, но рут. IV *макар* ‘хитрость, коварство’;

авар. III, кар. III, тинд. III, чам. III, бежт. III, гунз. III, цез. III, лак. III *гьунар*, но буд. IV *хIунар*, чеч. IV *хьуьнар* ‘подвиг, умение, искусство, способность’;

лак. III *умуд*, но буд. IV *уьмуьд* ‘надежда’;

авар. III, кар. III, тинд. III *сийахIи*, но буд. IV *сийагьи* ‘список, перечень’;

буд. III *абыр*, но лак. IV *авур* ‘изящество; привлекательность; приятная внешность’;

авар. III, лак. III *зиян*, бежт. III, тинд. III, чам. III, но буд. IV *зийан*, чеч. IV *зӗн* ‘вред, ущерб’;

авар. III, кар. III, тинд. III, чам. III, цез. III *ишан*, бежт. III *ишара*, но лак. IV, буд. IV *лишан* ‘знак; метка; мишень, прицел’;

авар.III, гунз. III *жан*, кар. III, тинд. III, чам. III *джан*, но лак. IV *жан*, буд. IV *джан* ‘сила, энергия; душа’;

авар. III, бежт. III, лак. III *чара*, но буд. IV *чара* ‘выход; средство; возможность’.

Тенденцию к включению абстрактной заимствованной лексики андийскими и цезскими языками в III класс исследователи объясняют влиянием аварского языка, утратившего IV класс [Забитов 2001: 191]. Что касается языков южного ареала, то в них не наблюдается строгого распределения иноязычных слов по III и IV классам. Таким образом, заимствованные персидские имена существительные, подобно исконной лексике, распределяются по грамматическим классам в нахско-дагестанских языках неравномерно.

Категория числа персидских заимствований

Персидские имена перешли в восточнокавказские языки только в форме единственного числа. Они образуют в них множественное число, как и все исконные имена, при помощи суффиксов множественного числа, присоединяемых к форме именительного падежа единственного числа. Выбор того или иного суффикса множественного числа во многих языках в основном зависит от структуры самого слова [Талибов 1966: 548]. Рассмотрим способы образования множественного числа персидских заимствований в некоторых восточнокавказских языках.

Так, в аварском языке одним из самых распространенных суффиксов множественного числа является суффикс *-ал*, присоединяемый, как правило, к заимствованным персидским именам существительным с согласным исходом, например:

амбар ‘амбар’ – *амбар-ал* < перс. انبار ambār; *гIабаси* ‘двугривенный’ – *гIабс-ал* < перс. عباسی abbāsi; *кагъат* ‘бумага; документы; письмо’ – *кагът-ал* < перс. کاغذ kāqaz; *гамущ* ‘буйвол’ – *ганщ-ал* < перс. گامیش

gāmiš; *гомог* ‘желоб; труба’ – *гонг-ал* < перс. گنگ gong; *чали* ‘изгородь; загон; плетень’ – *чал-ал* < перс. چل čal.

Суффикс *-заби* присоединяется к немногочисленным персидским именам, обозначающим личность, например:

устар ‘сапожник’ – *устар-заби* < перс. استاد ostād; *шагь* ‘шах’ – *шагь-заби* < перс. شاه šāh; *сардар* ‘наместник’ – *сардар-заби* < перс. سردار sardar; *тушман* ‘враг, неприятель’ – *тушман-заби* < перс دشمن došmān.

В каратинском языке один из суффиксов множественного числа *-ди* встречается чаще всего в именах с сонорным исходом:

базарган ‘торговец; купец; коммерсант’ – *базарга*^{н}*-ди* < перс. بازرگان bāzargān; *устар* ‘мастер; сапожник; ювелир; учитель’ – *устар-ди* < перс. استاد ostād; *палигьан* ‘канатоходец; представление канатоходца’ – *палигьа*^{н}*-ди* < перс. پهلوان pahlavān; *тушман* ‘враг, неприятель; ненавистный человек’ – *тушма*^{н}*-ди* < перс. دشمن došmān; *ишан* ‘прицел, мушка; наводка’ – *иша*^{н}*-ди* < перс. نشان nišan; *гьунар* ‘подвиг; умение; трюк; талант’ – *гьунар-ди* < перс. هنر honar; *чадир* ‘шатер; будка (*на кладбище*)’ – *чадир-ди* < перс. چادر čādor; *шагьар* ‘город’ – *шагьар-ди* < перс. شهر šahr.

Наиболее продуктивный суффикс множественного числа в гунзибском языке *-ла* присоединяется к персидским основам на согласный звук, например:

парчахI ‘царь, царица’ – *пачахI-ла* < перс. پادشاه pādšāh; *мунахI* ‘грех’ – *мунахI-ла* < перс. گنه gonah; *диван* ‘спор; суд’ – *диван-ла* < перс. دیوان divān; *чирах* ‘лампа; свеча’ – *чирах-ла* < перс. چراغ čerāq; *бардижан* ‘помидор’ – *бардижан-ла* < перс. بادمجان bādemjān; *гIаждагь* ‘дракон, чудовище’ – *гIаждагь-ла* < перс. اژدها ajdahā; *сангар* ‘завал; преграда; баррикада’; – *сангар-ла* < перс. سنگر sangar.

Если заимствованное персидское имя оканчивается на гласный *а*, множественное число в гунзибском языке образуется при помощи другого продуктивного суффикса *-р*, например:

багьана ‘предлог, повод; причина’ – *багьана-р* < перс. بهانه bahāne; *пара* ‘клочок, кусок’ – *пара-р* < перс. پاره pare; *халича* ‘ковер’ – *халича-р* < перс. قالیچه qāliče; *шуша* ‘бутылка, флакон; стекло (*ламповое*)’ – *шуша-р* < перс. شیشه šiše; *гъыртIэна* ‘каменный каток’ – *гъыртIэна-р* < перс. وردنه vardane; *ланда* ‘рубанок’ – *ланда-р* < перс. رنده rande; *багьа* ‘цена; стоимость’ – *багьа-р* < перс. بها bahā; *чагъана* ‘скрипка’ – *чагъана-р* < перс. چغانه čaḡāne.

Лакский язык, как известно, отличается многообразием суффиксов множественного числа. А.Ш. Акиев [1964: 9] отмечает более 65 таких единиц. Как и исконные лакские слова, заимствованные персидские имена могут приобретать разнообразные элементы множественности. Например:

алча ‘алыча’ – *алча-рду* < перс. آلوچه āluče; *багьана* ‘причина, повод’ – *багьан-тту* < перс. بهانه bahāne; *пялут* ‘дуб’ – *пялут-ру* < перс. بلوط balut; *бил* ‘лопата’ – *бил-лу* < *ср.-перс. bēl*; *бигар* ‘поручение’ – *бигар-ду* < перс. بیگار bigār; *чарх* ‘катушка; колесо’ – *чарх-ру* < перс. چرخ čarx; *чупан* ‘пастух, чабан’ – *чупан-тал* < перс. چوپان čupān; *дасттамал* ‘тряпка’ – *дасттамал-лу* < перс. دستمال dastmāl.

В чеченском языке персидские имена существительные, как и другие исконные слова, образуют множественное число главным образом посредством форманта *-(Г)ш*, например:

совдегар ‘торговец; торговка’ – *совдегар-ш* < перс. سوداگر sowdāgar; *паччахь* ‘царь, шах, падишах’ – *паччахь-аш* < перс. پادشاه pādšāh; *сардал* ‘наместник’ – *сардал-ш* < перс. سردار sardar; *шахь* ‘шах’ – *шахь-аш* < перс.

شاه šāh; *шахьар* ‘город’ – *шахьар-ш* < перс. شهر šahr; *эппаз* ‘двугривенный’ –*эппаз-аш* < перс. عباسی abbāsi; *инжир* ‘инжир’ – *инжир-аш* < перс. انجیر anjir; *нар* ‘гранат’ – *нар-аш* < перс. نار nār.

В лезгинском языке наиболее продуктивный суффикс *-ар* присоединяется в основном к персидским заимствованиям, оканчивающимся на согласный звук, а также к односложным словам, имеющим в своем составе гласный заднего ряда (исключением являются несколько слов, содержащих гласные переднего ряда). Например:

пагьливан ‘борец, силач’ – *пагьливан-ар* < перс. پهلوان pahlavān; *гьевенг* ‘ступа’ – *гьевенг-ар* < перс. هاونگ hāvang; *лишан* ‘метка; мишень’ – *лишан-ар* < перс. نشان nišan; *гамиш* ‘буйвол’ – *гамиш-ар* < перс. گامیش gāmiš; *ранг* ‘краска, краситель; цвет, колер’ – *ранг-ар* < перс. رنگ rang.

Лезгинский суффикс *-ер* присоединяется в основном к односложной основе, в составе которой имеется гласный переднего ряда. Например:

сим ‘провод; проволока; струна’ – *сим-ер* < перс. سیم sim; *зенг* ‘звонок; колокол’ – *зенг-ер* < перс. زنگ zang; *мих* ‘гвоздь’ – *мих-ер* < перс. میخ mix; *къиф* ‘воронка’ – *къиф-ер* < перс. قیف qif; *шир* ‘краска’ – *шир-ер* < перс. سیر sir; *дем* ‘танцы на свадьбе’ – *дем-ер* < перс. دن dan и т.д.

Однако небольшое количество слов с гласным заднего ряда в основе также образуют множественное число при помощи суффикса *-ер*:

кал ‘корова’ – *кал-ер* < перс. کل kal; *ван* ‘голос; слух’ – *ван-ер* < ср.-перс. *vāng* и др.

Интересное объяснение причин такого нарушения сингармонизма в лезгинском языке дает Р.И. Гайдаров, предположивший, что причиной этому является возможное неправильное употребление данных лексем носителями других языков, не знавших фонетические законы лезгинского

языка, и, как следствие, это стало нормой употребления данных форм множественного числа [Гайдаров 1985: 81].

Суффикс *-яр* в лезгинском языке присоединяется к слову, оканчивающемуся на гласный звук. Например:

гада 'мальчик; сын; парень' – *гада-яр* < перс. گدا gadā; *жерге* 'ряд; шеренга' – *жерге-яр* < перс. جرگه jarge; *дегьне* 'глубина, глубокое место; глубокий' – *дегьне-яр* < перс. دهانه dahāne; *чхра* 'прялка' – *чхра-яр* < перс. چرخه čarxe; *чешме* 'исток, источник' – *чешме-яр* < перс. چشمه češme; *зуьрне* 'зурна' – *зурне-яр* < перс. سورنا surnā и т.д.

В табасаранском языке множественное число образуется от формы единственного числа посредством суффикса множественности *-ар*, который принимают слова с согласным исходом, а также односложные закрытые имена с гласным заднего ряда в своем составе и с гласным переднего ряда *-и-* в основе, но с согласным исходом:

банд 'запруда, плотина; обод, обруч' – *банд-ар* < перс. بند band; *чап* 'издание' – *чап-ар* < перс. چاپ čāp; *чарх* 'колесо; арка' – *чарх-ар* < перс. چرخ čarx; *наз* 'кокетство, каприз' – *наз-ар* < перс. ناز nāz; *пир* 'святыня; священное место' – *пир-ар* < перс. پیر pir; *сим* 'провод, проволока; струна' – *сим-ар* < перс. سیم sim; *кемен* 'аркан' – *кемен-ар* < перс. کمند kamand; *хураг* 'пища, еда' – *хураг-ар* < перс. خوراک xorāk; *келеф* 'моток' – *келф-áр* < перс. کلاف kalāf; *карван* 'караван' – *карвн-áр* < перс. کاروان kārvān; *зунжур* 'цепь; цепочка' – *зунжр-áр* < перс. زنجیر zanjir; *чарпас* 'топчан' – *чарпс-áр* < перс. چارپاره čārpāre.

Как видно из последних примеров, у многосложных имен может наблюдаться качественная редукция последнего гласного основы, обусловленная перемещением ударения со второго слога основы в единственном числе на формант множественности *-ар,* что приводит к полной редукции предударного гласного основы.

Другой употребительный табасаранский суффикс *-йир* присоединяется к словам с гласным исходом, например:

чара 'средство, способ' – *чар-йир* < перс. چاره čāre; *дерди* 'горе; забота' – *дерд-йир* < перс. دردی dardi; *дере* 'долина; ущелье' – *дер-йир* < перс. دره darre; *жюре* 'вид, род, сорт' – *жюр-йир* < перс. جور jur; *чене* 'подбородок' – *чен-йир* < перс. چانه čāne; *дегьре* 'маленький топорик, секач' – *дегьр-йир* < перс. دهره dahre.

Здесь также наблюдается редукция флексии единственного числа под влиянием перемещения ударения с основы на формант множественности.

Таким образом, если рассматривать заимствованные персидские имена с точки зрения числового оформления, то можно констатировать, что они строго подчиняются грамматической категории числа восточнокавказских языков.

Морфологическая деривация персидских заимствований

Основным средством обогащения словарного состава языка является словообразование [Левковская 1954: 5]. В нахско-дагестанских языках основными способами словообразования являются суффиксация и словосложение. Ср., в частности, следующее высказывание об аварском именном словообразовании: "В аварском языке имена существительные образуются главным образом посредством основосложения и суффиксации. Наиболее продуктивным является основосложение. Кроме того, имена существительные могут образовываться путем субстантивации прилагательного и причастия, аблаутным чередованием, калькированием. Последние способы используются для пополнения класса имен существительных реже, чем основосложение и суффиксация" [Мадиева 1981: 56].

Во многих нахско-дагестанских языках вследствие взаимодействия персидской и исконной лексики образовалось большое количество гиб-

ридных словообразований, из которых, в зависимости от их составляющих, можно выделить следующие модели:

основа персидского имени + исконный суффикс;

основа исконного имени + персидский суффикс;

основа персидского имени в составе сложного имени заимствующего языка;

основа персидского имени + вспомогательный глагол заимствующего языка.

Предметом нашего анализа явились словообразования, сформированные в отдельных нахско-дагестанских языках на основе персидских имен и исконных деривационных суффиксов. В этом аспекте освещаются два наиболее распространенных типа именного словосложения: производные слова от персидских основ и производные слова с суффиксами и префиксами персидского происхождения.

Основа персидского имени + исконный суффикс.

Анализ заимствованной персидской лексики показывает, что заимствованные слова вступают в словообразовательные отношения со многими исконными деривационными морфемами. Например, при помощи суффиксов с классными показателями *-а-б, -я-б*, в аварском языке могут быть образованы имена прилагательные от персидских именных основ:

чиркин-аб ‘грязный’ < перс. چرکین čerkin ‘грязный, ‘гнойный’; *бизар-аб* ‘скучный, докучливый’ < перс. بیزار bizār ‘питающий отвращение’; *дурус-аб* ‘точный, правильный’ < перс. درست dorost ‘правильный; прямой’; *пашман-аб* ‘грустный, печальный’ < перс. پشیمان pašimān ‘сожалеющий’; *чорок-аб* ‘грязный, чумазый’ < перс. چرک čerk ‘грязь; гной’; *назук-аб* ‘овальный, тонкий’ < перс. نازک nāzok ‘тонкий, нежный; хрупкий’; *дарман-аб* ‘лекарственный’ < перс. درمان darmān ‘лечение; лекарство’; *жанавар-аб* ‘звериный; зверский’ < перс. جانور jānvar ‘животное, зверь; живой’;

мунагь-аб ‘грешный; виновный’ < перс. گنه gonah ‘грех; преступление’; *дару-яб* ‘лекарственный’ < перс. دارو dāru ‘лекарство’; *таза-яб* ‘чистый, свежий; настоящий’ < перс. تازه tāze ‘свежий; новый’; *ахта-яб* ‘кастрированный’ < перс. آخته āxte ‘кастрированный; кастрат’; *багьа-яб* ‘дорогой; дорогостоящий’ < перс. بها bahā ‘цена, стоимость’; *загьру-яб* ‘ядовитый, отравляющий’ < перс. زهر zahr ‘яд, отрава’; *тамаша-яб* ‘удивительный; странный’ < перс. تماشا tamāšā ‘обозревание’.

В лакском языке подобной морфемой является продуктивный суффикс *-сса*, образующий слова с отвлеченными понятиями, например:

аьсив-сса ‘беспросветный, печальный’ < перс. آسیب āsib ‘смятение, вред’; *банувша-сса* ‘фиолетовый’ < перс. بنفش banafš ‘фиолетовый’; *кугьна-сса* ‘старый, ветхий’ < перс. کهنه kohne ‘старый, давний’; *лал-сса* ‘немой, глухонемой’ < перс. لال lāl ‘немой’; *наранжи-сса* ‘оранжевый’ < перс. نارنجی nārenji ‘оранжевый’; *турш-сса* ‘кислый’ < перс. ترش torš ‘кислый’; *чапал-сса* ‘грязный, запачканный’ < перс. چپل čapal ‘грязный, запачканный’; *авадан-сса* ‘богатый, зажиточный’ < перс. آبادان ābādān ‘благоустроенный’; *ашкара-сса* ‘явный, открытый’ < перс. آشکار āškār ‘явный, очевидный’; *азат-сса* ‘свободный’ < перс. آزاد āzād ‘свободный, вольный’; *бизар-сса* ‘скучный; опечаленный’ < перс. بیزار bizār ‘питающий отвращение’; *кутIа-сса* ‘короткий’ < перс. کوته kutah ‘короткий’; *пашман-сса* ‘печальный, грустный’ < перс. پشیمان pašimān ‘сожалеющий’; *шад-сса* ‘радостный, веселый’ < перс. شاد šād ‘радостный; довольный’; *таза-сса* ‘бодрый, свежий’ < перс. تازه tāze ‘свежий; новый’.

Аналогично лакскому языку, в даргинском языке большинство прилагательных образуются путем добавления к основам словообразовательного суффикса *-си*, ср.:

ашкар-си ‘явный, очевидный’ < перс. آشکار āškār ‘явный, очевидный’; *азад-си* ‘свободный’ < перс. آزاد āzād ‘свободный’; *шад-си* ‘веселый’ < перс. شاد šād ‘радостный; довольный’; *таза-си* ‘здоровый’ < перс. تازه tāze ‘свежий; новый; мускулистый’; *вай-си* ‘плохой; скверный’ < перс. بد bad ‘плохой; злой’; *пашман-си* ‘печальный; скорбный’ < перс. پشیمان pašimān ‘сожалеющий’; *чагъ-си* ‘задорный’ < перс. چاغ čāġ ‘здоровый; тучный’.

При помощи исконных деривационных суффиксов от персидских имен в нахско-дагестанских языках могут образовываться имена существительные со значением отвлеченности и абстрактности. В лакском языке одним из таких суффиксов со значением отвлеченности является суффикс *-шиву*, ср.:

авадан-шиву ‘богатство’ < перс. آبادان ābādān ‘благоустроенный’; *авур-шиву* ‘изящество; нарядность’ < перс. آبرو ābru ‘честь, достоинство’; *азат-шиву* ‘свобода’ < перс. آزاد āzād ‘свободный, вольный’; *ашкара-шиву* ‘явность’ < перс. آشکار āškār ‘явный, очевидный’; *зирак-шиву* ‘проворство, ловкость’ < перс. زیرک zirak ‘хитрый; смышленый’; *кугьна-шиву* ‘старый, ветхий’ < перс. کهنه kohne ‘старый, ветхий; давний’; *таза-шиву* ‘бодрость, свежесть’ < перс. تازه tāze ‘свежий; новый’; *чапал-шиву* ‘грязь’ < перс. چپل čapal ‘грязный, запачканный’; *аьсив-шиву* ‘безнадёжность, уныние’ < перс. آسیب āsib ‘смятение, вред’; *бизар-шиву* ‘скука’ < перс. بیزار bizār ‘питающий отвращение’; *дарман-шиву* ‘целительность’ < перс. درمان darmān ‘лечение; лекарство’.

В аварском языке одним из продуктивных суффиксов отвлеченности является суффикс *-лъи*, ср.:

пашман-лъи ‘горе, скорбь, грусть’ < перс. پشیمان pašimān ‘сожалеющий’; *дурус-лъи* ‘верность’ < перс. درست dorost ‘правильный, верный’;

авадан-лъи 'веселье' < перс. آبادان ābādān 'благоустроенный; возделанный'; *тушман-лъи* 'вражда' < перс. دشمن došmān 'враг; противник'; *чорок-лъи* 'грязь' < перс. چرک čerk 'грязь; гной'; *тамаша-лъи* 'диво' < перс. تماشا tamāšā 'обозревание'; *багьа-лъи* 'дороговизна' < перс. بها bahā 'цена, стоимость'; *устар-лъи* 'мастерство, искусство' < перс. استاد ostād 'мастер; искусный'; *ламарт-лъи* 'коварство' < перс. نامرد nāmard 'трусливый; подлый'.

В даргинском языке подобные слова образуются при помощи суффикса отвлеченных существительных *-деш*, ср.:

жанивар-деш 'зверство' < перс. جانور jānvar 'животное, зверь'; *кам-деш* 'нехватка' < перс. کمی kami 'малое количество; нехватка'; *шад-деш* 'радость, ликование' < перс. شاد šād 'радостный; довольный'; *душман-деш* 'вражда' < перс. دشمن došmān 'враг; противник'; *уста-деш* 'мастерство, искусство' < перс. استاد ostād 'мастер; искусный'; *дурус-деш* 'точность' < перс. درست dorost 'правильный, верный'; *азад-деш* 'свобода' < перс. āzād 'свободный, вольный'.

В лезгинском языке продуктивным суффиксом, при помощи которого от различных персидских имен образуются существительные с абстрактным значением, является суффикс *-вал*. П.К. Услар по данному поводу пишет: "Окончание *-вал* служит для обозначения понятий отвлеченных" [Услар 1896: 49]. Например:

темпел-вал 'лень' < перс. تنبل tambal 'ленивый; лентяй'; *тек-вал* 'одиночество' < перс. تک tak 'одиночный'; *таза-вал* 'свежесть, новизна' < перс. تازه tāze 'свежий, новый'; *тади-вал* 'спешка, поспешность' < перс. تندی tondi 'быстрота, спешка'; *савдагар-вал* 'занятие торговлей' < перс. سوداگر sowdāgar 'купец, торговец'; *регьбер-вал* 'руководство' < перс. رهبر rahbar 'руководитель; вождь'; *мурдар-вал* 'мерзость' < перс. مردار mordār

‘мертвечина, падаль, труп’; *азад-вал* ‘свобода, воля’ < перс. آزاد āzād ‘свободный, вольный’; *асайиш-вал* ‘покой, спокойствие’ < перс. آسایش āsāyeš ‘спокойствие, покой’; *ашпаз-вал* ‘занятие и профессия повара’ < перс. آشپز āšpaz ‘повар, кухарка’; *бедбахт-вал* ‘несчастье, беда’ < перс. بد بخت badbaxt ‘несчастный’; *дуст-вал* ‘дружба, содружество’ < перс. دوست dust ‘друг, приятель’.

При помощи исконных суффиксов от персидских именных основ в некоторых восточнокавказских языках могут образовываться наречия (ряд заимствованных основ могут выступать в качестве наречия в первообразной безаффиксной форме), например:

авар. *-го*: *авадан-го* ‘весело; навеселе’; *дурус-го* ‘подробно, точно; правильно’; *чорок-го* ‘грязно’;

дарг. *-ли*: *шад-ли* ‘весело’; *дурус-ли* ‘точно; правильно’; *ашкар-ли* ‘явно, очевидно’; *жярга-ли* ‘грязно’;

лак. *-ну*: *авара-ну* ‘тревожно, смутно’; *башбатар-ну* ‘тупо’; *авур-ну* ‘изящно; нарядно’; *дус-ну* ‘дружно’; *душман-ну* ‘враждебно’; *зирак-ну* ‘проворно, живо’ и т.п.;

таб. *-ди*: *авадан-ди* ‘изобильно, плодородно’; *азад-ди* ‘свободно; вольно’; *гюлюшан-ди* ‘радостно’; *гьиллакар-ди* ‘ленясь’; *динж-ди* ‘спокойно и сыто’; *дуст-ди* ‘по-дружески, дружески’; *душман-ди* ‘враждебно; неприязненно’; *живан-ди* ‘по-юношески, молодо’.

В лезгинском языке при помощи продуктивных суффиксов *-даказ* и *-диз* от персидских имен прилагательных также могут образовываться наречия образа действия, например:

лезг. *асант-даказ*, *асант-диз* ‘легко’; *зирек-даказ*, *зирек-диз* ‘бойко’, ‘живо’; *мерд-даказ*, *мерд-диз* ‘щедро’; *пайгар-даказ*, *пайгар-диз* ‘как следует’; *пашман-даказ*, *пашман-диз* ‘грустно’; *хуш-даказ*, *хуш-диз* ‘охотно’, ‘радушно’ и др.

Заимствованные из тюркских языков словообразовательные суффиксы *-лу*, *-суз*, *-чи* широко употребляются в языках южного ареала. Они могут образовывать от персидских основ имена прилагательные и существительные с различными значениями. Подавляющее большинство функционирующих в нахско-дагестанских языках имен с данными суффиксами вероятнее всего заимствовано из азербайджанского языка-посредника, в котором имеются аналогичные формы:

лезг., таб. *абурлу*, буд. *абырлу*, удин. *гьабурлу* 'приличный, добропорядочный' (аз. *abırlı*) < перс. آبرو ābru;

лезг. *дертлу*, таб. *дердлу*, буд. *дардлу*, удин. *даьрдлу* 'скорбящий' (аз. *dərdli*) < перс. درد dard;

таб., буд. *багьа-лу* 'дорогой, дорогостоящий' < аз. *baha-lı* < перс. بها bahā 'цена, стоимость';

лезг., удин. *азар-лу*, таб. *аьзар-лу* 'больной' < аз. *azar-lı* < перс. آزار āzār 'мучение; притеснение; обида';

лезг., таб. *бегьер-лу*, буд. *багьар-лу* 'урожайный, плодородный' < аз. *bəhrə-li* < перс. بهره bahre 'доля, часть; польза; прибыль; урожай';

лезг., таб., удин. *умуд-суз*, буд. *уьмуьд-суз* 'безнадежный' < аз. *ümid-siz* < перс. امید omid 'надежда, упование';

лезг., таб. *гунагь-суз* 'безгрешный' < аз. *günah-sız* < перс. گنه gonah 'грех; проступок; преступление' и др.

лезг., таб., буд. *бахтсуз*, удин. *вахтсуз* 'несчастный' (аз. *bəxtsiz*) < перс. بخت baxt;

лезг., таб., буд. *чарасуз* 'необходимый' (аз. *çarəsiz*) < перс. چاره čāre;

лезг. *зуьрнечи*, таб., буд., удин. *зурначи* 'зурнач' (аз. *zürnaçı*) < перс. سورنا surnā и т.д.

Слова, включающие в себя иранскую основу и тюркские суффиксы *-лу*, *-суз*, *-чи*, можно считать исконными словообразованиями лишь при

условии, что данные слова отсутствуют в языке-посреднике. Таких слов в лезгинских языках довольно мало. К ним, например, можно отнести следующие лексемы:

таб. *гурлу* 'шумный; оживлённый' < перс. گوری guri;

лезг. *дасмалчи* 'подхалим' < перс. دستمال dastmāl;

лезг., таб. *женгчи* 'борец (за что-либо)' < перс. جنگ jang;

лезг. *силисчи* 'болтун' < перс. سلس sales;

лезг., таб. *бегьемсуз* 'поверхностный; несерьезный' < перс. بهم beham.

В лезгинском языке сформировались прилагательные с иранской основой, образованные с помощью других исконных суффиксов (*-н, -гьан, -у, -ул*) ср.: *гьамиша-н* 'постоянный' < *гьамиша* 'всегда, постоянно' < همیشه hamiše 'всегда, постоянно'; *пака-гьан* 'завтрашний' < *пака* 'завтра' < پگاه pagāh 'рассвет, раннее утро'; *лахъ-у* 'тухлый' < لق laq 'расшатанный; испорченный, тухлый'; *зар-ул* 'печальный, горестный' < زار zār 'печальный; плач'.

Основа исконного имени + персидский суффикс.

Вместе с многочисленными персидскими словами в восточнокавказские языки проникли и некоторые персидские словообразующие суффиксы, часть из которых, преимущественно в языках южного ареала, может участвовать в образовании новых слов. К наиболее продуктивным из них относятся персидские суффиксы *-бан* и *-ган* (в нахских, аваро-андоцезских, даргинском и лакском языках данные суффиксы в исконных производных основах либо не встречаются вообще, либо встречаются крайне редко).

Суффикс *-бан* образует имена существительные, обозначающие в основном лиц, занимающихся охраной чего-либо или уходом за животными. Особенностью данного суффикса является то, что "он в слове необязательно следует за основой или же исходной формой слова, к кото-

рому присоединяется, а допускает сохранение в нем тех или иных парадигматических флексий" [Гайдаров 1966: 53]. Например:

лезг.: *гъили-бан* 'подручный' < *гъил* 'рука'; *кIелер-бан* 'пастух, пасущий ягнят' < *кIел* 'барашек'; *кьерех-бан* 'пастух, пасущий телят' *(джаб.)* < *кьерех* 'теленок'; *регъуьх-бан* 'мельник' < *регъв* 'мельница'; *вакIар-бан* 'свиновод' < *вакI* 'свинья'; *данар-бан* '*пастух (пасущий телят)*' < *дана* 'телёнок'; *кицIер-бан* 'псарь' < *кицI* 'собака'; *куьче-бан* 'бездельник, уличный зевака' < *куьче* 'улица'; *малар-бан* 'скотник; пастух' < *мал* 'скот, скотина'; *рамаг-бан* 'гуртовщик' < *рамаг* 'гурт'; *салар-бан* 'огородник' < *сал* 'огород'; *туму-бан* 'прихвостень' < *тум* 'хвост'; *хвалар-бан* 'смотритель за канавами' < *хвал* 'канава, арык'; *нехир-бан* 'пастух (*пасущий крупный рогатый скот*)' < *нехир* 'стадо крупного рогатого скота'.

таб.: *кIарар-бан* 'телятник' < *кIари* 'теленок'; *пеэр-бан* 'птичник' < *пеъ* 'курица'; *силар-бан* 'свинопас' < *сил* 'свинья'; *хварар-бан* 'пастух, пасущий кобылиц' < *хвар* 'кобыла'; *ччилар-бан* 'чабан, пасущий ягнят' < *ччил* 'ягнёнок'; *рамаг-бан* 'гуртовщик' < *рамаг* 'гурт'; *хюрча-бан* 'охотник' < *хюрч* 'охота; дичь'.

Суффикс персидского происхождения *-ган*, присоединяясь к именам существительным, образует слова в основном со значением вместилищ, предметов быта. Он характеризуется тем, что "может следовать как непосредственно за основой, так и после флексий того или иного падежа или же формы множественного числа" [Гайдаров 1966: 58-59], например:

лезг.: *тIурар-ган* 'ящичек для хранения ложек' < *тIурар* 'ложки'; *хуру-ган* 'фартук, передник' < *хуру* 'ворот'; *крчар-ган* 'поводок для тяглового скота' > *крчар* 'рога'; *пеле-ган* 'женское головное украшение' < *пел* 'лоб'; *гафар-ган* 'словарь' < *гафар* 'слова'; *рапар-ган* 'подушечка для иголок, игольница' < *рапар* 'иголки'; *химир-ган* 'посуда (*в которой хранится закваска для теста*)' < *химир* 'закваска для теста'; *шемер-ган* 'подсвечник для нескольких свечей' < *шемер* 'свечи'; таб.: *рубар-ган*

'подушечка для иголок, игольница' < *рубар* 'иголки'; *муччврар-ган* 'коробка для ложек' < *муччврар* 'ложки'.

В исследуемых языках встречается небольшое количество слов, в которых можно выделить и другие персидские суффиксы, например: *-кар*, *-гар*, служащие для образования имен, выражающих действующее лицо, например:

дарг. *гIякьлу-кар*, лак. *аькьлу-кар* 'мудрец'; дарг. *тамяхI-кар*, лак. *тамахI-кар* 'претендующий'; буд. *тIамагь-кар*, лез. *темягь-кар*, таб. *тямягь-кар* 'корыстолюбец, алчный человек'; дарг., лак. *зулму-кар*, рут. *зулум-кар* 'деспот, угнетатель'; дарг. *хатIа-кар* 'виновник', буд., лезг., удин. *хата-кар*, таб. *хатIа-кар* 'опасный человек'; лак. *пиша-кар*, лезг. *пеше-кар*, таб. *пише-кар*, удин. *пеша-кар* 'специалист, ремесленник'; лезг., таб. *гунагь-кар* 'грешник; виновник'; лезг. *гьуьжет-кар*, таб. *гьюжат-кар*, буд. *гьуьджет-кар* 'спорщик; упрямец'; лак. *ссят-кар* 'часовой мастер'; дарг. *пагьму-кар* 'талантливый'; дарг. *аьклу-кар* 'мудрец'; дарг. *хIилла-кар* 'хитрец'; лезг. *сенят-кар*, таб. *сяняаьт-кар* 'мастер, ремесленник'; лезг. *савда-гар*, таб. *севди-гар* 'торговец, купец'; лезг., таб. *заргар* 'золотых дел мастер'; лезг., таб. *фенди-гар* 'хитрец, ловкач'.

С помощью суффикса *-дан* образуются названия вместилищ какого-либо вещества, например:

буд. *абгар-дан*, лезг. *абугер-ден* 'половник (*металлический*)'; буд. *къефе-дан*, авар., кар., чам., цез., лезг., таб., цах. *чай-дан* 'чайник *(для кипячения воды)*'; лезг., таб. *шекер-дан* 'сахарница'; лезг. *шем-дан*, таб. *шам-дан* 'подставка для свечей'; лезг. *къагьве-дан* 'кофейник'; *мичек-дан* 'марлевый полог от комаров'.

Суффикс *-стан* образует названия стран, областей или слов со значением: "место обильное...", например:

авар. *Авари-стан* 'Авария'; авар., лезг. *Гуржи-стан*, лак. *Гуржисттан* 'Грузия'; авар. *ГIарабу-стан*, лак. *Аьрабу-сттан*, лезг. *Арабистан* 'Аравия'; авар., лезг. *Эрмени-стан* 'Армения'; лезг. *Аджари-стан*,

лак. *АьчІари-сттан* ‘Аджария’; лезг. *къебри-стан* ‘кладбище’; буд. *кьабу-стан* ‘могила’; таб. *шагьри-стан* ‘город и его окрестности’ и др.

Однако данные суффиксы были заимствованы вместе с иноязычными словами и практически не встречаются в производных основах исконно дагестанского происхождения. В связи с этим Э. Хауген отмечает, что “производные и сложные слова могут заимствоваться целиком, но лишь в очень редких случаях заимствованные суффиксы становятся впоследствии продуктивными. Суффиксы родного языка могут легко присоединяться к иностранным основам, но не наоборот. Исследователь считает, что это связано с тем, что суффиксы представляют собой часть хорошо знакомой структуры родного языка [Хауген 1972: 373].

В языках южного ареала помимо слов с перечисленными суффиксами имеется группа слов, в состав которых входят персидские префиксы *би- (бей-, бий-)* и *на-* со значением отсутствия какого-либо качества или свойства, например:

лезг. *бей-кар*, таб. *би-кар*, буд. *би-каьр* ‘бездельник; бездельный’; лезг., таб. *бей-кеф*, буд. *бий-кеф*, удин. *бей-коьф* ‘обиженный’; лезг., таб. *бей-чара* ‘беспомощный; несчастный’; лезг. *беябурун*, таб. *беябур апІуб* ‘позорить, бесчестить’; буд. *бей-абур*, удин. *бей-гьабур* ‘позор, срам’;

лезг., таб., буд. *на-мерд* ‘скупой’; удин. *наь-маьрд* ‘вероломный, подлый’; лезг., таб., буд. *на-рази*, удин. *наь-раьзи* ‘недовольный, несогласный’; лезг., таб., буд. *на-динж* ‘шаловливый, озорной’ и др.

Однако все эти формальные словообразующие элементы в настоящее время не воспринимаются таковыми носителями южнодагестанских языков. Нами не отмечено слов, с которым бы данные аффиксы образовали новую грамматическую форму.

Основа персидского имени в составе сложного имени заимствующего языка.

Как уже отмечалось, наряду с суффиксальным словообразованием одним из наиболее распространенных способов обогащения словарного

состава нахско-дагестанских языков является словосложение, и сложные существительные играют заметную роль в словообразовании этих языков. Несмотря на то, что подавляющее большинство иранизмов в нахско-дагестанских языках представляют собой простые слова, в исследуемых языках встречаются также и композиты, образованные обычно по модели “основа персидского имени в составе сложного имени заимствующего языка”. Как справедливо отмечает К.А. Тимофеев [1960: 428], “каждая структурная форма имеет в своем составе определяющий (доминирующий) элемент, который обусловливает специфику построения (и назначения) данной формы”. Хотя структурно данным словообразованиям характерно многообразие форм, все же большая часть из них представляет собой сложение двух субстантивов в номинативе, например:

авар. *гулла-хер* ‘боеприпасы’ (< перс. گلوله golule); *даран-базар* ‘торговля; купля-продажа’ (< перс. بازار bāzār); *зурма-къали* ‘игра на зурне и барабане’ (< перс. سورنا surnā); *шагърикагъат* ‘почтовая бумага’ (< перс. شهر šahr + перс. کاغذ kāqaz); *шагъранух* ‘шоссе’ (< перс. شاهراه šāhrāh); *шагьи-пара* ‘медяки, мелкие деньги’ (< перс. شاهی šāhi); *чирахъбакI* ‘подсвечник’ (< перс. چراغ čerāq); *чакар-чай* ‘чай с сахаром’ (< перс. شکر šakar); *туснахърукъ* ‘тюрьма, дом заключения’ (< перс. دستاق dostāq); *анищхалат* ‘мечтатель’ (< перс. اندیشه andiše); *мусру-харж* ‘все, что требуется для похорон’ (букв. ‘саван-расход’);

чеч. *Iуьйр-ламаз* ‘утренний намаз’ (< перс. نماز namāz); *делкъ-ламаз* ‘полуденный намаз’; *малхбуз-ламаз* ‘намаз при заходе солнца’; *маьркIаж-ламаз* ‘вечерний намаз’; *пхьуьйр-ламаз* ‘ночной намаз’; *паччахьвийнарг* ‘цареубийца’; *тас-гIумгIий* ‘*собир.* таз и кувшин (*для умывания*)’ (< перс. طاس tās); *шекардуьллург* ‘сахарница’ (< перс. شکر šakar); *шай-кай* ‘мелочь *(мелкие деньги)*’ (< перс. شاهی šāhi); *эзаршеран* ‘тысячелетие’ (< перс. هزار hazār);

лезг. *шагьдувул* 'главный корень' (< перс. شاه šāh); *руфункал* 'обжора' < (перс. کل kal); *кьилинпацар* 'кувырок' (< перс. پارچه pāče); *гада-базар* 'сборище; беспорядочное собрание' (< перс. گدا gadā + перс. بازار bāzār); *гардан-кIирвал* 'унижение' (< перс. گردن gardan); *келлепача* 'паштет (*из курдюка, мозгов и печени*)' (< перс. کله kalle + перс. پاچه pāče);

лак. *пюрунчIул* 'посуда (*стеклянная, фаянсовая, фарфоровая*)'; *пюрунмикI* 'гололедица' (< перс. بلور ballur); *чирахъ-шатта* 'светлячок' (< перс. چراغ čerāq); *качарбичу* 'сахарница' (< перс. شکر šakar); *пучхана* 'почта' (< перс. خانه xāne); *сирбукку* 'маляр' (< перс. سیر sir); *шагькъиргъу* 'сокол' (< перс. شاه šāh); *ккулла-янсав* 'боеприпасы' (< перс. گلوله golule); *аьдлу-диван* 'правление, управление' (< перс. دیوان divān).

Аналогичная картина наблюдается и в других языках: хин. *каллап-пача* 'голье (*внутренности и конечности мясной туши*)' (< перс. کله kalle + پاچه pāče); *гада-рищи* 'ветреная, легкомысленная девушка' (< перс. گدا gadā); таб. *дуст-душман* 'друг-недруг' (< перс. دوست dust + دشمن došmān); буд. *лузу-гуьл* 'ромашка' (< перс. گل gol); цах. *чей-шакар* 'все, что необходимо к чаю' (< перс. شکر šakar); агул. *духлад-устар* 'каменщик' (< перс. استاد ostād).

Следует отметить, что некоторые исследователи относят номинативные единицы подобной структуры к сфере фразеологии. Так, по мнению А.Г. Гюльмагомедова, "при синхронном анализе континуума номинативных единиц дагестанских языков объектом фразеологической деривации должны быть образования следующих групп. В первую очередь должны быть отмечены имена, состоящие из двух компонентов - чистых основ, и составные части которых соединены между собой как сочинительным, так и подчинительным типом связи. Примеры: авар. *варанихIинчI* (верблюд-птица) 'страус', *хIама-гага* (осел-косточка) 'одуван-

чик', *сордо-къо* (день-ночь) 'сутки', *эбел-эмен* (мать-отец) 'родители', *оц-гIака* (бык-корова) 'скот', *вац-вас* (брат-сын) 'близкая родня'; лак. *макьара-оьрватIи* (скорлупа-лягушка) 'черепаха', *варани-чIелму* (верблюд-птичка) 'страус', *ххячара чIелму* (перепонка-птица) 'летучая мышь', *бюрхттукку* (заяц-осел) 'белка', *гъалбарцI* (*гъал* 'грива', *барцI* 'волк') 'лев'; рут. *цIир-хьум* (полено-дым) 'головешка', *цIай-рапын* (огонь-метание) 'молния'" [Гюльмагомедов 1996: 17].

Основа персидского имени + вспомогательный глагол заимствующего языка.

В восточнокавказских языках большое место занимают аналитические глаголы, образованные с помощью основного компонента (какого-либо имени) и вспомогательного (простых глаголов-связок) чаще всего со значением 'делать' и 'быть', 'становиться' и некоторых других. Следует отметить, что "исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, какой же глагол считать сложным, а какой – составным. Не выработаны четкие критерии, разграничивающие их. Такое положение обусловлено еще и тем, что не установлены правила раздельного и слитного написания двухкомпонентных глаголов" [Сулейманов 2000: 257].

Ввиду того, что восточнокавказские языки не заимствовали ни простых, ни сложных персидских глаголов, в них образовалось большое количество лексических единиц, структурно представляющих собой словосочетания из персидских имен и исконных вспомогательных глаголов (благодаря противопоставлению вспомогательных глаголов такие единицы в восточнокавказских языках формируют четкую оппозицию по переходности-непереходности). Глаголы этого типа характеризуются тем, что "независимо от того, расположены ли компоненты аналитической формы по отношению друг к другу контактно или дистантно, в плане выражения они, бесспорно, составляют единство. При этом план выражения каждого компонента является частью плана выражения аналитической формы в целом" [Хайдаков 1975: 118-119].

Рассмотрим примеры сложных переходных и непереходных глаголов, образованных по типу "основа персидского имени + вспомогательный глагол заимствующего языка" в некоторых нахско-дагестанских языках.

Так как в аварском глаголе отсутствует префиксальный способ словообразования, главным является способ словосложения. Глаголы, образованные словосложением, представляют собой лексикализованные словосочетания, состоящие из именной части и вспомогательного глагола [Мадиева 1986: 43]. Ср.:

анищ гьабизе 'мечтать' (букв. 'мечту делать') < перс. اندیشه andiše; *багьа чIезабизе* 'назначить цену' (букв. 'цену поставить') < перс. بها bahā; *дару гьабизе* 'лечить' (букв. 'лекарство делать') < перс. دارو dāru; *туснахъ гьабизе* 'арестовать' (букв. 'арестанта делать') < перс. دستاق dostāq; *гьунар гьабизе* 'совершить подвиг' (букв. 'подвиг делать') < перс. هنر honar; *мугьру чIвазе* 'приложить печать' (букв. 'печать бить') < перс. مهر mohr; *ишан кквезе* 'прицелиться' (букв. 'прицел держать') < перс. نشان nišan; *пуч гьабизе* 'тратить, уничтожать' (букв. 'порчу делать') < перс. پوچ puč; *тамаша гьабизе* 'удивляться' (букв. 'диво делать') < перс. تماشا tamāšā; *зиян гьабизе* 'причинить вред' (букв. 'вред делать') < перс. زیان ziyān.

Говоря о глагольном словообразовании в бежтинском языке, М.Ш. Халилов пишет, что "в бежтинском языке представлено некоторое количество сложных глаголов. ... В роли вспомогательного глагола выступают при этом глаголы *йовал* 'делать, сделать', *йахъал* 'становиться', *гулал* 'поставить' и некоторые др., а в роли опорного слова могут выступать и глагол, и существительное" [Халилов 1980: 26]. Соответствующие сложные глаголы могут образовываться и с помощью немногочисленных иранизмов, заимствованных бежтинским языком, ср.:

бизар йовал 'мучить' (букв. 'муку делать') < перс. بیزار bizār; *селестIа бахъал* 'ссориться' (букв. 'ссора стать') < перс. سلس sales; *зийан бовал* 'вредить' (букв. 'вред давать') < перс. زیان ziyān; *бах бахъал* 'везти, повезти' (букв. 'удача стать') < перс. بخت baxt; *зурма баькьелал* 'играть на зурне' (букв. 'зурну бить') < перс. سورنا surnā; *багьа гулал* 'назначить цену' (букв. 'цену поставить') < перс. بها bahā; *макро бовал* 'хитрить' (букв. 'хитрость делать') < перс. مکاری makkāri; *хурда йовал* 'разменять деньги' (букв. 'мелочь делать') < перс. خرده xorde; *тамаша йовал* 'удивлять' (букв. 'диво делать') < перс. تماشا tamāšā; *жигар бовал* 'проявить инициативу' (букв. 'инициативу делать') < перс. جگر jegar и др.

Лакский язык, как и многие другие восточнокавказские языки, не отличается богатством простых глаголов. Однако это обстоятельство компенсируется широким использованием сложносоставных глаголов. Аналитические глаголы в словарном составе лакского языка занимают значительное место [Абдуллаев 1980: 91], ср.:

ранг бан 'окрасить, выкрасить' (букв. 'цвет сделать') < перс. رنگ rang; *макру бан* 'схитрить' (букв. 'хитрость сделать') < перс. مکاری makkāri; *жан дан* 'поздороветь' (букв. 'здоровье сделать') < перс. جان jān; *харж хьун* 'израсходоваться' (букв. 'трата стать') < перс. خرج xarj; *таж бишин* 'короновать' (букв. 'корону положить') < перс. تاج tāj; *дарчIин дишин* 'склепать' (букв. 'скобу положить') < перс. پرچین parčin; *пардав рутан* 'занавесить' (букв. 'занавес бросить') < перс. پرده parde; *ишан лахIин* 'прицелиться' (букв. 'прицел взять') < перс. نشان nišan; *занг рищун* 'звонить' (букв. 'звонок ударить') < перс. زنگ zang; *дард дуллан* 'печалиться' (букв. 'печаль делать') < перс. درد dard и др.

Аналогичные примеры организации сложных глаголов с участием персидских заимствований находим и в языках южного ареала. К.К. Кур-

банов отмечает, что "аналитические формы в целом особенно большое место занимают в системе глагола табасаранского языка, где они прочно стали в одном ряду со словообразовательными и собственно грамматическими аффиксальными формами" [Курбанов 1986: 12]. Наблюдения показывают, что персидские имена часто вступают в словообразующие отношения с табасаранскими компонирующими глаголами. Ср.:

<u>азад</u> *anIуб* 'освобождать' (букв. 'свободным делать') < перс. آزاد āzād; <u>багьа</u> *anIуб* 'повышать цену' (букв. 'дорогим делать') < перс. بها bahā; <u>баят</u> *хьуб* 'черстветь' (букв. 'черствым становиться') < перс. بيات bayāt; <u>бедлан</u> *хьуб* 'позориться' (букв. 'позорным становиться') < перс. بدنام badnām; <u>гардан</u> *йивуб* 'рубить шею' (букв. 'шею бить') < перс. گردن gardan; <u>дерд</u> *anIуб* 'горевать' (букв. 'горе делать') < перс. درد dard; <u>зар</u> *иливуб* 'золотить' (букв. 'позолоту ставить') < перс. زر zar; <u>зурар</u> *тувуб* 'угрожать, грозить' (букв. 'угрозы давать') < перс. زور zur; <u>кин</u> *anIуб* 'бояться, опасаться' (букв. 'опасения делать') < перс. كين kin; <u>намерд</u> *хьуб* 'скупиться' (букв. 'скупым становиться') < перс. نامرد nāmard и др.

Сказанное о табасаранском языке в полной мере можно отнести и к другим лезгинским языкам. Ср.:

лезг.: <u>барабар</u> *кьун* 'приравнивать' (букв. 'равным держать') < перс. برابر barābar; <u>зенг</u> *ягъун* 'звонить' (букв. 'звонок ударять') < перс. زنگ zang; <u>тфенг</u> *ягъун* 'выстрелить' (букв. 'ружье ударять') < перс. تفنگ tofang; <u>дуст</u> *хьун* 'сдружиться' (букв. 'друг стать') < перс. دوست dust; <u>дердисер</u> *авун* 'печалить' (букв. 'беду делать') < перс. درد سر dardsar; <u>дад</u> *авун* 'умолять' (букв. 'мольбу делать') < перс. داد dād; <u>гиман</u> *авун* 'подозревать' (букв. 'подозрение делать') < перс. گمان gamān; <u>вердиш</u> *авун* 'приучать' (букв. 'приученным делать') < перс. ورزش varzeš; <u>багьа</u> *хьун* 'до-

рожать' (букв. 'дорогим становиться') < перс. بها bahā; гунагь хьун 'становиться грешным' (букв. 'грехом становиться') < перс. گنه gonah и др.

удин.: ваьрдиш бесун 'привыкать' (букв. 'привычку делать') < перс. ورزش varzeš; динджж бесун 'успокоить' (букв. 'тихим делать') < перс. دنج denj; маьгьнаь бесун 'найти предлог' (букв. 'предлог делать') < перс. بهانه bahāne; наз бесун 'капризничать' (букв. 'каприз делать') < перс. ناز nāz; безаьр баксун 'утомляться' (букв. 'утомленным становиться') < перс. بیزار bizār; баьнд бесун 'сцеплять' (букв. 'связку делать') < перс. بند band; умуд бесун 'обнадеживать' (букв. 'надежду делать') < перс. امید omid; даьрд акъсун 'быть охваченным горем' (букв. 'горе получить') < перс. درد dard; даьм акъсун 'угореть' (букв. 'угар получить') < перс. دم dam; аьшкаьр баксун 'выявляться' (букв. 'явным становиться') < перс. آشکار āškār и др.

буд.: азад сиъи 'освободить' (букв. 'свободным делать') < перс. āzād آزاد; чулк йихьар 'пачкаться' (букв. 'грязью становиться') < перс. čerk چرک; чап йихьар 'печататься' (букв. 'печатаньем быть') < перс. čāp چاپ; харджж йихьар 'тратиться' (букв. 'тратой быть') < перс. xarj خرج; пашман сиъи 'печалить' (букв. 'грустным делать') < перс. pašimān پشیمان; палхум сиъи 'гноить' (букв. 'гной делать') < перс. porxun پرخون; нахуш йихьар 'болеть' (букв. 'больным становиться') < перс. nāxoš ناخوش; нам сиъи 'увлажнять' (букв. 'сырым делать') < перс. nam نم; мемен сиъи 'звать гостей' (букв. 'гостя делать') < перс. mehmān مهمان; кур сиъи 'ослепить' (букв. 'слепцом делать') < перс. kur کور и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование взаимоотношений и взаимосвязей иранских и нахско-дагестанских языков является одной из важных и актуальных задач кавказского языкознания, решение которых имеет не только большое научно-теоретическое, но и самое непосредственное практическое значение. С ним неразрывно связано также глубокое и всестороннее исследование истории отдельных языков и диалектов. Путем выявления фактов взаимодействия разносистемных языков можно полнее и всесторонне охарактеризовать целый ряд фонетических, грамматических, семасиологических, ономасиологических и других явлений в исследуемых языках.

Подвергнутый анализу в данной работе материал позволяет сделать следующие выводы.

Нахско-дагестанские языки активно заимствовали иранскую лексику на различных этапах своего развития. В исследовании сделана попытка осветить заимствования трех хронологических периодов, в течение которых восточнокавказские народы имели продолжительные прямые языковые контакты с носителями иранских языков. Вместе с тем основное внимание в исследовании объективно уделено новоперсидским заимствованиям, составляющим около 95% от общего количества всей заимствованной иранской лексики.

Длительные контакты скифо-аланских племен с предками восточнокавказских народов (период с VII в. до н.э. по III в. н.э.) не могли не оставить определенные следы в языках последних. В них отмечено наличие целого ряда слов, имеющих свои прототипы в осетинском языке: авар. *чаран*, чам. *чара*^{н}, кар. *чиран*, тинд *чарам*, дарг. *шандан*, лак. *чаннан*, лезг. *гьулдан*, цах. *гьандан* ‘сталь’; чеч. *онда//ондаииг* ‘крепкий, твердый’ < осет. *ændon* ‘сталь’; авар., анд., бежт., ботл., гунз., кар., тинд., чам., дарг., лак., лезг., агул., буд., таб., крыз. *куц*, арч. *кус*, ахв. *кучи*, год. *куци*, цез. *кесу//коси*, рут. *курус* ‘облик, форма’ < осет. *x°yz//xuz(æ)* ‘вид’,

'образ', 'масть'; лезг., таб., агул., рут. *руг*, крыз. *риг* 'пыль, земля' < осет. *ryg//rugæ* 'пыль', 'прах' и др.

Другим важным периодом в ирано-восточнокавказских языковых отношениях явились контакты восточнокавказских народов с Сасанидами (III в. – VII в.), из языка которых было заимствовано определенное количество среднеперсидских лексем: авар., анд., тинд., чам. *бел*, кар. *беле*, бежт. *бари*, лезг. *пер*, рут., таб. *бер*, буд., чеч., инг. *бел* 'лопата' < ср.-перс. *bēl*; авар., кар., цез., бежт. *ханжар*, год., анд. *хханжар*, дарг. *ханжал/къинджал*, лак. *хханжан*, лезг. *хенжел*, таб., агул. *ханджал*, буд., цах. *хенджел*, хин. *хаьнджаьл*, удин. *ханчал* 'кинжал' < ср.-перс. *h̲anjar*; чеч., инг. *буру* 'крепость'; лак. *бару* 'крепостная стена', лезг. *пару//бару*, буд. *бару*, цах. *баруг* 'забор, ограда', таб., удин. *бару* 'стена' < ср.-перс. *bāru* и др. В дальнейшем контакты восточнокавказских народов с Сасанидами значительно ослабли, что было связано в первую очередь с арабскими завоеваниями во второй четверти VII века и распространением здесь ислама. С этого времени начинается процесс постепенного проникновения арабизмов в лексику рассматриваемых языков, который в дальнейшем достиг значительных масштабов.

Возобновление активных ирано-восточнокавказских языковых контактов (XV–XVIII вв.) можно связать с носителями новоперсидского языка сефевидами, образовавшими на территории современного Азербайджана и Ирана свое государство, и началом ими захватнических войн на территории Дагестана и Ширвана. Именно контакты данного периода оставили наиболее заметный след в языках народов Восточного Кавказа.

Территориально ограниченные, но непосредственные языковые контакты некоторые дагестанские народы имели с носителями другого иранского языка – татского. Следы таких контактов присутствуют в основном в языках южного ареала: лезг., таб., агул., рут., цах., крыз. *гаф* 'слово, разговор' < тат. *гоф*; лезг. *женде*к, таб. *жандак*, агул., рут., цах., хин. *джандак*, крыз. *джаъндак*, удин. *джемдакк* 'тело, туша, падаль' <

тат. *жендег*; дарг., лак., лезг., таб., рут. *тав*; крыз., буд. *тов* ‘камин, очаг, гостиная’ < тат. *тов* и др.

Важную роль в закреплении в нахско-дагестанских языках иранской лексики могла сыграть иранская культура, проникавшая на территорию Северо-Восточного Кавказа прямо и опосредованно, запечатлеваясь в материальной и духовной жизни нахов и дагестанцев. Немаловажную роль в закреплении в заимствующих языках иранизмов могла сыграть и оригинальная персидская литература, имевшая колоссальную популярность во всем восточном мире. Лучшие представители местной культуры активно изучали персидский язык и владели им в такой степени, что создавали на нем свои произведения. В диссертации перечисляются отдельные образцы персоязычного наследия дагестанских авторов.

Подавляющая часть иранских заимствований полностью ассимилировалась в лексической системе нахско-дагестанских языков, и они уже не воспринимаются как иноязычные слова. Таким словам характерна простота и общепонятность, семантическая освоенность, регулярная употребляемость как в разговорно-обиходном, так и в литературном языке, высокая словообразовательная активность.

Анализ лексико-семантической принадлежности иранских заимствований показывает, что закрытых сфер в употреблении данных заимствований в исследуемых языках практически не существует. Они являются членами таких лексико-семантических групп слов как:

а) обозначения людей по профессии, роду занятий, социальному положению, термины родства и т.п.: “садовник”, “торговец”, “пастух”, “мастер”, “бродяга”, “хозяин”, “крестьянин”, “наместник”, “подмастерье” и др.;

б) лексика, выражающая духовное и физическое состояние человека, его поведение, склонности: “хитрец”, “озорник”, “грешник”, “скандалист”, “усталый”, “полный, тучный”, “олух, остолоп”, “влюбленный” и др.;

в) абстрактные понятия: “вид”, “линия”, “слово”, “ряд, шеренга”, “покой, спокойствие”, “стон, стенание”, “суета”, “предположение”, “ненависть”, “хлопоты”, “предлог, повод”, “прелесть”, “проклятие” и др.;

г) слова, характеризующие отношения между людьми, общественно-политические термины, имущественное положение и т.п.: “оброк”, “суд”, “арест”, “указ”, “залог”, “клятва”, “экономия”, “род, племя”, “ссора” и др;

д) предметы быта, домашняя утварь: “половник”, “кумган”, “очки”, “сито”, “стойло”, “чаша, миска”, “простыня”, “бочка”, “бумага”, “сани”, “топчан, кровать”, “чайник”, “лампа, свеча” и др.;

е) названия орудий труда, строительного материала и т.п.: “лопата”, “точило”, “прялка”, “топор”, “силок, сеть”, “нож”, “кирка”, “наждак”, “мастерок”, “сверло”, “гвоздь”, “циркуль”, “тиски”, “рубанок” и др.;

ж) одежда, предметы туалета, ткани, сырье и т.п.: “позумент, галун”, “перчатка”, “подол”, “полотенце”, “тафта, шелк”, “платок”, “шуба”, “сукно”, “сафьян”, “тафта”, “женский пояс”, “чулок, носок” и др.;

з) военное снаряжение: “пуля”, “булава, палица”, “кинжал”, “лук (для стрельбы)”, “клинок”, “ружье”, “меч, сабля” и др.;

и) обозначение продуктов питания и т.п.: “плов”, “мука” “шашлык”, “паштет”, “яичница”, “простокваша”, “сок”, “лапша”, “сахар”, “уксус”, “творог” и др.;

к) названия строений и их частей: “плотина”, “стена”, “камин”, “ограда, забор”, “чердак, крыша”, “коридор”, “плетень”, “стойло”, “ворота”, “столб, колонна”, “балкон”, “лестница”, “окно”, “цоколь”, “купол” и др.;

л) хозяйственно-экономические термины: “двугривенный”, “базар, рынок”, “грош”, “деньги”, “пятак”, “торговля, торг”, “десять рублей”, “груз, вьюк” и др.;

м) лексика литературы, искусства, науки, образования: “напев, песня”, “строфа, куплет”, “бубен”, “кеманча (муз. инструмент)”, “саз (муз. инстр.) “зурна (муз. инстр.)”, “тар (муз. инстр.)”, “гармонь” и др.;

н) лексика, выражающая религиозные понятия, суеверия, обычаи, обряды: “дракон”, “вера, религия”, “ладанка”, “баба-яга”, “молитва, намаз”, “фея”, “святой”, “бог”, “пророк” и др.;

о) слова, связанные с обозначением анатомических и физиологических понятий, обозначения болезней, лекарств и т.п.: “болезнь”, “опиум”, “затылок”, “висок”, “темя”, “череп”, “пах”, “грудь”, “зрачок”, “лапа” и др.;

п) обозначения атмосферных явлений: “мороз”, “дождь”, “молния”, “пар”, “ветер”, “иней, туман” и др.;

р) названия минералов, веществ: “стекло”, “бронза”, “фарфор”, “известь”, “пыль”, “ртуть”, “бронза”, “купорос”, “мышьяк”, “эмаль”, “имбирь”, “позолота”, “бирюза” и др.;

с) слова, связанные с обозначением географических понятий, понятий места и времени: “пустыня”, “среда (день недели)”, “полдень”, “утес, скала”, “долина”, “море”, “время”, “проход”, “неделя”, “место” и др.;

т) сельскохозяйственные термины: “урожай”, “сад”, “огород”, “луг”, “черный пар”, “навоз”, “гумно, ток”, “стог, скирд” и др.;

у) растительный мир: “алыча”, “инжир”, “мушмула”, “миндаль”, “баклажан”, “дуб”, “фиалка”, “айва”, “чинара, платан”, “свекла”, “айва”, “овес”, “кинза”, “цветок” и др.;

ф) животный мир: “леопард”, “сокол, ястреб”, “ласка, куница”, “буйвол”, “гадюка”, “тур”, “петух”, “волк”, “цыпленок”, “гиена”, “корова”, “ягненок”, “клещ”, “рысь”, “кобыла” и др.;

х) слова, описывающие различные характеристики предметов и явлений: “пятнистый”, “алый”, “зеленый”, “грязный”, “незрелый”, “теплый”, “солнечный”, “прочный”, “сладкий”, “пресный”, “чистый, свежий” и др.;

ц) личные имена, занимающие заметное место в антропонимической системе восточнокавказских языков.

Иранские лексические заимствования вступают в синонимические, антонимические и омонимические отношения в нахско-дагестанских языках, оказывая тем самым существенное влияние на развитие и обогащение художественных средств языка.

Об уровне адаптации иранской лексики в нахско-дагестанских языках можно судить и по степени ее лексико-семантической ассимиляции. Персидские заимствования в лексико-семантической системе нахско-дагестанских языков характеризуются следующими особенностями:

а) не изменяют свой семантический объем, как правило, моносемичные персидские этимоны-термины, которые, являясь однозначными в языке-источнике, не представляют собой модели для семантического развития;

б) основным типом семантической деривации персидских заимствований в языках-рецепторах является сужение их семантических полей, то есть в процессе заимствования иранизмы упрощают свою семантическую структуру;

в) характерным явлением для процесса заимствования является и смещение значений заимствованных слов, то есть утрата заимствованиями своих исконных понятий и приобретение ими новых значений в языках-рецепторах. Анализ заимствований, лексические значения которых оказались смещенными, показывает, что в них часто прослеживается семантическая связь с прототипами;

г) расширение значений – наиболее редкий тип семантических изменений персидских заимствований. Слова, расширившие свой семантический объем, употребляются в основном при обозначении отвлеченных понятий, физических и духовных качеств человека, свойств вещей и т. п. Часть этих новых понятий в той или иной мере вытекает из исконных значений заимствованных слов и имеет с ними прямую смысловую связь.

Важное место занимают персидские заимствования и в развитии восточнокавказской фразеологии. В ходе анализа нами выделено боль-

шое количество субстантивных, адъективных, наречных и глагольных ФЕ, включающих иранские лексемы, а также собственно фразеологические заимствования (в том числе и пословично-поговорочные) из персидского языка. Особенно богато фразеологические заимствования представлены в языках южного ареала.

Одним из важных критериев освоенности иноязычных слов является степень их фонетической ассимиляции в заимствующем языке. Преобразование в фонетическом облике заимствованной персидской лексики заключается в трансформации их звукового состава и приспособлении к фонологическому строю нахско-дагестанских языков.

Анализ основных фонетических преобразований в заимствованных словах персидского происхождения позволяет сделать следующие выводы:

а) подчиняясь законам фонетики заимствующих языков, персидские гласные, находящиеся в предударной и заударной позициях, могут подвергнуться полной редукции, то есть синкопироваться;

б) многим восточнокавказским языкам не свойственно стечение согласных в исходе слова, поэтому очень часто в комплексы консонантов для облегчения произношения вставляются определенные эпентетические звуки, ранее отсутствовавшие в данных словах;

в) трехсогласные комплексы упрощаются либо путем выпадения срединного согласного, либо путем вставки в них гласного звука;

г) довольно частым фонетическим явлением, происходящим в процессе заимствования, является апокопа – отпадение одного или нескольких звуков в конце слова;

д) под влиянием определенных фонетико-морфологических факторов в некоторых словах происходит эпитеза – наращение в конце слова дополнительного звука, отсутствовавшего в исконной форме слова;

е) другим характерным явлением для заимствованных слов является метатеза – взаимная перестановка звуков или слогов в словах на почве ассимиляции или диссимиляции, что облегчает их произношение.

Фонетическая адаптация персидских заимствований неразрывна также с процессами, связанными с акцентуацией. Изменение в ударении свидетельствует о том, что заимствованные слова ассимилируются на новой языковой почве, становясь системным явлением.

Процесс освоения заимствованных слов предполагает приспособление их и к морфологическому строю языка-рецептора. При этом иноязычное слово становится элементом какого-либо грамматического класса с присущими этому классу формальными признаками. С точки зрения грамматической принадлежности большая часть заимствованной лексики представляет собой имена существительные, имена прилагательные, а также имена, объединяющие в себе признаки существительного и прилагательного. Персидские глаголы нахско-дагестанскими языками не заимствовались и в глагольной лексике иранизмы функционируют лишь в качестве составной части сложных глаголов.

С точки зрения словоизменения персидские заимствования полностью подчиняются закономерностям, действующим в исследуемых языках. Каких-либо строгих критериев распределения заимствованной лексики по грамматическим классам в восточнокавказских языках не существует. Так, можно отметить, что названия людей, как правило, относятся к I и II грамматическим классам, животных – к III и IV классам.

Персидские имена перешли в восточнокавказские языки только в форме единственного числа и приобретают формы множественного числа с помощью местных языковых средств. Выбор того или иного суффикса множественности во многих языках в основном зависит от структуры самого слова.

Иранизмы активно вступают в словообразовательные отношения с деривационными морфемами восточнокавказских языков. Так, при помощи суффиксов с классными показателями *-а-б*, *-я-б*, в аварском языке могут быть образованы имена прилагательные от персидских именных основ: *чиркин-аб*, *бизар-аб*, *дурус-аб*, *пашман-аб*. В лакском языке по-

добной морфемой является продуктивный суффикс *-сса*, образующий слова с отвлеченными понятиями: *аьсив-сса*, *банувша-сса*, *кугьна-сса*, *лал-сса*. В даргинском языке большинство прилагательных образуются путем добавления к основам словообразовательного суффикса *-си*: *аш-кар-си*, *азад-си*, *шад-си*, *таза-си*.

Необходимо отметить также участие некоторых персидских словообразовательных суффиксов (преимущественно в языках южного ареала) в образовании новых слов. К наиболее продуктивным из них относятся персидские суффиксы: *-бан*, образующий имена существительные, обозначающие лиц охраняющих что-либо или ухаживающих за животными; *-ган*, образующий слова в основном со значением вместилищ, предметов быта; *-дан*, образующий названия вместилищ какого-либо вещества; *-кар*, *-гар*, служащие для образования имен, выражающих действующее лицо и др.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что персидские заимствования в своей массе представляют собой живой пласт лексико-семантической системы восточнокавказских языков, активно обслуживают разнообразные сферы коммуникации. С точки зрения адаптированности они полностью приспособлены к фонетическим и морфологическим системам заимствующих языков.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.-Л., 1949.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989; Указатель. М., 1995.

Абаев В.И. Осетино-вейнахские лексические параллели. ЧИНИИЯЛ, Т. 1, вып II, 1959.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абдулжалилов И.Г. Функциональные особенности арабских элементов в современном аварском литературном языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. – с.

Абдуллаев З.Г. Даргинско-осетинские лексические параллели. V Региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков // Проблемы языковых контактов на Кавказе". Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 62-63.

Абдуллаев И.Х. К истории названий пророка в дагестанских языках // Этимология 1970. М., 1972. – С. 339-348.

Абдуллаев И.Х. К истории алано-лакских языковых связей. V Региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков // Проблемы языковых контактов на Кавказе. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 63-65.

Абдуллаев И.Х. Межкавказский лексический фонд и дагестанские языки // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 24-25.

Абдуллаев И.Х. К проблеме вейнахско-дагестанских языковых контактов // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. Даг. госуниверситет. Махачкала, 1997. – С. 106-111.

Абдуллаев И.Х. Некоторые вопросы глагольного словообразования в лакском языке // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. – С. 91-109.

Абдуллаев И.Х. Некоторые вопросы дагестанской антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

Абдуллаев И.Х. Новые материалы по алано-дагестанским языковым взаимоотношениям // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 95.

Абдуллаев С.Н. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 1950. – 1462 с.

Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армянско-русско-английский словарь. Ереван, 1965.

Абукаров Ш.Г. Тюркские заимствования в лезгинском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. – 22 с.

Агарунов Я.М., Агарунов М.Я. Татско(Еврейско)-русский словарь. М., 1997.

Азаев Х.Г. Арабские заимствования в словарном составе ботлихского языка // Сборник научных сообщений факультета иностранных языков. Махачкала, 1973.

Азаев Х.Г. Лексика и словообразование ботлихского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975. – 25 с.

Азербайджанско-русский словарь /сост. Х. Азизбеков/. Баку, 1985. – 420 с.

Акиев А.Ш. Способы образования форм множественного числа имен в лакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1964. – 18 с.

Акуленко В.В. Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. – С. 65-89.

Алексеев М.Е. Нахско-дагестанские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М., 1981. – С. 298-311

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985. – 158 с.

Алексеев М.Е. О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков) // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986. – С. 114-143.

Алексеев М.Е. Восточная лексика в склонении дагестанских языков // Теоретические проблемы языков Азии и Африки. V международный симпозиум ученых социалистических стран. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. – С. 6.

Алексеев М.Е. Внутригрупповые контакты и сравнительно-историческая грамматика // Проблемы Языкового Контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений. Всесоюз. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1991. – С. 31.

Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1991. – 96 с.

Алексеев М.Е., Тестелец Я.Г. "Севернокавказский этимологический словарь" и перспективы кавказской компаративистики // Изв. АН СЛЯ, 1996. Т. 55, № 5. – С. 3-18.

Алибекова П.М. "Масалек Ал-Мохсенин" Абдуррахима Талибова как памятник книжной культуры на персидском языке // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. – С. 109-116.

Алибекова П.М. Краткий обзор персидских рукописей рукописного фонда ИИАЭ // Тезисы докладов Республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1993.

Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. – I в. н. э.). Баку, 1974.

Алипулатов М.А. К вопросу о материальных и структурных общностях лексики хеттского, урартского и лезгинского языков // Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. – С. 46-48.

Алироев И.Ю. Арабско-персидская лексика в чеченском языке // Уч. зап. Чечено-Ингушского désinstitута. Т. 33. Серия лингвистическая. Вып. 16. Грозный, 1970.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Алироев И.Ю. Чеченский язык. М., 1999. – 160 с.

Алироев И.Ю., Куркиев А.С. Отражение языковых контактов в вайнахских языках // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов. Грозный, 1989.

Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1-е изд.: 1929; 1994. – 222 с.

Андроникашвили М.К. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз).

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Аскеров М.М. Структура и семантика иранского пласта топонимики Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.

Асланов А.М. Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков: (На материале закатальских говоров). Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1965. – 21 с.

Асланов А.М. Азербайджанская модель сложноподчиненного предложениия в закатальских диалектах аварского и цахурского языков // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977. – С. 295-302.

Асланов А.М. Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Баку, 1982. – 46 с.

Асланов А.М. О цахурских иранизмах // Материалы V региональной научной сессии по изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1973. – 65-66 с.

Асланов А.М. Семантический принцип дифференциации заимствований по грамматическим классам // Седьмая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Вопросы категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках. 16-18 ноября 1977. Сухуми, 1977. – С. 52-53.

Асланов А.М. Производные глаголы в лезгинских языках с заимствованными основами // Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках). Тезисы докладов. Майкоп, 1990. – С. 16-17.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – 607 с.

Ахмедов Ш.М. К вопросу о дагестано-сасанидских взаимоотношениях в III-VI вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. – С. 63-76.

Бакиханов Х.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. – 304 с.

Баламамедов А.-К.С. Социолингвистический аспект сопоставительного исследования заимствованной лексики // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала, 1992. – С. 23-37.

Баламамедов А.-К.С. Влияние экстралингвистических факторов на заимствование фразеологических единиц (на примере рутульского бесписьменного языка) // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала, ДГУ, 1984.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Балли Ш. Лексическая синонимия. М., 1976.

Бартольд В.В. Сочинения, т.2. ч.1. М., 1966.

Белгородский Н.А. Современная персидская лексика. М.-Л., 1936.

Белкин В.М. Среднеперсидские заимствования в арабском литературном языке // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987. – С. 14-20.

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Блумфильд Л. Язык. М., 1968.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. – 99 с.

Бокарев Е.А. Дагестанские языки. Введение // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. – С. 247-254.

Бокарев Е.А. Материалы к словарю гунзибского языка // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. – С. 147-182.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965. – 492 с.

Будагов Р.А. Процессы развития в языке. М.-Л., 1965.

Будагов Р.А. Слово и его значение. Л., 1947.

Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963.

Булаховский Л.А. Введение в языкознание. ч. II., М., 1953.

Бурчуладзе Г.Т. О дагестанско-нахских языковых взаимоотношениях // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов". 24-26 окт. 1989 г. Грозный, 1989. – С. 22.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблема исследования. Киев, 1979. – 265 с.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937. – 410 с.

Веретенников А.А. Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993. – 155 с.

Верещагин Е.М. О проблеме заимствования фонем // Язык и общество. М.,1970.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов. ВЯ, 1953, № 5.

Виноградова О.И. Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1980. – 15 с.

Виноградова О.И. О древних иранизмах в дагестанских языках // Исследования по семантике. М., 1981. – С. 74-90.

Виноградова О.И., Климов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология. 1977. М., 1979. – С. 154-159.

Восконян Г.А. Русско-персидский словарь. М., 1986. – 832 с.

Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. – 450 с.

Гаджиев М.М. Русско-лезгинский словарь. Махачкала, 1950. – 967 с.

Гаджиев М.М., Гайдаров Р.И., Мейланова У.А. Орфографический словарь лезгинского языка. Махачкала, 1971.

Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966. – 265 с.

Гайдаров Р.И. Лингвистические контакты лезгин и азербайджанцев и их роль в развитии и обогащении лезгинского языка // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972. – С. 152-157.

Гайдаров Р.И. О специфике и результатах лезгино-арабских языковых контактов // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 121-126.

Гайдаров Р.И. О категории числа в лезгинском литературном языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. – С. 78-83.

Гайдаров Р.И. Введение в лезгинскую ономастику. Махачкала, 1996. – 111 с.

Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р. Арабский пласт лексики агульского языка. (Исследование. Словарь. Текст). Махачкала, 1996. – 76 с.

Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971.

Гамзатов Г.Г. Расширение общественных функций русского языка – ведущий принцип свободного, добровольного и равноправного развития национально-русского двуязычия // Русский язык и его влияние на развитие дагестанских языков. Махачкала, 1984. – С. 3-21.

Гамидов А.И. Азербайджанские заимствования в будухском и хиналугском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1982. – 24 с.

Гаприндашвили Ш.К., Гиунашвили Дж.Ш. Фонетика персидского языка. Тбилиси, 1964.

Гарунова К.И., Магомедов М.И. Личные имена в карахском диалекте аварского языка. Махачкала, 1991. – С. 122-127.

Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. – 256 с.

Гасанова С.Н. Заимствованные компоненты в составе соматических фразеологических единиц лезгинских языков // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. – С. 151-156.

Гафуров А.Г. Имя и история. М., 1987. – 221 с.

Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. 1-2, М., 1974.

Генко А.Н. Об отношении турецких языков к яфетическим языкам // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 фев. 5 марта 1926: Стенографический отчет. Баку. – С. 118-122.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. – 165 с.

Гиргас В.Ф. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.

Гиунашвили Дж.Ш. О статусе фонемы (g) в персидском // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987. – С. 52-55.

Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. М., 2000. – 648 с.

Греппин Дж. Несколько замечаний о лексических связях армянского с дагестанскими языками // Этимология. 1991-1993. М., 1994. – С. 164-165.

Грюнберг Л.Л. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.

Гудава Т.Е. Фонетический обзор тиндинского языка. Иберийско-кавказское языкознание, т. V. Тбилиси, 1952. – С. 327-374 (груз.), рез. рус. 374-393.

Гукасян В.Л. Об азербайджанско-удинских языковых взаимоотношениях // Изв. АН Аз. ССР. Сер. ЛЯИ. Баку, 1966, №3.

Гукасян В.Л. Тюркизмы в албанских источниках // Советская тюркология, 1970, № 3.

Гукасян В.Л. К трехъязычию удин // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. – С. 286-295.

Гукасян В.Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Баку, 1973. – 62 с.

Г[укасян]. Ворошил. Об ирано-удинских языковых контактах // Материалы V региональной научной сессии по изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1973.

Г[укасян]. Ворошил. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

Гукасян В.Л. Древние тюркизмы в удинском языке // Изв. АН Аз. ССР. Сер. ЛЯИ. Баку, 1978, № 2. – С. 66-80.

Гусейнаев А.Г. Персоязычная литература народов Дагестана. Плановая работа 1993-1995 гг. Махачкала, 1995. – 40 с.

Гусейнов Г-Р. А-К. Об ареальном взаимодействии языков Северо-Восточного Кавказа в дооктябрьский период // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов. Грозный, 1989.

Гусейнова Ф.И. Лексика рутульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тбилиси, 1988. – 25 с.

Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. Махачкала, 1972. – 152 с.

Гюльмагомедов А.Г. Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978. – 128 с.

Гюльмагомедов А.Г. Фонетические элементы азербайджанского языка в лезгинском языке (На материале куткашенских говоров) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. – 27-34.

Гюльмагомедов А.Г. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1990. – 148 с.

Гюльмагомедов А.Г. Фразеология лезгинского языка. Махачкала, 1990. – 99 с.

Гюльмагомедов А.Г. Эминан гьакъикъат. I. ЧIалан словарь. Махачкала, 1998. – 264 с.

Гюльмагомедов А.Г., Гасанова Р. К вопросу об изучении контактирования языков Южного Дагестана и Северного Азербайджана на фразеологическом уровне // Проблемы Языкового Контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений. Всесоюз. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1991. – 117-118.

Дадашев М.П. О некоторых германо-иранских лексических параллелях // Этимология 1975. М. 1977. – С. 141-147.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Дешериев Ю.Д., Протченко М.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. - 217 с.

Джамалов К.Э. Случаи фразеологической интерференции в русской речи рутульцев // Общая и дагестанская фразеология. Махачкала, 1990.

Джейранишвили Е.Ф. Рутульский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. – 580-590.

Джейранишвили Е.Ф. Цахский и мухадский языки. I. Фонетика. Тбилиси, 1983 (груз.) – 408 с. (рез. рус. 279-395).

Джейранишвили Е.Ф. Цахский и мухадский языки. II. Морфология. Тбилиси, 1983. (груз.) – 613 с. (рез. рус. 527-592).

Джидалаев Н.С. О диахронии тюркско-дагестанских языковых контактов// Советская тюркология, 1970, № 3.

Джидалаев Н.С. К характеристике тюркского лексического влияния на дагестанские языки // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972.

Джидалаев Н.С. К характеристике тюркско-дагестанских лексических контактов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1972. – 55 с.

Джидалаев Н.С. Тюркско-дагестанские языковые контакты. Общая характеристика // Тюркско-дагестанские языковые контакты (материалы и исследования). Махачкала, 1982. – С. 7-18.

Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990. – 245 с.

Джоуна Б.Г., Климов Г.А. К индоиранизмам в языках Северо-западного Кавказа. Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1985, Т. 44, № 2.

Дирр А.М. Краткий грамматический очерк андийского языка. СМОМПК. Тифлис, Вып. 34, 1905.

Дирр А.М. Арчинский язык. СМОМПК. Тифлис, Вып. 39, 1908.

Дирр А.М. Материалы для изучения языков и наречий андодидойской группы. Тифлис. СМОМПК. Тифлис, Вып. 40, 1909.

Дирр А.М. Рутульский язык. Тифлис, СМОМПК. Вып. 42, 1912.

Дирр А.М. Цахурский язык. Тифлис, СМОМПК. Вып. 43, 1913.

Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. – С. 164-207.

Еремина К.Н. Арабо-персидские лексические гибридные образования в современном персидском языке // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987. – С. 61-67.

Еремян С.Т. О поздней (средневековой) Кавказской Албании // Очерки истории СССР III-IX вв., Т. 2, М., 1958.

Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959. – 22 с.

Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования. Вестник АН Каз. ССР, Алма-Ата, 1959, № 5.

Ефремов Л.П. Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии // Изв. АН Казах. ССР. Серия филологии и искусствоведения, вып. 2, Алма-Ата, 1962. – С. 47-55.

Жирков Л.И. Аварско-русский словарь. М., 1936. – 187 с.

Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. – 132 с.

Жирков Л.И. Законы лезгинского ударения. Язык и мышление. Т.10, М. Л., 1940.

Жирков Л.И. Табасаранский язык. М.; Л., 1948. – 144 с.

Жирков Л.И. Лакский язык: Фонетика и морфология. М., 1955. – 160 с.

Жирков Л.И. Об основном словарном фонде горских языков Дагестана. ВЯ., 1963, № 3. – С. 69-88.

Забитов С.М. Виды синонимии лезгинских и арабских по происхождению лексем // Тезисы докладов V конференции молодых ученых (28-29 июня 1985 г.). Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1985. – С. 112-113.

Забитов С.М. Функциональные изменения арабизмов в лезгинском языке // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. – С. 75-80.

Забитов С.М. Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. М., 2001. – 219 с.

Завьялов В.И. Фонетическая природа ударения в персидском языке // Научная конференция по иранской филологии. Тезисы докладов. Л., 1962.

Загиров В.М. Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981. – 108 с.

Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987. – 143 с.

Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.

Звегинцев В.А. Семасиология. М., МГУ, 1967.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. – 312 с.

Ибрагимов Г.Х. Цахурско-грузинские лексические параллели // Пятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов.(Проблемы языковых контактов на Кавказе). Орджоникидзе, 1973. – С. 17-18.

Иванишвили Х.Г. Грузинские заимствования в тивийском говоре аварского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. ИЯЛИ ДНЦ РАН Махачкала, 1992. – С. 58-64.

Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976.

Иванов В.Б. Долгота и неустойчивость гласных в языках персидском и дари.// Вестник МГУ, сер. Востоковедение. № 3, 1990, с. 32-41.

Иванов В.Б. Вокализм и просодика в персидском языке и дари. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

Иванов В.Б. Динамика вокализма в персидском зыке и дари. // Исследования по иранской филологии, Вып. I, МГУ, Москва, 1997.

Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана // Социологический сборник. Махачкала, 1970. – С. 179.

Исаев М.Г. Азербайджанские заимствования в тлянадинском говоре аварского языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 178-82.

Исаев. М.-Ш.А. Природа и сущностные свойства восточных элементов в языковой картине мира даргинца (на материале фольклорной идиоматики) // Восток: прошлое и будущее народов. М., 1991.

Исаев. М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Махачкала, 1996. – 53 с.

Исаев Н.Г. Дистрибутивный анализ консонантных и вокалических фонем рутульского языка // Слово и словосочетание в языках различных типов. М., 1973. – С. 97-106.

Исаев Н.Г. Фонетика рутульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1974. – 25 с.

Исаев Н.Г. Из цахурских пословиц и поговорок // Общая и дагестанская фразеология. Махачкала, 1990. – С. 109-113.

Исаева З.Г. К вопросу об общем ономастическом фонде в языках северокавказских народов // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 116-120.

Исаков И.А. К характеристике иноязычного элемента в кусурском говоре аварского языка // Пятая региональная научная сессия по истори-

ко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 58-9.

Исаков И.А. Иноязычный элемент в кусурском говоре аварского языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 164-71.

История Азербайджана. Баку, 1958.

История Дагестана. Т. I., М., 1967.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

Кавказский сборник. Тифлис. Т.10. 1886.

Карасаев А.Т., Мациев А.Г. Русско-чеченский словарь. М., 1978.

Керимова А.А., Мамедзаде А.К., Расторгуева В.С. Гилянско-русский словарь. М., 1980.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988. – 226 с.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990. – 364 с.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1965. – 112 с.

Климов Г.А. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков // ВЯ, 1968, № 6. – С. 16-25.

Климов Г.А. Дополнения к Этимологическому словарю картвельских языков I //Этимология 1971. М., 1973.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. – 209 с.

Климов Г.А. Некоторые вопросы ареального кавказоведения // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений. Махачкала, 1991. – С. 8-9.

Климов Г.А. О дагестанских арменизмах // Этимология. 1991-1993. М., 1994. – С. 159-164.

Климов Г.А. Агванский язык // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 4 / Институт языкознания РАН. М., 1997. – С. 11-12.

Климов Г.А. Халилов М.Ш. К арабизмам в бежтинском языке // Восточная филология. Тбилиси, 1983, № 5. – С. 88-95.

Климов Г.А. Халилов М.Ш. "Словарь кавказских языков". М., 2003.

Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М., 1973.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.2. М.-Л., 1956.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.6. М.-Л., 1960.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, I960.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. – 208 с.

Крысин Л.П. К определению терминов "заимствование" и "заимствованное слово". Развитие лексики русского литературного языка. М., 1965.

Кубатов А.Б. Лексическое взаимоотношение азербайджанского и лезгинского языков (На материале кубинских говоров): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.

Кубатов А.Б. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков (на материале кубинских говоров) // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 172-177.

Кубатов А.Б. Лексические инновации в лезгинских говорах Кубинского района Азербайджанской ССР // Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. – С. 74-75.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Курбайтаева Н.Б. Система гласных в лакском и арабском языках в сравнительном плане // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. – С. 136-138.

Курбайтаева Н.Б. Арабские заимствования в лакском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.

Курбанов К.К. Морфология табасаранского языка. Махачкала, 1986. – 144 с.

Курбанова З.Г. Арабские заимствования в рутульском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. – 18 с.

Курдоев К.К. Курдско-русский словарь. М., 1960.

Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962.

Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979. – 254 с.

Курышжанов А. Арабско-персидские элементы в куманском языке // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 4., 1962.

Лавров Л.И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // Сборник Музея антропологии и этнографии. т. XVII. М-Л., 1957.; т XVIII. М.-Л., 1958; т. XIX. М.-Л., 1960.

Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем// Кавказский этнографический сборник. III. М.-Л., 1962.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Кн. 1. Надписи X-XVII вв., М., 1966.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Кн. II. Надписи XVIII-XX вв., М., 1968.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Кн. III. Новые находки. М., 1980.

Левицкий В.В. О причинах семантических изменений // Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984.

Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.

Лексика: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. – 295 с.

Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв. М., 1969.

Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь. М., 1945. – 704 с.

Магомедбекова З.М. О контактах между аварским и андийскими языками // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 56-61.

Магомедов А.Г. Кумыкско-русский словарь. М., 1969. – 408 с.

Магомедов А.Дж. Отражение историко-культурных контактов дагестанского населения в наименованиях ремесленных изделий // Девятый международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Тез. докл. Махачкала, 1998. – С. 165-167.

Магомедов А.Дж. Заимствованные наименования традиционной посуды в языках народов Дагестана (из опыта наблюдений историка) // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 4. Махачкала, 1998. – С. 34-35.

Магомедов М.А. О некоторых семантико-грамматических аспектах арабских заимствований в аварском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 2. Махачкала, 1997. – С. 114-118.

Магомедов М.И. О калькировании некоторых типов русских глагольных словосочетаний в аварском языке // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов. Грозный, 1989. – С. 61.

Магомедов Р.М. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959.

Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961.

Магомедова З.Г. К вопросу об арабских, персидских и русских заимствованиях в рутульском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 1: Материалы межвузовской научной конференции, посв. 65-летию Даг. госуниверситета. Махачкала, 1996. – С. 29-30.

Магомедова П.Т. Тюркские заимствования в чамалинском языке // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 81-90.

Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999. – 438 с.

Магомедханов М.М. Арабизмы в аварском языке // IV всесоюзная конференция востоковедов “Восток: Прошлое и будущее народов” (Новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Т. 1. М., 1991. – С. 75-77.

Магометов А.А. Влияние азербайджанского языка на вокализм хиналугского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. Т. 9, 1982. – С. 177-189.

Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. – 160 с.

Майзель С.С. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945.

Майоров А.П. К вопросу о сущности лексического заимствования. Уч. записки I-го МГПИИЯ, 1967, Т. 37.

Маковский М.М. К проблеме так называемой “интернациональной” лексики // ВЯ, 1960, № 1. – С. 44-51.

Маллаева З.М. Темпоральная лексика аварского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 77-86

Маллаева З.М. Лексические заимствования в аварском языке (темпоральная лексика) // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала: ДГУ, 1997. – С. 30-33.

Мамедов Н.Х. Исторические корни азербайджанско-иранских языковых отношений // Советская тюркология, 1990, № 1.

Маммаева Н.Ц. Наречия-тюркизмы в лакском языке // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 91-99.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III.

Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. – С. 81-93.

Махмудова С.М. Рутульские пословицы "Слова отцов" // Общая и дагестанская фразеология. Махачкала, 1990. – С. 114-119.

Махмудова С.М. Система прошедших времен рутульского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 144-148.

Махмудова С.М. Особенности рутульской абстрактной лексики // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997. – С. 33-35.

Мациев А.Г. Чеченско-руский словарь. М., 1961.

Мациев А.Г., Оздоев И.А., Джамалханов З.О. Чеченско-ингушско-русский словарь. Грозный, 1962

Мациев А.Г., Оздоев И.А. Русско-чеченско-ингушский словарь. Грозный, 1966. – 575 с.

Мацаева З.О. Заимствованная лексика в чеченском литературном языке // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1999. – С. 80-87.

Мейланова У.А. К вопросу о категории грамматического класса в лезгинском языке. Уч. записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, 1962, Т. 10. – С. 282-97

Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964. – 417 с.

Мейланова У.А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. – 193 с.

Мейланова У.А. К истории терминов животного мира в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. Т. 2, 1975. – С. 5-13.

Мейланова У.А. Будухско-русский словарь. М., 1984. – 253 с.

Мейланова У.А. Азербайджанский элемент в ономастической системе будухцев и крызов // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов". 24-26 окт. 1989 г. Грозный, 1989. – С. 48.

Мейланова У.А. Некоторые вопросы антропонимической системы будухцев и крызов // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1991. – С. 144-149.

Мейланова У.А. Об одной гласной фонеме в системе вокализма лезгинского языка // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 94.

Мейланова У.А., Ганиева Ф.А. Характеристика наименований деревьев и кустарников в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. – С. 5-15.

Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Об иранских лексических элементах в лезгинском языке. V Региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков // Проблемы языковых контактов на Кавказе. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 6-7.

Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Дагестанская лексикология и лексикография // Языки Дагестана. Махачкала, 1976, вып. 3. – С. 75-57.

Микаилов К.Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология 1970. М., 1972. – С. 333-338.

Микаилов К.Ш. Аланский вклад в аварскую антропонимию. Материалы V региональной научной сессии по изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1973. – С. 132-140.

Микаилов К.Ш. Несколько грузинских этимологий (заимствованный фонд) Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 158-163.

Микаилов К.Ш. Несколько дополнений к: Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов". 24-26 окт. 1989 г. Грозный, 1989. – С. 53.

Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // ЛРДИВ-3. – С. 34-43.

Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1953.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента IX-X вв. М., 1963.

Муркелинский Г.Б. О словарном составе лакского языка // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954. – С. 209-226.

Мусаев К.М. Тюркско-иранские языковые связи // Советская тюркология. 1989, № 6.

Мусаев М.-С.М. Заимствованная лексика даргинского языка // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966. – С.161-175.

Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. – 129 с.

Мустафаев Э.М.-Э., Щербинин В.Г. Русско-турецкий словарь. М., 1972.

Налбандян Г.М. Армянские личные имена иранского происхождения: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.

Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия, М.: Наука, 1985. – С. 60-73.

Никольский Л.Б. О предмете социолингвистики // ВЯ, 1974, № 1.

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973. – 318 с.

Овхадов М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М., 2000. – 244 с.

Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь. М., 1965.

Оздоев И.А. Русско-чеченско-ингушский словарь. Грозный, 1966.

Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868, Т.1.

Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова: В 4-х томах. С.-Петербург. Т.1 -1893; Т. II -1899; Т. III -1905; Т. IV-1911.

Оразаев Г.М.-Р. "Северокавказский тюрки" в системе тюркских региональных письменных языков XVII-XIX вв // Сов. тюркология. Баку, 1987. № 3.

Оразаев Г.М.-Р. Краткий библиографический список лингвистических работ на русском языке по проблеме: "Тюркско-дагестанские языковые контакты" // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. – С. 180-202

Осмоналиева В. Иранские элементы в тюркских языках Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.

Очерки истории СССР. М., 1958.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.

Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975.

Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.

Персидско-русский словарь Т. 1-2 /под. ред. Ю.А. Рубинчика/ М., 1970.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

Пирейко Л.А. Талышско-русский словарь. М., 1976.

Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Поляков К.И. Персидская фонетика. М., 1988.

Поляков К.И. Теоретическая фонетика персидского языка. Курс лекций. М., 1977.

Рагимов М.Ш. Ирано-дагестанские встречные слова // Проблемы иранской филологии. Всесоюзная научная конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Баку, 1977.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики персидского языка. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1953.

Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык. М., 1966.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1955. – 400 с.

Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах. ВЯ, 1963, № 1.

Романов Б.М. Иранизмы в суданском диалекте арабского языка // Ирано-афразийские языковые контакты. Вып. 2. М., 1991. – С. 81-84.

Ромаскевич А.А. Персидско-русский словарь к современной персидской прессе в образцах. Л., 1931. – 260 с.

Росетти А. Смешанный язык и смешение языков // Новое в лингвистике. Вып. 6, Языковые контакты. М., 1972.

Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1960.

Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. 2. М., 1970. – С. 793-847.

Рубинчик Ю.А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке. Иранское языкознание. М., 1976.

Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.

Рубинчик Ю.А. Структурные типы арабских заимствований в персидском языке // Общее и восточное языкознание. М., 1999. – С. 219-228.

Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001. – 600 с.

Русско-азербайджанский словарь: В 3-х т. Баку, 1991.

Русско-даргинский словарь. Сост. М.-Ш.А. Исаев. Махачкала, 1988. – 509 с.

Русско-лакский словарь. Сост. Г.Б. Муркелинский. Махачкала, 1953. – 826 с.

Русско-лакский словарь. Сост. Джидалаев Н.С. Махачкала, 1987. – 510 с.

Русско-лезгинский словарь. Сост. М.М. Гаджиев. Махачкала, 1950. – 967 с.

Русско-табасаранский словарь. Сост. Загиров В.М. Махачкала, 1988. – 447 с.

Русско-табасаранский школьный словарь. Сост. А. Гаджиев. Махачкала, 1957. – 465 с.

Рустемов Л.З. Арабско-иранские заимствования в казахском языке. Алма-Ата, 1963.

Саадиев Ш.М. Азербайджанские слова в лезгинском литературном языке // Труды Ин-та лит-ры и языка им. Низами, 1957. Т. 10. – С. 147-167.

Саадиев Ш.М. О некоторых особенностях уподобления языков лезгинской группы азербайджанскому языку // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972. – С. 134-40.

Саадиев Ш.М. Определение иранизмов в лезгинском и крызском языках // Материалы V региональной научной сессии по изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1973. – С. 153-157.

Саадиев Ш.М. Образцы крызских пословиц // Общая и дагестанская фразеология. Махачкала, 1990. – С. 120-122.

Саадиев Ш.М. О крызской антропонимии // Дагестанская ономастика: Материалы и исследования. Вып. 2 // ИЯЛИ ДНЦ РАН. Махачкала, 1996. – С. 100-103.

Сабитов Н. Арабские и персидские слова, заимствованные казахским языком. Алма-Ата, 1944.

Саидов М.-С. Аварско-русский словарь. М., 1967. – 808 с.

Саидов М.-С., Микаилов Ш.И. Русско-аварский словарь. Махачкала, 1951. – 1042 с.

Саидова П.А. Азербайджанско-закатальские языковые контакты (Фонетика. Лексика) // Пятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 53-54.

Саидова П.А. Годоберинский язык. Махачкала, 1973. – 240 с.

Сафаралиева Э.Я. Антропонимика лезгинского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 17 с.

Сафаралиева Э.Я. Как тебя зовут? Махачкала, 1987. – 217 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (основы на гласные). М., 1974; То же (основы на букву "Б"). М., 1978; То же (основы на буквы "В", "Г", "Д"). М., 1980; То же (основы на "Ж", "Ж", "И"). М., 1989.

Селимов А.А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001.

Серебренников Б.А. О взаимодействии языков. ВЯ, 1955, № 1.

Словарь арабских и персидских слов (на азербайджанском языке). Баку, 1984. – 1040 с.

Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, 1951.

Соколов С.Н. Авестийский язык. М., 1961.

Старостин С.А. О реконструкции пралезгинской фонологической системы (консонантизм) // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975. – С. 160-162.

Старостин С.А. Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласный // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. 16-18 сентября 1981. Махачкала, 1981. – С.75-76.

Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М., 1985.

Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. – С. 112-163.

Старостин С.А. Реконструкция общевосточнокавказской системы основных падежей // Конференция "Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию В.А.Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991. – С. 35-36.

Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии (этногенетические исследования) ДНЦ РАН ИИАЭ. Махачкала, 1995. – С. 42-65.

Сулейманов Н.Д. Способы словообразования агульских антропонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. – С. 50-52.

Сулейманов Н.Д. Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках. Махачкала, 2000.

Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка. Махачкала, 2002.

Сулейманов Я.Г. К вопросу о заимствованных числительных в иберийско-кавказских языках // Пятая региональная научная сессия по исто-

рико-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 38.

Сулейманов Я.Г. Об одном лингвистическом свидетельстве зороастризма у аварцев // Этимология 1977. М., 1979. – С. 151-153.

Суперанская А.В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М., 1969.

Таймасханова Т.Г. Тюркский элемент в аварской топонимии (На материале салатавского диалекта) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. – С. 106-114.

Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке // Уч. зап. Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. II., Махачкала, 1962. – С. 116-134.

Талибов Б.Б. Грамматический очерк лезгинского языка // Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. М., 1966. – С. 552-603.

Талибов Б.Б. К вопросу об абруптивных согласных в удинском языке // Тезисы докладов второй региональной научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1967. – С. 29-30.

Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы первой научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. – С. 100-105.

Талибов Б.Б. К вопросу об абруптивных согласных в удинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 1, Тбилиси, 1974. – С. 209-215.

Талибов Б.Б. Редукция гласных в лезгинском языке. ВЯ, 1976, № 6.

Талибов Б.Б. О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 4, Тбилиси, 1977. – С. 248-256.

Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. – 350 с.

Талибов Б.Б. Вокализм лезгинского литературного языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. XV, Тбилиси, 1988.

Талибов Б.Б. Роль языков иноязычных систем в развитии лезгинских языков // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Историко-лингвистические связи народов кавказа и проблемы языковых контактов". 24-26 окт. 1989 г. Грозный, 1989. – С. 52.

Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. М., 1966. – 604 с.

Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. – 287 с.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.

Тимофеев К.А. Заметки о словообразовании // Вопросы грамматики. М.-Л. 1960.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1969.

Туманян Э.Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Умаров Э.У. Иноязычные фразеологизмы в языке Навои // Сов. тюркология, 1972, № 4.

Услар П.К. Письма // Этнография Кавказа. Языкознание II. Тифлис, 1888.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание VI. Кюринский язык, Тифлис, 1896.

Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986. Т. II – 671 с.; 1987. Т. IV – 861 с.

Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку, Вып. V, М., 1966.

Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. – 199 с.

Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М., 1962. – 424 с.

Хайдаков С.М. Влияние дагестанско-иранских языковых контактов на лексику лакского языка. V Региональная научная сессия по изучению иберийско-кавказских языков // Проблемы языковых контактов на Кавказе, Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973. – С. 7-9.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973. – 179 с.

Хайдаков С.М. Система глагола в нахско-дагестанских языках. М., 1975. – 271 с.

Хайдаков С.М. Дагестанские личные имена исконного происхождения // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. – С. 55-57.

Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980. – 251 с.

Халиков К.Г. Арабизмы во фразеологии багвалинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы рег. науч. конф., посв. 65-летию кафедры даг. языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997. — С. 211-212.

Халиков К.Г. Арабизмы в багвалинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.

Халилов М.Ш. Глагольное словообразование в бежтинском языке // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. – С. 23-29.

Халилов М.Ш. Лексика бежтинского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 19 с.

Халилов М.Ш. О лексико-грамматических классах в бежтинском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 23-37.

Халилов М.Ш. Фонетическая адаптация заимствований в бежтинском языке // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 184-189.

Халилов М.Ш. К вопросу о заимствованной антропонимии цезов // Дагестанская ономастика: Материалы и исследования/ ИИЯЛ ДНЦ АН СССР. Мх., 1991. – С. 128-133.

Халилов М.Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты (на материале аварско-цезских и некоторых лезгинских языков). Автореф. дис.... докт. филол. наук. Махачкала, 1993. – 49 с.

Халилов М.Ш. Заимствовванный фонд фразеологических единиц бежтинского языка // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник / Даг. госуниверситет. Махачкала, 1997. – С. 105-113.

Халилов М.Ш. Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1996. – 410 с.

Халилов М.Ш. Цезско-русский словарь. М., 1999. – 454 с.

Халунов А.Н. Ориентализмы в аварском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1998. – 25 с.

Б.Г.-К. Ханмагомедов, К.Т. Шалбузов Табасаранско-русский словарь. М., 2001. – 477 с.

Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. 6, М., 1972. – С. 344-382.

Хушенова С.В. Лексемный состав памирских фразеологизмов как отражение языковых контактов // Ирано-афразийские языковые контакты. Вып. 2, М., 1991. – С. 102-108

Чешко Л.А. О синонимах и словаре синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка. М., 1971.

Чикобава А.С. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков // Тезисы докладов Второй региональной научной

сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1967. – С. 45-58.

Чикобава А.С. Проблема родства иберийско-кавказских языков // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. - С. 13-35.

Чикобава А.С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Т.2.

Чикобава А.С. К вопросу о контакте языков по материалам картвельских бесписьменных языков // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I. "А-Н", Т. 2. "П-I", М., 1977.

Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских лексических заимствований в северокавказских языках. ВЯ, 1986, № 1.

Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев албанцев // Вестник Отд-я обществ. наук АНГр.ССР. Тбилиси,1960, № 1. – С. 169-189.

Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки // Русский язык в школе. 1955, № 3. – С. 28-35.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Шарбатов Г.Ш. Особенности функционирования иранизмов в современном египетском обиходно-разговорном языке // Ирано-афразийские языковые контакты, Вып. 2, М., 1991. – С. 114-124.

Шаумян Р. Армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели // АН СССР акад. Н.Я. Мару. М.; Л., 1935.

Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.

Шахрай О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики. ВЯ, 1961, № 2. – С. 53-58.

Шейхов Н. Элементы персидского языка в аварском // Гълъи №2, Махачкала, 1974 – С. 98-106 (на авар. яз.).

Шейхов Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков. Морфология. Махачкала, 1993. – 51 с.

Ширинова Н.К. Лексика будухского языка Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. – 24 с.

Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. – 244 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1975. – 280 с.

Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.

Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Щерба Л.В. О понятии смешение языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Эдельман Д.И., Климов Г.А. К истории иранского обозначения печи (тендира, танура) // Ирано-афразийские языковые контакты. Вып. 2. М., 1991. – С. 125-130.

Эфендиев И.И. Иранизмы в лезгинском языке. Махачкала, 2000. – 184 с.

Эфендиев И.И. О некоторых аспектах фонетического освоения иранских заимствований в дагестанских языках // Кавказский вестник. №5, Тбилиси 2002. – С. 73-75.

Эфендиев И.И. Персидские лексические заимствования в системе грамматических классов восточнокавказских языков // Кавказоведение. №3, М., 2003. – С. 98-100

Эфендиев Т.Н. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.

Эфендиев Т.Н. О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. – С. 100-110.

Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.

Ямпольский З.И. Древняя Албания III-I вв. до н. э. Баку, 1962.

Breal M. Essai de Semantique. Paris, 1924.

Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

Steingass F. Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1985.

Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary. L., 1947.

MacKenzie D.N. A Consise Pahlavi Dictionary. L., 1971.

Magometov A.A. Contacts between the languages of Daghestan and Azeri // Caucasian Perspectives // G.Hewitt (ed.). Unterschleissheim; München: Lincom Europa, 1992. - P. 377-383.

Martinet A. Eléments de linguistique generale. Paris, 1967.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. M.: Asterisk, 1994. - 1406 p.

Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi. Pt 2. Glossar. Wiesbaden, 1974.

Ulmann S. Presis de semantique francaise. – Paris, 1952.

Outtier B. Les emprunts Turcs en Oudi et Boudux // Caucasian Perspectives // G.Hewitt (ed.). Unterschleissheim; München: Lincom Europa, 1992. - P. 384-386.

محمد معین. فرهنگ فارسی. جلد ۱-۶. تهران، ۱۳۴۲

Сокращенные названия языков

абаз. – абазинский
абх. – абхазский
авар. – аварский
агул. – агульский
адыгск. – адыгский
аз. – азербайджанский
анд. – андийский
араб. – арабский
арч. – арчинский
ахв. – ахвахский
ахт. – ахтынский
багв. – багвалинский
бац. – бацбийский
бежт. – бежтинский
ботл. – ботлихский
буд. – будухский
гин. – гинухский
год. – годоберинский
груз. – грузинский
гунз. – гунзибский
дарг. – даргинский
инг. – ингушский
каб. – кабардинский
кар. – каратинский
крыз. – крызский
куб. – кубачинский
кур. – курахский
курд. – курдский
лак. – лакский
лезг. – лезгинский
осет. – осетинский
перс. – персидский
рус. – русский
рут. – рутульский
ср.-перс. – среднеперсидский
таб. – табасаранский
талыш. – талышский
тат. – татский
тинд. – тиндинский
удин. – удинский
хвар. – хваршинский
хин. – хиналугский
цах. – цахурский
цез. – цезский
чам. – чамалинский
чеч. – чеченский

Алфавитный указатель заимствований

ābād [109] آباد
ābādān [109,162,164,220,259] آبادان
ābbāre [86,213,217,231] آبباره
abbāsi [90,231,236,252,255] عباسی
ābgardān [71,200,215] آبگردن
ābi [110] آبی
abrišam [80,222] ابریشم
ābru [66,153,205,260,263] آبرو
āfarin [66,197,200,221,222,248] آفرین
āftābe [71] آفتابه
agar [112,170,248] اگر
āhuzār [67,205,224] زار
āine [71,121,142,210,236] آئینه
ajdahā [93,197,217,224,225,236,253] اژدها
alak [71,234] الک
āluboxārā [102] آلوبخارا
āluče [103,196,206,254] آلوچه
āmādegi [54,202,217] امادگی
amaldār [55,159,236] عمل‌دار
anār [104,121] انار
andiše [67,158,216,268,271] اندیشه
anjir [103,144,169,170,200,212,223,255] انجیر
ārd [85] آرد
ārzumand [67,233] آرزومند
āsān [110,235] آسحن
āsāyeš [61,236,262] آسایش
āsib [110,163,196,220,259,260] آسیب
āškār [110,146,197,218,259,260,274] آشکار
āšnā [54,142,157,241] آشنا
āšpaz [51,89,196,239,262] آشپز
ašrafi [91,221] اشرفی
āvār [61,167,196,218,242,245] آوار
āvāre [53] آواره
āvāz [68,149,235] آواز
axmu [66] اخمو
āxor [71,88] آخور
āxte [106,196,212,229,247,259] آخته
āxund [51,205,233] آخوند
ayāz [97] ایاز
āzād [68,110,116,145,184,196,259, 273] آزاد
āzār [94,158,163,184,197,236,263] آزار
azbar [61,200] ازبر
azgil [103] ازگیل
ændon [36,99] *осет.*
bābat [110,214] بابت
bābi [56,203] بابی
babr [106] ببر
bad [55,260] بد
bādām [103,121,222] بادام
badbaxt [55,213,262] بد بخت

bāde [71] باده
bādemjān [103,202,203,253] بادمجان
badnām [66,137,222,273] بدنام
badrāh [55,196,224] بدراه
badzāt [55] بد زات
bāfe [101,212] بافه
bāfte [80,150,212,229,247] بافته
bahā [91,162,198,218,224,254,259,261,271] بها
bahāne [62,147,198,214,224,245,274] بهانه
bahle [80,200] بهله
bahre [101,150,224,263] بهره
balge [69] بلگه
balke [112,199,242] بلکه
ballur [71,269] بلور
balut [103,144,254] بلوط
banafš [110,242,259] بنفش
banafše [103,121,144] بنفشه
banak [110,138] بنک
band [56,80,86,92,171,256,274] بند
bandargāh [99] بندرگاه
bande [51,56,183,200,201] بنده
bāq [102] باغ
bāqbān [51] باغبان
bāqče [102] باغچه
bār [39,92] *ср.-перс.*
barābar [110,199,236,273] برابر
barbād [62,228] برباد
bāre [100,201] باره
barf [97,199,220,233] برف
barq [97,220] برق
bāru [40,87] *ср.-перс.*
barxordār [53] برخوردار
bas [62] بس
batar [110] بتر
baxšande [69,216] بخشنده
baxšidan [69] بخشیدن
baxšiš [69,204] بخشیش
baxt [66,164,199,220,263,272] بخت
baxtvar [56] بختور
baxye [83] بخیه
bayāt [92,110,164,240,273] بیات
bāz [106,116,218,239] باز
bāzār [91,268,269] بازار
bāzargān [51,116,143,211,238,253] بازرگان
bāzu [78,94,235] بازو
bedav [106,202] بدو
beh [103,167,202] به
beham [62,201,213,264] بهم
behbud [84,117,202] بهبود
bekār [68,184,202] بکار
bēl [39,77,144,166,168,254,276] *ср.-перс.*
berenj I [98] برنج

berenj II [103,202,203] برنج
beryān [85] بریان
biābru [55,204] بی آبرو
bičāre [55,204] بیچاره
bigār [69,203,254] بیگار
bihuš [95,204] بیهوش
bikār [53,147,197,204] بیکار
binavā [56,204] بی نوا
bišbatar [56,61] بیش‌بتر
biše [102,216] بیشه
bisti [91,204,227] بیستی
biyābān [100,205] بیابان
bizār [56,137,162,197,203,258,260,272] بیزار
bostān [102,153,209,211,227,233] باستان
boxāri [87,209] بخاری
būn [103] *ср.-перс.*
čādor [87,196,209,239,253] چادر
čādoršab [72] چادرشب
čāġ [56,260] چاغ
čahāršambe [100,234] چهارشنبه
čal [87,157,199,218,253] چل
čambar [80,222] چنبر
čāne [72,94,166,201,212,235,257] چانه
čangāl [77] چنگال
čap [56,62,170,171,237] چپ
čapal [110,259,260] چپل
čapar [87,154,198,214] چپر
čaprāst [80,233] چپراست
čāpxāne [87] چاپخانه
čārak [91,198,200,226] چارک
čāre [62,133,150,257,263] چاره
čārgāv [102,198] چارگاو
čārpāre [72,217,256] چارپاره
čārtāq [87,196,225] چارطا ق
čarx [77,154,169,184,199,244,254,256] چرخ
čarxe [78,149,198,200,225,237,256] چرخه
čāšt [100] چاشت
čāydān [72,133,157,211] چایدان
čāyxāne [87] چایخانه
čehrei [110,217] چهره‌ای
čelik [72,201,212,230,236,239] چلیک
čelle [83] چله
čenār [103,202] چنار
čerāq [72,124,149,202,214,253,268] چراغ
čerāqpā [72] چراغپا
čerk [58,98,110,258,261,274] چرک
čerkin [58,150,203,213,258] چرکین
češmak [80] چشمک
češme [100,151,201,222,256] چشمه
cineband [72,202,204] سینه بند
čini [98,124,204] چینی
čoqondar [103,144,209,228] چغندر

čupān 51,120,143,205,206,254 چوپان
čaġāne 93,254 چغانه
dabir 118 دبیر
dād 67,273 داد
dādbidād 68 دادبی‌داد
daf 92,198,235 دف
dah yek 69 ده‌یک
dahāne 100,256 دهانه
dahār 100 دهار
dahliz 87,200 دهلیز
dahre 78,201,235,257 دهره
dālān 87 دالان
dale 106,144,198 دله
dam 93,97,138,171,274 دم
dām 78,171 دام
dāman 80 دامن
dambedam 62,222,248 دم بدم
damkaš 72 دم کش
dan 93,171,222,255 دن
dand 56 دند
dande 78 دنده
dang I 62 دنگ
dang II 73,200 دنگ
dāq 62,168,238 داغ
dar 100 در
dār 104 *ср.-перс.*

dārāyi 80,170,171,196,217,234 دارایی
dārčin 85,203,211 دارچین
dard 56,164,198,263,272,273,274 درد
dardi 56,200,257 دردی
dardsar 56,215,223,273 درد سر
darmān 95,151,163,210,233,258,260 درمان
darmānxāne 88 درمانخانه
darre 100,162,170,171,231,257 دره
dāru 95,163,205,259,271 دارو
darun 100,200,206 درون
darvāze 88 دروازه
darvīš 51,220,238 درویش
daryā 100,235 دریا
dastak 88,239 دسرک
daste 60,229 دسته
dastgāh 56,78,80,215,225,231,233 دستگاه
dastmāl 142,161,231,254,264 دستمال
dastpāče 61,159,221,231,239 دستپاچه
delāvar 56,160 دلاور
delbar 56,122 دلبر
dēn 41,93 *ср.-перс.*
denj 202,274 دنج
dēv 40,93 *ср.-перс.*
dibā 80 دیبا
didār 97 دیدار
divān I 73 دیوان

divān II [71,253,269] دیوان
divānxāne [89] دیوان‌خانه
divar [88] دیوار
dorost [62,207,258,260,261] درست
doruq [234] دروغ
došmān [54,143,163,207,211,233,261] دشمن
dostāq [53,69,88,162,207,228,239,268] دستاق
dostāqxāne [88] دستاقخانه
duk [78,229] دوک
dulāq [81,151,205] دولاغ
dūm, dūmbak [40,95] *ср.-перс.*
duqbā [85,220,238] دوغبا
durbin [73,151,233] دوربین
duš [96] دوش
dust [54,152,164,206,229,233,262,269] دوست
dawæg [36,94] *осет.*
eyvān [88,152,162,209] ایوان
fand [57,66] فند
fanjān [73,200] فنجان
farāx [62,225] فراخ
farmān [69,120,199,221] فرمان
firuze [99,124,205,221] فیروزه
gač [98,236] گچ
gadā [53,117,160,256,269] گدا
gāh [100,113,170] گاه
gal [98,201] گل
galuband [81] گلوبند
gām [96,171,239] گام
gamān [61,201,273] گمان
gāmiš [106,144,197,218,244,253,255] گامیش
gar [95,169] گر
gard [98] گرد
gardan [95,211,269,273] گردن
garde [78,235] گرده
garive [100] گریوه
garm [111,233] گرم
garze [107,144,199] گرزه
gāv [107] گاو
gāvāhan [78] گاوآهن
gāvbān [52,232] گاوبان
gazāf [68,178] گزاف
geran [54,68] گران
gerd [111] گرد
gerger [104,170] گرگر
gerow [69,163,210,223] گرو
gešniz [104,225,228,229] گشنیز
gijgāh [95] گیجگاه
giji [57] گیجی
girvānke [91,153,235,238] گیروانکه
gōhar [81] *ср.-перс.*
gol [104,117,121,122,208,269] گل
golāb [98] گلاب

golābetun [81,203] گلابتون
golčaman [102,208] گلچمن
golšan [111,122] گلشن
golu [95] گلو
golule [83,214,230,239,268,269] گلوله
gombad [88,208] گنبد
gomrāh [57] گمراه
gonah [66,163,208,245,253,259,274] گنه
gonahkār [55,164,246] گنه کار
gong [88,155,169,222,239,253] گنگ
goruh [69,206,230,234] گروه
gorz [84,208,209,245] گرز
gostāx [57] گستاخ
gowhar [62,98,159,210] گوهر
gur [88,170] گور
gurbegur [62,202] گوربگور
guri [57,170,217,264] گوری
gurxāne [88] گورخانه
guše [100,230] گوشه
guyā [112] گویا
habbe [60,234] حبه
hafte [100] هفته
hambar [88,155] *ср.-перс.*
hambāz [54,229] همباز
hamiše [63,230,247,264] همیشه
hampā [55,234] همپا
hamvār [111] هموار
hanjar [39,84,167,274] *ср.-перс.*
har [60,170] هر
harāmzāde [55] حرامزاده
harf be harf [112] حرف به حرف
hāvang [73,255] هاونگ
hazār [92,197,225,234,238,248,268] هزار
hazārpiše [73] هزارپیشه
hič [112] هیچ
hilebāz [57,212,230] حیله‌باز
hilegar [58,202,230] حیله‌گر
honar [67,163,208,224,253,271] هنر
horus [107,207] خروس
jādu [58,93,160] جادو
jājim [73] جاجیم
jāl [78,218] جال
jām [73,170] جام
jān [22,63,184,211,272] جان
jāndār [63,118,218] جاندار
jang [71,264] جنگ
jangal [100] جنگل
janjāli [58,217] جنجالی
jānvar [107,199,258,261] جانور
jaqe [95] جغه
jarang [92,158,238] جرنگ
jarge [60,234,256] جرگه

javān [53,147,189,201,214,246] جوان
jāygāh [100,152,232] جایگاه
jegar [63,95,158,201,272] جگر
jive [98] جیوه
joft [91,208,232] جفت
juje [107] جوجه
jumard [58,206] جومرد
junegāv [107,206,214,234] جونه‌گاو
jur [60,169,218,257] جور
jurbejur [63] جور بجور
juš [63] جوش
kabāb [85] کباب
kabar [104,220] کبر
kabare [95,217] کبره
kāčak [95] کاچک
kačal [95,246] کچل
kadxodā [53,236] کد خدا
kaf [98] کف
kafče [73] کفچه
kafgir [73,226] کف گیر
kafšir [95,196,207,233] کفشیر
kaftār [55,93,107,154,183] کفتار
kahar [107] کهر
kahrobā [98,123,155,235] کهربا
kāhu [104] کاهو
kaj [63] کج
kākol [96] کاکل
kal I [107,169,255,269] کل
kal II [107,169,227] کل
kāl I [101,226] کال
kāl II [110] کال
kalāf [73,256] کلاف
kalak [67,239] کلک
kalakbāz [55] کلک باز
kalam [104,182,222] کلم
kalāqe [81,145,236] کلاغه
kalim [73] کلیم
kalle [96,198,200,269] کله
kallepāče [85] کله پاچه
kam [63] کم
kamānče [92] کمانچه
kamand [78,233,256] کمند
kamar [22,83] کمر
kami [63,200,212,261] کمی
kanār [68,214] کنار
kandu [77] کندو
kane [107] کنه
kāqaz [72,146,245,252,268] کاغذ
kar [60,172] کر
kār I [69,171,172,178] کار
kār II [88,171] کار
kārd [79,223,228] کارد

karf 104 کرف
kargadan 107 کرگدن
kārgar 52 کارگر
kārvān 61,256 کاروان
kārvānsarā 98 کاروان‌سرا
kārxāne 79,89 کارخانه
kas 54 کس
kaš 96 کش
kāš 98,158,170,226 کاش
kaši 69,159 کشی
kašiš 52,143 کشیش
kāški 112,237 کاشکی
kāsti 63 کاستی
kāv 60,138 کاو
kešmeš 104,201,234 کشمش
ki 112 کی
kič 68 کیچ
kin 61,273 کین
kine 70,160,169,216,226,227 کینه
kohne 111,162,208,232,246,259,260 کهنه
kolang 79,199 کلنگ
komb 85,222 کمب
kondoru 99,209,218,237 کندرو
kongor 73,169,208 کنگر
konj 89,209 کنج
koran 107,208 کرن
korte 81,208,216,227 کرته
koruh 102,207,208,225 کروه
kōšk 90 *ср.-перс.*
kuč 63 کوچ
kuče 101,168,206 کوچه
kuku 85 کوکو
kulāk 97 کولاک
kume 89 کومه
kur 58,169,205,246,274 کور
kurak 96 کورک
kuse 58,168,236 کوسه
kutah 63,178,206,227,259 کوته
kutal 101,227 کوتل
kuze 73,226,227 کوزه
kænk 36,97 *осет.*
lačak 81,145,238 لچک
lagan 73 لگن
lāj 63 لاج
lak 61,227 لک
lakke 61,141,231 لکه
lāl 58,259 لال
lāle 104,123 لاله
lang 63,228 لنگ
langar 78 لنگر
laq 111,218,237,264 لق
laš 107,237 لش

laškar [41,69] *ср.-перс.*
laxč [98,224] لخچ
laxlax [58] لخلخ
laxte [96,229] لخته
leng [97] لنگ
lubyā [104,235] لوبیا
lul [58,138] لول
lule [84,206] لوله
lut [58] لوت
mač [66,228] ماچ
magar [112,242,248] مگر
mahjar [89] محجر
māhut [81] ماهوت
majusi [55] مجوسی
makāre [70,165] مکاره
makkāri [67,217,231,272] مکاری
māle [79,212,230] ماله
mard [58] مرد
mardomāzār [58,63,209,223] مردم آزار
marg-e muš [99] مرگ‌موش
mars [74,240] مرس
marvārid [104] مروارید
māst [85,170,233] ماست
mate [79,237] مته
maxmal [81,213,223] مخمل
māye [70,85] مایه
maze [64,237] مزه
māze [85] مازه
mehmān [53,232,274] مهمان
mehrebān [60,123] مهربان
mehtar [52] مهتر
minā [99,165] مینا
mirzā [52,119] میرزا
mive [102,204] میوه
mix [79,225,255] میخ
mixak [104,222,227] میخک
modārā [70] مدارا
modbar [77,220] مدبر
moft [64,209,248] مفت
moftxor [59] مفت خور
mohr [78,207,208,215,271] مهر
mordār [111,223,261] مردار
mošk [104] مشک
mozd [64] مزد
mozdur [52,246] مزدور
mumrowqan [235] موم‌روغن
muš-e kur [107] موش‌کور
nāčāq [59,163,225] ناچاغ
nādenj [59] نادنج
nāgāh [113,196,248] ناگاه
nāhār [85] ناهار
nalbaki [74,213,217,227] نلبکی

nam 112,222,274 نم
nāmard 59,213,218,222,261,273 نامرد
namāyande 54 نماینده
namāz 93,268 نماز
name 92,235 نامه
nāpāk 111 ناپاک
nar 104 نر
nār 104,123,166,255 نار
nardebān 89 نردبان
nārenji 111,123,217,259 نارنجی
nāv 77 ناو
nave 54 نوه
naxčir 107,212,238 نخچیر
nāxoš 59,274 ناخوش
nāz 67,256,274 ناز
nāzanin 55,233 نازنین
nāznāzi 81 نازنازی
nāzok 111,229,246,258 نازک
nini I 74 نی نی
nini II 96 نی نی
nišan 64,222,234,253,255,271,272 نشان
ništar 74,227,240 نیشتر
nohur 74,227,236 نهور
nowbahār 102,210 نوبهار
nowruz 101,119,210 نوروز
noxod 104,207,228 نخود
nuš 68 نوش
omid 68,204,245,263,274 امید
ostād 52,227,253,261,269 استاد
pāče 96,167,217,228,239,269 پاچه
pādšāh 53,166,232,244,253,254 پادشاه
pagāh 101,234,239,264 پگاه
pah 113,248 په
pahan 102 پهن
pahlavān 52,119,157,199,211,238,253 پهلوان
pāk 60 پاک
pālān 74 پالان
palang 108 پلنگ
palās 74,214,223 پلاس
pambak 40,83 *ср.-перс.*
panāh 64,213 پناه
pand 64 پند
panjare 89,211,217 پنجره
panje 96 پنجه
parak 104 پرک
parč 64,199,237 پرچ
pārč 74 پارچ
pārče 65,81 پارچه
parčin 77,222,240,272 پرچین
parde 74,212,235,272 پرده
pare 64,254 پاره
parelā 108,214,228 پرلا

pargār [79] پرگار
parhiz [67,238] پرهیز
pari [94,122,123] پری
parišān [59,163] پریشان
part [66] پرت
parvāne [108,213] پروانه
parverdigār [94] پروردگار
pašimān [59,163,164,214,258,260,274] پشیمان
pātil [74,240] پاتیل
pāydār [79,111,226,230] پایدار
pāye [84] پایه
pāyiz [101] پاییز
pelāv [85,203,234] پلاو
pellekān [89,231] پلکان
penti [59,213] پنتی
peyqambar [94,209,225,232] پیغمبر
peyvand [64,210] پیوند
pine [81] پینه
pir [94,161,164,183,228,256] پیر
pirāhan [91,223,235,240] پیراهن
piše [70,212,213] پیشه
pišekār [52] پیشکار
piškeš [70,164,212,229] پیش‌کش
piyāde [61] پیاده
piyāle [74] پیاله
porpar [111,234] پرپر
porxun [96,222,223,246,274] پرخون
pošt [89] پشت
puč [65,271] پوچ
pul [91,166,170] پول
pulād [117] پولاد
puz [22,96,206,228] پوز
qadak [82] قدک
qāliče [74,254] قالیچه
qapān [74] قپان
qarqāvol [108] قرقاول
qašang [59] قشنگ
qaz [108] قز
qazāqand [77,200] قزآغند
qāze [111] غازه
qāzqān [74] قازغان
qif [74,255] قیف
qu [108,235] قو
quz [96,237] قوز
raf [77] رف
raftār [70] رفتار
rahbar [53,261] رهبر
raj [60] رج
ramak [108] *ср.-перс.*
rande [79,223,229,254] رنده
rang [80,255,272] رگ
ranjbar [53,233,238] رنجبر

raq [101] راغ
rāst [61] راست
raxne [64] رخنه
rešte [85] رشته
rišxand [67,238] رشخند
rōzīq [41,86] *ср.-перс.*
rude [96] روده
rusvāk [64] *ср.-перс.*
ruzi [86] روزی
ryg [36,99] *осет.*
ræxys [36,77] *осет.*
sabad [75,221,228] سبد
šābāš [70] شاباش
sabok [111,199] سبک
sabz [108,194] سبز
sabze [111,233] سبزه
šād [59,178,259,261] شاد
sāfi [75] صافی
šaftāli [105,229,237] شفتالی
šāgerd [54,203,226,228] شاگرد
šāh [54,119,120,253,255,269] شاه
šāhbalut [105,205,227,232] شاه بلوط
šāhi [91,217,268] شاهی
šāhmār [108] شاه‌مار
šahr [89,215,242,243,255,268] شهر
šāhrāh [234,268] شاه‌راه
šāhvār [97] شاهوار
šāhzāde [53] شاه زاده
šakar [86,124,148,167,226,268,269] شکر
šakardān [75] شکردان
saku [89] سکو
šāl [82] شال
sales [70,264,272] سلس
šalvār [82,145,220,238] شلوار
samand [108,233] سمند
šambe [101] شنبه
sangar [90,198,200,253] سنگر
šaqāl [108,144,226] شقال
sār [108] سار
šarak [108,199] شرک
saranjām [68] سرنجام
sarband [75] سربند
sarbāz [57] سرباز
sardar [53,119,223,253,254] سردار
sarhad [101] سرحد
sarkār [52,120,160] سرکار
sarpuš [75] سرپوش
sarsarā [90,225] سرسرا
sarsaxt [57] سرسخت
sarxoš [57] سرخوش
saxtiyān [82] سختیحن
sāye [111] سایه

sāz [92,170] ساز
sebil [96,203,205,239] سبیل
šekaste [57,247] شکسته
šele [82] شله
sendān [79,240] سندان
šenow [64,210,225,236] شنو
serešt [68] سرشت
serke [86] سرکه
ševid [105,213] شوید
sibl [84,239] سیبل
šil [79,226] شیل
sili [68,230] سیلی
sim [75,255,256] سیم
šimšad [105] شیمشد
sīneband [75] بند
sir [99,106,225,255,269] سیر
šir [108] شیر
širdān [96] شیردان
šire [86] شیره
širin [112,120,124,164,183] شیرین
šiše [75,170,202,204,205,254] شیشه
šišeband [90] شیشه بند
šit [112] شیت
sixak [64,235] سیخک
siyāh [59] سیاه
siyāhe [68,216] سیاهه
siγr [106] *ср.-перс.*
sombāde [79] سنباده
šonqor [109] شنقر
sost [64] سست
sotun [90] ستون
sowdā [92] سودا
sowdāgar [52,210,254,261] سوداگر
sukkara [40,75] *ср.-перс.*
šur [86] شور
surnā [93,145,223,230,240,256,263,268] سورنا
suzā [61] سوزا
tā [113] تا
tabar [79,220] تبر
tabrizi [105,217,235] تبریزی
tābut [76] تابوت
tāfte [82] تافته
tāj [82,272] تاج
tak [65,167,261] تک
tala [78] تله
tamāšā [65,218,245,259,261,271,272] تماشا
tambal [59,229,261] تنبل
tane [97,216] تنه
tang [75] تنگ
tange [101,235] تنگه
tanūr [40,90] *ср.-перс.*
tāq [90] طا ق

tār	93,170	تار
tārāj	70	تاراج
tarāz	75,240	تراز
tāromār	65,214	تارومار
taryāk	97	ترياک
tās	76,145,227,268	طاس
tāve	76	تاوه
taxt	22,76,146,218,233	تخت
taxte	79,167	تخته
tāy	102,168	تای
tāze	112,164,246,259,260,261	تازه
tāzi	109	تازی
timār	70,138	تيمار
tiqe	84	تيغه
tir	90	تير
tofang	84,145,221,228,273	تفنگ
tond	112,246	تند
tondi	65,261	تندی
torš	112,164,259	ترش
toxm	70,215	تخم
tumān	92,233	تومان
tur	79,82,169,171,206	تور
tur	40,84,171	*ср.-перс.*
vāčār	40,70	*ср.-перс.*
vāng	65,255	*ср.-перс.*
vardane	76,228,254	وردنه
varg	105	*ср.-перс.*
varzeš	61,273,274	ورزش
vašaq	109,221	وشق
wuzurg	41,54	*ср.-перс.*
xāgine	86	خاگينه
xāheš	67	خواهش
xākandāz	76,225,229	خاک‌انداز
xāl	97,169	خال
xām	112,169,170	خام
xanāk	97	خناک
xānče	76,197	خوانچه
xandaq	101,225	خندق
xāne	76,269	خانه
xar	109,226	خر
xārā	82,169,170	خارا
xarboze	105,189	خربزه
xarčang	109	خرچنگ
xarj	71,154,272,274	خرج
xarman	102	خرمن
xarzin	76	خرزين
xaste	22,57,163,247	خسته
xastexāne	90	خسته خانه
xaz	109	خز
xeyli	67,210,235	خيلی
xodā	94,120	خدا
xorāk	86,208,256	خوراک

xorde [65,133,162,272] خرده
xormā [105,124,207] خرما
xorneš [60] خرنش
xoš [59,226] خوش
xošbaxt [59] خوشبخت
x∘yz//xuz(æ)[36,65] *осет.*
yā [113] یا
yādgār [71,164] یادگار
yāl [109,166] یال
yār [60] یار
zahr [97,215,259] زهر
zahr-e mār [66,223] زهرمار
zālu [109,206] زالو
zamānag [101] *ср.-перс.*
zamburak [76] زنبورک
zand [65] *ср.-перс.*
zang [77,255,272,273] زنگ
zang [40,97] *ср.-перс.*
žang [98] ژنگ
zangāl [82] زنگال
zanjfil [99] زنجفیل
zanjir [77,199,204,225,256] زنجیر
zāq [99] زاغ
zar [82,99,168,169,170,273] زر
zār [57,163,237,264] زار
zarang [57,214] زرنگ
zarbāft [83,122] زربافت
zargar [223] زرگر
zartār [83] زرتار
zarzibā [83,145] زرزیبا
zelle [65,201] زله
zendān [90,162] زندان
zerešk [105] زرشک
zindīg [60] *ср.-перс.*
zir [93,223] زیر
zirāb [90] زیراب
zirak [57,260] زیرک
zire [105] زیره
zirzamin [101,234] زیرزمین
ziyān [22,66,133,235,271,272] زیان
zoġālaxte [105] زغال‌اخته
zur [65,169,273] زور
zyānkār [57] کار
бэгIэли [106] *тат.*
вäрä [109] *талыш.*
гоф [45,60,276] *тат.*
гäдä-гудä [54] *курд.*
гöш [106] *курд.*
домбул [46,106] *тат.*
женгдег [46,109] *тат.*
зохут [90] *тат.*
зурба [46,66] *тат.*
кура [66] *тат.*
кäлчä [109] *талыш.*
лэгъ [106] *тат.*
пурнä [106] *тат.*
тов [46,90,] *тат.*
хэртут [46,106] *тат.*